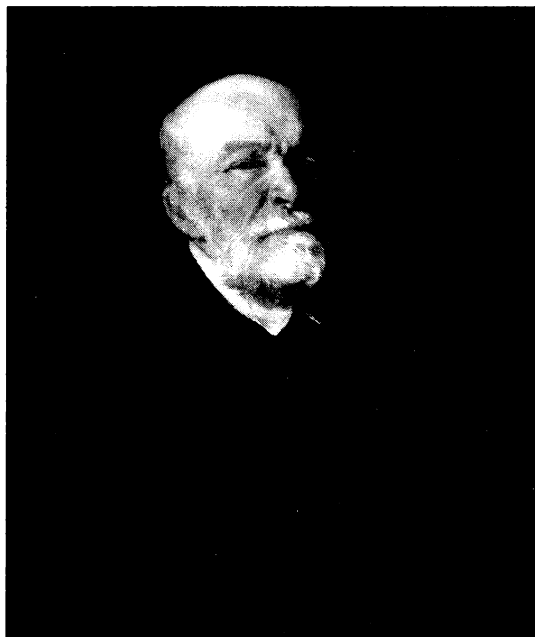

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ
МЕДИЦИНЫ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ
МЕДИЦИНЫ

КК КНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 94(47)+614
ББК 63.3(2)47-8+5г(2)
ПЗЗ

Пирогов Н. И.

ПЗЗ Севастопольские письма. — М.: Книжный Клуб Книгоvek, СПб.: Северо-Запад, 2011. — 384 с. — (Золотая библиотека российской медицины).

ISBN 978-5-4224-0127-7

«Севастопольские письма», принадлежащие перу выдающегося русского врача, писателя и мыслителя Николая Ивановича Пирогова (1810—1881), являются ценным эпистолярным памятником середины XIX века. Во время Крымской войны Пирогов предлагает свою помощь правительству и отправляется в осажденный Севастополь, чтобы «употребить свои силы и познания для пользы армии на боевом поле».

В письмах он не только рисует картину своей врачебной деятельности, но и дает материал общего значения, выступая непосредственным наблюдателем военных событий, что делает письма важным документальным источником для изучения севастопольской обороны. Благодаря этим письмам Н. И. Пирогов предстает перед читателями не только как талантливый ученый, но и как высокогуманный человек, патриот, бескорыстно служащий Отечеству и идеалам милосердия.

В этом издании представлены «Севастопольские письма» в новой редакции, а также ряд статей Пирогова, посвященных воспитанию молодежи и не издававшихся с начала XX века.

УДК 94(47)+614
ББК 63.3(2)47-8+5г(2)

ISBN 978-5-4224-0127-7

© Книжный Клуб Книгоvek, 2011
© Северо-Запад, 2011

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Великий русский хирург Николай Иванович Пирогов родился 13 (25) ноября 1810 г. в Москве в семье военного чиновника. Отец его Иван Иванович служил казначеем в Московском провиантском депо в чине майора. Дед его Иван Михеич происходил из крестьян и был солдатом. Среднее образование Николай Иванович получил сначала дома, а потом в частном пансионе. Четырнадцать лет поступил в Московский университет на медицинский факультет.

Окончив в 1828 г. университет и получив звание лекаря, он был направлен за границу для подготовки к профессорской деятельности. В возрасте 26 лет Пирогов получил звание профессора и возглавил хирургическую клинику в Дерптском университете. Через пять лет (в 1841 г.) Пирогов был приглашен в Петербургскую медико-хирургическую академию, где и пробыл почти 15 лет (1841—1856), до своей отставки. Здесь он создал первый в России анатомический институт.

Большой любовью пользовался Пирогов среди простого народа и широчайших масс студенчества. Его любили за простоту, благородство и бескорыстие. Бедняков и учащихся он лечил бесплатно, а часто помогал им и материально. Всю свою жизнь без остатка отдал этот замечательный врач и ученый, педагог и общественник беззаветному служению отечественной науке и своему народу.

Велики заслуги Пирогова перед Родиной и, в первую очередь, перед русской армией. Пирогов являлся участником четырех войн: Кавказской (8 июля 1847 г. Пирогов выехал на Кавказский театр военных действий), Крымской (с 29 октября 1854 г. по 3 декабря 1855 г. он пробыл в Крыму); в 1870 г., по предложению Красного Креста, Пирогов ездил для обзора госпиталей

на театр франко-прусской войны и в 1877 г., с той же целью, совершил поездку на театр русско-турецкой войны.

Свой огромный опыт Пирогов изложил в четырех классических трудах, посвященных военно-полевой хирургии, которые и легли в основу системы всей современной врачебной помощи раненым на поле сражения. Николай Иванович Пирогов по справедливости считается «отцом русской хирургии», основоположником военно-полевой хирургии. Пирогов первый в мире применил эфирный наркоз в условиях войны.

4 октября 1853 г. между Россией и коалицией государств, в которую входили Великобритания, Франция, Турция и Сардинское королевство, началась война за господство на Ближнем Востоке. Севастополь стал главным театром военных действий. Ожидая со дня на день осады города, солдаты и матросы стояли на бастионах и в окопах в холодной грязи, без теплой одежды, полуголодные и плохо вооруженные. Им предстояло зимовать в траншеях, блиндажах и палатках.

Подвоз продовольствия, пороха и снарядов был нерегулярным и недостаточным. А бомбардировка внесла большие изменения в жизнь города и его внешний облик. Теперь это был военный лагерь с батареями и баррикадами на улицах. Неприятель разрушил водопровод, остались только колодцы с соленогорькой водой, которой защитники города пользовались в течение всей осады.

13 (25) сентября началась героическая 349-дневная оборона Севастополя, которая вошла в историю как бессмертный подвиг нашего народа. На небольшом клочке земли в течение почти года были сосредоточены и вели активные действия войска крупнейших государств Европы. Наша армия несла огромные потери. Оказание помощи раненым и больным осложнялось тем, что развернутая в Севастополе сеть перевязочных пунктов, лазаретов и госпиталей, значительно пострадавших от непрерывной бомбардировки города, испытывали огромные трудности в снабжении медицинским оборудованием, перевязочными средствами и медикаментами, так как соответствующих запасов и плановой системы снабжения не существовало. Не была она создана и в течение всей войны.

В это время к Севастополю было приковано внимание не только всей России, но и мировой общественности. «В ту незабвенную эпоху каждое сердце в Петербурге билось сильнее

и тревожнее, ожидая результата битвы при Инкермане», — вспоминал Н. И. Пирогов спустя двадцать лет. События в Крыму глубоко волновали Николая Ивановича, и он настойчиво просит разрешения отправиться на театр военных действий, чтобы «употребить свои силы и познания для пользы армии на боевом поле».

Что же побудило ученого, прославленного хирурга, доктора медицины, автора ряда научных трудов, известных всему миру, изъявить желание ехать в осажденный, истекающий кровью Севастополь? Известно, что Н. И. Пирогов с молодых лет отличался верным и самоотверженным служением высоким принципам и идеалам, а его размышления о цели жизни, о долге врача и человека были проникнуты высокой нравственностью, гражданственностью, гуманностью и глубоким чувством патриотизма. Его жизненное кредо определялось в содержании одного из писем жене из осажденного Севастополя: «Мы живем на земле не для себя только, вспомни, что пред нами разыгрывается великая драма, последствия которой отзовутся, может быть, чрез целые столетия; грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем, кому Бог дал хоть какую-нибудь возможность участвовать в ней... Тому, у кого не остыло еще сердце для высокого и святого, нельзя смотреть на все, что делается вокруг нас, смотреть односторонним эгоистическим взглядом...».

В октябре 1854 г. Н. И. Пирогов в сопровождении врачей А. Л. Обермиллера, В. С. Сохраничева и фельдшера И. Калашникова выехал в действующую армию. Из 349 огненных дней героической обороны города ученый провел в Крыму 282 дня. Впоследствии, в своем труде «Начала общей военно-полевой хирургии» он писал: «Я никогда не забуду моего первого въезда в Севастополь. Это было в позднюю осень в ноябре 1854 года. Вся дорога от Бахчисарая на протяжении 30 верст была загромождена транспортом раненых, орудий и фуража. Дождь лил, как из ведра, больные и между ними ампутированные лежали подвое и потрое на подводе, стонали и дрожали от сырости; и люди и животные едва двигались в грязи по колено; слышались вопли раненых и карканье хищных птиц, и крики измученных погонщиков, и отдаленный гул севастопольских пушек. Поневоле приходилось задуматься о предстоящей судьбе наших больных. Предчувствие было неутешительно. Оно и сбылось».

Первое знакомство с обстановкой в госпитале и на перевязочных пунктах поразило ученого. Условия были ужасные. Раненные лежали вперемешку с тифозными больными, только что прооперированные рядом с гангренозными. Не хватало буквально всего: и врачей, и перевязочных материалов, и коек. И Пирогов «целых 10 дней почти с утра до вечера должен был оперировать тех, которым операции необходимо было делать после битвы, а с тех пор прошло уже 2 — 3 недели».

Перед Николаем Ивановичем вставало множество сложнейших, требующих рационального, неотложного решения проблем, касающихся организации и тактики медицинской службы в конкретных условиях осажденного города. Ученый умел быстро находить главное в самой сложной обстановке. Будучи независимым от госпитального начальства всех рангов, он принялся наводить порядок, проявив себя не только как блестящий хирург, но и талантливый организатор и администратор медико-санитарного обеспечения боевых действий войск. Его заслуга состоит в том, что новым по тому времени видам вооружения и особенностям тактики военных действий в условиях длительной осады города, он сумел найти и противопоставить соответствующие формы организации и тактики военно-медицинской службы. Это дало возможность отечественной медицине выполнить тяжелейшую задачу обеспечения медицинской помощью войск и населения осажденного Севастополя.

Н. И. Пирогов писал: «Я убежден из опыта, что к достижению благих результатов в военно-полевых госпиталях необходима не столько научная хирургия и врачебное искусство, сколько дельная и хорошо учрежденная администрация». Он подчеркивал, что никакие, даже самые искусные операции и эффективные способы лечения не дадут результатов, если раненые и больные будут находиться во вредных для здоровья условиях. Впоследствии, в своих трудах по военной медицине он четко сформулировал роль и значение медицинской администрации на войне: «Не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны».

Ученый указывал, что в военное время успехи лечения больше зависят от правильного врачебно-медицинского распоряжения, чем от искусства врачей, и «если врач не предположит

себе главной целью, прежде всего, действовать административно, а потом уже врачебно, то он совсем растеряется и ни голова его, ни рука не окажут помощи».

В период обороны Севастополя Н. И. Пирогов впервые в мире осуществил сортировку раненых и больных в зависимости от характера и места ранения.

Спустя много лет в своем труде «Отчет о посещении военно-санитарных учреждений в Германии, Лотарингии и Эльзасе в 1870 году» он писал: «Я первый ввел сортировку раненых на севастопольских перевязочных пунктах и уничтожил этим господствующий там хаос. Я горжусь этой заслугой».

Введение сортировки знаменовало собой новый этап в развитии системы оказания помощи раненым, так как позволяло с возможной полнотой использовать наличный врачебный персонал, которого в военное время всегда не хватало, и своевременно оказывать помощь в первую очередь той категории раненых, которые в ней действительно нуждались.

Пирогова очень волновала и проблема транспортировки раненых. Николаю Ивановичу стоило больших усилий добиться согласия властей на создание врачебно-транспортных отделений, которые должны были сопровождать раненых. Много в первых транспортах было несовершенно. Но все же главная задача — планомерная эвакуация раненых — осуществлялась с успехом. Важно было то, что транспортировка раненых и больных воинов окончательно перешла от интендантов в руки медицинской части.

Одной из выдающихся заслуг ученого в истории военной медицины является внедрение и широкое применение гипсовой повязки на поле боя, как одного из основных средств лечения огнестрельных повреждений кости. «...Гипсовая повязка в первый раз введена мною в военно-госпитальную практику в 1852-м, и в военно-полевую в 1854 годах, наконец... взяла свое и сделалась необходимою принадлежностью полевой хирургической практики. Я позволю себе думать, что введение мною гипсовой повязки в полевую хирургию, главным образом содействовало и распространению в полевой практике сберегательного лечения».

Не меньшим вкладом ученого является применение им, впервые в мире, эфирного наркоза в военно-полевой практике. Н. И. Пирогов писал: «Я первый испытал анестезирование

на поле сражений при осаде Салты в Дагестане в 1847 г.». Это повлекло за собой облегчение тяжелых страданий и спасение многих тысяч жизней. И совершенно не случайно ученый с гордостью заявлял о приоритете отечественной науки в данном вопросе: «Опередив Европу... нашими действиями показываем всему просвещенному миру неоспоримо благотворительное действие эфирирования над ранеными на поле самой битвы. Мы надеемся, что отныне эфирный прибор будет составлять, точно так же, как и хирургический нож, необходимую принадлежность каждого врача во время его действия на бранном поле».

В Крымскую войну, за небольшим исключением, ни одна операция не была сделана без хлороформа. «Значительных операций, сделанных в Крыму в течение 12 месяцев с помощью анестезирования, простиралось до 10000 без единого случая смерти».

По инициативе ученого в Севастополе впервые в истории отечественной и зарубежной медицины на театр военных действий были привлечены сестры милосердия. Большую помощь в этом ему оказала великая княгиня Елена Павловна, отдавшая много сил и времени делу благотворительности. Под ее попечительством находились Максимилиановская больница, Повивальный институт, приюты для детей-сирот и беспризорных, бесплатные столовые для больных, школы. Она пользовалась влиянием на Николая I и Александра II. В 1854 г., когда началась осада Севастополя, у Елены Павловны созрел гигантский план — основать организованную женскую помощь больным и раненым. Для реализации своей идеи она нашла в Н. И. Пирогове единомышленника, предложив ему подобрать медицинский персонал и взять на себя управление всем делом. Николай Иванович впоследствии писал, что видел до того женскую службу в госпиталях и больницах, «но еще нигде не было испробовано посылать женщин на поле битвы».

25 октября 1854 г. Еленой Павловной был утвержден устав Крестовоздвиженской общины. Одновременно она обнародовала воззвание о помощи больным и раненым «Ко всем русским женщинам, не связанным обязательствами семейными, желающим принести свою долю жертвы и добра... Отчизне». Многие женщины различных слоев населения горячо откликнулись, изъявив желание отправиться в Крым и принять участие в уходе за ранеными севастопольцами. Крестовоздвиженская община

в короткий срок была укомплектована. Женщины в течение 2—3 месяцев проходили подготовку в Петербурге.

24 ноября в Крым во главе с А. П. Стахович прибыло 1-е отделение сестер милосердия Крестовоздвиженской общины в составе 28 человек. В своем письме к жене в декабре 1854 г. Н. И. Пирогов сообщал: «Дней пять тому назад приехала сюда Крестовоздвиженская община сестер, числом до тридцати... Они день и ночь попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают на операциях, раздают чай и вино. Присутствие женщины, опрятно одетой и участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий». Н. И. Пирогов считал, что сестра милосердия должна быть с практическим рассудком, хорошим техническим образованием и непременно иметь чувствительное сердце. Вскоре в осажденный Севастополь приехало еще несколько отделений самоотверженных женщин.

Под руководством Н. И. Пирогова сестры милосердия работали в перевязочных и операционных, ухаживали за ранеными в палатах, приготовляли лекарства в аптеках, следили за выдачей пищи, помогали готовить ее, наблюдали за тем, чтобы интересы раненых не страдали из-за воровства интендантских чиновников. При исполнении своих обязанностей они не боялись ни неприятельских пуль и снарядов, ни «ужасающего зрелища самых страшных разрушений человеческого тела». Условия работы были очень тяжелыми. В армии свирепствовали смертельные осложнения огнестрельных ран, эпидемии заразных болезней, уносящих тысячами защитников Севастополя. Сами сестры становились жертвами этих болезней, и многие из них погибли в Крыму. Поэтому Николай Иванович написал для них обращение «для прочтения и исполнения», в котором требовал, чтобы они следили за своим здоровьем, вовремя питались, учил, как уберечься от заразных болезней. И сестры платили ему искренней любовью за постоянную заботу. В своих воспоминаниях старшая сестра Е. М. Бакунина писала, что Николай Иванович всегда там, где более всего нужен «неутомимо работавший, живой, одушевленный и возбуждающий в других одушевление и ревность к труду».

В это же время в Крыму стало широко известным и популярным имя Даши Севастопольской. Ее называли «женщиной из легенды». Дочь матроса, погибшего в Синопском сражении,

переодевшись в матросский костюм и снарядив свою повозку ветошью, корпией, уксусом, отправилась вслед за русскими войсками к реке Альме. Там она организовала первый на театре Крымской войны импровизированный перевязочный пункт, а сама стала первой сестрой милосердия. «Знаменитая Дарья» — так отзывался о ней Н. И. Пирогов. Имя Даши стало символом мужества, храбрости, самоотверженности. Царь Николай I пожаловал девице Дарье золотую медаль на Владимирской ленте с надписью «За усердие» и 500 рублей серебром. Даша Севастопольская (Михайлова) умерла в 1910 г. в Севастополе и похоронена на Корабельной стороне. На том месте, где стоял ее домик, установлена мемориальная доска.

В начале 1855 г. стало известно имя англичанки Флоренс Найтингейл, которая с группой сестер милосердия также выехала на театр военных действий. Отстаивая приоритет русских в организации женской помощи раненым на поле брани, Н. И. Пирогов писал: «О мисс Найтингейл и ее «высокой души дамах» мы в первый раз слышали только в начале 1855 года... Мы не должны допустить никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать пальму первенства в деле столь благословенном и ныне всеми принятом».

Крестовоздвиженская община сестер милосердия, работавшая в Крыму, стала прообразом будущих организаций Красного Креста.

Ближайшими помощниками Н. И. Пирогова в тяжелые дни обороны Севастополя были врачи В. И. Тарасов, К. А. Пабо, А. Реберг, С. П. Боткин, А. Л. Обермиллер, Л. А. Беккерс, П. А. Хлебников, хирурги Э. В. Каде, А. И. Тюрин. Это были не только высококвалифицированные специалисты, но и яркие личности.

Известный петербургский хирург середины XIX века Эрнст Васильевич Каде на протяжении 30 лет работал в Мариинской больнице для бедных. 16 лет был ее главным врачом. Исключительную любовь к своей профессии он объединял с настоящей заботой о больных. Во время Севастопольской кампании поехал в Крым вслед за Н. И. Пироговым для оказания помощи раненым.

Людвиг Андреевич Беккерс после окончания Московского университета, поступив на военную службу, был направлен во Второй военно-сухопутный госпиталь в С.-Петербург. Здесь на молодого талантливого врача обратил внимание Н. И. Пирогов. В Крыму под руководством ученого, оказывая помощь

раненым, Л. А. Беккерс получил достаточно большой хирургический опыт.

Сергей Петрович Боткин сопровождал Н. И. Пирогова в его второй поездке в Севастополь и на протяжении нескольких месяцев работал ординатором в Симферопольском военном госпитале. И именно под влиянием Н. И. Пирогова в сознании С. П. Боткина зародилась идея новой дисциплины — военно-полевой терапии.

Александр Леонтьевич Обермиллер после окончания Медико-хирургической академии в 1853 г. был направлен ординатором во Второй военно-сухопутный госпиталь. Он на протяжении полугода работал с Н. И. Пироговым в Севастополе и был его бессменным спутником и помощником.

Заслуженной репутацией среди защитников Севастополя пользовались Василий Иванович Тарасов и младший врач морского госпиталя Владимир Сергеевич Кудрин, работавшие вместе с Николаем Ивановичем на Главном перевязочном пункте в доме Дворянского собрания.

Высоко оценивая самоотверженную деятельность врачей, Н. И. Пирогов написал по этому поводу специальную докладную записку «О награждении и содержании врачей», в которой отмечал, что их «заслуги во время осады Севастополя очевидны и неоспоримы... Они трудились день и ночь, оказывая помощь пострадавшим за Отечество».

Н. И. Пирогов как врач трудился не щадя сил, поражая окружающих своей работоспособностью, желанием везде успеть оказать посильную помощь. 1 июня 1855 г. он, больной, измученный физически и морально, уехал из Севастополя в Петербург, но не отдыхать, а как пишет в письме к И. В. Бертенсону: «чем-нибудь способствовать перемене военно-врачебного дела в Севастополе к лучшему». В докладной записке «Об организации помощи раненым» на имя военного министра В. А. Долгорукова Н. И. Пирогов изложил ряд мероприятий, касающихся управления военно-полевой медицинской службой. И, не ожидая ответа, с группой вновь набранных врачей, снова уехал на театр военных действий.

В Крыму судьба подарила Н. И. Пирогову неожиданные встречи с известными замечательными личностями.

Ученый восхищался героическими действиями адмиралов В. А. Корнилова, В. И. Истомина и П. С. Нахимова, руководивших

обороной Севастополя, имена которых вписаны в историю героической защиты города.

Широко известно имя легендарного матроса Петра Марковича Кошки. В одном из писем к жене в январе 1855 г. Николай Иванович писал: «Теперь в госпитале на перевязочном пункте лежит матрос Кошка, по прозвианию; он сделался знаменитым человеком; его посещали и великие князья. Кошка этот не только ночью, а и днем чуда делал под выстрелами».

Невзирая на исключительную занятость, Н. И. Пирогов выкраивал время для занятий с врачами, читая им лекции по военно-полевой хирургии. Посещал их и молодой офицер, будущий великий писатель, автор «Севастопольских рассказов» Лев Николаевич Толстой. Многие прогрессивные деятели того времени, желая быть полезными Родине, стремились в осажденный Севастополь. Подал рапорт и был направлен туда и Лев Николаевич. На картах 1854 г. в Севастополе есть место, которое называлось четвертым бастионом (в настоящее время — Исторический бульвар). Именно там молодой офицер Лев Толстой командовал пятиорудийной батареей, прикрывая переправу наших войск через бухту на Северную сторону. Много лет спустя, вспоминая Крымскую войну, Лев Николаевич говорил о Н. И. Пирогове с большой симпатией и уважением: «Пирогов много доброго сделал».

В октябре 1855 г. в Симферополе произошла встреча двух великих ученых — Н. И. Пирогова и Д. И. Менделеева. Известный химик, автор периодического закона химических элементов, а тогда скромный учитель Симферопольской гимназии, обратился к Николаю Ивановичу за консультацией по рекомендации петербургского лейб-медика Н. Ф. Здекауэра, который находил у Менделеева туберкулез и прогнозировал, что жить больному осталось несколько месяцев. Это было очевидно: огромные перегрузки, которые взвалил на свои плечи 19-летний юноша, и сырой климат Петербурга, где он учился, отрицательно сказались на его здоровье. Н. И. Пирогов не подтвердил диагноз своего коллеги, назначил необходимое лечение и этим вернул больного к жизни. Впоследствии Д. И. Менделеев с восторгом отзывался о Николае Ивановиче: «Вот это был врач! Насквозь человека видел и сразу мою натуру понял».

Н. А. Некрасов, будучи редактором журнала «Современник», тепло и восторженно отзывался о деятельности Н. И. Пиро-

гова в Крыму. Рецензируя статью очевидца крымских событий Н. В. Берга, цитировал слова автора: «Вы сходите на перевязочный пункт в город, там Пирогов; когда он делает операцию, надо стать на колени». Говоря о благородной, самоотверженной и столь благотворительной деятельности выдающегося хирурга, А. Н. Некрасов далее писал: «Это подвиг не только медика, но и человека. Надо послушать людей, приезжающих из-под Севастополя, что и как делал там г. Пирогов? Зато нет солдата под Севастополем, нет солдатки или матроски, которая не благословляла бы имени г. Пирогова и не учила бы своего ребенка произносить это имя с благоговением... Если есть в настоящее время личности, которым сердце отдает охотно и безраздельно лучшие свои симпатии, то, конечно, к таким личностям принадлежит г. Пирогов. Припоминая его прекрасную и неутомимую деятельность, приходишь к убеждению, что слова: бескорыстное служение Добру и Науке — заключают в себе великий и благородный смысл!».

В декабре 1855 г. ученый оставляет Крым. «Теперь не без чувства гордости вспоминаешь прожитое. Мы, взаправду, имеем право гордиться, что стойко выдержали Крымскую войну, — ее нельзя сравнивать ни с какою другою», — писал он.

За заслуги в оказании помощи раненым и больным Н. И. Пирогов был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени.

Огромный опыт, накопленный ученым на Кавказе и в Крыму, а в дальнейшем во время франко-прусской и русско-турецкой войн, легли в основу его бессмертных трудов по военной медицине: «Отчет о путешествии по Кавказу», «Начала общей военно-полевой хирургии», «Отчет о посещении военно-санитарных учреждений в Германии, Лотарингии и Эльзасе в 1870 г.», «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877—1878 гг.».

Имя Николая Ивановича Пирогова и его жизнь всегда остаются примером гениальности, бескорыстного служения народу, беззаветного чувства патриотизма, самоотверженного служения высоким принципам и идеалам великого милосердия.

В 1907 г. в С.-Петербурге были изданы «Севастопольские письма Н. И. Пирогова 1854—1855 гг.» под редакцией и с примечаниями Ю. Г. Малиса. В этой работе затронуты глубоко волнующие каждого врача вопросы врачебного долга, морали,

любви к Родине. В его письмах виден пример сочетания качеств высокогуманного врача в полном смысле этого слова с исключительной глубиной ученого, который работал подчас круглые сутки на перевязочных пунктах в Севастополе с полным пренебрежением к своему личному благополучию.

В этом томе, подготовленном к 200-летию со дня рождения Н. И. Пирогова, представлены «Севастопольские письма» в новой редакции, а также ряд его статей, посвященных воспитанию молодежи и не издававшихся с начала XX века.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ПИСЬМА

Мы, русские, не должны дозволить никому переделывать историческую истину. Мы должны истребовать пальму первенства в деле столь благословенном и благотворном и ныне всеми принятом [женская помощь раненым на театре войны. Наши женщины] должны занять место в обществе, более отвечающее их человеческому достоинству и их умственным способностям. До сей поры мы совершенно игнорировали чудные дарования наших женщин.

Н. И. Пирогов (1876 г.¹)

¹ Даты даны по старому стилю (здесь и далее примеч. ред.).

І. ПИСЬМА К А. А. ПИРОГОВОЙ¹

№ 1

[18]54. Октября 29. Пятница [Москва]

Милая Саша², пишу тебе от Лизы,³ которая собирается⁴ в Санкт-Петербург, но которой я отсоветываю; не знаю, послушается ли. Н. П. Волков, спасибо ему, распо-

¹ Письма Пирогова Н. И. к жене, Александре Антоновне, за 1854—1855 гг. сверены для настоящего издания с дошедшими до нас подлинниками; некоторые разночтения отмечены в примечаниях; письма печатались отдельными изданиями в 1899 г. под наблюдением Пироговой А. А. (со значительными сокращениями, искажениями текста, произвольными вставками) и в 1907 г., под редакцией Малиса Ю. Г., в дополненном виде, с ошибками и неточностями. Как трудно досталась Пирогову возможность поехать в Крым для помощи родной армии, рассказано в его письме к баронессе Раден Э. Ф. от 27 февраля 1876 г. В Государственном Центральном архиве Военно-Морского флота сохранилась копия заявления Пирогова на имя военного министра об отправлении его в Крым.

² С а ш а — Пирогова Александра Антоновна, вторая жена Пирогова, урожденная баронесса Бистром (1828—1901). Пирогов женился на ней 7 июня 1850 г. Детей не было. Первым браком Пирогов был женат на Екатерине Дмитриевне Березиной (1822—1846). От Березиной были у Пирогова два сына: Николай (1843—1891) и Владимир (1846—1914); первый имел двух дочерей (Мазирову и Гершельман), второй — бездетный.

³ Л и з а — Арцебушева Елизавета Антоновна, старшая сестра Пироговой Александры Антоновны. Упоминаемый ниже Павел Петрович — ее муж.

⁴ Здесь и далее сохранены старинные обороты речи.

рядился прекрасно, так что тарантас уже нанят и я сегодня же часов в 7 — 8 вечера отправляюсь далее с Сохраничевым¹. Поблагодари от меня г. Волкова. Отъезжаю от Иноземцева², отобедав у Павла Петровича. Дорогу, слава богу, сделали порядочно, и чрезвычайно спокойно в семейном отделении. Один болтун только, который, несмотря на свои 50 лет, толковал только о девках и пако-стях, надоедал мне по милости Витгенштейна³, который его затащил к нам.

Прощай, береги себя, будь здорова, целую детей. Благословляю и целую вас всех.

Твой.

№ 2

Среда. 2 ноября [1854 г.]. Харьков. 11 часов вечера

Только что сейчас приехали и чрез два часа уезжаем. Дорога от Курска, двести верст, ужаснейшая: слякоть, грязь по колени, но вчера сделался вдруг вечером мороз при сильнейшем ветре, так что зги не было видно, и мы принуждены были остановиться на 5 или 6 часов на станции в одной прегадчайшей комнате. Я еще не брился, не мылся и не переменял белья с Петербурга. Все, слава богу, здоровы и веселы; у Обермиллера⁴, была нога стерта,

¹ Сохраничев Василий Степанович (1810—1854) — врач; погиб в Севастополе от тифа.

² Иноземцев Федор Иванович (1802—1869) — известный практикующий врач; профессор хирургии в Московском университете; товарищ Пирогова по Дерптскому университету (1828—1833) и по заграничной подготовке к профессуре (1833—1835).

³ Витгенштейн Николай Петрович (1811—1867) — сын фельд-маршала Витгенштейна Петра Христиановича (1768—1842), товарищ Пирогова по Юрьевскому университету.

⁴ Обермиллер Алексей Леонтьевич (1828—1892) — работал под руководством Пирогова; вместе с ним отправился в Севастополь; встречался с Пироговым на театре войны в 1877—1878 гг. Сохранился фотоснимок Обермиллера с Пироговым; на обороте — надпись Пирогова: «Ученику и другу на память 1877 г. января 22. Да будет незабвенно».

так что чуть рожа не прикинулась; у Калашникова¹ мальчики в глазах прыгали; но все это миновалось. Прощай, душа, целую тебя; теперь напишу уже из Севастополя [...].

Твой навсегда.

№ 3

Екатеринослав². Пятница. 6 ноября [1854 г.] 12 часов утра

Наконец дотащились до Екатеринослава. Дорога от Курска, где шоссе прекратилось, невыразимо мерзка. Грязь по колени; мы ехали не более 3 и даже 2 верст в час, шагом; в темноте не было возможности ехать, не подвергаясь опасности сломить шею, и потому мы принуждены были оставаться по 6 часов на станции, покуда темнота проходила. Нас застал на дороге около Белгорода жесточайший ураган, который был также, как я слышу, и в Севастополе³.

Не знаю, когда-то доедем; грязь и здесь ужаснейшая. Мы едем трое в тарантасе. Калашников с вещами в телеге следует позади; ось у телеги переломилась, ее подлец ямщик навел, я думаю, нарочно на сугроб и свалил в канаву. Мы до сих пор все, слава богу, здоровы. Здесь надобно купить кое-что и именно большие мужицкие или охотничьи сапоги; говорят, что в Крыму несосветимая грязь.

Что ты делаешь, моя душка, здорова ли, здоровы ли дети? Целую вас всех всякий день заочно. Прощай. Кланяйся Маше⁴ и всем нашим. Теперь напишу уже из Севастополя.

¹ Лекарский помощник К а л а ш н и к о в — давнишний сотрудник Пирогова по Медико-хирургической академии в Петербурге; сопровождал его в научной поездке на Кавказ (1847).

² Ныне г. Днепропетровск.

³ Ураган 2 ноября 1854 г. разразился также на Черном море, где причинил огромный ущерб вражескому флоту.

⁴ М а ш а — Быкова Мария Антоновна (по второму мужу) — младшая сестра Пироговой.

Погода переменчива; вчера было так тепло, что я уже хотел вынуть шинель, а сегодня опять холодно. Надобно сказать Антонскому¹, что почты между Харьковом и Екатеринославом в самом жалком состоянии. Вчера мы на одной станции взяли курьерских лошадей; не нашли ни смотрителя, ни помощника, ни ямщика, подорожную не вписали в книгу, прогонов не заплатили, потому что некому было платить, и уехали (эта станция называется Константиноград) [...].

Прощай еще раз. Целую тебя и детей.

№ 4

14 [ноября 1854 г.]. Севастополь. Воскресение

Приехал в Севастополь 12 числа и спешу тебя уведомить, милая Саша, что, слава богу, жив и невредим. Подробное письмо начал было писать вчера, но не успел окончить; завтра едет фельдъегерь, а мне некогда; с 8 часов утра до 6 часов вечера остаюсь в госпитале, где кровь течет реками, с лишком 4000 раненых. Скоро поеду в Симферополь навстречу сестрам милосердия²; устал, лежу и пью чай; погода сегодня, как в августе или в конце июля у нас, но зато вчера целый день шел дождь. Через несколько дней ты получишь первый отчет, который и сообщишь Здекауеру³ для прочтения моим однокорытникам. Слышится треск бомб и ядер, к вечеру, но не слишком часто. Дела столько, что некогда и подумать о семейных письмах.

¹ Антонский — почт-директор Новороссийского края, в составе которого числилась Екатеринославская губерния.

² Медицинские сестры Общины, присланные в Крым для оказания помощи раненым воинам и самоотверженно работавшие под непосредственным руководством Пирогова.

³ Здекауер Николай Федорович (1815—1897; в некоторых письмах Пирогова называет его Дздекауер) — с 1839 г. ординатор ВСХГ; после перехода в 1841 г. в Медико-хирургическую академию в Петербурге Пирогов сблизился с ним.

Чу, еще залп; но мы в безопасности: остановились в бастионе № 4 Северной стороны¹.

Не сердись, душка, что пишу мало, но скоро получишь целую кучу любопытных известий и о дороге и о нашем пребывании. Я выезжаю утром в 8 часов на казацкой лошади в госпиталь и возвращаюсь весь в крови, в поту и в нечистоте в 4, 5 и 6 часов вечера. Целую тебя, прижимаю к сердцу. Поцелуй детей; скажи себе и им, что муж и отец думает об вас и за 2000 верст.

Прощай, моя душка.

№ 5

12 [—14] ноября. Пятница. 1854. Севастополь

Слава богу, здоровый, следовательно, живой, прибыл сегодня в 12 часов утра в Севастополь. Как был, так и есть; такой же точно, как выехал из Петербурга, нисколько не переменялся, тебя люблю по-прежнему; как? — ты это сама знаешь.

Ты, я знаю, милая Саша, была бы довольна и этим одним известием, но есть люди, которые мешаются в чужие дела и хотят непременно знать, как и что и почему и тьму подробностей, для тебя вовсе незанимательных. Я думал-думал, как бы угодить этим господам, а не угодить нельзя добрым людям.

Тем предисловие кончается; я дремлю после ребро-крушительной прогулки по Бахчисарайскому шоссе и засыпаю.

¹ Бастион № 4 Северной стороны знаменит в истории обороны Севастополя героизмом своего личного состава. Севастополь расположен по обеим сторонам большой бухты, которая разделяет город на две части — Северную и Южную стороны. Последняя, в свою очередь, делится на две части узкой Южной бухтой, расположенной недалеко от входа в севастопольский рейд перпендикулярно к Большой бухте: на Городскую сторону, к западу от Южной бухты, и на Корабельную сторону, к востоку от Южной бухты.

День моего рождения, о чем я вспомнил только сегодня, то есть 14 ноября.

14 ноября

Пишу, милая Саша, не для тебя одной, а и для других добрых людей, а главное, и для себя, может быть.

Дорога от Курска до Севастополя есть ряд мучений для того, кто находится в приятном заблуждении, что дороги назначены для уменьшения пространства и времени в житейском сообщении. Я рассматриваю их, как особенный род сотрясения, полезного для моих кишек, и потому отношу поездку в Севастополь осенью и преимущественно в военное время к превосходной гимнастике брюшных внутренностей. Толчки, перегибы, перекаты и тьма других телодвижений, конечно, не вовсе безызвестных жителям Гороховой¹ и Вознесенской², встречаются здесь в таком мифологическом объеме, что, наконец, понятие о ровном месте начинает делаться чем-то вроде мифа.

Тарантас наш оказался образцом прочности; однако же и он, благодаря усилиям ямщиков нас опрокинуть, не устоял и, свалившись в одну прекрасную ночь на бок в канаву, треснул.

Трещина, которая могла бы наделать нам множество хлопот, к счастью, обнаружилась в Екатеринославле [...].

Харьков в отношении образованности, несмотря на то, что университетский город, стоит, по моему мнению, гораздо ниже Екатеринославля. Харьковский

¹ Гороховая улица — одна из центральных магистралей в центре Санкт-Петербурга.

² Вознесенская улица, в дальнейшем проспект — один из двух проспектов, входящих в «перспективу» Санкт-Петербурга, наряду с Невским проспектом. Вместе с Гороховой улицей они образуют три луча, которые планировались П. М. Еропкиным как основной ансамбль для застройки города на левом берегу Невы после пожара в 1736 г.

аптекарь [...], немец, несмотря на мое письменное приглашение и выгодную перспективу сбыть с рук свой материал, не явился, отговариваясь тем, что он не хочет; это уже, очевидно, переход к восточной беззаботности.

Смотритель Харьковской станции сделался вежливым только после многих уверений, что я знаком и даже несколько сродни Антонскому. Тарантас, исправленный совестливо в Екатеринославле, обязан своею трещиною именно харьковскому ямщику, а телега, нагруженная нашими чемоданами и фельдшерами, едва совершенно не развалилась от быстрого переката с сугроба в ров, едва ли учиненного не с умыслом также харьковским ямщиком.

С тех пор участь этого экипажа сделалась и продолжает быть для нас предметом постоянных забот и тревог [...].

После телегокрушения за Харьковом мы должны были расстаться с Калашниковым. Этот ревностный чиновник решился принести жертву науке и человечеству и, подвергнув себя разлуке с нами и всем опасностям одиночного странствия в краю неизвестном и беспутном, принял начальство над разломанной телегой и ее содержимым с твердым намерением или умереть или доставить все в настоящем виде в Севастополь. Сказано — сделано [...].

Расставшись с телегой, мы думали долететь мигом до Севастополя, но не тут-то было. Если станции и дороги между Курском и Харьковом были плохи и мало способствовали к продолжению пути, то между Курском и Екатеринославом они сделались чисто непреодолимым препятствием к достижению этой цели.

Трудно решить, в ком более должно искать причины: в черноземе ли, расплывшемся от дождей в какую-то клейкую жижу, или в станционных смотрителях и в содержателях станций. Одно скажу только положительно, что если Антонский почитает почтовое управление в Новороссии достигшим под его надзором хотя некоторой степени не то что совершенства, а просто только одной сносности, то он жестоко ошибается [...].

Севастополь. 24 но[ября 18]54 г.

Еду сегодня в Симферополь, дня на четыре, посмотреть на госпиталь и узнать о сестрах милосердия, которые должны на днях явиться.

Не знаю, отчего ты еще не получила моих двух писем с дороги: из Харькова и Екатеринослава.

В Харькове я отдал с рук на руки станционному смотрителю, в Екатеринославе — отослал на почту; оба письма в казенных конвертах¹.

Все твои письма до шестого, от 13 ноября, получил; вижу, что ты, моя душка, не совсем благоразумно переносишь разлуку.

Господь с тобой, утешься; ведь ты знаешь хорошо, что с тобой ли, без тебя ли, я все-таки тебя люблю больше всего на свете. Так о чем же грустить [...].

Вместо меня ограничься покуда детьми, а там посмотрим [...].

Когда я ворочусь, неизвестно, но, разумеется, не буду медлить ни минуты, чтобы утешить тебя. Говорят, что они скоро будут бомбардировать, другие говорят, что будут зимовать; короче, здесь так же мало знают, как и в Петербурге.

Я начал писать журнал моей экспедиции и посылаю тебе первые два листка; кто интересуется, как, например, Здекауер, Глазенап² (можешь им дать прочесть). Для тебя же должно знать, что я едва управляюсь с делом и возвращаюсь вечером усталый и потому журнал мой пишу отрывками. Покуда здесь спокойно; от времени до времени слышится канонада, особенно ночью, когда мешают работам; ядра до нас еще не долетают, а много, много если падают в бухту.

¹ Имеются в виду письма № 2 и 3.

² Глазенап Богдан Алексеевич (1811—1892) — один из близких друзей Пирогова; ученый, моряк, писатель, государственный деятель; в 1826—1829 гг. участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Сенявин» под командой Ф. П. Литке. В 1854 г. Глазенап был директором Морского корпуса в чине контр-адмирала, числился в свите царя, участвовал в организации отпора неприятельскому флоту на Балтийском море.

Матросы и солдаты убеждены, что Севастополь не будет взят, но все покрыто мраком неизвестности; но только известно и очевидно, что раненые валяются, как собаки, и долго, долго нужно хлопотать, пока их сколько-нибудь приведут в положение, мало-мальски сносное.

Я в Симферополе оставляю мой чемодан и все тяжелое; останусь там дней пять и более.

Поцелуй и благослови детей; прощай, моя душка, не грусти, ради бога, а то ты и на меня грусть наведешь; а покуда я доволен хотя тем, что моя поездка не без пользы. Все четыре врача прибыли, и мы восемь человек живем покуда вместе в 2 комнатах.

Целую, обнимаю, прижимаю к сердцу тебя и детей.

[ЖУРНАЛ МОЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ]¹

Жестокий ураган 2 ноября, наделавший много бед нашим неприятелям, не пощадил и нас; он нас застал на дороге в темную ночь, и мы думали, что конец приходит нашему тарантасу. Представь себе клейкую вязкую грязь по мышелки, темную ночь и вихорь такой, что на ногах не устоишь. Мы рады, рады были, что добрались шагом, делая по четыре версты в час, наконец, до какой-то лачуги, названной почтовым департаментом станционным домом, с разбитыми окнами, с одной грязной конурой и пьяным смотрителем. Здесь мы должны были, сидя, провести почти целую ночь.

Но все это еще было золото в сравнении с тем, что нас ожидало в самом Крыму; здесь, переехав в Перекопе через Днепр, наше путешествие началось с того, что мы засели с шестеркой лошадей в грязь и просидели бы в ней без сомнения целую ночь (выехав со станции около 4 часов), если бы один благодетельный хохол, ехавший порожнем, не взмиловался над нами и не впряг пару волов; круто-рогие дернули и вытянули разом и тарантас, и голодную шестерку.

¹ Журнал приложен к письму № 6; в начале — ни заглавия, ни обращения.

В Перекоп мы приехали уже ночью и, чтобы отдохнуть от грязи [...] отправились в гостиницу. При входе в нее, едва не утонув в огромной луже, мы нашли дверь запертой на замок. Когда дверь после различных и долговременных усилий с нашей стороны, наконец, открылась, мы вступили в огромный запачканный сарай, посредине которого стоял не менее запачканный бильярд; на стенах смелая кисть какого-то иностранного артиста изобразила Минина и Пожарского.

Содержатель гостиницы, грек, уверял, что он может нас угостить прекрасным ужином; это обещание так одушевило моего спутника господина Сохраничева, что он заказал бифштекс из говяжьего филе, желая, чтобы он непременно был взят из края и приготовлен по всем правилам искусства. Грек не только обещал удовлетворить этому смелому гастрономическому порыву чувств, но еще предлагал пирожки, борщ и вино-выморозки такого чудесного качества, что во всем Крыму ему не было подобного.

Мы уселись в приятном ожидании у окна, открывавшегося в буфет, и вскоре мужик из Владимира в изорванном архалуке¹ с всклокоченной бородой и с плутоватой усмешкой, называвший себя маркером, подал нам через это окно несколько кусков говядины, принадлежавшей некогда какой-то, только уж никак не филейной, части быка, пару пирожков, весьма сходных с резиновыми калошами, и бутылку знаменитых выморозков. К нашему счастью, следствием этого ужина было только урчание в животе и изжога.

По мере того, как мы приближались к месту, обратившему на себя внимание всей Европы, исчезало всякое различие между обыкновенными и курьерскими лошадьми и, наконец, за Симферополем кончалось обидное неравенство едущего по своей надобности и фельдъегерем. Все едущее вперед и назад, наконец, остановилось на

¹ Архалук (тюрк.) — кавказский плотно прилегающий к телу кафтан с высоким стоячим воротником. Для шитья архалуков использовали кашемир, атлас, сатин. На поясе архалук дополнялся кушаком. Некоторые архалуки застегивались до самой шеи.

станции в Бахчисарае, и почтовая дорога сделалась непреодолимым препятствием к достижению Севастополя, так что шестьдесят верст между двумя этими городами нужно было ехать целые 2 суток.

В Бахчисарае я встретил на дороге Шеншина¹, которому главнокомандующий дал поручение осмотреть и организовать временные госпитали в Бахчисарае и в Симферополе, объявив ему, что он отдал приказание Херсонской комиссии заготовить все нужное для их обзаведения, и прибавив, между прочим, в своей инструкции, что о следствиях этого поручения Шеншин должен дать отчет не ему, а министру, его же просто только уведомить.

Шеншин, встретившись со мною, воротился в Бахчисарай, и мы пошли вместе осматривать временный госпиталь. Описать, что мы нашли в этом госпитале, нельзя. Горькая нужда, беззаботность, медицинское невежество и нечисть соединились вместе в баснословных размерах в двух казарменных домишках, заключающих в себе 360 больных, положенных на нарах один возле другого, без промежутков, без порядка, без разницы, с нечистыми вонючими ранами возле чистых, в пространстве по благоусмотрительному человеколюбию врача и зрителя, герметически запертых при температуре с лишком 18°R^2 , не перевязанных более суток, вероятно, также из человеколюбия.

Врач и его помощник, один ординатор, оба безответные пешки, торчали тут и служили живым укором словию и администрации. Шеншин, очевидно, доброжелательный и ревностный, но еще молодой и незнакомый с делом человек, убедившись нашими доказательствами, что он завел нас не в госпиталь, а в нужник, разразился

¹ Шеншин Николай Васильевич (1827—1858) — полковник, флигель-адъютант Николая I; послан в Крым для собирания сведений о ходе военных действий.

² Градус Реомюра ($^{\circ}\text{R}$) — не употребляемая в наши дни единица измерения температуры. За 1°R принято изменение температуры, при котором происходит расширение смеси вода — спирт на 1 промилле. Смесь вода — спирт при 100°C расширяется на 8 %, исходя из этого температура кипения воды была принята за 80°R . Из равенства $100^{\circ}\text{C} = 80^{\circ}\text{R}$ получается $1^{\circ}\text{C} = 0,8^{\circ}\text{R}$ (соответственно $1^{\circ}\text{R} = 1,25^{\circ}\text{C}$).

над комиссаром, зашел в сарай, где нашлись спрятанными кухонные котлы, существование которых он признавал недоказанным.

Крикливые угрозы быть разжалованным в солдаты и подлеца опытный в своем деле комиссар съел, не поморщившись, приложив два пальца к козырьку и сказав про себя: «видали мы таких».

Только в Бахчисарае я начал предвидеть, в каком состоянии найду раненых защитников Севастополя; но все-таки то, что после нашел, превзошло всю меру моих опасений. Отправившись из этого татарского вертограда часа в 4 пополудни, мы доехали кое-как шагом, купаясь в грязи, до Дуванов — последней станции перед Севастополем, нисколько не замечая, что мы приближаемся к театру войны; и если бы отдаленный грохот залпов, от времени до времени доносившийся до нас, не напоминал нам, что вскоре сами должны сделаться деятельными участниками в кровопролитии, то я бы, пожалуй, счел эту прогулку по грязи довольно забавной.

Наконец, в Дуванах оказались первые следы лагерной администрации. Нам отвели ночлег в доме волостного правления, тяготевшего над разбежавшимися теперь татарами. Хозяином этого дома был в настоящее время комиссар¹, занимавшийся продовольствием войск и устроившийся на своей бивуачной квартире не без комфорта. У него оказались походные кресла, в которых я очень порядочно заснул.

Комиссар был человек, очевидно, опытный и любящий порядок и этикет. Он устроил из бочки форменный стол, покрыв ее доской, а доску — красным сукном [...].

Полуночью мы проснулись с мыслью, что находимся в 16 верстах от Севастополя и что наступил последний день наших ожиданий увидеть и услышать собственными глазами и ушами то, о чем мы так много говорили и слышали.

¹ Здесь — термин, обозначающий должностное лицо, представителя исполнительной власти. Комиссары в качестве представителей администрации появляются в России в начале XVIII века, в период проведения военной реформы и преобразований местного управления.

По дороге от Дуванов до Севастополя можно было уже догадаться, что подъезжаешь, или, правильнее, ползешь к месту военных действий...

В вязкой грязи, толкаясь по рытвинам, спускаясь с гор и поднимаясь на горы, тянулись ряды телег и арб, нагруженных сеном, сухарями и ранеными; по 2 и по 4 человека на телегу скучены были раненые защитники Севастополя, отправлявшиеся в Бахчисарай и оттуда в Симферополь, где их ожидала та же самая участь, то есть быть сваленными на нары и валяться в грязи и нечистоте под наблюдением врачей.

Хотя я и положил себе правилом врученные мне деньги великою княгиней¹, Комитетом² и другими³ не давать в руки больным, но бесприютное положение транспортирующихся поневоле меня вынудило раздать им по одному рублю серебром на телегу для мелких расходов.

Около 12 часов утра мы поднялись на гору, и нам представился, наконец, Севастополь во всей красе. Местоположение великолепное. Море и горы. Особливо часть города, известная под именем Корабельной слободы, расположена живописно амфитеатром на горе. Нет сомнения, что нет в целом свете лучше Севастопольской бухты. Широкая (в 1 $\frac{1}{4}$ версты⁴), глубокая, извилистая, с крутыми берегами, с изумрудной водой и окруженная со всех сторон горами.

¹ Великая княгиня Елена Павловна (1806—1873) — вдова младшего брата царя Михаила Павловича; принадлежала к группе придворных, понимавших необходимость отмены крепостного права; учредительница Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, первой в мире организации женской помощи больным и раненым воинам на полях сражения; настояла перед Николаем I на разрешении Пирогову отправиться в Крым, чему препятствовали чиновники военно-медицинского ведомства и интендантства, опасавшиеся разоблачений воровства и неурядиц в госпиталях.

² Так называемый «Дамский комитет для помощи семьям воинов»; председательница комитета передала Пирогову при его отъезде в Крым 1000 руб. для раненых воинов.

³ Частные лица, передавшие тогда же и посылавшие позднее Пирогову крупные суммы для больных и раненых воинов.

⁴ Верста — русская единица измерения расстояния, равная пятистам сажням или 1066,781 метра.

Несмотря на грязь и тряску, я не мог достаточно налюбоваться Севастополем, подъезжая к нему 12 ноября утром. Наконец, наш тарантас остановился невдалеке от квартиры главнокомандующего и великих князей¹.

Мы думали сначала отыскивать начальника штаба, чтоб ему представиться, и чуть было уж не поворотили на Сухую балку, где он живет, или, лучше, гнездится с своим штабом, как, к счастью, нам вышел навстречу доктор Боссе и еще один морской врач, высокий, дородный, с важной физиономией, хотя и не без улыбки; я его принял сначала за офицера и не обратил на него достаточного внимания, которое должен бы был оказать собрату. Первою мыслью был притон.

На одной станции перед Екатеринославом встретившийся нам фельдъегерь сообщил, между многими нелепостями [...] две вещи, заставившие нас призадуматься: во-первых, что весь штаб главнокомандующего кочует на открытом воздухе, без палаток, кто как может, иной в тарантасе, другой просто в грязи, а сам главнокомандующий — на пароходе; во-вторых, что другого средства в Севастополе нет передвигать ноги, как напяливши на них охотничьи сапоги.

Основываясь на этом, мы твердо решились не расставаться, во что бы то ни стало, с нашим тарантасом, снабдить его снутри войлоком и клеенкой, а для защиты нижних конечностей купить в Екатеринославе за недостатком охотничьих простые мужицкие сапоги и длинные шерстяные чулки. Так и сделали. Можно вообразить наше удовольствие, когда Боссе вызвался с необыкновенною любезностью нам отыскать квартиру в батарее через д-ра Гейнрихса, знакомого с местностью; и действительно, через полчаса нам были отведены 2 комнаты со сводами в

¹ Великие князья Николай (1831—1891) и Михаил (1832—1909) — сыновья Николая I; посланы были в Крым для «подъема духа» в войсках и для получения наград за пребывание на театре войны. В патриотических кругах, даже среди людей, слепо преданных монархическому строю, пребывание сыновей царя на фронте рассматривалось как помеха правильному ведению войны.

нижнем этаже Северной батареи № 4-й; в этих комнатах лежал раненый генерал Соймонов¹, умерший от раны в брюхо при деле 24 октября²; в этой же батарее помещались больные и раненые офицеры и — самое важное для нас — возле нашей квартиры была госпитальная кухня; следовательно, и стол наш был обеспечен.

Я тотчас же отправился к начальнику штаба, и высокий, дородный, с важной физиономией, но не без улыбки врач [Таубе] вызвался меня провожать. По дороге, берегом бухты, я увидел с десятков огромных пушек, заклепанных и лежавших на берегу. На вопрос мой, что это такое, врач отвечал, что это следствия недоразумения. Когда неприятель шел от северных фортификаций на юг, то приказание Меншикова³ не было понято якобы, и пушки эти закле-

¹ Соймонов Федор Иванович (1800—1854) — с 1852 г. — генерал-лейтенант, начальник 10-й пехотной дивизии. Командуя этой дивизией, принял участие в Крымской войне, при атаке английских лагерей при Инкермане командовал одной из главнейших колонн, но был убит в самом начале сражения.

² Дело 24 октября — героическое наступление русских войск на англо-французские войска, занимавшие выгодные, сильно укрепленные позиции на высотах Сапун-горы.

³ Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал. С 1813 г. находился в свите императора Александра I. В 1820 г. ему было предложено командование Черноморским флотом с целью удалить его из Петербурга; он отказался, так как никакого понятия о морской службе не имел. В 1826 г. вновь вернулся на государственную службу и был послан Николаем I с чрезвычайной миссией в Персию, где был арестован и находился в тюрьме до 1827 г. По возвращении получил поручение преобразовать морское министерство, что и исполнил с большой энергией. В турецкую кампанию 1828 г., командуя десантным отрядом, овладел крепостью Анапа, после чего был назначен командующим русских войск, подступивших к Варне. Энергично повел осаду этой крепости, но был ранен ядром в обе ноги и вынужден был оставить армию. В 1829 г. он в должности начальника главного морского штаба принял командование над морскими силами Российской империи; с 1830 г. был финляндским генерал-губернатором. В 1853 г., для переговоров с Портой, был направлен чрезвычайным послом в Константинополь. Эта миссия завершилась полным провалом. С началом Крымской войны был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму и оставался на этом посту до февраля 1855 г. Действия его во время Крымской войны вызывали и вызывают много нареканий со стороны специалистов военного дела.

пали и сбросили с батареи в море, думая, что неприятель непременно овладеет батареей и будет ими стрелять по городу. Теперь же, когда это предчувствие не сбылось, то наши ловят свои же пушки в море, вытаскивают и расклепывают. Из этого одного обстоятельства мне стало ясно, что хотя приказаний главнокомандующего и не поняли, но все-таки, хорошо поняли, что Севастополю несдобровать, когда бы неприятель занял северные укрепления.

И действительно, все свидетельства очевидцев, и знающих и не знающих дела, в том согласны, что, остановись неприятель на северной стороне города, и он бы просто церемониальным маршем мог взойти в него без малейшего препятствия. Все было в страхе и трепете, а о защите никто не думал. Стоит только посмотреть на Севастополь с северных возвышений, и видишь пред собой почти всю бухту с флотом и весь город, как на ладони. Дурачье не поняли этого, а после хвастались в газете описанием глупого и трудного марша с севера на юг, который спас город. Глупому крику гусей был одолжен Рим спасением, глупому маршу англо-французов — Севастополь. Так уж верно угодно Богу, что случай и бессмыслие в великих происшествиях назначены играть более важную роль, чем человеческая прозорливость и остроумие.

Зачерпнув раза три полные калоши грязи, я прибыл, наконец, к начальнику штаба, генералу Семякину¹. Он сидел в нагольном тулупе и беседовал со своим врачом, бывшим моим учеником, Гейнрици².

¹ Семякин Константин Романович (1802—1867) — русский генерал, участник Крымской войны. 2 февраля 1854 г. Семякин был назначен командиром 1-й бригады 12-й пехотной дивизии, состоявшей из храбрых и испытанных в боях полков Азовского и Днепровского. За геройский подвиг, совершенный под Балаклавой, Семякину 28 декабря 1854 г. был пожалован орден св. Георгия 3-й степени.

² Гейнрици Александр Александрович (1824—1895) — ординатор в клинике Пирогова при Медико-хирургической академии в Петербурге. С марта 1853 г. Гейнрици постоянно находится в войсках. В начале 1854 г. он в составе Азовского полка направлен под Севастополь. С сентября 1854 г. по январь 1855 г. Гейнрици находился на передовых перевязочных пунктах, оказывая помощь раненым. Весь 1855 г. он пробыл в Севастополе и принял участие в неудачном нападении наших войск на крепость союзников в Евпатории, а также в сражении на реке Черной.

У него же встретился с Баумгартеном¹.

Оказалось, что и этого героя я знаю; он меня помнит, по крайней мере, по одной операции, которую я сделал ему за несколько лет. Поговорив несколько о том, чему нельзя помочь, я хотел было отделаться этим одним визитом и передать мой конверт на имя главнокомандующего начальнику штаба; но он взялся за это и посоветовал мне самому отправиться.

Возвратившись к моему тарантасу, я увидел Обермиллера, объясняющегося с вел. князем Мих[аилом] Николаевичем]. Я должен был также остановиться и отвечать на некоторые вопросы о дороге, раненых, сестрах милосердия и т. п.

В 6 часов вечера нужно было отправиться к главнокомандующему. Свойства окружающих его лиц не безызвестны. Открылось, что и лейб-медик его пришелся по масти. Высокая, дородная, с важной физиономией, но не без улыбки, особа, провожавшая меня к начальнику штаба, был не кто другой, как доктор Таубе², мой старинный пациент и известный мне и целому Дерпту по оригинальному производству экзамена. Он был казеннокоштный студент Дерптс[кого] университета] и имел необыкновенное отвращение к экзамену на степень лекаря.

Отвращение это дошло до болезненного состояния, обнаружившегося под видом истерики. Когда декан факультета Вальтер³, несмотря на все отговорки, приказал педелям доставить Таубе живого или мертвого к себе на дом для экзамена, то его, действительно, привели под руки и, как он объявил, что, сидя, не может экзаменоваться, то его положили на диван, окружили со всех сторон и начали экзаменовать, стараясь от времени до времени освежать упавшие его силы холодной водою. Я никак не мог дога-

¹ Баумгартен Александр Карлович (1815—1883) — русский генерал, герой Крымской войны. Командир 1-й бригады 10-й пехотной дивизии, вошедшей в состав Севастопольского гарнизона.

² Таубе Константин Борисович (1810—1874) — окончил курс в Юрьевском университете в 1837 г., когда Пирогов занял там кафедру хирургии.

³ Вальтер Петр Федорович (1795—1874) — профессор акушерства в Юрьевском университете (1834—1859).

даться, что бледный, как полотно, и изможденный экзаминанд Дерптского университета есть одно и то же лицо с дородным, важным, хотя и не без улыбки, лейб-медиком главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму.

В 6 часов вечера я дотащился кое-как до маленького домишки с грязным двором, где заседал главнокомандующий. Едва обо мне доложили, как дверь отворилась, и я стал перед ним, что называется, нос к носу. В конурке, аршина в три в длину и столько же в ширину, стояла, сгорбившись, в каком-то засаленном архалуке судьба Севастополя. У одной стены стояла походная кровать с круглым кожаным валиком вместо подушки; у окна стоял стол, освещенный двумя стеариновыми огарками, а у стола в больших креслах сидел писарь, который тотчас же ушел.

— Вот, как видите-с, в лачужке-с, принимаю вас, — были первые слова главнокомандующего, произнесенные тихим голосом; за этим следовало «хи, хи, хи» с каким-то спазматически принужденным акцентом.

— Пожалуйте, присядьте-с, — продолжал он, подавая мне кресла, еще согретые седалищным мясом писаря, а сам, садясь на край кровати, — были вы у меня-с, когда я ребро переломил-с; я никак не могу этого вспомнить-с.

— Был, ваша светлость, но ушел, когда вы только что начали приходить в себя.

Потом он распечатал поданный мною конверт, пробежал его, надев очки, и спросил тем же тихим, беззвучным тоном, видел ли я госпитали на моем пути.

— К сожалению, я видел один, — отвечал я, — но в таком состоянии, что желал бы лучше не видеть его.

— Да-с, было еще хуже-с, 24-го; мы не знали, что и начать-с, лежали-с на голой земле и под ливнями-с.

Есть два рода оправданий: один — просто врать, а другой — говорить правду, описывая собственную вину как нельзя хуже; выслушав такого правдолюбца, поневоле призадуматься; духа не достанет сказать: да кто же, черт возьми, виноват, как не ты сам? Это именно я и подумал, слушая, как старик сухо и бесстрастно оправдывался, обвиняя самого себя.

Да, 24 октября дело не было неожиданное: его предвидели, предназначили и не позаботились. 10 и даже 11000 было выбытых из строя, 6000 с лишком раненых, и для этих раненых не приготовили ровно ничего; как собак, бросили их на земле, на нарах, целые недели они не были перевязаны и даже не накормлены.

Укоряли англичан после Альмы¹, что они ничего не сделали в пользу раненого неприятеля; мы сами 24 октября ничего не сделали.

Приехав в Севастополь 12 ноября, следовательно, 18 дней после дела, я нашел с лишком 2000 раненых, скупченных вместе, лежащих на грязных матрацах, перемешанных, и целые 10 дней почти с утра до вечера должен был оперировать таких, которым операции должно было сделать тотчас после сражения. Только после 24-го явился начальник штаба² и генерал-штаб-доктор³; до того, как будто и войны не было; не заготовили ни белья для раненых, ни транспортных средств и, когда вдруг к прежним раненым прихлынуло 6000 новых, то не знали, что и начать.

За кого же считают солдата? Кто будет хорошо драться, когда он убежден, что раненого его бросят, как собаку. Наведавшись о здоровье Сузы⁴, главнокомандующий спросил и о сестрах милосердия:

¹ Во время Крымской войны в сражении на Альме русские войска были разбиты англо-франко-турецкими войсками 8 (20) сентября 1854 г. Французы отпраздновали победу сооружением моста Альма через Сену в Париже.

² Коцебу Павел Евстафьевич (1801—1884) — граф, русский генерал, участник Крымской войны. В феврале 1855 г. Коцебу был назначен начальником штаба Южной армии и всех сухопутных и морских сил, расположенных в Крыму. Во время осады Севастополя он неоднократно лично руководил вылазками и за мужество и храбрость, о которых свидетельствуют даже неблагоприятно отзывавшиеся вообще о Коцебу участники обороны (например, П. К. Меншков), получил 13 сентября орден св. Георгия 3-й степени.

³ Шрейбер Иван Петрович (1794—1861) — генерал-лейтенант, окружной генерал 6-го округа внутренней стражи, раньше был врачом в Чугуевском военном поселении, основанном Аракчеевым и руководимом по его «заветам».

⁴ Суза Софья Андреевна — племянница А. С. Меншикова.

— Будет ли-с толк от них? Чтобы не сделать-с после еще 3-го сифилитического отделения в госпитале-с.

— Не знаю, ваша светлость, — отвечал я, — все будет зависеть от личности женщин, которые будут выбраны.

Мысль учреждения, очевидно, хороша и уже практически применена; остается знать, как удастся применение у нас.

— Да-с, правда, и у нас теперь какая-то Дарья¹, говорят, очень много-с помогала-с и даже сама перевязывала-с раненых под Альмой... А что? Вы уже приютились?

— Мне уже отвели квартиру, ваша светлость, лучше вашей.

— Хи, хи, хи, хи, — судорожно произнесенное, но с некоторым удовольствием. После этого он начал разбирать кучу писем от пленных, и я, спросив его из учтивости, — признаюсь, не из участия, — о состоянии его здоровья, счел за нужное убраться поскорее из жарко-нажарко на-топленной лачужки, встал и откланялся.

— Прощайте-с, мы близко здесь живем друг возле друга-с, — и опять принужденно судорожное: хи, хи, хи...

Так окончилось свидание с провидением Севастополя. Что же это такое? Пуф или правда? Что значит это уединение, это притворное спартанство? К чему жить в лачужке и хвастаться еще этим, когда можно бы жить и в городе и в батарее, где мы теперь живем. Что значит это смирение, эта тихая, прерывистая речь?

¹ Дарья Александровна — дочь матроса, знаменитая своим самоотверженным, бескорыстным служением больным и раненым в Крымской войне. Оставшись 15-ти лет круглой сиротой, зарабатывала на жизнь стиркой белья. После высадки неприятеля в Евпатории отправилась вслед за нашими войсками к р. Альме. Когда войска наши, проиграв сражение 8 сентября, возвращались после продолжительной и упорной битвы обратно к Севастополю изнуренными, обессиленными физически и морально, со множеством раненых и изувеченных, истекавших кровью, Дарья обратилась в сестру милосердия и принялась безвозмездно помогать страдальцам. Повозка Даши была первым по приходе неприятеля в Крым перевязочным пунктом, а сама она первой сестрой милосердия. Поступок простой девушки на другой же день разнесся по всему Севастополю, стал известен в столицах. Бедная сиротка, без роду и племени, из простой Даши сделалась теперь Дарьей Александровной и достойно награждена.

По дороге в Севастополь я познакомился с двумя партиями, одна укоряет главнокомандующего, что он не обращает ни малейшего внимания на административную часть, имея в виду только одну стратегическую; к другой принадлежал именно Апраксин, который называл себя дураком за то, что он, оставив жену и детей, вступил опять в службу, и оконтуженный возвращался воевать.

Апраксин, как кажется, добрый и честный парень, утверждал, что гений Меншикова в тайне prepares огромные планы, что это — величайший полководец, знающий все глубины человеческого сердца, что он один только может спасти Севастополь и что без него все потеряно. Приехав в Севастополь, я, за исключением доктора Таубе, который *volens nolens*¹ должен все хвалить в своем пациенте, кроме его привязанности к Радемахеру², Распайлю³ и атомистике⁴, узнал только одну партию: ненавистников, к которой незаметно перешел я и сам, посетив бахчисарайский и севастопольский военно-временные госпитали.

¹ Волей-неволей (лат.).

² Радемахер Иоган (1772—1849) — немецкий врач-мистик, противник научной медицины, основатель так называемой «здоровомыслящей опытной терапии», которую выводил из алхимии; имел много последователей в кругах аристократии.

³ Распайль Франсуа-Венсан (1794—1878) — французский химик и врач, изобретатель курьезной лечебной системы, заключавшейся в применении камфоры, которая является якобы радикальным целебным средством от всех болезней. Распайль был также деятельным участником июльской революции 1830 г. и всех последующих; много сидел в тюрьмах; выпустил впоследствии двухтомное сочинение о преобразовании системы наказаний.

⁴ Атомистика — лженаучная система лечения, изобретенная лейб-медиком Николая I Мартыном Мандтом (1800—1858). В ней было кое-что от гомеопатии; Мандт также применял лекарства в очень малых дозах. Мандт утверждал, что некоторые лекарства, как, например, цинковая мазь, от продолжительного растирания приобретают особенную силу. Мандт изложил свою атомистическую систему в немецкой брошюре о лечении холеры. Николай I велел издать эту брошюру в русском переводе и разослать во все военные госпитали для руководства. Военным врачам приказано было иметь всегда при себе сумки с лекарствами Мандта.

Главная квартира, тихая и безмолвная, как могила, — это уже, что ни говори, не по-русски, да и к чему? Людям, у которых жизнь на волоске, скучать вредно. Беззаботность об участии солдат (которых он, говорят, ругает напропалую) и явственное пренебрежение ко всему, что греет и живит, не может привлечь сердца. Возможно ли, чтобы главнокомандующий ни разу не пришел в госпиталь к солдатам, ни разу не сказал радушного слова тем, которые лезли на смерть?

Я видел на Кавказе, что Воронцов¹ приходил сам к раненым, раздавал им деньги, награды, а Меншиков приезжал только однажды в госпиталь к генералу Вильбуа и не пришел взглянуть, как лежали на нарах скученные, замаранные, полусгнившие легионы, высланные на смерть.

Время покажет, что такое Меншиков, как полководец; но, если даже он и защитит Севастополь, то я не припишу ему никогда этой заслуги. Он не может или не хочет сочувствовать солдатам, — он плохой Цезарь. Он хочет свои недостатки прикрыть мистическим молчанием и притворным спартанством; но навряд ли многих надует. Дай бог, чтобы все это было неправда, чтобы Меншиков сделался, действительно, великим мужем в истории. Я этого ему от души желаю, потому что желаю видеть Севастополь в наших руках; но то верно, что солдаты не знают своего полководца, полководец не заботится о солдатах. В двух комнатах, отведенных нам в батарее, нас поместилось четверо, а потом, через девять дней, когда приехало еще четверо врачей, и они все поместились тут же; от этого наша квартира сделалась похожей на Нижегородскую ярмарку. По утру мы все выезжаем гуртом на казацких лошадях, прикомандированных к нам начальником штаба, вечером собираемся вместе. 12 дней в Севастополе прошли один, как другой; только три раза удалось побывать мне в самом городе, переехав на ялике Нахи-

¹ Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — участник Отечественной войны 1812 г., российский государственный деятель, граф, а с 1845 г. светлейший князь, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант; почетный член Петербургской академии наук (1826).

мова¹; два раза я был в Дворянском собрании, в котором теперь устроен перевязочный пункт; в танцевальной зале лежат на полу человек двадцать раненых, в билиардной делаются операции, на билиарде расположены перевязочные вещи; до этого дома до сих пор еще не долетали неприятельские ядра; но когда мы посещали другой перевязочный пункт, находящийся вместе с временным госпиталем в казармах около морского госпиталя, то в бухте показался наш пароход и в то же самое мгновение пролетело мимо нас в почтительном расстоянии ядро английской батареи и упало в воду саженьях² в 10 от парохода³...

Из этих казарм видны неприятельские батареи, рассеянные по возвышениям южной стороны города. Они [казармы] выстроены на крутой горе, на которую надо подниматься пешком и не без труда по склизкой слякоти. Морской госпиталь, выстроенный на этой же самой горе, очищен от больных; в него во время бомбардировки, несмотря на выкинутый красный флаг, летали бомбы, из которых одна упала между двумя кроватями, лопнула, но не

¹ Нах им о в Павел Степанович (1802—1855) — знаменитый русский адмирал. С 1834 г. служил в Черноморском флоте, командиром линейного корабля «Силистрия». В 1845 г. произведен в контр-адмиралы и назначен командиром бригады кораблей. С 1852 г. — вице-адмирал, назначен начальником флотской дивизии. Во время Крымской войны 1853—1856 гг., командуя эскадрой Черноморского флота, Нахимов в штормовую погоду обнаружил и заблокировал главные силы турецкого флота в Синопе и, умело проведя всю операцию, разгромил их в Синопском сражении 1853 г. В период Севастопольской обороны проявил стратегический подход к обороне города. В Севастополе Нахимов хотя и числился командиром флота и порта, но с февраля 1855 г., после затопления флота, защищал, по назначению главнокомандующего, южную часть города. Пользовался величайшим нравственным влиянием на солдат и матросов, звавших его «отцом-благодетелем». 28 июня (10 июля) 1855 г., во время одного из объездов передовых укреплений был смертельно ранен пулей в голову на Малаховом кургане. Скончался 30 июня 1855 г. Похоронен в склепе Владимирского собора в городе Севастополе.

² Са ж е н ь (сяжень, сажень, прямая сажень) — старорусская единица измерения расстояния. С 11 октября 1835 года длина сажени была приравнена к длине 7 английских футов, то есть к 2,1336 метра.

³ На этом заканчивается 6-я страница рукописи продолжения «Журнала экспедиции»; окончание начато на листке, который заполнен письмом от 25 декабря.

сделала вреда; рассказывают, как любопытный факт, что во время переноски больных падавшие на двор бомбы не повредили ни одного больного, ни одного служителя; зато в перевязочном пункте, который устроили было на-супротив госпиталя, в доме Уптона, одна бомба влетела через крышу в комнату, где делали операции, и оторвала у оперированного больного обе руки.

№ 7

[29 ноября 1854 г.]

У меня готово продолжение¹, но я его не посылаю тебе теперь, потому что, прочитав написанное, я сам испугался, что уже слишком много сказал правды. После, при удобном случае, ты получишь его.

Вот тебе описание двенадцатидневной жизни в Севастополе от прибытия до поездки в Симферополь.

Симферополь. 29 ноября [1854 г.]

Полутру в семь часов замечается в нашей квартире необыкновенное движение. Все суетится. Представь себе, пять молодых людей, встающих в одно время с полу, в комнате, в которой от чемоданов и ящиков и повернуться негде. Всякий ищет там и то, где он никогда и ничего не клал. Фельдшера бегают из одной комнаты в другую, принося кому платье, кому сапоги. Я умываюсь морской водой, напяливаю сверх панталон большие мужицкие сапоги, купленные в Екатеринославе и ежедневно питаемые салом, надеваю мой дипломатический сюртук, уже порядочно пропитанный различными животными началами, и сажусь пить кофе, иногда с молоком, а иногда и без молока, закусывая хлебом, не имеющим никакого притязания называться мягким.

¹ Имеется в виду продолжение «Журнала экспедиции», посланное при письме от 13 декабря.

В девятом часу крымский казак приводит четверку верховых кляч, я надеваю солдатскую шинель, купленную здесь у одного солдата и перешитую придворным портным, мундирную фуражку, взятую напрокат у Обермиллера, и сажусь на лошадь. Эта шинель имеет неоспоримые выгоды в Севастополе уже потому, что она как-то под цвет с грязью.

Целая кавалькада отправляется в госпиталь, расположенный за полверсты от нас в так называемых бараках, бывших морских казармах. На кроватях лежат немногие раненые, большая часть — на нарах. Матрацы, пропитанные гноем и кровью, остаются дня по четыре и пять под больными по недостатку белья и соломы. Обыкновенно слышишь утешение, что после 24 октября было еще хуже.

В десятом часу начинается перевязка и продолжается до двух и трех часов. В три часа сносятся те раненые, которым необходимы операции, в одну длинную комнату, похожую на коридор, и там на трех столах разом начинаются операции по 10 и 12 в день и продолжают, пока стемнеет, следовательно, почти до 6 часов.

При перевязке можно видеть ежедневно трех или четырех женщин; из них одна знаменитая Дарья, одна дочь какого-то чиновника, лет 17 девочка, и одна жена солдата. Кроме этого, я встречаю иногда еще одну даму средних лет в пуклях и с папиросой в зубах. Это — жена какого-то моряка, кажется, приходит раздавать свой или другими пожертвованный чай.

Дарья является теперь с медалью на груди, полученной от государя, который велел ее поцеловать великим князьям, подарил ей 500 рублей и еще 1000, когда выйдет замуж. Она — молодая женщина, недурна собой [...]. Под Альмою она приносила белье, отданное ей для стирки, и здесь в первый раз обнаружилась ее благородная склонность помогать раненым. Она ассистирует и при операциях.

На днях я роздал по рукам по осьмушке чаю и по фунту сахару на каждого больного из пожертвованных сумм, купил чайников и вина. Женщины при нас во время перевязки поят больных чаем и раздают им по стакану вина.

Отделавшись в госпитале, мы тем же порядком отправляемся в наш каземат и садимся обедать. Обед приго-

товляет солдат, госпитальный повар. Два кушанья, борщ или суп и бифштекс, составляют специальность этого повара, за другое он не берется; но эти блюда он изготовляет не без шика. Кайэн и пикули, отпущенные тобою, оказались весьма кстати. Крымское вино по 30 коп. сер. за бутылку не худо. Иногда после обеда засыпаю, иногда играю в шахматы, привезенные доктором Каде¹ в виде сюрприза. Около 8 часов кто-нибудь обыкновенно является для компании.

Перед сном я снимаю красную фуфайку и вытираюсь спиртом и потом засыпаю, пробуждаемый неоднократно кусаньем блох.

Так проходит регулярно один день за другим. Так прошло десять дней. В это время я был и в самом городе три раза. Не пугайся, нет тут ничего страшного. Когда я был на другой стороне бухты в госпитале, то одно ядро прожужжало по бухте и упало в саженях тридцати от парохода, который показался на одном ее конце. Вот все, что до сих пор я видел, или, лучше, слышал из ядер. Правда, всякий день, особливо к вечеру, слышна несколько времени канонада; наши препятствуют их работам, они — нашим, но ничего не выходит очень серьезного. Делают также ночью вылазки небольшие в их траншеи.

Жизнь, которую я веду, не позволяет скучать, и потому мне не скучно, хотя я не вижу ни тебя, ни детей. Мыслей других нет и быть не может, как об раненых; засыпаешь, видя все раны во сне, пробуждаешься с тем же.

Читать и писать времени нет. Усталый вечером думаешь только, как бы отдохнуть. Обермиллер заведует письменной частью, он ведет заметки и составляет списки раненых, которые подверглись операциям или почему-нибудь замечательны.

Встречу с главнокомандующим я описал, но пришлю после.

¹ Каде Эраст Васильевич (1817—1889) — известный в свое время русский хирург. После завершения Московского университета был отправлен для усовершенствования в медицине за границу, после возвращения назначен врачом миссии в Тегеран. В Крымскую кампанию был ассистентом Пирогова. С 1867 г. главный врач Санкт-Петербургской Мариинской больницы, где организовал хирургическое отделение.

Пробыв двенадцать дней в Севастополе, я успел в это время распределить больных по отделениям, отделить нечистые раны от чистых и оперировать почти всех запущенных с 24 октября. Кончив это, отправился 25 ноября в Симферополь, не предвидя покуда никакого важного события, хотя вранья было довольно, но все основанного на одних слухах и показаниях пленных и беглецов. Эти беглецы большей частью немцы и испанцы из иностранного легиона французской армии; они уверяли, что будет штурм в день Синопской битвы¹; кстати, скажи Николаю Ивановичу Пущину², что я в этот день был у Нахимова; это такой же оригинал; разговор с ним сообщу после, описывая мое посещение главнокомандующего; уверяли также, что будет [штурм] в день избрания Наполеона³, но до сих пор ничего не подтвердилось, батареи неприятеля подвигаются к нашим; думают, что будут обстреливать наш флот, но до сих пор с 24 октября можно все действия почти что назвать бездействием, судя по количеству и силе выстрелов.

Что будет вперед, бог знает: останутся ли зимовать, уйдут ли, будут ли штурмовать и бомбардировать, — никто ничего не знает положительно.

26 ноября я прибыл в Симферополь, употребив на проезд шестидесяти верст из Севастополя целые два дня, и останавливаясь ночевать, потому что ночью нет средств ехать в тарантасе; наш тарантас, как корабль во время сильной морской бури, должен был то подниматься на камни и буераки, раскинутые по дороге и прикрытые толстым слоем грязи, то опускаться в рытвины, то склоняться на бок почти до упаду в глубокие колеи.

От Севастополя до первой станции — Дуванов на пространстве шестнадцати верст лежат целые десятки падших лошадей и гниют в грязи; орлы или род коршунов-

¹ День Синопской битвы — 18 ноября 1853 г. Знаменитая победа русской эскадры под водительством П. С. Нахимова над турецким флотом в Синопской бухте.

² Пущин Николай Иванович (1803—1874) — деятель судебного ведомства, друг Пирогова, брат декабриста Ивана Ивановича Пущина, товарища А. С. Пушкина по Лицею и его «первого», «бесценного» друга.

³ День провозглашения Наполеона III императором Франции — 2 декабря 1852 г.

ягнятников целыми стаями слетаются на падаль и гордо сидят, расправивши крылья, как имперские гербы, на полусгнивших остовах.

Остановившись на несколько часов в Бахчисарае, посетив госпиталь, вынудив несколько пуль, сделав три ампутации, раздав чай и сахар раненым, мы отправились далее и поутру часов в восемь прибыли в Симферополь. Здесь раненые, числом с лишком тысяча, все почти тяжелораненые, рассеяны в тридцати домах; все дома публичных заведений и некоторые обывательские заняты; нужно разъезжать с утра до вечера; поэтому, заняв один только оставшийся порожним номер в гостинице «Золотого якоря», я веду точно такую же жизнь, как и в Севастополе, с той только разницей, что не надеваю мужицких сапогов и ем по карте три кушанья вместо двух.

Сейчас получил бумагу от статс-секретаря Гофмана¹ об отправившихся из Санкт-Петербурга сюда сердобольных шестидесяти вдовах, распределение которых поручается также мне. Но ни эти вдовы, ни сестры общины Елены Павловны еще не прибыли, а они здесь, действительно, будут нужны; им можно будет поручить раздачу чая и вина раненым; на другую прислугу нельзя положиться.

№ 8

Симферополь. 6-го декабря [1854 г.]

Пишу на почте. Из Севастополя я тебе отправил два письма, из Симферополя — одно; все с фельдъегерем; одно письмо лежит у меня в портфеле; его опасаюсь послать, потому что в нем много правды. Сегодня уезжаю в Карасу-Базар, оттуда, может быть, проеду в Феодосию и потом обратно через Симферополь в Севастополь.

¹ Статс-секретарь Гофман заведовал женскими благотворительными учреждениями. Вслед за основанием Крестовоздвиженской общины сестер милосердия решено было послать в Крым обитательниц петербургского Вдовьего дома («Сердобольные вдовы»), подготовленных для ухода за больными.

Ради бога, моя душка, не скучай и не сетуй, это отнимает у меня охоту работать. Терпи; начатое нужно кончить, нельзя же, предприняв дело, уехать, ничего не окончив; предстоит еще многое; подумай только, что мы живем на земле не для себя только; вспомни, что пред нами разыгрывается великая драма, которой следствия отзовутся, может быть, через целые столетия; грешно, сложив руки, быть одним только праздным зрителем, кому Бог дал хоть какую-нибудь возможность участвовать в ней.

Я знаю, что для тех, кого Он, как нас, благословил счастьем в семейном круге, тяжело, оставив тихий, приятный быт, подвергать себя всем беспокойствам и тягостям разлуки с милыми сердцу и лишениям; но тому, у кого не остыло еще сердце для высокого и святого, нельзя смотреть на все, что делается вокруг нас, смотреть односторонним эгоистическим взглядом, — и ты, которую я привык уважать за твои чувства, верно утетишься, подумав, что муж твой оставил тебя и детей не понапрасну, а с глубоким убеждением, что он не без пользы подвергается лишениям и разлуке. Больше ничего не могу сказать в утешение тебя и себя.

Бог даст, настанет день радости для нас [...]. Святое и высокое тебе не чуждо; ты во многом еще можешь сама мне служить примером.

Я пробыл в Симферополе целую неделю и осмотрел всех раненых, рассеянных в двадцати разных местах. Здесь заняты ими все публичные места: губернское правление, дворянское собрание, благородный пансион и много частных домов; и здесь так же, как в Севастополе, от 9 часов утра до 4 часов я был всякий день занят в госпиталях осматриванием больных, перевязкой и операциями.

Жил в скверном номере «Золотого якоря», по вечерам ловил блох и вшей, ездил по грязным улицам и ел чудные груши.

Дней пять тому назад приехала сюда Крестовоздвиженская община сестер Елены Павловны, числом до тридцати, и принялась ревностно за дело; если они так будут заниматься, как теперь, то принесут, нет сомнения, много пользы. Они день и ночь попеременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают и при операциях, раздают больным чай и вино и наблюдают за служите-

лями и за зрителями и даже за врачами. Присутствие женщины, опрятно одетой и с участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий. Но еще должны приехать сердобольные императрицы¹, и я недавно получил письмо от статс-секретаря Гофмана, в котором распоряжение этих вдов поручается также мне.

Чтобы избежать столкновения между женщинами, принадлежащими различным ведомствам, хотя и назначенными для одной цели, я должен разместить первую общину отдельно от второй и потому посылаю сестер Елены Павловны в Севастополь, в Бахчисарай и Карасубазар, а вдов оставляю покуда в Симферополе. Не знаю, каково-то им будет в Севастополе; здесь, в Симферополе, у них есть хорошая квартира и им дают экипаж, а в Севастополе им придется жить между самыми больными, в бараках, и ходить пешком в сапогах по грязи; некоторым из них это не покажется, но тут-то и видно будет, кто из них взялся за дело по призванию, а не из других видов.

Сама директриса², женщина еще не старая, в очках, управляется до сих пор с ними довольно хорошо, поступает энергически и, разъезжая по госпиталям, наблюдает за ними.

Между ними есть и хорошо образованные: одна монахиня или послушница, одна вдова какого-то офицера, наша Лоде, говорящая на пяти различных наречиях и выбирающая преимущественно раненых пленных, восторженная и удивляющаяся нередко красоте мужчин.

На этих днях приехали двое врачей из Дунайской армии: один мой ученик, а другой — Джульяни, племянник Вандрамини, знакомый Шульца³, с неисчислимым запасом рассказов, заставляющих хохотать от души, и

¹ Имеется в виду императрица Александра Федоровна (1798—1860), жена Николая I, урожденная принцесса Фредерика Шарлотта Вильгельмина, известная также как Шарлотта Прусская.

² Стахович Александра Петровна — начальница Крестовоздвиженской общины.

³ Шульц Георг Юлий (1808—1875) — учился медицине в Юрьеве с 1826 по 1833 гг.; был приятелем Пирогова, состоял при нем прозектором анатомического института и ординатором госпитальной клиники Медико-хирургической академии в Петербурге.

успевший уже сделаться любимцем госпожи Лодде, которому она открыла, что она готова переносить в ее новом призвании все, исключая «*des choses indécents*¹» вследствие чего учтивый Джульяни при ней прикрывает раненых простынями и одеялами.

Самая ужасная вещь — это недостаток транспортных средств, отчего больные постоянно накапливаются в различных местах, должны поневоле оставаться иногда целые дни и ночи на полу без матрацов и без белья и терпеть от перевозки в трясках телегах и по сквернейшей дороге в свете; от этого самые простые раны портятся и больные еще более заболевают. Смотри на этих несчастных, благодаришь бога и миришься со всеми лишениями, видя, что есть люди, которые без ропота переносят то, что казалось бы невыносимым для человека.

Весь свой багаж, исключая мешка и погребца, тарантас и пр., я оставил в Симферополе и отправляюсь теперь налегке; это одно средство выиграть время в переездах, иначе, страшно сказать, едешь шестьдесят верст целые двое суток. Погода здесь беспрестанно переменяется: то вдруг тепло, как у нас в июле месяце, то вдруг ливень, морозов, однако же, до сих пор еще не было, и шуба моя уже давно лежит припрятана в чемодане; солдатская шинель и иногда бекеш заменяют ее вполне.

По крайней мере, еще недели две не предвидится никакого серьезного дела в Севастополе; наши делают ночью небольшие вылазки: в одной из них наши унесли на руках три мортиры с неприятельской батареи; один казак схватил спящего французского офицера, тот ему откусил нос, а казак, руки которого обхватили крепко француза, укусил его в щеку и так доставил его пленным.

Неприятель подвигается, однако же, все ближе; ждут еще нового десанта; но ничего верного. Великие князья проехали отсюда ночью в Петербург, — говорят, что императрица нездорова, — и хотели опять возвратиться; но навряд ли: им, я думаю, жизнь в Севастополе порядочно надоела.

Из новых знакомств, которые я должен был сделать в Симферополе, можно назвать только три замечательные:

¹ Неприличные вещи (фр.).

Княжевич, председатель казенной палаты, которому поручены также сердобольные; доктор Арендт¹, брат нашего Арендта², человек так же живой и рассеянный, как и наш, отличающийся однако ж от него двумя трубочками, которые он постоянно носит в носу, вдыхая из них крезот от одышки, и еще мой старый товарищ Московского университета, которого я после двадцати семи лет вчера в первый раз увидел мертвецки пьяного.

Ты мне писала несколько раз о Сартори³, Шульце и прочих, но я заочно ничего не могу сделать; нужно уже обождать, пока, бог даст, ворочусь. Скажи только Шульцу, чтобы он, по обыкновению своему, не ленился и исполнил бы совестливо ту работу, которую я ему поручил [...].

В Симферополе новый генерал-губернатор, Адлерберг; не знаю, как-то он справится, но положение не завидное; к весне, я думаю, если будет все так продолжаться, как теперь, что разовьется тиф или что-нибудь хуже от этого стечения раненых и беспорядка в транспорте; если подумаешь, что в Севастополе англичане хоронят их мертвых, зарывая только на аршин, что кругом на воздухе гниют внутренности убитых животных, везде вокруг лежит падаль, да если еще к этому начнутся весной жары, то весь край будет в опасности заразиться. Я это толковал Адлербергу и подал ему докладную записку; но он жалуется на недостаток транспортных средств и сам не знает, что начать.

В Севастополе теперь тысячи три с лишком больных и раненых, в Симферополе — четыре, в Карасубазаре — семьсот, в Бахчисарае — пятьсот, в Феодосии — одна тысяча пятьсот, вывозу нет, а других мест в целом Крыму до Перекопа также нет. Да еще если к этому пришлют

¹ Арендт Андрей Федорович (1795—1862) — штаб-лекарь, инспектор врачебной управы Таврической губернии, действительный статский советник. Известный в Симферополе врач, владелец имения близ Алушты.

² Арендт Николай Федорович (1785—1859) — лейб-медик Николая I; участвовал в лечении А. С. Пушкина перед его смертью.

³ Сартори — художник, изготовлявший рисунки для классического труда Пирогова «Топографическая анатомия».

новое число раненых, то тогда уже бог знает, как справиться. Но велик русский бог, надо надеяться и молиться.

Если увидишь Соф[ью] Анд[реевну] Суза, то скажи ей, что я в Симферополе всякий день виделся с молодым Меншиковым; он, контуженный в голову, проживает здесь и, кажется, скоро опять отправится в Севастополь [...].

№ 9

13 декабря [1854]. Бахчисарай

Вчера получил твое письмо от 30 ноября; ты все жалуешься и сетуешь. Утешься, мой милый душенька; я пишу, сколько могу, и мог бы чаще к тебе отправлять письма, но не всегда попадаю на фельдъегерей, особливо в последние две недели, когда я был в разъездах; так что последнее письмо — из Симферополя с почтой (от 6 декабря) и не знаю, когда ты его получишь [...]. Я сегодня же отправляюсь в Севастополь; мы дорогу из Симферополя в Севастополь делаем верхом, семьдесят верст, иначе нет возможности, так скверна дорога.

Письмо, которое ты при этом получишь, не показывай покуда никому; тут я говорю кое-что про Меншикова, чтобы это не разошлось. Чтобы не потерять счету: я к тебе отправил три письма с дороги (из Москвы, Харькова, Екатеринослава), два из Севастополя (через Медицинский департамент), одно из Симферополя, по почте, и одно из Бахчисарая теперь, тоже с фельдъегерем. Будь уверена, что я не ленюсь и помню о тебе; а главное, повторяю, береги себя.

Сегодня здесь в первый раз морозит, а то до сих пор стояла или чудеснейшая летняя погода, или дождь лил без милосердия; вчера еще в саду Бахчисарайского дворца я видел две дикие розы в цвету; мое путешествие и самый Бахчисарай я тебе опишу после. Не видал Севастополя уже две недели почти, знаю только по слухам, что там делается.

Сюда прибыл Сакен¹, и теперь все надеются, что пойдет лучше; но, когда и как все кончится, еще никто и ничего не знает; и я не знаю, когда мне нужно будет уехать отсюда — с триумфом победы или улепетывать; впрочем, все надеются.

— Будет ли взят Севастополь? — я спрашивал у матросов.

— Не надеемся-с, — отвечали они, — прежде могли бы взять, а теперь так нет-с.

Про сестер милосердия я тебе писал в письме из Симферополя; если великая княгиня пришлет еще к тебе узнать, то скажи, что сестры до сих пор принялись с ревностью ухаживать за больными, так что две занемогли, но, надеюсь, выздоровят; до сих пор ничего не слышно о любовных интригах с офицерами, но, как об этом начали было поговаривать, то я запретил посылать сестер к юнкерам, тем более, что между ними мало опасно раненых; пять из них будут жить в Бахчисарае, а остальные все переедут в Севастополь; сердобольные

¹ Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1789—1881) — член Государственного совета, заведующий военными поселениями на юге России, участник походов против Наполеона и Крымской войны. За отличия в Бородинском сражении был произведен в штаб-ротмистры и награжден 19 декабря 1811 г. орденом св. Анны 4-й степени. После бегства французов из Москвы, преследовал неприятеля, находясь в отряде графа Милорадовича и участвовал в боях с французами под Тарутино, при Малоярославце, Вязьме (за отличие награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом). Когда началась война с Турцией, то Остен-Сакену были подчинены, на правах командира отдельного корпуса, Бессарабская область и та часть Херсонской губернии, что лежит на правом берегу реки Буга. Находясь в Одессе во время объявления Крымской кампании, барон Остен-Сакен принял энергичные меры к защите города, и под его руководством были возведены те батареи, которые 10 апреля 1854 г. с успехом отражали нападение союзного флота. За это отражение он был награжден 21 апреля орденом св. Андрея Первозванного. Вслед за этими событиями он был назначен начальником Севастопольского гарнизона и в течение всей осады принимал самое деятельное участие в обороне, причем с 18 февраля 1855 г., после отъезда князя Меншикова из Севастополя, состоял начальником севастопольских войск до прибытия нового главнокомандующего князя Горчакова. 3 марта 1855 г. Остен-Сакен назначен шефом Новоархангельского уланского полка и 28 августа покинул Севастополь со всем своим штабом.

императрицы, адресованные Гофманом ко мне, еще не приехали и останутся, приехав, в Симферополе; через это надеюсь избежать различных столкновений между ними.

Больным здесь все еще худо; перевоз их из одного места в другое ужасен: в некрытых телегах, без шуб, ночлеги на открытом воздухе или в холодных избах, потом переезд в лодках через Днепр верст семнадцать; но и об этом напишу тебе подробно после.

Прощай, мой душенька, будь спокойна, по крайней мере, если не можешь быть веселой; береги детей, целуй их, благослови их. Смотри же, о Меншикове в моем письме не говори никому. Целую и обнимаю тебя.

№ 10

18 декабря [1854]. Севастополь. Суббота

Получил твое письмо от 8 декабря сегодня и с флигель-адъютантом Шеншиным посылаю тебе два письма: одно, писанное из Бахчисарая, во время моего проезда, другое — сегодня за час до отъезда Шеншина и поэтому я спешу; тебе нужно только знать, каков я, жив ли, здоров ли, люблю ли тебя по-прежнему. Я жив, здоров покуда и люблю тебя, как всегда; ты сама знаешь, как. Письмо, которое я хотел отправить из Бахчисарая, не отправлено, потому что не нашли фельдъегеря, и потому его взял Шеншин вместе с этим; оно по адресу конторы ее императорского высочества Елены Павловны и потому ты получишь оба письма, одно от Шеншина, другое же должна получить из конторы Елены Павловны.

Если она¹ пришлет спросить, то скажи, что ее сестры до сих пор оказались так ревностными, как только можно

¹ Имеется в виду великая княгиня Елена Павловна (1807—1873), до принятия православия принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская, супруга великого князя Михаила Павловича, благотворительница, государственная и общественная деятельница, известная сторонница отмены крепостного права и Великих реформ середины XIX века.

требовать; день и ночь в госпитале. Двое занемогли; они поставили госпитали вверх дном, заботятся о пище, питье, просто чудо; раздают чай, вино, которое я им дал. Если этак пойдет, если их ревность не остынет, то наши госпитали будут похожи на дело.

Несмотря на все это, худое начало не исправляется легко. В Симферополе лежат еще больные в конюшне, соломы для тюфяков нет, и старая, полусгнившая солома с мочой и гноем высушивается и снова употребляется для тюфяков; соломы здесь уже совсем нет (в Севастополе), пуд¹ сена стоит 1 рубль 75 копеек серебром. В открытых телегах, без тулупов, везут больных в течение семи дней из Симферополя в Перекоп; они остаются без ночлега, на чистом поле, или в нетопленных татарских избах; остаются иногда дня по три без еды и прочее и прочее, а если будет еще новое дело, то бог знает, что сделают с ранеными. Вот следствия беспечности и непредусмотрительности, когда ничего не заготавливали, шутили, не верили, не приготавливались.

Одно письмо из Симферополя, посланное по почте, ты получишь, верно, после этого письма; я два послал из Симферополя — одно отдал сыну Меншикова с курьером, а другое — по почте. Пожалуйста, не пили меня, что я пишу для других; ты ведь очень хорошо знаешь сама, что это глупость. Сартори, Мюнцлову и другим скажи, что я отсюда ничего не могу сделать; нужно ждать моего возвращения, если бог поможет возвратиться по добру и по здорову. На «*Gaz. Med.*»² покуда подпишись.

Сестра Лоде осталась с пятью другими в Бахчисарае, там ее брат. Слава богу, что ты успокоилась. Верь мне, душенька, если ты покойна и здорова, если детки веселы и здоровы, то это мне дает силу и спокойствие переносить все труды и лишения. Целую миллион раз тебя и детей и благословляю вас.

Корпии и перевязочных средств никогда не будет довольно для раненых. Бинты едва моются и мокрые накладываются; и так, чем больше, тем лучше.

¹ Пуд — русская устаревшая мера веса, равная 16,38 кг.

² «Медицинская газета» (нем.).

25 декабря [1854]. Севастополь

Сегодня получил твое письмо от 12 декабря и спешу мое отослать с фельдъегерем, который отходит сегодня. По возвращении моем из Симферополя я нашел здесь все по-старому, за исключением потери одного товарища, которого ты видела у нас и имя которого ты не могла еще хорошо выговорить — Сохраничева. Приехав из Симферополя, я застал его в бреду, он узнал и не узнал меня и был уже шесть дней болен; еще шесть дней продолжалась болезнь, бред и молчание перемежались, агония продолжалась три дня; больной, совершенный труп, без пульса, с холодными руками, дышал и двигался судорожно.

Я должен был перейти в одну комнату вместе с Обермиллером и Каде; от этого наша квартира была похожа на что-то среднее между казармой и госпиталем; возле нас лежал умирающий, и мы должны были и обедать, и смеяться, и в шах играть, беспрестанно слушая стоны умирающего и видя его агонию; — ко всему привыкаешь; — я люблю переменять часто белье, теперь не переменяю его по шесть и по семь дней; любил окачиваться холодной водой, — теперь не умываюсь иногда по целым дням. Бедный Сохраничев [...].

О путешествии моем верхом из Симферополя через Бахчисарай я, кажется, уже писал к тебе. Другого средства нет теперь. Вот уже третий день, как погода переменялась; настала зима, 8—10° холода, снег, и у нас в комнатах, в батарее, порядочно холодно, так что мы сидим в солдатских шинелях.

В Симферополе, в Бахчисарае и в Карасубазаре мы встретили оригиналов, которых в Петербурге не встретишь, и потому нужно кое-что сказать о них. В Симферополе: Федор Алексеевич¹ и Фекла Кузминишна² Цветковы, главный доктор госпиталя; мы у него жили три дня, воз-

¹ Цветков Федор Алексеевич (1806—1855) — помощник главного доктора госпиталя в Симферополе.

² Цветкова Фекла Кузминишна — супруга Федора Алексеевича.

вратившись из Карасубазара. Фекла Кузминишна живет угощением; что только она мне в эти три дня давала есть, за то Бог ей судья; я от роду ничего подобного не ел: варенуха¹, соленый гусь, пирожки, алады с яблоками и без яблок и прочее и прочее; мало этого, она еще и со мной в Севастополь отпустила икры, колбас, ветчины, гуся соленого и прочего и прочего. Сама Фекла Кузминишна — дама презентабельная: высокая, толстая и говорит малоороссийским диалектом, как пишет.

У Феклы Кузминишны человек десять детей; они все гуляют по двору, бегают по комнатам и делают, что им угодно. Федор Алексеевич, человек чрезвычайно добрый и смирный, имеет обыкновение приговаривать к каждому слову: сделайте одолжение. Фекла Кузминишна называет его Федюшей. Особливо неприятен ей директор госпиталей, посаженный Меншиковым, барон фон-Кистер², которого она называет клистером³.

Без нее Федора Алексеевича давно бы заели; но, как только он начинает ослабевать и подаваться, Фекла Кузминишна крикнет: «Федюша», и Федор Алексеевич приосанится и сейчас же скажет (басом): «сделайте одолжение» [...].

В Бахчисарае мы оставались два дня, и город, когда в него въезжать верхом, кажется совсем другим, чем смотря на него из тарантаса. Ханский дворец действительно живописен, и я понимаю теперь, что Пушкин, бывши здесь летом, предался поэтическим мечтам. Мы видели и фонтан слез, и гробницу Марии с луной над крестом, и бывший гарем Гирея⁴, на дворе около фонтана зеленелись мирты и цвели дикие розы, вокруг тянется цепь гор. Поутру отсюда ездили в Успенский монастырь, вырубленный в скале, и к удивлению нам отслужил молебен

¹ Варенуха — алкогольный напиток, распространенный на Левобережной Украине с XVI века. Состоит из горилки или самогона, меда, яблок, груш, слив, вишен и пряностей.

² Кистер Вильгельм Карлович (1813—1855) — полковник, директор военных госпиталей в Крыму (1854—1855).

³ Шутл. от *клистир* (устар.) — то же, что клизма.

⁴ Имеется в виду поэма А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1823).

немец, отец Ефрем, принявший грекороссийскую веру и родня Обермиллеру.

Здесь в Севастополе дела вперед не подвигаются, все то же и то же; всякий день раненых и убитых понемногу, ночью вылазки с нашей стороны, приходят в лагерь англичане и французы и передаются; говорят о том, что хотят сильно бомбардировать, говорят и о том, что ждут десанта, говорят и о зимовке; но все одни слухи — так же, как и в Петербурге.

В последние два дня мало стреляли; неприятель ведет мины у одной батареи, чтобы взорвать ров, наши ведут контр-мину; недавно они выступили, чтобы взять из Байдарской долины овец, и им удалось отнять до тысячи; а впрочем, все спокойно, как будто бы и ничего не бывало, и, если бы не пушечные выстрелы от времени до времени с батарей, то и забыл бы, что находишься в Севастополе.

Не знаю, долго ли продолжится такая зима, но если долго, то это, может быть, окажет какое-нибудь влияние. Штурмовать они покуда не сунутся, десант теперь тоже труден, и так вероятнее, что они останутся зимовать; хорошо укрепившись в Балаклаве, им нечего бояться.

Когда я уеду из Севастополя, ничего не знаю, но, начав разные наблюдения, распорядив различные отделения, не хотелось уезжать без результата. Впрочем, будущее в руках Бога, и, ты знаешь, я не люблю толковать о том, что нужно будет сделать.

Ты хочешь мне присылать разные вещи; пришли сигар и кофейник, мой начинает распаиваться, более мне ничего не нужно; мой тарантас, чемодан и все тяжелое я оставил в Симферополе и здесь живу налегке.

Сестры еще сюда не приезжали и теперь не скоро будут, потому что дорогу в Бахчисарай занесло снегом и другой почты нет, как верховой; но я ожидаю их сюда с нетерпением; они здесь необходимы: больные, хотя и получают чай, который им раздадут несколько женщин, но неаккуратно; сестры это делают гораздо аккуратнее; скажи, что велик[ая] княг[иня] этим действительно оказала услугу истинную человечеству и сделала переворот в госпиталях военных; жаль только, что восемь сестер, как я слышу, заболели в Симферополе.

Прощай, моя душка, кланяйся Маше и скажи ей, чтобы она перестала дурачиться. Целуй и благослови детей. Обнимаю и целую тебя.

№ 12

3 января 1855 г. Севастополь

Покуда северные укрепления; я на этих днях, вероятно, перееду в город, который покуда совершенно безопасен, потому что обе стороны находятся почти в совершенном бездействии, за исключением ночных вылазок с нашей стороны, пуканье от которых нередко нас будит ночью, а днем доставляет человек по десяти свежих раненых.

С новым годом, моя душка.

Хочешь ли знать, как я встретил 1855-й год? Вот тебе описание. Накануне натопили печку жарко-нажарко проклятым антрацитом; а Калашников вздумал сделать сюрприз нам и за недостатком шампанского напоил чем-то вроде донского, которое, по его предположению, должно было произвести значительный эффект при откупоривании бутылки. Сверх этого, собралось человек шесть вооруженных папиросами и сигарами врачей для провожания старого года. Следствие всего этого был жестокий угар, который не в состоянии была разогнать и жестокая ночная перепалка на батареях. Я проснулся с сильной головной болью и думал уже было остаться целый день дома; но, к счастью, не сделал этой глупости: пошел в госпиталь и немного разгулялся, не надеясь, однако же, весело встретить Новый год.

Провидение устроило иначе. Лишь только я пришел домой, как явился один полковой штаб-лекарь с позиции, бывший мой ученик, с приглашением от своего полкового командира встретить у них Новый год. Я сначала отнекивался, но потом подумал и, куда ни шло, согласился. Двое из нас поехали в коляске, я и штаб-лекарь верхами на позицию.

Что это за штука такая, позиция? А вот что. Верстах в пяти от Севастополя, между горами, невдалеке от горной

речки, мы нашли множество рассеянных кучек снега — вот уже пять дней как у нас лежит здесь снег — под этими кучками скрывались землянки, сооруженные изобретательностью солдатского ума. Спустившись ступеней на пять или аршина на два с половиной в глубину, мы очутились в довольно просторной комнате с накрытым столом для гостей полкового командира Одесского полка полковника Скюдери¹.

Стены были обиты затрапезными халатами, одно окно, вделанное в землю, освещало комнату, топились из камней сложенная печка, нисколько не дымаясь, несмотря на вьюгу на дворе, — труба из нее выходила наружу тоже через землю.

Стол был человек на двадцать; гости были: бригадный генерал, полковой поп, дивизионный квартирмейстер, дивизионный провиантмейстер, два штаб-лекаря, мы втроем и несколько штаб- и обер-офицеров. Начался обед, да еще какой! Было и заливное, и кулебяка, и дичь с трюфелями, и желе, и паштеты, и шампанское. Знай наших, а еще жалуемся на продовольствие, говорим, что у нас сухари заплесневели. Кабы французы и англичане посмотрели на такой обед, так уже бы верно ушли, потеряв надежду овладеть Севастополем.

Поп играл за обедом совершенно пассивную роль, зато дивизионный квартирмейстер, питух² и остряк, морил всех со смеху; бригадный, толстяк и добряк, двигал с задумчивостью челюстями; все прочие были совершенно в своей тарелке. Хозяин, красавец собою, герой с простреленной рукой, угощал нас на убой. Пили за здоровье государя, заиграла музыка, грянул хор певчих «Боже царя храни». К концу стола на дворе послышался шум и гам; это было офицерство, натянувшееся в другой солдатской палатке и провозглашавшее громкие тосты.

¹ С к ю д е р и Алексей Петрович (1817—1855) — полковник, участвовал со своим полком в сражении 4 августа 1855 г. Получив при храбром наступлении на противника три штыковые, четыре пулевые и две картечные раны, он скончался, как только его принесли на перевязочный пункт.

² П и т у х (*простореч.*) — пьяница, человек, могущий много выпить спиртного.

Мы вышли все наружу. Снег падал крупными хлопьями. Нас окружали побелевшие горы, вдали на горах виднелся неприятельский лагерь; образовали круг из музыкантов, певчих и офицеров, и в середине этого круга, в грязи по лодыжки, поднялась пляска. Полковой штаб-лекарь, мой ученик, виртуоз на гримасы, в солдатской шинели, в сапогах по колено, в бараньей шапке, отдувал канкан с прапорщиком, представлявшим петербургского бального *dandy*¹, не утерпели и другие гости: составила мазурка; хозяин, полковник с подвязанной рукой, и батальонный командир стали также в ряды танцующих.

Завязался пир горой; я помирал со смеху, нельзя было не быть веселым, видя, как весело и беззаботно живет русский человек; там, за горой, слышались пушечные выстрелы; в траншеях рылись и стрелялись; здесь отваливали трепака, пускались в присядку, а один солдат, выворотив наизнанку нагольный тулуп, даже ходил в грязи вверх ногами и так пятками пощелкивал, что любо-дорого смотреть было.

Кончилось, наконец, тем, что начали гостей поднимать на руки и качать на воздухе, запивая все эти движения шампанским; меня также раза три приподняли так, что я боялся, чтобы в грязь не шлепнуться; головную боль как рукой сняло, и я был от души весел. Уже поздно ночью мы воротились домой.

Что же делалось у нас, в главной квартире? С утра Меншиков запер ворота на замок и, подобно мне, не принимал и не отдавал визитов; это, по моему мнению, не худо, но худо то, что сам никого не угостил обедом; скучной и мрачной оставалась главная квартира в Новый год, как и прежде; это — не по-русски.

И мы, и союзники, у моря сидя, погоды ждем. Днем теперь почти что не стреляют, но всякую ночь ходят на вылазки; раненые солдаты, возвратившись с вылазок, рассказывают, что у неприятеля около траншей снега нанесло с горы; работы, кажется, вперед не подвигаются; с ноября месяца начали переходить к нам французские и англий-

¹ Денди (англ.) — в буржуазно-дворянском обществе (первонач. в Англии) — изысканный светский человек, законодатель моды.

ские дезертиры; начали, однако же, немцы из иностранного легиона; из них двух, бывших трубочистов, я нашел в госпитале; они рассказали, что французы их надули, обещая свезти в Алжир, а привезли в Севастополь.

Но теперь являются к нам и настоящие англичане и французы, жалуясь на холод и плохую обувь; есть, однако ж, у англичан, по рассказам, человек пятьсот мастерски одетых: сапоги по пояс, на плечах макинтоши и полушубки, на голове медвежьи шапки с заушниками. Землянок они, сколько известно, не делают, а живут в парусинных палатках. Если зима удержится, по крайней мере, как теперь, с морозом градусов в 8, с ветром и снегом по лодыжки, то, может быть, прок будет.

У нас между тем с каждым днем транспорты делаются все хуже и хуже; шестьдесят верст между Симферополем и Севастополем нужно ехать в повозке недели две, не преувеличивая; от этого все вздорожало; пуд сена стоит 1 рубль 75 копеек серебра, да и того нет; фунт сахара поднялся на 75 копеек серебра; вино крымское, стоившее обыкновенно много, много 1 рубль серебра, стоит теперь 9 рублей серебра; но мясо еще довольно дешево; сухарей у солдат дней десять нет; полушубки, которые должны были прибыть к 15 декабря, и теперь еще не пришли; водки также по целым неделям не бывает.

Можно себе представить, что такое транспорт больных при этих средствах. Я видел, как отправилось семьсот больных из Симферополя в Перекоп; их положили по три и по четыре на татарские арбы, без подстилок, без покрывшек, в одних солдатских шинелях, надетых у иных только на рубашки, и так повезли в путь, продолжающийся целую неделю; а ночлегов нигде нет, следовательно, ночуй под открытым небом. На этих днях, однако же, привезли провизию, но не для людей, а для войны: бомбы и ядра из Екатеринослава и порох, которого несколько сот пудов свалили в углу батареи, возле нашей квартиры; это приятное соседство не мешает нам, однако же, нисколько разводить самовары и курить преспокойно табак.

Пронеслись было слухи, что союзники хотят сделать новый десант и обойти нас со стороны северных укреплений. Разом построили новую земляную батарею на

четверть версты от нашей квартиры; говорили также о высадке около Перекопа и поэтому, вероятно, остановили около Перекопа шедшую к нам дивизию. К нам прибыли, однако же, резервы для укомплектования полков, но также, кажется, чтобы только выждать. Война наша идет решительно на выдержку: кто оттерпится, тот и прав. О будущем, как всегда и везде, никто ничего не знает. Об Остен-Сакене, прибытие которого наделало было шума, теперь замолчали; он живет в городе и, кажется, притворяется больным. Ждут великих князей; до них он, может быть, нарочно прячется; большая часть неприятельского флота ушла: одни говорят — на зимовку в Константинополь, другие — за свежим войском.

Никто ничего не знает, разве только один молчаливый князь Меншиков. Не знают и того, в какой мере нуждаются союзники и даже вообще нуждаются ли они. Только один лекарь, также бывший мой ученик, Беликов, служивший в Балаклавском батальоне и попавший вместе с ним в плен к англичанам, сказывал мне, что до 12 ноября, — в этот день они его отправили обратно в Ялту, — у него вместо свежего мяса давали солонину, а что теперь дают — неизвестно. Не помню, писал ли я к тебе, что они моего достойного ученика ограбили и продержали на гауптвахте две недели вместе с преступниками за одно недоразумение: он хотел отправиться вместе с одной греческой фамилией в Ялту.

Лорд Раглан¹ позволил этому семейству отправиться; имя Беликова было уже внесено в список отъезжавших и передано капитану парохода; он собрал свои пожитки, состо-

¹ Раглан Фицрой Джеймс Генри Сомерсет (1788—1855) — лорд, британский фельдмаршал, младший сын герцога Бофорта; служил с отличием в испанской войне под начальством Веллингтона, который в 1809 г. назначил его начальником своей военной канцелярии. При штурме Бадахоса он первым ворвался в брешь, а в битве при Ватерлоо лишился правой руки. Сопровождал Веллингтона во время дипломатических поездок в Вену, Верону и Петербург; позже был его секретарем по званию главнокомандующего британской армией, а также членом палаты общин. После смерти Веллингтона в 1852 г. назначен генерал-фельдцейхмейстером и возведен в пэры с титулом лорда Раглана. В февр. 1854 г. он принял начальство над англ. войсками, посланными против России, и сохранил его до самой смерти под Севастополем (от холеры) 28 июня 1855 г.

явшие в шинели, калошах и шапке, и шел уже на пароход, как его вдруг остановили на дороге, потребовали именное приказание от Раглана, и когда он сказал, что у него нет такого, то его посадили на гауптвахту, кормили галетами и потом отпустили только по ходатайству Уптона.

Этот молодец, вместе с Кетли, бывшим консулом в Керчи, также у них в Балаклаве; изменники ли они или принужденные — неизвестно; первое, однакож, вероятнее.

Уптон женат на дочери хана Гирея и дал Беликову, при его отъезде, письмо к своей теще, ханше, родом англичанке; разумеется, это письмо было передано губернатору. Сначала Уптон и другие утешали несчастного врача, что через несколько дней, со взятием Севастополя, возвратят ему все расхищенные солдатами вещи; рассказывали ему также, что из Севастополя прилетают к ним бомбы с письмами о сдаче города; но потом, все реже и реже стали об этом поговаривать и, наконец, 12 ноября отпустили его с миром восвояси. От него я узнал, что англичане так же, как и мы, валяют своих солдат розгами, раздевши и привязав сначала к столбу; особливо достается туркам; он, содержавшись на гауптвахте, был не раз очевидцем экзекуций. Грабить они также мастера [...].

Ник[олай] Ив[анович] Пущин мне писал о каких-то злоязычных слухах про Нахимова; скажи ему, что это враки; Нахимов теперь сидит также дома, в городе, нездоров¹, но здесь все, и именно морские, говорят о нем, как он этого заслуживает — с уважением.

Я написал к тебе, по моему расчету, из Севастополя:

- 1) одно, короткое, письмо вскоре по приезде;
- 2) одно, длинное, за которое ты меня пилила, якобы написанное для других;
- 3) из Симферополя — одно с почтой;
- 4) тоже из Симферополя — одно с курьером, которое я послал через фельдъегеря от сына Меншикова; про это письмо ты мне в письме от 25 декабря ничего не пишешь; если не получила, то справишься через Сузу. Меншиков-молодой по-

¹ П. С. Нахимов был в это время болен, так как получил в декабре 1854 г. контузию и рану от неприятельского снаряда.

сылал его вместе с своими письмами и хотел кому-то, в Петербурге дать поручение отправить его к тебе;

5) одно — через контору Елены Павловны;

6) одно через флигель-адъютанта Шеншина;

7) через Пеликана¹;

8) настоящее [...].

Если Поль Пети² или Сартори нужны деньги, то пусть пришлют счета сюда, а я здесь подпишу.

Я с этой же почтой пишу великой княгине о сестрах, из которых четырнадцать захворали, а двое умерли от непривычных трудов; но бог их, верно, не оставит за добрые дела; я описываю великой княгине деятельность посланных ею сестер и врачей, которые, по правде, достойны похвалы. Живем мы теперь вчетвером или впятером вместе, в двух комнатах: я, Каде, Обермиллер, Калашников и Никитин.

Письмо Никитина жене передай, а Калашников от жены еще не получал ни одного письма, а послал уже три. Обермиллер также еще ни одного не получил, а послал пять. Справься через кого-нибудь, отчего это.

Твой навсегда, моя душка.

4 января.

№ 13

13 января 1855. Севастополь

Два дня тому назад мы переехали в город; не думай, однакож, душка, что в городе опаснее, чем в батарее, где мы жили; и здесь и там одинаково покуда безопасно; что будет дальше, бог знает. Стреляют все так же, как и

¹ Пеликан Венцеслав Венцеславович (Вацлав; 1790—1873) — ученый в области хирургии; с 1813 г. адъюнкт хирургии в Медико-хирургической академии в Петербурге; с 1846 г. — директор Медицинского департамента Военного министерства; с 1851 г. — по совместительству — президент Медико-хирургической академии в Петербурге.

² Пети Поль — художник, иллюстрировавший «Ледяную анатомию».

прежде, вообще мало; пускают от времени до времени несколько бомб от нас и от него; — ты знаешь, что он, — это значит — неприятель.

Не знаю, как наши бомбы, но неприятельские вообще мало делают вреда; недавно, однакож, одна влетела в матросский домик в Корабельной слободке, убила одного мальчика и, разорвавшись, обожгла двух маленьких детей и мать. Но вообще это редко; большая часть их бомб так же, как и наших, направлены на батареи Южной стороны города; здесь случается, что иная, лопнув, разорвет так человека, что его и по кускам не соберешь; всего чаще, однако же, встречаются раны штурцерными пулями.

Что неприятель теперь думает делать, трудно решить; работы его медленны; недавно он вел мину против четвертой южной батареи, мы вели контрмину, он узнал это и бросил. Прежде все говорили, что он скоро откроет батарею против северной бухты, где стоит большая часть флота; но теперь и об этом стало не слышно; батарея эта видна, но без пушек; против нее и наши сделали две батареи на возвышениях; говорили, что он хочет устремиться на Северную сторону, что будет новая высадка; теперь и об этом ничего не слышно.

К нам подходят понемногу резервы, но транспорт все еще труден, как и прежде. После того как около 6 января были морозы градусов в 7 — 8 и стоял дней пять санный путь, все опять растаяло; сделалось тепло, как в апреле; а теперь вот уже три дня тихо, градуса 2 мороза, а на солнце градусов 10 тепла.

Неприятель, верно, много терпит; вчера еще перешли к нам человек шестнадцать англичан и египтян; жалуются на холод и удручающие работы; от нас также иногда перебегают то какой-нибудь поляк, то рядовой, пропивший аммуницию. Вылазки ночные дня четыре не делаются; может быть, приготавливаются к чему-нибудь поделнее; на этих вылазках англичан застают в траншеях почти всегда спящих, и потому наши вылазки в английские траншеи почти всегда удачны; и бьют их, и вяжут, и живьем берут; во французских траншеях это не так легко удается: французы бдительнее.

Наши покуда переносят труды и перемену погоды еще довольно порядочно, хотя больных поносами и лихорадками и у нас довольно; но резервы на пути, около Перекопа, потеряли от усталости по топкой грязи, холода и изнурения разом триста человек, которых поутру нашли в грязи замерзшими. Мясо и хлеб покуда есть, вино также есть, хотя и не всегда, сахар вздорожал: пуд—17 рублей и более, а дня два его почти совсем и достать нельзя было; но покуда все еще нельзя жаловаться на сильные недостатки; прибывают постепенно и поштубки для армии. Итак, что будет из этого всего, никто ничего не знает.

Князь Меншиков живет так же, как и прежде — как будто бы его и не существовало; Сакен, о котором прежде много говорили, также стих, его также мало слышно. Корабли на бухте стоят спокойно; одни — в половину или меньше вооружены, а другие, как, например, корабль «Двенадцать апостолов», и совсем без пушек, — стоят и зевают; пароходы, штуки четыре, иногда снуют по бухте, да вечером держат караул; мачты затопленных кораблей выглядывают из моря; один из них подмыло и приподняло из воды, по этому-то случаю, говорят, и «Двенадцать апостолов» обезоружили, приготовив для затопления. Шесть неприятельских винтовых стоят в виду, верстах в семи от входа в бухту, все другие отосланы ими в Стамбул на зимовку.

Что делается в Балаклаве, мало известно; словам пленных и перебежчиков нельзя верить, а других лазутчиков, кажется, у нас нет; в какой мере англичане и французы терпят, мы знаем только из газет и от дезертиров. Конца еще не скоро предвидится, но, кажется, наступление весны в феврале должно же что-нибудь решить, кто сильнее и настойчивее.

В городе все тихо; мы занимаем дом на Екатерининской улице, которая идет прямо от пристани (Графской) в гору и оканчивается бульваром, к которому примыкает возвышение с батареями № 3.

Квартира наша теперь огромная, комнат семь, все меблированы, только холодны, и как дров здесь нет в изобилии, то мы и заняли только три комнаты. Екатеринин-

ская улица мало пострадала от бомбардирования; только нижний ее конец, примыкающий к батарее, усыпан черепками бомб; окна домов перебиты, и есть местами пробоины в стенах, но нет ни одного совершенно разрушенного дома.

В этой улице сделаны четыре баррикады из камней, в каждой по две и по четыре пушки. К нашему жилью нужно также пробираться через одну баррикаду.

Мы однажды в прекрасную лунную ночь гуляли вдоль нашей улицы и, заговорившись, дошли до подошвы батареи. Мы заметили это, когда уже увидели вблизи бомбы, которые летали вблизи нас. Обермиллер начал жаловаться, что у него подошвы от страха вспотели; Калашников уверял, что, подвергаясь во время прогулки опасностям, мы не можем надеяться ни на какую награду; вследствие этих причин мы воротились по отломкам бомб домой, положив за правило вперед не подвергать жизнь опасности, гуляя.

Впрочем, все это страшно и жутко издали; вблизи опасность принимает совсем другой характер. Занятий все еще гибель; устраиваются новые госпитали, по причине трудного транспорта раненых, в самом городе; в Дворянском собрании устроен уже давно перевязочный пункт; в танцевальной зале и на хорах лежат больные; на бильярде лежат корпия и бинты; в буфете лежат фельдшера.

Только что сейчас прибыло второе отделение сестер; начальница их, Меркурова, принесла мне твои и детей дагерротипы; Коля — не похож, серьезен; ты прекрасно удалась, и я целовал тебя и детей несколько раз; спасибо, душка, за прекрасный подарок; сегодня же получил и письмо от 30 декабря.

Сестры первого отделения от занятий, непривычных для них, от климата и от усердия к исполнению обязанностей почти все переболели; сама их начальница лежит при смерти; три уже умерли. Я рад, что, наконец, хоть одно отделение сюда прибыло; оно здесь необходимо, некому поручить раздавать вино и чай больным [...].

Жизнь моя здесь такова: я встаю в семь, в восемь с половиной меня ждут прикомандированные ко мне

распорядительным начальником штаба Сакена (князем Васильчиковым¹) дрожки, и еду в госпиталь, где и остаюсь до двух и более, а потом еду в лодке на другую сторону (Северную) в прежние госпитали и остаюсь там до четырех.

Обедаю два кушанья: борщ и котлеты с пикулями и кайеном, которые я вместе с сигарами и шоколадом от Маши получил 9 января 1855 г.; из трех или четырех склянок пикулей только одна уцелела, а другие разбились, но и одной совершенно достаточно [...]. Кланяйся Богд[ану Александровичу] и Емилии Антоновне].

Скажи, что Бог[дан] Александрович] должен теперь переменить взгляды на войну и флот наш. Кланяйся Шульцу, скажи, чтоб он мне что-нибудь писнул, и я соберусь скоро ему написать. Кланяйся Здекауеру и Сольбригу [...].

¹ Васильчиков Виктор Илларионович (1820—1878) — князь, русский генерал, участник Крымской войны. В ноябре 1854 г., по настоянию великих князей Николая и Михаила Николаевичей, лично убедившихся в неурядице и отсутствии всяких распоряжений по гарнизону Севастополя со стороны начальника штаба генерал-лейтенанта Моллера и помощника его, полковника Попова, Васильчиков был назначен исполняющим дела начальника штаба севастопольского гарнизона. Он принял назначение при самых тяжелых условиях: главнокомандующий князь Меншиков неоднократно выказывал ему свое нерасположение, в осажденном городе не было единоначалия, начальники отдельных частей обороны действовали самостоятельно и были, скорее, во враждебных друг к другу отношениях. Васильчиков, по словам генерал-адъютанта А. П. Хрущева, «имел много прекрасных качеств и принял возложенную на него обязанность с душевным желанием пользы и добра. Ему недоставало только опытности и твердости характера». Он успешно справился с делом и, прежде всего, обратил внимание на состояние перевязочных пунктов и облегчение участи раненых. Для этого он обратился с горячим воззванием к частной благотворительности и сумел привлечь к ней жителей Севастополя. Затем он урегулировал наряд войск на дневные и ночные работы. Он принял все меры к сокращению напрасной траты снарядов и пороха, грозившей оставить осажденный город без боеприпасов, и согласовать удовлетворение насущных интересов двух враждовавших в нем ведомств: морского и сухопутного. Васильчиков организовал переход гарнизона в одну ночь на Северную сторону, приняв на себя всю ответственность за эту трудную и рискованную операцию, так как князь Горчаков не пожелал подписать диспозицию для очищения Севастополя и предложил сделать это Васильчикову.

Севастополь. 26 января 1855 г.

Твое последнее письмо от 14 января лежит передо мною. Вижу, что ты опять начинаешь терять терпение. Это не должно быть, однажды говорю навсегда. Как я могу тебе определить наверное, когда возвращусь; разве оно зависит теперь от меня; и я не понимаю, как ты, зная меня, спрашиваешь о 22 марте; разве я когда определяю день или срок? Напрасно ты упрекаешь меня, что я тебя надул. Я говорил и тебе и всем, что я ехать или исправлять какую-либо должность никогда не буду напрашиваться, как я бы ни был убежден, что эта должность будет по мне; а если мне дадут ее, то считаю за низость и малодушие отказываться. Чем же я виноват и перед кем, что у меня в сердце еще не заглохли все порывы к высокому и святому, что я не потерял еще силу воли жертвовать; а то, для чего я жертвую счастьем быть с тобой и детьми, должно быть также дорого для тебя и для них.

Сюда приехал на днях старик Волков из Москвы, служивший в двенадцатом году в ополчении; он уехал от детей и внучат, чтобы помогать раненым, и говорит:

— Как же можно, батюшка, такую крепость отдать; а я сюда приехал потому, что маракую и Четь-Минеи, сумею помочь, сумею и ублажить больному.

Так же и я думаю. Впрочем, я знаю, что и ты так же думаешь, а написала это в минуту горести. Отгони грусть, — верь, люби и уповай. Я, слава богу, покуда не унываю, да и скучать здесь времени нет, хотя бы иногда и хотелось поскучать о вас, моих милых; но день, несмотря на однообразие осады, летит в заботах. Я переменил квартиру; мне отвели почти целый дом на Николаевской улице, дали дрожки с одной лошадью в мое распоряжение, и я разъезжаю по четырем госпиталям и перевязочным пунктам; всякий день новые раненые; у меня мой отдельный двор, состоящий из десяти врачей и двадцати сестер; все вокруг меня в деятельности.

До двух и до трех продолжается перевязка раненых и операции, потом я схожу обыкновенно на баркас и пере-

езжаю через бухту на Северную сторону; там также госпиталь; оттуда возвращаюсь к обеду домой; наевшись борща и котлет или котлет и борща, пью чашку кофе и засыпаю; в шесть часов вечерняя визитация, вечером — проверки и корреспонденции или иногда и шахматы; так проходит день за день; грохота пушек, лопанья бомб и не замечаешь.

Недавно, однако же, французы вздумали пустить несколько ракет, состоящих из чугунных цилиндров с каким-то зондиком на конце, из которых две упали саженьях в десяти от нашего перевязочного пункта, и одна сделала глубокую яму аршина в два с половиной на улице, но никому и ничему вреда не причинила. Ночью слышится пальба при вылазках; недавно (третьего дня) наши у четвертой батареи Южной стороны засыпали девять пудов пороха в контрмину и взорвали неприятельскую мину, как слышно, весьма удачно. За полчаса до взрыва перебежал к неприятелю один из солдат, поляк, а с 12 января перебежало поляков и подсудных солдат человек до пятнадцати; зато и от них, то и дело, к нам перебегают по три и по четыре, рассказывая разные нелепости.

На этих днях, однако же, к чему-то приготавливаются; это секрет покуда, но когда это письмо придет к тебе, то уже не будет более секретом; от меня потребовали также сестер и двух хирургов; дело будет, как кажется, между Евпаторией и Севастополем, да может быть, и у самого Севастополя, потому что мне велено готовить кровати для больных. Место-то еще можно как-нибудь найти, но матрацов и белья не хватает; больные лежат недели по три на одном и том же грязном матраце и в одной и той же одежде; все-таки, однако же, теперь меньше грязи и нечистоты; сестры помогают нам усердно; жаль только, что между ними, точно так же, как и между военными в главной квартире, есть множество интриг.

Сегодня был в первый раз у Остен-Сакена — человека чрезвычайно вежливого и любезного. Он об одном человеке говорит напрямик правду, и — поделом.

Я рад, что перебрался сюда, в город; в Главном штабе главнокомандующего сухопутных и морских сил в Крыму, не в упрек будь ему сказано, зело скучновато;

хоть бы он острил побольше, а то теперь и остроут даже от него не слышно. В городе хоть есть чего посмотреть; дома мало пострадали от бомбардировки; только что народу мало, зато солдат много; виднеются иногда и женщины, остались некоторые, даже и жены моряков; так, одна, жена капит[ана] Протопопова (парох[од] «Крым»), поит больных в бараках на Северной стороне чаем, а сама живет с мужем на пароходе, курит папироски и весьма уважает Калашникова, с которым она познакомилась при постели больных.

Ты меня, пожалуйста, моя душка, не торопи; не забудь, что я уже теперь вольный казак и заслуженный профессор; отслужил мои двадцать пять лет по новой царской милости и отслуживаю уже еще пятилетие¹, а служить здесь мне во сто крат приятнее, чем в академии; я здесь, по крайней мере, не вижу удручающих жизнь, ум и сердце чиновнических лиц, с которыми по воле и неволе встречаюсь ежедневно в Петербурге.

В войне много зла, но есть и поэзия: человек, смотря смерти прямо в рыло, как выражался начальник штаба Семякин, когда шел на приступ с азовцами, смотрит и на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды; много забот, много и разливной беззаботности.

Мелочность, весь хлам приличий, вся однообразность форм исчезает; здесь не видишь ни киверов с лошадиными хвостами, ни эполет, ни чиновнических фраков и даже ордена видишь только изредка; просто все закутано в солдатскую сермягу, в длинные грязные сапоги, как дома, так и на дворе; я этот костюм довел до совершенства и сплю даже в солдатской шинели. Посмотришь в госпитале, и тут вся наша формальность исчезает: кто лежит на кровати, кто на наре, кто на полу, кто кричит

¹ Имеется в виду указ о зачете всем боевым участникам обороны Севастополя каждого месяца службы за год. «В виде особого изъятия» разрешено было «распространить на учебную службу» Пирогова «по уважению к заслугам, оказанным во время пребывания его в Севастополе для подавания пособия раненым, т. е. считать каждый месяц нахождения в Севастополе за год выслуги и по учебной части». После 6-го пятилетия профессора Медико-хирургической академии в Петербурге не имели права оставаться на службе в ней.

так, что уши затыкай, кто умирает не охнув, кто махорку курит, кто сбитень пьет.

Теперь в госпитале на перевязочном пункте лежит матрос Кошка, по прозвищу; он сделался знаменитым человеком; его посещали и великие князья. Кошка этот участвовал во всех вылазках, да не только ночью, а и днем чудеса делал под выстрелами. Англичане нашли у себя в траншеях двоих наших убитых и привязали их, чтобы обмануть наших, думая, что их будут считать за часовых.

Кошка днем подкрался ползком до траншей, нашел английские носилки, положил труп на эти носилки из полотна, прорезал в них дырья и, пропустив через дырья руки по плечо, надел носилки вместе с трупом себе на спину и потом опять ползком с трупом на спине отправился назад восвояси; град пуль был в него пущен, шесть пуль попали в труп, а он приполз здоровехонек.

Теперь он лежит в госпитале; его хватили на вылазке штыком в брюхо, но, к счастью, штык прошел только под кожей и не задел кишки. Он теперь оправился, погуливает, покуривает папироску и содрал еще недавно с попа и с Калашникова по двутривенному на водку. С великими князьями приехал, говорят, сюда Тимм¹, и портрет Кошки² будет напечатан в Листке.

Погода здесь опять изменилась. После морозов в начале января настала весенняя погода; дня три тому назад подмерзло опять, а теперь два дня опять оттепель, и дует южный ветер; мы отворяем балкон, погода как в Санкт-Петербурге в апреле месяце.

О делах в Европе я знаю только по слухам и по некоторым запоздалым ведомостям; не верю, чтобы мир состоялся, — слишком далеко зашли, разве какое чудо случится, и будет какая-нибудь блистательная неудача с той

¹ Тимм Василий Федорович (Георг Вильгельм) (1820—1895) — русский живописец и график, выходец из Латвии. Учился в петербургской Академии художеств (1835—1838) у А. И. Зауервейда. Занимался батальной живописью, писал жанровые сцены и пейзажи. Выполнил ряд зарисовок обороны Севастополя в 1854—1855 гг.

² Кошка Петр Маркович (1828—1882) — матрос Черноморского флота, герой Севастопольской обороны, участник Синопского сражения. Один из самых известных героев обороны Севастополя.

или с другой стороны. Во французских газетах я читал все-таки о *coup décisif*¹; пленные и дезертиры толкуют также о бомбардировке в феврале месяце, но все это пустое; *un coup décisif* теперь покуда ни с той ни с другой стороны невозможен; неприятелю, очевидно, нельзя взять Севастополь, не обошедши нас и с Северной стороны; на штурм они не сунутся. Чтобы обойти нас с Северной стороны, им нужно сделать еще сильный десант, а чтобы сделать сильный десант, нужно другое время года. Что будет с нашей стороны, если состоится это движение одного отряда, вероятно к Евпатории, которое теперь предполагается (и содержится в тайне), один бог знает, а уж верно не Меншиков, который недавно, встретив одного из врачей, спрашивал его:

— Много ли раненых?

— Всякий день прибывают, — отвечал тот.

— Долго ли это будет продолжаться, скажите мне, — сказал Меншиков.

— Это вашей светлости лучше знать.

— Поговаривают что-то о мире, — ответил главнокомандующий.

Сколько можно судить по рассказам дезертиров, войско у англичан довольно деморализовано; все наши вылазки против англичан гораздо лучше удаются, чем против французов; англичан застают обыкновенно спящими в траншеях; недавно один дезертир рассказывал, что лорд Раглан исчез; вероятно, что его хотят сменить; говорят, что если бы не удерживал строгий караул, то перешли бы к нам целые роты из *légion étrangère*² и от англичан.

Дай бог, чтоб это была правда. Кораблей их теперь немного видно; из моих окон можно насчитать только до шести, в расстоянии шести-семи верст.

Скажи Шульцу, чтобы он во время пиления посматривал за вещами, сложенными в той комнате, где стоит пила; вообще, мне не нравится, что ты ему отдала ключ от этой комнаты: в ней сложен и спирт, и инструменты, а я знаю, каков надсмотрщик Шульц, и я боюсь, что по-

¹ Решительный удар (фр.).

² Иностранного легиона (фр.).

ловина вещей растеряется. Скажи ему, чтобы он пилил вдоль, как можно более женских тазов и делал бы больше, чем говорил¹.

Кланяйся нашей Маше, целуй ее; кланяйся Ем[илии] Ант[оновне], Богд[ану] Александровичу]. Ради бога, моя душка, вооружись терпением. Не грусти, крепись, мужайся, надейся; ты у меня молодец; за энергией тебе не в карман лезть; помни, что чем бодрее ты, тем бодрее я. Портрет у меня всегда в боковом кармане у сердца. Целуй и прощай, моя неоцененная Саша.

Прилагаемые два письма отправь по адресу.

№ 15

30 Генваря [1855]. Севастополь

Спешу написать тебе, моя милая Саша, несколько строк; сегодня едет фельдъегерь. Много поэтому писать некогда. Впрочем, все то же, по-старому. Одна только новость о себе: я на этих днях любопытствовал посмотреть наши батареи и к этому открылся удобный случай. Адъютант Сакена ездил парламентарем к французскому лагерю; в это время стрельба с нашей и с неприятельской стороны прекращается, и можно смотреть с батареями на неприятельский лагерь так же удобно, как смотрели мы в Ораниенбауме на английский флот².

Я поехал на дрожках на шестой бастион, отстоящий от моей квартиры версты полторы. Улица, ведущая к нему, Большая Миллионная, потерпела много от бомб; все дома в ней почти разрушены; бомбы пробивали крыши и отчасти стены, а остальное dokonчили наши солдатики, которым позволено выбирать из разбитых домов стропилы, полы,

¹ Шульц выполнял эту работу для того, чтобы с натуры делать зарисовки для «Топографической анатомии» Пирогова.

² Летом 1854 г., когда Пирогов жил с семьей в Ораниенбауме. Огромный англо-французский флот не сумел тогда добиться положительного результата и вынужден был оставить русское побережье на Балтийском море.

двери, словом, все, что в них есть деревянного, для топки и для постройки себе землянок.

Когда мы подъехали к шестому бастиону, то подняли у нас белый, парламентерный флаг. Выстрелы с батареей умолкли. Я подошел сначала к стене, находившейся уже прежде, до неприятеля, в этой части города и сооруженной более против татар, чем против европейских неприятелей. Поэтому за ней сделан огромный вал и снабжен огромными корабельными пушками. Опустили щиты, заслоняющие наших от выстрелов, чтобы лучше можно было все видеть, вооружились подзорными трубами и начали смотреть в оба. Вдали, сажень за четыреста, виднелась на возвышении неприятельская батарея, а саженьях в двухстах от нас видны были и траншеи; из них выстроилось также множество голов французских, любопытствующих подобно нам.

Наш парламентер, с белым знаменем в руках, верхом, сопровождаемый тремя или четырьмя всадниками, спулся медленно вниз с нашей горы в долину, впереди ехал трубач и трубил. На углу кладбища, в расстоянии от нас сажень сто пятьдесят, он остановился; из неприятельских траншей выступило человек шесть пеших, из которых один также нес белое знамя; между ними был парламентер-полковник. Все дело состояло в том, чтобы передать от находящихся у нас пленных письма и ответить на вопрос Канробера¹, который справлялся, нет ли у нас в плену таких-то.

Вся конференция продолжалась с четверть часа. Парламентеры возвратились потом восвояси, щиты спустили, я сел опять на дрожки и убрался; когда я ехал уже по до-

¹ Канробер Франсуа Сертен (1809—1895) — маршал Франции (1856), сенатор (1855). Во время Крымской войны командовал с 23 февраля по 26 сентября 1854 г. 1-й пехотной дивизией, затем, после смерти маршала Сент-Арно, принял 26 сентября главное командование над французской армией под Севастополем. С 8 по 18 апреля 1855 г. союзники предприняли мощную бомбардировку Севастополя, разрушив большую часть оборонительных сооружений. Но штурм не последовал, командующие армиями союзников по телеграфу бесконечно спорили со своими правительствами по поводу деталей операции. Взмешательством в свои дела генерал Франсуа Канробер подал в отставку.

роге, то опять начали пускать бомбы и еще сильнее прежнего, чтобы вознаградить себя за напрасно потраченное время в переговорах.

В эти два дня были ночью сильные канонады, чтобы препятствовать работам; но раненых мало. Несмотря на то, у нас дела вдоволь; основываем новые перевязочные пункты в обывательских домах, отделяем гангренозных, которые развелись довольно от нечистоты и времени года. Надобно отдать справедливость Калашникову, который утром и вечером часов по пяти работает в гангренозном отделении; только человек такой, как он, привыкший к нечистым работам в анатомии, может выносить столько, сколько он выносит, возясь с гнилью и живыми трупами. Два дома заняты под это благоуханное отделение; хозяевам после, если Севастополь не будет разрушен, придется все переделать: стены, полы и все пропиталось гнилью.

Погода беспрестанно меняется. Сегодня чудеснейший день, почти весенний; вчера был сильнейший южный ветер, продолжался, однако, недолго, с дождем, и опять испортил дорогу. Слякоть по колено.

Я очень доволен своей новой квартирой. У меня есть камин, и мы живем втроем: я, Обермиллер и Калашников. Никитин — в отдельной комнате. За мной ухаживают эти господа, как дети за отцом. Калашников — гений хозяйства. Кто его знает, откуда он все достает, — и капусты кислой для салата, и икры, и шнапса, так что на недостаток нельзя жаловаться; нашел даже и баранков к чаю.

Доктор Каде, который также жил с нами и так часто со мною играл в шахматы, отправлен мною в отряд вместе с Беккерсом¹ к Евпатории; там предвидится какое-то дело.

Восьмая Дивизия пришла также туда из Перекопа, но до сих пор ничего еще не слышно, хотя прошло уже несколько дней, как он уехал. Великие князья тоже часто бы-

¹ Беккерс Людвиг Андреевич (1832—1862) — хирург, учился в Медико-хирургической академии, но курс окончил в Москве в 1854 г. Поступив, тотчас по окончании, на службу во 2-й петербургский военно-сухопутный госпиталь, Беккерс обратил на себя внимание Пирогова, который взял его с собой в Севастополь.

вают в городе; но Меншикова не видать; он сидит в своей берлоге, между тем как Сакен беспрестанно разъезжает, высматривая все своими сжатыми в булавочную головку зрачками (что придает его взгляду что-то особенное, именно, что называется по-русски мортослепством).

Я писал тебе уже, что Главнокомандующий морскими и сухопутными силами больше не острит; последняя его острота осталась, кажется, с октября на счет здешнего коменданта Кизлера, толстяка такого, что в дверь не пролезет, и седого, как лунь. Этот дородный господин, увидав телеграфический знак 50, принял зюд-ост за число 50 и прибежал к Меншикову, запыхавшись, объявить, что 50 неприятельских пароходов приближаются. Меншиков, поняв в чем дело, назвал его «ветреной блондинкой». Это была последняя острота.

Видаюсь нередко и с Нахимовым, который, как и все благомыслящие, называет Меншикова скупердяем.

Я тебе писал уже, что наши взорвали неприятельскую мину с успехом. Недавно (третьего дня) повторили еще взрыв, а на днях французы ошибочно взорвали собственную мину, думая, что мы в этом месте ведем контрмину. Не забудь, что это все делается на шесть сажен в глубину, под землей. Говорят (пленники), что у французов сделано с лишком двадцать галлерей, и все около четвертого бастиона, к которому они всего ближе (на шестьдесят сажен) подошли. Но покуда они новым десантом не отрежут нам дороги от Перекопа, бояться нечего; говорят, что англичане наняли сардинцев и хотят сделать, кроме Евпатории, еще десант в Алуште на южном берегу и отсюда двинуться к Симферополю, чтобы окружить нас, тогда как Омер-паша¹, который также в Евпатории, на

¹ Омер-паша (1806—1871) — османский военачальник. По происхождению серб, сын австрийского офицера. При начале Крымской войны Омер-паша командовал турецкой армией, действовавшей против русских на Дунае. В конце января 1855 г. он прибыл с 21 тыс. человек в Евпаторию, но здесь успехи его ограничились отражением штурма на Евпаторию (в феврале 1855 г.). 21 сентября того же года отряд Омера-паши высадился в Сухум-Кале, откуда вторгнулся в Мингрелию и овладел переправами на реке Ингури; в конце февраля 1856 г., прекратив дальнейшие действия, отплыл к Трабзону.

пароходах пойдет из Евпатории, чтобы окружить таким образом Севастополь со всех сторон. *Qui vivra, verra*¹.

Вот тебе почти все наши новости.

Начатое нужно кончить. Покуда я чувствую, что здесь полезен и покуда меня не прогнали отсюда, я должен начатое уладить и не возвращаться домой без результата; я ехал в Севастополь не для того, чтобы только сказать, что был здесь. Успокойся же, моя душка, помни, беспрестанно помни, что твоя твердость, твое спокойствие — это моя сила. Портрет твой и детей я ношу, как талисман, всегда при себе возле самого сердца.

Целуй и благослови детей.

Шульцу дай прочесть написанное.

*Нельзя ли приготовить разрез глаза в различных направлениях. Попытайся-ка. — Сделайте разрезы (продольные) носового канала с пометкой, принадлежал ли череп неделимым с коротким носом (калмыкам) или же с длинным носом. Не забудьте сделать, сколько только возможно продольных разрезов женского таза*².

Прощай, моя несравненная. Спешу отправить письмо, фельдъегерь едет.

№ 16

Севастополь, 15 февраля [1855 г.]

Не писал к тебе уже полторы недели; это оттого, что, во-первых, было множество дела: ночью было нападение на редут, и французы отбиты с уроном, а во-вторых, я в это время несколько прихворнул своим обычным недугом и теперь засел дня на четыре дома [...].

Скажи Сартори, чтобы он обратился, как можно скорее, в конференцию; я писал Пеликану с этим же письмом [...].

Я не знаю, получила ли ты все мои письма; нужно бы было счесть. Не помнишь ли ты, сколько я денег пожерт-

¹ Поживем — увидим (лат.).

² Выделенный курсивом абзац изначально написан по-немецки.

вованных имел при себе, 4000 ровно или с чем-то? Письма должны лежать у меня в столе, справься.

Посланных вещей по почте еще не получил [...].

№ 17

Севастополь, 19 февраля [1855 г.]

На письмо твое, касающееся дел Березина¹, спешу отвечать следующее. Держись всех этих дел дальше. Я в молодом Березине не имею ни малейшего доверия; я знал его, когда мальчишкой он еще долги делал; выросши, играл, проигрывал все, что отец давал; брал у всех, никому не отдавал [...]. Н. И. Пущин добр и благороден, но суждения его о людях не всегда справедливы.

Вся эта наследственность частей для детей состоит из шести тысяч р. серебром или 64 душ; Березин просит семь тысяч, которые после передаст моим детям.

Нет, этому человеку я ни на волос не верю. Итак, чтоб и помину не было об этом [...].

Я сижу все еще дома, мой желудок все не в порядке. Ослизнение такое, что все — язык, зев — как будто покрыты слоем этой поганой тягучей слизи, и я думаю просидеть еще недели три дома; мне кажется, это необходимо.

Между тем здесь дела обстоят по-старому. Недавно, однако же, придумали построить такой редут под носом у неприятеля, который, если окончится благополучно, то, по уверению ваших, будет обстреливать все английские редуты; этого мало; заложив его, принялись еще и за другой выше и тот отоварили.

В первую ночь после заложения редута французы сделали нападение и ворвались в него, но с одной стороны наши пароходы, а с другой — штыки так их отжарили, что, по словам пленных раненых, *les russes se sont battus comme des lions*².

¹ Березин С. Д. — брат первой жены Пирогова.

² Русские дрались как львы (фр.).

У Евпатории там наши были отбиты без результата. Эта евпаторийская экспедиция, которая в Петербурге представлена как рекогносцировка, очевидно, была самая глупая штука¹. Интриги! Какому-нибудь генералу непременно захочется что-нибудь схватить, вот он ищет и домогаются, пока ему дадут чем-нибудь поковырять, а на поверку выйдет плохо.

Я во время моего затворничества буду писать к тебе чаще, но понемногу; не о чем много. Между сестрами множество больных и здесь, врачи также прихварывают. Главнокомандующий также болен. Нахимов прислал мне из библиотеки много разных книг, и я, оставаясь дома, если не сплю, склонность ко сну есть, — то читаю; главное, лишь бы господь бог мне вкус поправил, которого почти совсем нет, и я, кроме чаю, почти ничего не ем; но так ничего не могу сказать, чтобы где бы болело или что беспокоило; короче, ты знаешь мою историю, — когда ослизнение у меня разгуляется, то считай на несколько недель.

Надобно иметь терпение.

Прощай, мой милый ангел. Друг мой неоцененный, моя ненаглядная Саша. Целую тебя и прижимаю крепко, крепко к груди [...].

№ 18

Севастополь, февраля 22 [1855 г.]

Хожу по комнатам с сигарой и со стаканом воды. Вот уж выпил два стакана натошак прекраснейшей воды, авось, послабит. Вчера в первый раз ел суп с курицей; вкус чая еще не могу прокусить, но слизи начинается, слава

¹ Евпаторийская экспедиция — атака 5 февраля 1855 г., принятая по желанию Николая I. Экспедицию эту Меншиков поручил храброму и распорядительному генералу Хрулеву С. А. (1807—1870), отличившемуся еще в 1854 г. на Дунайском фронте. Но в Евпатории неприятель имел огромный перевес в живой воинской силе и пользовался мощной поддержкой своих кораблей. И хотя меткость нашей артиллерии и стрелков нанесла ему большой урон, Хрулеву пришлось отказаться от штурма.

богу, менее отделяться. Вчера я принял третью морскую ванну, и действие их, очевидно, благотельно: как сядешь в ванну, так как будто в раю. Сижу минут пятнадцать, потом обливаю себя ведром холодной морской воды и снова сажусь минут на пять. Кофе еще не пробовал; но сегодня или завтра попробую и думаю, что также теперь пойдет на вкус. Впрочем, сон довольно спокойный... Мне прислали из библиотеки множество книг, и я обыкновенно читаю, но, устав читать, засыпаю.

Вот тебе, моя милая душка, бюллетень моего здоровья, из которого ты видишь, что, слава богу, идет лучше. Погода стоит здесь прекрасная, покуда сухая, солнечная и теплая. Во время моей болезни заболело еще четыре медика, и Обермиллер отличается истинно своей деятельностью: он и на перевязочном пункте, он посещает этих врачей и шесть сестер, занемогших тифом.

Вчера навестил меня Сакен, но застал меня в ванне. Меншиков отправился отсюда в Симферополь и сдал команду Сакену, надолго ли — неизвестно; у него разболелся пузырь: прежняя, давнишняя его болезнь; он мочился кровью и с жестокими болями. Все этому очень рады, и он хорошо бы сделал, если бы совсем не возвращался из Симферополя.

Вот нам бы твой желтый чай по почте поскорее приехал, не худо бы было.

Посылаю письмо Даля¹, его взгляд на наше положение; к чему он приплел Сведенборга², уж бог его знает; но «наши кишки и тонкие, да длинные, хоть жилимся, да тянемся», по-моему, содержит истинную правду.

Лишь бы нас не покинули наши душевные силы и наша вера, а то, как-то предчувствуешь, отстоим [...].

¹ Даль Владимир Иванович (1801—1872) — русский ученый и писатель. Прославился как автор «Толкового словаря живого великорусского языка». Член-корреспондент Петербургской академии наук по физико-математическому отделению, почетный член Академии по отделению естественных наук (1863). При слиянии Петербургской академии с Российской Владимира Даля перевели в отделение русского языка и словесности.

² Сведенборг Эммануил (1688—1772) — шведский ученый-естествоиспытатель, теософ, изобретатель.

24 февраля [1855 г.]

Слава богу, всякий день идет лучше. Вчера я ел с аппетитом тарелку супа куриного и жареного голубя. Продолжаю еще брать морские ванны [...]. Хожу по комнатам, сижу пред камином; вчера в прекрасное утро выходил на балкон. Сон хорош. Вот тебе, моя душка, мой бюллетень. Если так пойдет, то скоро выйду, но спешить не буду.

Великие князья отсюда внезапно уехали ночью дня три или четыре тому назад. Говорят, будто императрица опять занемогла опасно¹.

Впрочем, все идет по-прежнему. Та же стрельба днем и ночью, на которую по привычке уже не обращаешь внимания. С недавнего времени неприятель пробует бросать к нам, говорят, из-за Малахова кургана, следовательно, верст из-за шести, ракеты. Одна из них упала вблизи дома, где жили великие князья (в Сухой Балке); одна недалеко от Меншикова, у четвертой батареи; несколько в городе; одна в доме, где живет Сакен, который было загорелся, но его вскоре потушили; одна в доме рядом с домом, где лежат гангренозные больные, пробила потолок и углубилась в пол; в других местах врылись в землю на сажень, но повреждений значительных нигде не сделали.

Калашников выкопал часть этой ракеты, и она стоит теперь у нас. Целая должна быть длиною с лишком в сажень. Наши на этих днях им подвели и взорвали контрмину, так что их галерею взорвали на 16 сажень. Про англичан уже ничего не слышно, только про одних французов, которые действуют и работают. Но 14 февраля наши заложили новый редут, который должен обстреливать почти все английские редуты, а выше его еще другой; французы ночью сделали нападение, но я тебе, кажется, писал уже, как их отпотчивали [...].

¹ Великие князья Николай и Михаил были вызваны в Петербург в связи с предсмертной болезнью Николая I.

25 февраля 1855 г. Севастополь

Верный моему слову пишу и сегодня мой бюллетень. Верь мне, моя душка, что когда могу, когда усталость, занятия не отвлекают меня, то мне наслаждение писать к тебе и тебе рассказывать все, что у меня на уме. Ты еще, я знаю, думаешь, что я от тебя скрытничаю, тебя надуваю, но верь, это пустяки. Клянусь Богом, у меня с тобой нет ничего скрытого и только то тебе не сообщаю, что, я знаю, ты не поймешь и потому тебе будет совсем неинтересно знать.

Письмо о Меншикове можешь дать прочесть теперь всем. Я дождался, наконец, что этого филина сменили; может быть, и мы к этому кое-что содействовали; пора, пора; на место его едет Горчаков¹ из Южной армии; куда командует Сакен.

Я себя чувствую уже довольно крепким. Хожу по комнатам. Всякий день беру морскую ванну, съедаю две тарелки куриного супу и одного жареного голубя, одну чашку кофе. Вкус во рту стал гораздо лучше, также и ослизнение, но еще не совсем исправилась.

Это письмо отправляю с флиг[ель]-адъют[антом] Шеншиним, который, кажется, в двадцатый раз уже катается из С.-Петербурга в Севастополь.

¹ Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861) — князь, русский военачальник, генерал от артиллерии (1844), генерал-адъютант, дед выдающегося российского реформатора Петра Аркадьевича Столыпина. Когда последовала высадка союзников в Крыму, Горчаков по собственному почину, предупреждая высочайшие повеления, всячески старался содействовать удовлетворению материальных нужд крымской армии. Наконец начальство над этой армией пришлось принять самому Горчакову, и в самое тяжелое время; он руководил обороной Севастополя с февраля по август 1855 г. В конце 1855 г. он заменен был в Крыму генерал-адъютантом Лидерсом, а в январе 1856 г., по смерти фельдмаршала князя Паскевича, назначен наместником царства Польского и главнокомандующим вновь образованной 1-й армии. В этой должности он оставался до самой смерти. Тело его, согласно завещанию, предано земле в г. Севастополе.

Из того письма, где я тебе описывал Меншикова, видно, что я правду говорил: он не годится в полководцы; скупердяй — верно, весь род такой; доказательство *mad.* Суза; сухой саркаст, отъявленный эгоист, — это ли полководец? Как он запустил всю администрацию, все сообщения, всю медицинскую часть. Это ужас! И взамен, что же сделал в стратегическом отношении? Ровно ничего. Делал планы, да не умел смотреть за исполнением их, потому что ему не доставало умения на это; он не знал ни солдат, ни военачальников; окружил себя ничтожными людьми, ни с кем не советовался, — ничего и не вышло.

Он хотел было сыграть комедию и под видом мистицизма, что он молчит, но знает и скрывает многое, хотел бросить пыль в глаза; ему и удалось надуть некоторых дураков (с одним из таких, Апраксиным, я встретился на дороге), которые кричали, что без Меншикова Севастополь погиб. Но теперь все мы знаем, что Севастополь стоит совсем не через него, *a malgré lui*¹. Слава богу, я рад, что этого старого скупердяя прогнали. Он только что мешал.

Раненых здесь всякий день человек по десять бывает. Двое из моих врачей вчера возвратились из экспедиции в Козлов, куда я их посылал, и они двое только и были там операторами на 600 раненых (это — Каде и Беккерс). Прощай, мой несравненный ангел [...].

№ 21

1 марта 1855. Севастополь

Сегодня приводили войска и чиновников присягать императору Александру II. Итак, имя Николая I принадлежит уже истории. Я слышал подробности, но не верится.

Здесь все по-прежнему; о новом десанте еще не слышно. В марте или апреле должно что-нибудь разыграться. Апрель — мой последний термин, если бог продлит жи-

¹ Вопреки ему (*фр.*).

вота до веку. Здоровье мое, слава богу, с каждым днем поправляется. Я целый час прохаживаюсь по комнатам, ем полторы тарелки куриного супа, куриную котлетку и беру морские, едва тепловатые, ванны; но на воздух еще не решаюсь выходить, зная, что если выйду, то тотчас же попаду опять на старую свою колею, а это еще рано.

Сегодня едет курьер, и я не хотел оставить тебя без известий, хотя, впрочем, писать не о чем; у вас теперь, я думаю, слухов и разговоров не оберешься; здесь все тихо, все осталось без перемены; по-прежнему выстрелы, лопанье бомб и ракет, раненые, — все то же. Посмотрим, что будет вперед. Это уже здесь совершенно решенный вопрос, что Севастополя нельзя взять, не окруживши его и с Северной стороны и не прекративши все сообщения; но ведь это не мутовку облизать; сюда, мы слышали, идут еще две дивизии, и тогда посмотрим, что сделают сардинцы и турки [...].

Замечательно также и то, что французский парламентар сказал нашему (а я слышал лично от нашего) 16 числа, что государь скончался¹ и что будет мир. Меня уверял сам парламентар; передаю, что слышал. Если правда, то необъяснимо.

Погода здесь стоит вообще уже недели две очень порядочная; солнце греет сильно, но ветер холоден, и мы топим еще и печки и камин [...].

Сестры, за исключением последнего отделения, которое еще в дороге, теперь все здесь и трудятся [...]. Из них шесть, однако ж, больных, а две умерли от тифа, который господствует здесь и между больными и между врачами. Многие, однако же, слава богу, поправляются.

А главное дело, ты, моя милая, несравненная душка, не тоскуй; в конце апреля — это мой последний термин [...]. Не забудь, что уже теперь я отслужил мои годы и свободен. Итак, теперь уже не долго [...].

Пожалуйста, не забудь написать, сколько пожертвованных денег я взял с собой; я теперь свожу счеты; мне кажется, что 4000; но ты справишься с письмами от Безбородко, сколько он прислал, я забыл.

Прощай, мой ангел, будь спокойна [...].

¹ Николай I умер 18 февраля 1855 г.

6 марта [1855]. Севастополь

Слава богу, здоровье мое поправилось. На этой неделе, завтра или послезавтра, выеду, если будет хорошая погода. Обливаюсь уже холодной морской водой. Но от тебя с 14 февраля ни слова; что это значит? Задерживают письма, что ли? Впрочем, Паскевич¹ был последний курьер, привезший известие о смерти государя. После него еще никто не приезжал.

Я тебе писал уже, что в последних числах апреля, если жив и здоров буду, уеду отсюда; разве только будет предстоять, очевидно, какое-либо важное военное дело, которое, разумеется, тогда меня задержит до мая. Но весьма вероятно, что если что-либо будет решительное, то в эти два месяца, именно, в апреле, если же не будет, то история эта может протянуться, пожалуй, еще год. Человек предполагает, бог располагает; насколько человеку позволено загадывать вперед, то в последних числах апреля я выеду отсюда.

Здесь все по-прежнему — вылазки, ночные нападения на редуты, канонада; но все без толку. Кажется, пора бы убедиться, что, так действуя, неприятель ничего не достигнет; об англичанах уже даже не слышно; они удалились с выстроенных ими редутов, и место их заняли французы.

Вновь выстроенный нами редут около Малахова кургана им очень нравится, и они уже не раз пытались отнять его, но всегда их отбивали; он очень близко к их редутам, так что наши ночью украли у них 150 туров (туры — корзины, наполненные землей, служащие для прикрытия во временных укреплениях) и перенесли на нашу сторону; это их ужасно раззадорило; короче, другого средства им не осталось взять Севастополь, как окружив его

¹ Паскевич Федор Иванович (1823—1903) — граф Эриванский, князь Варшавский; русский военный деятель, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Сын генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича и Елизаветы Алексеевны, урожденной Грибоедовой. За отличие в Крымской войне получил звание генерал-майора.

с Северной стороны; без этого им на штурм лезть невозможно, а чтобы окружить, то надобно знать, у кого будет более войск. Ожидают со дня на день сюда Горчакова с его штабом и с войском. Про Меншикова носят слухи, что он умер в Перекопе, и слава богу.

Мы теперь здесь ничего не знаем об европейских делах: нет ни писем, ни газет. Надобно думать, что дороги, транспорты, провиантировка и госпитали, наконец, существенно улучшатся после того, как Анненкову¹ дана власть распоряжаться и в соседних губерниях: Воронежской, Екатеринославской и Курской. Давно бы так; я, как приехал, то написал докладную записку, что от здешней губернии ничего нельзя надеяться получить для транспорта больных и проч. и что нужно для этого, чтобы соседние губернии приняли участие. Я им говорил также, что если не предпримут мер, то разовьется тиф — он и развился; врачи и сестры то и дело, что хворают, и некоторые, разумеется, умирают [...].

№ 23

18—19 марта [1855 г.]. Отошлется еще на этих днях. Севастополь

[...]. Теперь точно не писал недели две. Зато перед этим, когда был болен и сидел дома, писал каждые четыре дня; писал к тебе и о деле Березина; писал и мои бюллетени о здоровье; бог знает, куда все это девается. От тебя же — вот 12 дней ни строчки, да еще и после одного ужасного письма, где ты описываешь свою болезнь, свою грусть и свои заботы о детях [...].

Если я только буду жив, если нас не запрут со всех сторон, а оставят хоть маленькую прореху, я в мае, рано ли, поздно ли — не знаю, к какому числу, — но приеду; баста, — это решено и подписано у меня. Я бы решился и прежде приехать, но две вещи меня удерживают; во-первых, уезжая, я потяну за собой почти десять врачей,

¹ Анненков Николай Николаевич (1799—1865) — генерал-губернатор Новороссийского края в 1854—1855 гг.

которые были здесь, можно по совести сказать, весьма полезны в течение пяти месяцев; они ни за что на свете не хотят без меня здесь оставаться, сколько я их ни уговаривал, и скорее хотят уехать до меня, но не после меня; во-вторых, в мае месяце окончится пять лет службы, и теперь уже меня ни лаской и ничем не принудят служить долее, — после же двадцати пяти можно быть выбранным еще на пятилетие, и кто знает, может быть, меня бы лукавый попутал еще остаться; а после же тридцатилетия не велено указом долее оставаться; для этого и пенсия прибавляется. Пробыв здесь уже четыре с половиной месяца, я подумал, что лучше прибавить еще полтора и уже *gründlich*¹ решить. В мае же месяце может Севастополь делать, что ему угодно, но меня не удержит; пора и на Балтийское; там, может быть, также не останемся без дела. Если в эти два месяца ничего не решится, то, пожалуй, будет продолжаться, как осада Трои, и тогда посмотрим, какой бифштекс сделается Улиссом.

Все, что я в состоянии был делать, я сделал для Севастополя; принес мою лепту от души; пусть теперь другие постараются. Врачи также один за другим хворают; из моих еще, слава богу, никто не умер, но другие умирают — таки частенько от тифа. Летом, если все это будет продолжаться по-прежнему, как теперь, будет здесь что-нибудь и похуже тифа.

Я написал Горчакову докладную записку об этом; предложил, что считаю необходимым для отвращения заразы; посмотрим, что он сделает. Он при первом свидании со мною в госпитале (у него я еще не успел быть, был то еще не совсем здоров, то мешали занятия) узнал меня, со мной расцеловался на обе щеки и тотчас же начал расспрашивать обо всем, а потом потребовал, чтобы я ему между оперированными указал какого-нибудь из солдат, кто, по моему мнению, заслуживает георгиевский крест. Я ему показал молодца унтер-офицера с отнятой рукой, которому накануне была сделана операция, и он тотчас же своеручно дал ему крест и поздравил кавалером. Вот за это люблю! Он где-нибудь да слышал, что я говорил о

¹ Основательно (нем.).

Меншикове, упрекая его, что он не посещает раненых, не дает им награды, и ставил ему в пример Воронцова, который на Кавказе сам раздавал кресты в госпиталях.

Как бы то ни было, Горчаков, из этого видно, человек, а Меншиков просто мумия. На этих днях я буду у него, встречу и старого знакомого Коцебу. Здесь новое только то, что стали драться сильнее; после того, как наши построили или почти построили новый редут впереди Малахова кургана, всякую ночь — нападения. В одну ночь, назад тому с неделю, было тысяча двести раненых, и нам работы было на целых двое суток, когда я только что в первый раз выехал после болезни. Теперь почти все батареи молчат, исключая этого нового редута. Он неприятелю, как спица в глазу. Ожидают нового войска, которое ускоренными маршами подвигается к нам из Одессы и из Бессарабии. Пороху мало, но провиант есть на два месяца.

Я на случай и для себя заготовил сухарей на шесть недель, да пять или шесть окороков; кофе вдоволь. Можно жить, хоть и осадят со всех сторон; но о новом десанте еще ничего не слышно; а о мире и помину у нас нет.

Какой мир, когда они принялись 10 марта нас в ночь бомбардировать, чтобы отвлечь от редута; пустили к нам в город тысячи три бомб, а мы стояли да посматривали, как они, светясь, летели прямо на нас, да только мимо, в бухту, или лопались на воздухе. Никитин, однако же, уверяет, что ему песок в глаза попал от одного лопнувшего черепка бомбы. Вблизи нас загорелся дом, и на этот пожар они прямо начали пускать в нашу сторону; я собрался разом; у меня здесь только один мешок, да погребец и шинель; а в батарее (Николаевской) для нас стоит готовым отведенный каземат; там можно быть безопасными от бомбы; я не переезжаю, однако же, потому что у нас славная и веселая квартира, с балконом на море.

Сигары и желтый чай, наконец, получил на этих днях, 12 или 13 числа, и получил еще от кого-то ящик с сигарами, кажется, от Зубкова. Про сестер милосердия должен писать еще великой княгине Елене Павловне. Не знаю, что мне с ними делать, когда поеду; они также об этом беспокоятся.

Приложенное огромное письмо, которое я сочинял целую неделю, во время болезни, да несколько дней после болезни, все отрывками да урывками, адресовано к Зейдлицу¹ в ответ на его два письма, но назначено мною и для нашего маленького общества врачей; покажи Шульцу, который, коли хочет, может исправить грамматические ошибки, а потом отдай Здекауеру, пусть он его читает себе и другим приятелям, а после перешлет Зейдлицу. Два письма Зейдлица также дай им прочесть, чтобы лучше поняли мой ответ.

Счет пожертвованным деньгам твой, не знаю, правилен ли; мне кажется, Екатерина Михайловна² пожертвовала не четыреста, а пятьсот; справься лучше с письмами в столе. Квитанции Сартори я позабыл передать. Для департамента внутренних дел закажи Полю Пети шестнадцать экземпляров картин моих всех выпусков с первого до последнего. Департамент присылал сюда ко мне бумагу. Если нужно Пети деньги, пусть придет счет, я подпишу; но, вернее, пусть уже подождет.

Квартиру в Ораниенбауме найми заранее, я думаю, ту же. Сюда мне ничего теперь не присылай, а то, пожалуй, не успеет и прийти, судя по чаю и сигарам. Себя поздравь с рождением; кажется, уже тебе за 26 перева-лило — что еще юноша в сравнении с нашим братом стариком [...].

¹ Зейдлиц Карл Карлович (1798—1885) — доктор медицины. Закончил Дерптский университет. В 1823 г. послан в Астрахань бороться с холерной эпидемией. Участвовал в качестве главного врача в турецкой войне 1828—1829 гг., был избран президентом Медико-хирургической академии, президентом терапевтической клиники при академии. Зейдлиц известен тесной дружбой с В. А. Жуковским, который поддерживал с ним переписку, а после смерти назначил его своим душеприказчиком.

² Великая княгиня Екатерина Михайловна (1827—1894) — дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, внучка Павла I; герцогиня Мекленбург-Стрелицкая. Продолжила благотворительное дело Елены Павловны и состояла покровительницей нескольких учреждений. Открыла в Ораниенбауме, где часто проводила летнее время, приют для больных детей, которых привозили из петербургских больниц. Под ее покровительство перешли медицинские учреждения. Содействовала она и женскому образованию в России, являясь попечительницей разных учебных заведений.

Писем теперь не ожидай скоро; каждые две недели — раз; решившись раз отправиться в мае и имея теперь дела по уши, писать не могу скоро, но в две недели раз буду; хоть редко да метко [...].

Кланяйся Глазен[апам], Пушину, Здекауеру и всем близким.

№ 24

25 марта [1855 г.]. Севастополь

Это письмо ты получишь, верно, прежде, чем написанное от 21 марта¹, точно так же, как и я получил твое от 13 прежде, чем от 8.

Это письмо идет с курьером, а другое с одним генералом, который довольно уже докучал мне в С.-Петербурге и приехал и сюда надоедать.

Я в том письме написал различные распоряжения, а в этом прибавлю только, чтобы ждала меня уже непременно на даче, в Ораниенбауме, куда, надеюсь, если будешь жива и здорова, то переедешь с детьми, как всегда, около 20 мая. В доме оставь кого-нибудь, чтобы принял вещи, а я, приехав в Петербург, тотчас же поеду на дачу; оставь расписание часов на квартире, когда пароход будет отходить в Ораниенбаум.

Из Севастополя я уеду около 15 мая, останусь в Симферополе, может быть, в Херсоне и проч., а потом уже, не останавливаясь, в С.-Петербург. В Москве я думаю остаться только несколько часов и хочу заехать к сестрам², пришли их адрес; не знаю, вместе или розно теперь они живут.

Детей поцелуй за их письма; скажи им, чтобы они теперь держали уши остро и слушались бы и вели бы себя хорошенько; я приеду, потребую отчета и буду слушников судить уже военным судом; для этого с собой привезу и шинель с мундирным воротником.

¹ Письма с датой 21 марта 1855 г. нет; конечно, имеется в виду письмо от 18—19 марта (№ 23).

² Сестры Пирогова — Анна и Пелагея.

На днях здесь узнали, что два первых условия мира приняты в Вене¹; остается теперь самый главный — третий: свобода плавания по Черному морю. Между тем здесь всякий день, или лучше всякий вечер и всякую ночь, на новом редуте валяют напропалую, и число раненых с каждым днем прибывает; но зато на всех других батареях почти совсем утих огонь; только и слышно и видно перестрелку у Малахова кургана.

Новые войска, две с половиной дивизии Южной армии, начнут вступать в Севастополь 27 апреля, как это мне вчера сказывал Анненков, который теперь сюда приехал на несколько дней; но ничего, кажется, не в состоянии сделать, чтобы усилить транспорт больных и опорожнить от них город, в котором теперь скопилось до 7000 больных, в Симферополе 6000; и, если не будут вывозить, а осада продолжится, то в летние жары и при существующих недостатках непременно разовьется какая-нибудь зараза. Я об этом толкую всем и каждому; писал докладную записку Горчакову; сам толковал с ним и с нач[альником] шт[аба] Коцебу, с Анненковым, с Нахимовым, — короче, со всеми; прошу их и убеждаю, чтобы они вывозили больных из города на Северную сторону, раскинули бы там палатки, которые можно лучше проветривать, чем казармы и госпитали; чтобы отсюда возили беспрестанными и постоянными транспортами далее; чтобы запасали места для вновь прибывающих. Все это принимается, но ничего не делается; средств нет, палаток нет, лошадей и фур мало; куда везти больных, также еще хорошо не знают; все ближайшие госпитали уже переполнены, и везде воруят и везде беспорядок по-прежнему.

Генерал-штаб-доктор — пешка и только умеет подкакивать да хвалить то, что худо². В госпиталях нет ни одного лишнего матраца, нет хорошего вина и хинной корки, ни кислот даже на случай, когда тиф разовьется. Врачей почти целая половина лежит — больны, и еще что из всего этого хаоса точно хорошо, так это сестры милос[ердия...]. Если бы не они, так больные лакали бы

¹ Мирные переговоры в Вене велись зимой 1854—1855 гг.

² Генерал-штаб-доктор — Шрейбер.

вместо сытного супа помои и лежали бы в грязи. Они и хозяйничают в госпиталях, и кушанье даже готовят, и лекарство раздают, — зато также и болеют; опять двое заболели и одна, Бакунина¹, тифом.

Если будешь кого видеть от вел[икой] княг[ини], то скажи, что я приготавливаю второй подробный отчет о действиях сестер, и прочтет ли его она или нет, а я ей pošлю, потому что я горжусь сам их действиями; я защищал мысль введения сестер в воен[ных] госпит[алях] против дурацких нападений старых колпаков, и моя правда осуществилась на деле. Князь Г[орчаков] весь в руках К[оцебу], и если бог сам не поможет нашей матушке родной России, то не далеко на нем уедем; но он, по крайней мере, человек с душой, не такая копченая мумия, как М[еншиков], и желает добра — это уже много, хоть и недалеко хватает. В военном деле, разумеется, я не судья, и сам лукавый их не разберет, что они делают и что думают делать, — да еще и думают ли — вопрос. Один другому завидует и друг другу ногу подставляет, как бы свалить; но если можно было бы, пожертвовав тысяч двадцать, сделать с нашей стороны что-нибудь решительное, как это уверяют некоторые из военных (разумеется, больше молодые), то я бы советовал не медля это сделать.

Что значит и двадцать тысяч, выбывших из строя, в сравнении с теми жертвами, которые падут от заразы, если она успеет развиться; тогда и пятьдесят тысяч не досчитаются. Впрочем, Бог им судья. Я что сумел, исполнил по совести, а на нет — суда нет. Поэтому я считаю мою миссию оконченной или почти оконченной здесь.

Уезжая отсюда, правда, я отнимаю от Севастополя около десятка дельных врачей, но кто думает, что я поехал в Севастополь только для того, чтобы резать руки и ноги, тот жестоко ошибается; этого добра я уже довольно переделал; я предоставил это другим, а сам смотрел

¹ Бакунина Екатерина Михайловна (1810—1894) — знаменитая сестра милосердия, героиня двух войн XIX века. Дворянская сестра анархиста М. А. Бакунина, внучка И. Л. Голенищева-Кутузова. Великий хирург Николай Иванович Пирогов, говоря о неоспоримом вкладе в мировую историю русских сестер милосердия, к наиболее выдающимся среди них справедливо относил Екатерину Бакунину.

больше и что увидел, то было то же самое, что уже прежде видел и знал. Я знал уже прежде, какова участь наших раненых (впрочем, не одних наших), думал содействовать к улучшению; теперь убедился, что при нашей распорядительности это дело — несбыточное; беспорядок, беззаботность и непредусмотрительность — неискоренимы, — хоть кол на голове теши.

Теперь, например, я всем уши прожужжал, что при новом деле, если будет хоть тысяча раненых, то они будут валяться, как свиньи; но никто ни с места — авось-ка вывезет как-нибудь. После все будет гладко и песочком посыпано. Вместо разных прихотей — сигарок и папирос, и даже вместо чаю и сахару, которые благотворители наши посылают сюда для раненых, лучше бы было им выслать на чем бы и где бы можно было лежать, но это, разумеется, не так легко. Анненков вместо подвод и палаток привез также пожертвование, не знаю, свое ли или чужое — скляночку с хлороформом. Заботы начальства о смертности — как и всегда — большие; переписок о числе больных и выбывающих из строя — как и всегда — тьма, — бумага все терпит: врачам нет покою ни днем, ни ночью, — а что толку? До смертности ли тут, до успеха ли в лечении, когда больных скучат, как селедок в бочонке, и в начале болезней и ранений не хотят или, в самом деле, может быть, не могут позаботиться об их приюте, о логовище и о чистоте тела?

Да, вот еще геройский поступок сестер, о котором я сейчас услышал и который уже, верно, известен вел[икой] княг[ине]: они в Херсоне аптекаря, говорят, застрелили. Истинные сестры милосердия, — так и нужно, одним мошеником меньше. Не худо, если бы и со здешним Федором Ивановичем сделали то же.

Правда, аптекарь сам застрелился или зарезался, — до оружия дела нет; но это все равно. Сестры подняли дело, довели до следствия, и дела херсонесского госпиталя, верно, были хороши, коли уже аптекарь решил себя на тот свет отправить. Но зато они должны теперь ухо остро держать: с комиссариатским ведомством шутки плохи. Здесь, покуда я здесь, их на руках носят: что будет после, не знаю, но под эгидою вел[икой] княг[ини], может быть,

и хорошо отделаются, лишь бы она не слушала наветов, и лишь бы они, как бабы или как военнначальники, между собой не ссорились и друг другу не пакостили. Я уже об этом почти со слезами умолял и их иеромонаха¹, который, между нами будь сказано, очень глуп, и начальниц самих.

Однако ж я заговорился; пора в госпиталь; ночью были раненые. Прощай, моя душка. Будь, ради бога, здорова и храни детей. Я часто думаю, что-то они делают одни, когда тебе нездоровится; впрочем, когда я и в Петербурге, то они все-таки остаются одни, если ты нездорова, хотя я знаю, что ты и больная за ними смотришь [...].

Цигары и желт[ый] чай, наконец, на прошлой неделе получил; также и твою корпию; теперь пью всякий день утром Машин шоколад, который целую зиму лежал в бездействии. Пожелай Маше благополучного разрешения.

Прощай, моя душка, целую и обнимаю тебя. Писать теперь не буду так часто — некогда: должен сводить разные счета, переисправить бумаги, а сверх того новые раненые всякий день прибывают. Прощай, до свидания на даче, если богу будет угодно продлить живота и веку.

№25

7 апреля [1855]. Севастополь

Пишу тебе с перевязочного пункта, куда я на время, а может быть, и до окончания моего срока пребывания в Севастополе, переехал на другой день Светлого воскресения [...].

В Светлое воскресенье был у заутрени в соборе, и во время служения уже раздавались издали сильные выстрелы; бомбы летали в город; потом опять все замолкло. Но в понедельник на Святой, 29 марта, в 5 часов утра мы были разбужены сильной канонадой; окна комнаты дрожали, по стенам дома как будто сотни кузнецов стучали молотками; мы вскочили, наскоро оделись и узнали, что

¹ Иеромонах при Крестовоздвиженской общине Вениамин.

неприятель открыл сильную бомбардировку со всех бастионов; наши отвечали; завязалась сильная канонада из тысячи пятисот осадных орудий, полетели бомбы и ракеты, мы побежали стремглав на перевязочный пункт, вскоре вся огромная зала начала наполняться ранеными с ужасными ранами: оторванные руки, ноги по колена и по пояс приносились вместе с ранеными на носилках; с лишком четыреста раненых нанесли нам в сутки, с лишком тридцать ампутаций.

С этого дня бомбардирование продолжалось днем и ночью до 6 апреля и даже сегодня еще не совсем окончилось, хотя сделалось несравненно тише. В первый день неприятель выпустил с лишком тридцать тысяч снарядов; считают, что по сей день выпущено до четырехсот тысяч. Бомбы падают где ни попало, но вообще вреда изломам бастионов сделали немного.

На бастионах считают до ста подбитых пушек из тысячи; разрушенные амбразуры исправляются ночью, но это стоит людей; и у нас считают в течение этого времени (от 28 марта до 7 апреля) до шести тысяч выбывших из строя. На наш перевязочный (главный) пункт, куда являются раненые с самых главных бастионов (четвертый, пятый и шестой), является до двухсот — четырехсот в день. Два наших небольших пороховых погреба и один английский взлетели на воздух.

Неприятель взорвал мину перед четвертым бастионом и образовал воронку, которую и занял; но сегодня ночью наши две роты подползли тишком, разрушили поставленные уже около воронки туры, закидали засевших там французов камнями, выгнали их вон, взяли человек пять в плен и ушли. Бомбардирование, очевидно, уже утихло. Чего хотел неприятель?

Бог знает. Кажется, однако, надеялся более причинить нам вреда и готовился на штурм. Третьего дня ночью сильные его колонны, как говорили, до двадцати тысяч, хотели во время взрыва мины пробраться между 4 и 5 бастионом, но были встречены перекрестным картечным огнем и удрали назад. Между тем к 10 или 12 апреля придут новые войска к нам, две с половиной дивизии, и мы подкрепимся.

С моря он [...] выставил тоже в нашем виду пятнадцать кораблей, которые, однако, только стоят и ничего не делают. Только с третьего дня одна канонерская лодка, пользуясь туманом, подъезжает близко к бухте, дает несколько выстрелов из больших ланкастерских орудий и тотчас же поворачивает назад; бомбы и ядра из них падают возле нас в бухту. Говорили, что Наполеон сюда приехал и по этому случаю открыто бомбардирование; но эти слухи не подтвердились. Полагают, что бомбардировка теперь прекращается, потому что у неприятеля уже нет зарядов, которых у нас тоже мало, так что каждый бастион должен делать в сутки только положенное число выстрелов. Бог знает, чем все это кончится. Будет ли штурм или нет, но пора бы положить один конец этой глупой осаде.

На перевязочный пункт, кроме солдат, приносят и женщин и детей с оторванными членами от бомб, которые падают в Корабельную слободку — часть города, где еще, несмотря на видимую опасность, продолжают жить матросские жены и дети. Мы заняты и ночь и день, и ночью, как нарочно, еще более, чем днем, потому что все работы, вылазки, нападения на ложементы и т. п. производятся ночью.

Странно будет, если после этой усиленной бомбардировки неприятель опять смолкнет, и дела пойдут по-прежнему; но все его усилия теперь обращены, очевидно, на четвертый бастион; через этот пункт он хочет проникнуть в Севастополь. Наши все желают штурма и говорят, что это было бы для них самое лучшее. Северная сторона остается, как и прежде, для нас совершенно открыта, и цены на съестные припасы и проч. нисколько не поднялись.

Письмо твое от 21 марта получил сейчас. Ты, моя душка, та же и в 26 лет, как была прежде. Я тебя уверяю, что ты точно родная детей, и ты без всякого угрызения совести можешь себе присвоить это титул, которое ты вполне заслужила и которое и дети заслужили своей любовью к тебе.

Погода здесь хороша, но еще не слишком. Стоят туманы; перед нашими окнами расцвела акация, но

деревья распускаются несравненно медленнее, чем в С.-Петербурге; я замечаю это, смотря на их свежие листки всякий день. Вино, про которое ты пишешь, я не получил, и теперь не высылай уже ничего — не стоит. Еще пять недель, и я [...] выеду из Севастополя. Надеюсь, что к тому времени даже что-нибудь да будет сделано либо с нашей, либо с неприятельской стороны.

Теперь я живу в трех разных местах. Вещи мои лежат в сохранности в Николаевской батарее, где для меня приготовлен также и один каземат, если на перевязочном пункте будет слишком опасно долее оставаться; на прежнюю мою квартиру езжу обливаться холодной морской водой и обедать, а сплю и провожу целый день и ночь на перевязочном пункте — в Дворянском собрании, паркет которого покрыт корой засохшей крови, в танцевальной зале лежат сотни ампутированных, а на хорах и бильярде помещены корпия и бинты. Десять врачей при мне и восемь сестер трудятся неусыпно, попеременно, день и ночь, оперируя и перевязывая раненых. Вместо танцевальной музыки раздаются в огромном зале Собрания стоны раненых.

Н. И. Пущину скажи, что у его племянника Завалишина оторвало ядро во второй день бомбардирования всю руку, и я ее вырезал из плечевого сустава. Теперь ему идет довольно порядочно, сверх ожидания, потому что рана была чрезвычайно тяжелая, с большим разрывом кожи, и он был принесен на перевязку изнеможенный от сильной потери крови.

Здекауера попроси, чтобы он известил через Рауха-Зейдлица, что офицер Зейдлиц, о котором он меня спрашивал в своем письме, убит под Альмою [...].

№ 26

Севастополь. 22 апреля [1855]

После бомбардирования, о котором я тебе писал и которое продолжалось непрерывно от 28 марта до 8 апреля и во время которого выпущено было до полмиллиона сна-

рядов, теперь еще буря не утихла; всякую ночь почти что-нибудь да встречается; ложементы пред третьим бастионом уже в третий раз переходят из рук в руки и теперь остались в руках неприятеля [...], у нас вдруг привалило до шестисот раненых в одну ночь, и мы сделали в течение двенадцати часов с лишком семьдесят ампутаций. Эти истории повторяются беспрестанно в различных размерах. Сегодня пронесся слух, что неприятель сделал опять десант или хочет делать около Одессы, а другие говорят — опять на Альме; но, слава богу, у нас войска довольно, более, чем было 24 октября.

Ты пишешь, что не можешь рано переехать на дачу; ради бога, и не переезжай рано; я тронусь после полонины мая только из Севастополя, если бог велит, о чем я уже написал Пеликану и вел[икой] княг[ине]; следовательно, прежде последних чисел [мая] или начала июня не могу приехать в С.-Петербург. Вели сначала, прежде чем переедешь, вытопить дом хорошенько. Я не понимаю, как ты получаешь мои письма и я твои. В один день я получил три: от 5, 7, 9 апреля; так, вероятно, и ты мои получишь. Если скотина генерал Геццевич, свиты его императорского величества, не доставил тебе письмо, которое сам вызвался доставить и в котором я поместил еще письмо к Зейдлицу, то надобно непременно об нем справиться в С.-Петербурге и у него достать во что бы то ни стало. Его знает Карелль¹ и велик[ая] княг[иня]. Он выехал отсюда 26 марта и хотел на Святой быть уже в С.-Петербурге. Два письма, посланные после него, ты уже, верно, получила.

Теперь здесь уже настоящее лето; жара, все в цвету, хотя, правда, зелени здесь и немного видишь; весь Севастополь набит теперь войсками. Для чего их держат здесь,

¹ Карелль Филипп Яковлевич (1806—1886) — врач, уроженец Эстляндии, в 1832 г. закончил Дерптский университет со степенью доктора медицины, после чего путешествовал за границей с научными целями, был лейб-медиком при императорах Николае I (с 1849 г.) и Александре II (1855—1881), в последние годы своей жизни заведовал госпиталем лейб-гвардии конного полка, состоя почетным членом Военно-медицинского ученого комитета и совещательным членом медицинского совета при министерстве внутренних дел.

выставляя и подвергая бомбам, не знаю, но, вероятно, что-нибудь или готовят или сами готовятся.

Все, что при бомбардировании было разрушено, теперь опять совершенно поправили. Теперь опять бастионы, как были прежде; правда, у нас выбыло в девять дней тысяч девять из строя; одних ампутаций мы сделали с 27 марта по 21 апреля — до пятисот, но и неприятелю досталось порядочно. Бесполезная резня эта уже, я думаю, не мне одному надоела; бьют друг друга, ничего ровно не выигрывая; все остается, как было; они не решаются на штурм, мы не можем их прогнать. И так все идет без конца; трудно решить, чем все окончится; теперь мы стоим ровно.

Будь же здорова и, ради бога, не делай ничего, что тебе может повредить. Теперь у вас самое скверное время в Петербурге — лед ладожский идет. Береги детей также. Прощай, моя несравненная душка, не грусти и не думай [...].

Письмо, может быть, сегодня еще и не отправится, но я спешу его отправить на Северную сторону.

№ 27

Севастополь. 29 апреля [1855]

Все тихо и спокойно. Вот уже третий день, как выстрелы слышатся изредка, и число раненых, вместо сотен в сутки, ограничивается десятками. Только на Северную сторону стреляют из неприятельского лагеря раскаленными ядрами из ланкастеровских пушек. Что значит эта тишина? Бог знает; верно, перед грозой. Неприятель строит одну батарею за другой и после последней бомбардировки значительно приблизился. Одна новая батарея сооружается против четвертого, одна против третьего бастиона. По Театральной площади (на конце Екатерининской улицы) уже нельзя ходить: летают ядра, и потом там проводят траншею, и войска отправляются к четвертому бастиону уже не по прежней дороге. Говорят о предстоящей нам снова усиленной бомбардировке. Между тем

город наполнен нашими войсками, полки бивакируют на улицах, и слава еще богу, что им мало вредят бомбы; куда их денут во время бомбардирования, не знаю, а если они останутся, как теперь, на открытых улицах, то без вреда не обойдется.

Худые слухи носят в городе; говорят, что Севастополь будет взят. Но что всего хуже — это раздоры и интриги, господствующие между нашими военными начальниками; это я заключаю из разговоров с адъютантами. Сакенские ненавидят горчаковских; друг друга упрекают в пристрастии. Видна также и решительность. Когда 20 или 21 числа наши ложементы перед пятым бастионом были взяты [...], неприятель, заняв их, мигом выстроил батарею, воспользовавшись нашими же работами, перед носом четвертого бастиона. Хотели его выбить, но потом опять отдумали. Мы отстояли бомбардировку — правда, но потеряв выбывшими из строя тысяч до десяти и допустив неприятеля ближе. От раненых беспрестанно слышишь жалобы на беспорядок. Когда солдат наш это говорит, так уж, верно, плохо.

Время ли тут интриговать, спорить и рассуждать о том, за что тот или другой получил награду, восставать друг против друга, когда нужно единодушие; а его нет, я это вижу ясно. Это ли любовь к Родине, это ли настоящая воинская честь? Сердце замирает, когда видишь перед глазами, в каких руках судьба войны, когда покороче ознакомишься с лицами, стоящими в челе. Они, не стыдясь, не скрывая перед подчиненными, ругают друг друга дураками [...].

Хорошо говорить самому себе: «молчи; это — не твое дело»; да нельзя, не молчится, особенно, когда говоришь с женою.

Так и во всем, так и с бедными ранеными; когда за месяц почти до бомбардировки я просил, кричал, писал докладные записки главнокомандующему (князю Горчакову), что нужно вывезти раненых из города, нужно устроить палатки вне города, перевезти их туда, — так все было ни да, ни нет. То средств к транспорту нет, то палаток нет; а как приспичило, пришла бомбардировка, показался антонов огонь от скучения в казармах, так давай

спешить и делать, как ни попало. Что же? Вчера перевезли разом четыреста, свалили в солдатские палатки, где едва сидеть можно; свалили людей без рук, без ног, с свежими ранами на землю, на одни скверные тюфячишки. Сегодня дождь целый день; что с ними стало? Бог знает.

Завтра поеду на ту сторону, так увижу. Когда полковой командир обед дает, так он умеет из этих же палаток залу устраивать, а для раненых этого не нужно; лежи по четыре человека безногих в солдатской палатке.

А когда начнут умирать, так врачи виноваты, почему смертность большая; ну, так лги, не робей. Не хочу видеть моими глазами бесславия моей Родины; не хочу видеть Севастополь взятым; не хочу слышать, что его можно взять, когда вокруг его и в нем стоит с лишком 100 000 войска, — уеду, хоть и досадно.

Доложи великой княгине, что я не привык делать что бы то ни было только для вида, а при таких обстоятельствах существенного ничего не сделаешь. Ее высочество обещает врачам содержание, какое они пожелают, лишь бы остались; но приехавшие со мною говорят, что они приехали не для денег, и предвидят, что без меня их скрутят по ногам и рукам; здесь недостаточно иметь только добрую волю или ревность, нужно еще плясать по одной дудке.

Бог с ними и с наградами; если бы я добивался до Станислава, то мог бы его получить и сидя дома, как другие; меня здесь представил Сакен и к Анне, — да мне собственные убеждения о достоинстве и спокойствие духа дороже.

Я люблю Россию, люблю честь Родины, а не чины; это врожденное, его из сердца не вырвешь и не переделаешь; а когда видишь перед глазами, как мало делается для отчизны и собственно из одной любви к ней и ее чести, так поневоле хочешь лучше уйти от зла, чтобы не быть, по крайней мере, бездейственным его свидетелем. Я знаю, что все это можно назвать одной непрактической фантазией, что так более прилично рассуждать в молодости, но я не виноват, что душа еще не состарилась.

Ты знаешь, я никогда не был оптимистом и потому, может быть, и теперь вижу вещи хуже, нежели как они

в самом деле; но нельзя не верить тому, что видишь и встречаешь на каждом шагу; когда видишь пред собою не русских людей, единодушно согласившихся умереть или отстоять, а какой-то хаос мнений и взглядов, из которых только одно явствует, что никто ничего не понимает, и всякий подставляет ногу другому: моряки ненавидят сухопутных, пешие — конных, эстляндцы¹ — курляндцев², один упрекает другого в ошибках и в глупости, и все оставляют на произвол случая.

Может быть, то же делается и у наших неприятелей, — дай-то Бог! Они тоже колеблются: то сделают демонстрацию на Чургун, то высылают корабли на несколько дней куда-то, чтобы опять воротиться; но все-таки они идут вперед и приближаются; это-то и скверно. Настоящая тишина не пред добром, и если после следующего бомбардирования они еще подвинутся, то бог знает, что будет.

Впрочем, не нужно терять надежды. Право, если взглянуть на эту смесь посредственности, бесталантства, односторонности и низости, то поневоле начинаешь опасаться за участь Севастополя и, следовательно, целого Крыма. Одного только нужно молить, чтобы такая же бестолочь существовала и у неприятеля.

К подобным же экземплярам принадлежит и Геццевич, которого ты должна во что бы то ни стало преследовать письменно. Этот подлец сам вызвался отвезти мое письмо и отдать даже лично тебе; я запечатал в нем письма Зейдлица и к Зейдлицу, полагаясь, что он вернее доставит, чем фельдъегерь, а этот скот до сих пор и глаз не кажет. Узнай в Петербурге непременно, где он находится; напиши ему самое грубое письмо от моего имени; я его в дверь не пущу. Узнать же о нем можно у Карелля и при дворе великой княгини. Он свитский генерал и, как говорят, я узнал это после, взяточник немилосердный. Но письмо мое — не взятка; его нужно вытащить непре-

¹ Эстляндия — историческое название северной части Эстонии.

² Курляндия — герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии на территории исторической области Курземе.

менно и сделать то, что я там написал, — дать прочесть в Обществе врачей Здекауеру.

Я теперь только одного молю: если не удастся быть свидетелем нашего торжества, то дай только бог убраться, не бывши свидетелем нашего позора, и уехать из Севастополя прежде его совершенной гибели.

Вино, белье, кофейник и сигары я, наконец, получил третьего дня, то есть 25 апреля.

Погода до сих пор, целые две недели, стояла превосходная, как у нас в самые лучшие летние дни; со вчерашнего дня пошел дождь, и мои больные, которые третьего дня отправились на Северную сторону, верно, лежат теперь, или лучше — плавают в грязи на своих матрацах. Я сейчас еду смотреть их.

Приехал и видел, что они лежат в грязи, как свиньи, с отрезанными ногами. Я, разумеется, об этом сейчас же доношу главнокомандующему, а там злись на меня, кто как хочет, я плюю на все. О, как будут рады многие начальства здесь, — которых я также бомбардирую, как бомбардируют Севастополь, — когда я уеду. Я знаю, что многие этого только и желают. Это знают и прикомандированные ко мне врачи, знают, что их заедят без меня, и поэтому, несмотря на все увещания и обещания, хотят за мною бежать без оглядки. Достанется и сестрам; уж и теперь главные доктора и комиссары выпускают слухи, что прежде, без сестер, с одними фельдшерами, шло лучше.

Я думаю, действительно для них шло лучше; я учредил хозяек из сестер, у которых теперь в руках водка, вино, чай и все пожертвованные вещи, — это комиссарам не по зубам, и потому прежде шло лучше.

Когда ампутированных перевезли и свалили на землю в солдатские простые палатки, я сказал, что они при первой непогоде будут валяться в грязи. Обещали, что этого не будет; сегодня я приехал сам и таскался по колёно в грязи, нашел всех промокнувшими; пишу сейчас же об этом начальнику штаба, и вот опять это будет не по зубам. Нужно, чтобы было непременно все в отличном порядке — на бумаге, а если нет, так нужно молчать. А мне для чего молчать, — я вольный казак. Хотят на меня ска-

лить зубы и за спиной ругаться, пусть их делают, а я все-таки худого хорошим не назову.

Но все имеет свои пределы; если уже и один главнокомандующий не вытерпел, а сменился, если полки сменяются, то нужно и нас сменить. Врачи, приехавшие со мной, поработали довольно. Они все переболели, многие на моих глазах перемерли; нельзя от них требовать, чтобы они не желали перемен. Сохраничев умер, Джюльяни умер. Каде умирал, но каким-то уже чудом ожил.

Петров лишился ног. Дмитриев от тифа сделался меланхоликом; у всех был тиф в большей или меньшей степени; я сам прохворал четыре недели. Да хоть шло бы все это впрок, можно бы уже было жертвовать; а то, хоть из кожи лезь, все то же [...]. Хоть охрипни крича, никто не слушает, а как придет в гузно узлом, так тогда опомнится, да уже поздно [...].

№ 28

30 апреля, утро [1855 г.]

Дела покуда все немного еще. На дворе первый день дождь. Севастопольская глина превратилась по обыкновению в клейкую тягучую грязь, которая липнет к сапогам и делает их тяжелыми, как пудовые гири. Можно себе представить, что делается в траншеях, вырытых также на глинистой почве, и в больничном лагере, где раненые лежат в простых солдатских палатках, по четверо в каждой, без ног, без рук, на матрацах холстинных, набитых лыком, и лекаря перевязывают, стоя по колена в грязи. Вот улучшение, на которое мы надеялись от прибытия Южной армии Горчакова. Госпитальных палаток, суконных, крытых парусиной, в которых уставляется по тридцать — сорок коек, как это сделали морские (заботящиеся более о своих) для своих, вовсе нет; есть десяток каких-то изорванных — взяли солдатские для раненых, не обкопали их канавами, не устроили в них нары.

Я, раздосадованный, вчера, встретясь с Коцебу, жаловался. Но этот маленький человечек, напоминающий

собою русскую пословицу — у всякого Ермишки есть свои интрижки, — раззадорился: как можно найти в его управлении что-либо недостаточное; но я ему сказал наотрез чистым российским наречием:

— Вы, де, Павел Астафьевич, менее моего в этом деле смыслите, и я вам говорю попросту, что в палатках чистое свинство.

Он потом притворился, что будто меня не понял, что я говорю о солдатских палатках, а не о госпитальных навесах, в которых больным всегда лучше летом лежать, нежели в лазаретах, и в которые я сам же предлагал и настаивал перенести больных; притворясь, он напустил[ся] на генерал-гевальдигера¹ [...]; генерал-гевальдигер всю вину опустил на генерал-штаб-доктора; короче, как всегда, сам черт не разберет, кто прав, кто виноват.

Такого рода увеселительные истории повторяются здесь частенько и, разумеется, весьма способствуют к поддержанию ревностной службы для блага ближних. Когда же после всех этих проделок, после вопиющих недостатков и пошлости администрации, неминуемо откроется большая смертность между больными, то остаются виноватыми врачи, для чего они плохо лечили; изволь лечить людей, лежащих в грязи, в нужниках, без белья и без прислуги; но врачи, действительно, виноваты, что они, как пешки, не смеют пикнуть, гнутся, подличают и, предвидя грозу от разъяснения правды, молчат, скрывают и разыгрывают столба. Вчера же я получил и письмо от ее высочества, где она предлагает остаться мне или врачам для блага Общины и раненых.

¹ Генерал-гевальдигер — высшая военно-полицейская должность в российской армии, появившаяся в 1711 г. и закреплённая Военным уставом Петра I 30 марта 1716 г. Генерал-гевальдигер должен был осуществлять общий надзор за исполнением приказов высшего начальства, наблюдать за профессиональной деятельностью в армии маркитантов и всех при них состоящих людей. Генерал-гевальдигер пользовался также судебной властью. В случае обнаружения им фактов мародёрства, грабежа, насилия и разорения «в стороне от армии» он имел право разбирательства дела и приведения приговора в исполнение «без рассмотрения персоны», т. е. не считаясь со званием задержанного. Должность генерал-гевальдигера упразднена в 1862—1864 гг. в связи с ликвидацией отдельных армий и корпусов и образованием военных округов.

Нет, если было трудно справляться, когда здесь была одна главная квартира, то еще труднее стало теперь с прибытием Южной армии, с ее главной квартирой, со всеми интригами, интриганами и другими необходимыми принадлежностями; врачи это видят всякий день, и всякий из них более ни о чем не думает, как дать тягу вслед за мной. Страшит не работа, не труды, — рады стараться, — а эти укоренившиеся преграды что-либо сделать полезное, преграды, которые растут, как головы гидры: одну отрубишь, другая выставится. Поблагодари ее императорское высочество за ее хорошее обо мне мнение, но быть мертвой буквой я не могу, у меня и так много недругов; наживать еще больше, хотя и не страшусь, но без всякой пользы для других и себя не желаю.

Хотя и носятся различные слухи о возможности пасть или устоять Севастополю, одни твердо уверены, что он не может пасть, когда есть у него под боком двадцатитысячная армия; другие говорят, что он в большой опасности и не устоит; но то верно, что скоро дело не решится. Нашла коса на камень; пошlostей и подlostей, верно, поровну на обеих сторонах, — у кого больше, тот и проиграет, или, может быть, тот и выиграет; но нам не дожидаться. Да и около Петербурга не совсем спокойно; это меня тоже заставляет уехать. Поблагодари еще раз и выскажи всю правду ее высочеству так же, как и я скажу ее всякому, кому о том ведать надлежит.

Прощай еще раз, моя несравненная душка, а у Геццевича-подлеца вытащи письма хоть зубами.

№ 29

3 мая [1855]. Севастополь

Все еще тихо. Погода великолепная. Наши делали вчера две вылазки, но незначительные, больше для того, чтобы узнать, что делается у неприятеля в ложементах. Опять слухи стали надежнее; опять говорят более, что Севастополь не будет взят. Северная сторона сильно укреплена. Да, если подумаешь, то, право, стыдно и сомневаться

в успехе, имея здесь под руками стодвадцатитысячную армию; еще, говорят, идет сюда милиция из соседних губерний. Но я тебе уже писал, как здесь слухи неверны от господствующих интриг и партий; не узнаешь, наверное, и того, что под носом делается, а еще менее того, что делается под землей, где беспрестанно и неприятельские и наши мины.

Теперь проходят иногда целые недели без выстрела, и если стреляют, то все на Северную сторону больше и то калеными ядрами, вероятно, направляя их на корабли, куда, однако же, они не попадают.

Дело с ранеными в палатках, о котором я тебе писал, кончилось тем, что туда приехал, по моей жалобе, сам главнокомандующий и распек генерал-штаб-доктора и генерал-гевальдигера так, что генерал-штаб-доктор чуть не упустил в штаны и на вопрос главнокомандующего, сколько больных в Симферополе, ответил наудачу:

— Теперь очень уменьшилось, ваше сият[ельство]: было восемьсот, а в настоящее время четыреста.

— Как, четыреста в сутки? — спросил гневно князь.

— Нет-с, ваше сиятельство, в неделю.

— В неделю... Однако ж, это порядочно много.

— Извините, ваше сиятельство, в месяц.

— А, хорошо! — сказал удовлетворенный князь, садясь на лошадь.

Я посмотрел и пожал плечами. Низкая ложь, без стыда, чтобы загладить гнев начальника, уменьшает разом на целые сотни, в глазах всех знающих и не знающих дело.

Как у нас не хотят этого понять, что, покуда врачи будут находиться в такой зависимости от военноподчиненных, что трясутся от одной мысли прогневать их, до тех пор ничего нельзя путного ждать, и если я принес пользу хоть какую-нибудь, то именно потому, что нахожусь в независимом положении; но всякий раз нахрапом, производя шум и брань, приносить эту пользу — не очень весело. Тут никто и не подумает, что это делается для общей пользы, без всяких других видов; думают сейчас, что это личности. Потому что у нас нигде других причин нет; других мотивов, кроме личных, не существует. Это я знал и прежде, но теперь знаю это еще тверже.

Я понемногу собираюсь в дорогу, с приятным убеждением, что Севастополь не будет взят, а если падет, то не от недостатка мужества, а от интриг и личностей. Посмотрим, что будет делаться на Балтийском. Я не знаю, как можно от меня ожидать, чтобы я, пробыв шесть месяцев в осажденном городе, еще бы вздумал без нужды оставаться в нем тогда, как война, может быть, такая же, будет свирепствовать около мест, где находится мое семейство и где я столько же могу быть полезным, но с большей приятностью для себя, что буду находиться с моими или вблизи моих. Как можно требовать от молодых людей, которые были ежедневно свидетелями различных козней, сплетней и прижимок, чтобы они произвольно подверглись всем следствиям такого быта без защитника, тогда как на них смотрят, как на пришлецов, и тогда как они со мной до сих пор пользовались полной независимостью от чиновнических притеснений властей. Их можно принудить остаться, но что же из этого выйдет: ревность их будет парализована, и их забьют.

Когда я выеду, я напишу тебе, и, чтобы избавиться всех официальных и неофициальных посещений, лучше будет, если перееду прямо на дачу. Только ты не спеши, еще успеешь, и, ради бога, переезжай здоровая.

Машу поздравь с сыном. У Геццевича отыми письмо. Кланяйся всем знакомым. Целуй и благослови детей. Прощай, моя милая душка. Будь здорова.

№ 30

Севастополь. 14 мая [1855 г.]

Я дожидаюсь только письма от великой княгини и от Пеликана, чтобы уехать, а то совсем уже собрался. Пеликан мне писал, что должен о моем отъезде [довести] до сведения министра и выше и просил дожидаться ответа; ответ же от велик[ой] княг[ини] нужен, чтобы решить участь врачей, которые не хотят оставаться без меня.

*En attendant*¹ было здесь опять огромное побоище, и наша работа продолжалась два дня и две ночи. Было две тысячи раненых и до 800 убитых; французов, говорят, вдвое было ранеными и убитыми. Наши вздумали провести новую траншею от пятого к шестому бастиону и задумали построить новые батареи; французы сопротивлялись этому; было в бою до десяти тысяч с нашей и столько же с их стороны. Французская гвардия побежала, дрались штыками в траншеях и несколько раз выбивали из них друг друга, в ночь с 10 на 11.

В первую ночь наши удержали траншею за собой, а на другой день оставили опять. Что теперь из этого будет, не знаю и, вероятно, не дождусь конца. Я не спал две ночи и два дня и только сегодня, выспавшись, принялся за письмо. Письмо Пеликана от 26 апреля я получил третьего дня и ожидаю на днях обещанного им ответа. Коль скоро получу решение, так тотчас же и поеду. Грустно смотреть на Черное море, водой которого я всякий день обливаюсь два раза; на нем только и видишь, что французские и английские корабли; наши лежат под водой и только шесть стоят еще налицо с тремя или четырьмя пароходами.

Теперь здесь несосветимая жара. Показывается опять холера, и есть до ста больных; она есть и в неприятельском лагере. После третьегоднешнего жаркого дела опять все затихло, и сегодня не слышно ни одного выстрела. Французы не позволили убирать наших убитых в траншеях и своих не убирали, по-видимому, целых два дня, несмотря на то, что с нашей стороны выкидывали три раза парламентерский флаг; они свой не поднимали, и потому с убитыми лежали целые два дня некоторые из наших раненых без воды и неперевязанные. Это делали, вероятно, для того, чтобы убрать втихомолку своих убитых и тем показать, что у них меньше убили, чем у нас. Раненые, лежавшие целые два дня, рассказывают, что неприятель возился целую ночь, собирая своих.

Один солдат, наш раненый, рассказывал, что он просил у одного француза напиться, показывая ему рукою

¹ Пока (фр.).

на небо, но он в ответ ему плюнул. Какой-то другой раненый, англичанин, лежавший около него, сжалился над ним, дав ему воды из манерки и галету.

Наши дрались в этот раз славно, забегали и на неприятельскую батарею. Горчаков благодарил их на другой день, сказав:

— Вот видите, ребята, у вас не могли отнять французы и г.....ю траншею, что же и говорить о городе.

Ты не поверишь, как мне здесь надоело смотреть и слушать все военные интриги; не нужно быть большим стратегом, чтобы понимать, какие делаются здесь глупости и пошлости, и видеть, из каких ничтожных людей состоят штабы; самые дельные из военных не скрывают грубые ошибки, нерешительность и бессмыслицу, господствующую здесь в военных действиях. Многие даже желают уже Меншикова назад. Если нам бог не поможет, то нам не на кого надеяться и надобно подобра да здорову убираться. В Петербурге, верно, не имеют настоящего понятия о положении дел здесь и, как обыкновенно, не знают хорошо личностей. Куда-нибудь уехать в глушь, не слышать и не видеть ничего, кроме окружающего, теперь самое лучшее. Если прислушаться, то голова идет кругом от всех глупостей и безрассудностей, которые узнаешь. Сего же дня подаю записку Горчакову об отправлении меня и других врачей, приехавших со мной, в Санкт-Петербург. Итак, если ты не получишь другого письма после этого, то это будет значить, что я в дороге. Если же встретится какое-нибудь неожиданное препятствие, то я тотчас же тебя уведомя.

Прощай, моя душка, до свидания. Целуй и благослови детей наших. Прощай еще раз.

17 мая

Я собираюсь в дорогу, но еще пробуду с неделю здесь. Керчь занята французами. Главная квартира выступает завтра из Севастополя, — куда — бог знает.

Спешу окончить.

Прощай.

(Этим кончаются письма П. за время его первого пребывания в Крыму.

Тотчас по приезде в Ораниенбаум Пирогов составил «Записку» об организации помощи раненым воинам на фронте. Она помечена 24 июня 1855 г. и является первоначальным наброском знаменитой пироговской системы сортировки раненых. В ней выражена главная мысль классических «Начал» 1865 г. — о правильной постановке медицинского дела в действующей армии. Проект составлен на основании опыта работы Пирогова в Крыму с ноября 1854 г. до середины мая 1855 г., послан военному министру князю В. А. Долгорукову.

Имея в виду еще послужить отечеству на полях сражений, великий хирург хотел оградить себя и своих помощников от нравственных страданий, испытанных ими в Крыму при самоотверженных трудах на пользу родной армии. «Перед моей второй поездкой в Крым, — писал Пирогов через год после составления своего проекта, — я хотел еще раз попытаться быть полезным; но мне делали затруднения и вели интриги; мои условия были приняты только наполовину. Что же было последствием этого?».

Последствием такой половинчатости были новые затруднения со стороны разных генерал-гевальдигеров и подслуживающихся им генерал-штаб-докторов. Все это отражено в письмах П. к жене за август — декабрь 1855 г.).

№ 31 (1)¹

31 августа [1855 г.]. Симферополь

Я сюда приехал три дня тому назад и остаюсь еще, вероятно, до завтра. Один акт трагедии кончился; начинается другой, который будет, верно, не так продолжителен, а там — третий. Вероятно, еще до зимы будет окончен и второй акт.

О себе ничего не говорю; можно ли при таких событиях говорить о себе? Где я буду, не знаю; останусь ли на

¹ Это первое письмо из второй поездки Пирогова в Крым.

Северной стороне при главной квартире, или буду сидеть в Симферополе, или на Бельбеке, — ничего не знаю; все решится по приезду в главную квартиру. Сегодня я не расположен более писать. После, бог даст, если буду жив и здоров, все напишу, что увижу, и по свидетельству очевидцев.

Прощай, мой неоцененный друг. Сегодня обедал у Сухарева. Сестра Красильниковы¹ не так здорова и не переносит климата хорошо. Твой.

№ 32 (2)

8 сентября [1855 г.]. Бельбекская долина

Около недели я поселился в татарской сакле, около одной версты от госпитальных палаток, раскинутых в долине между Бельбекскими возвышениями, на берегу реки Бельбека, в шести верстах от Севастополя. Мы окружены со всех сторон горами, виноградниками без винограда (истребленного уже давно солдатами) и пирамидальными тополями. Сыро и, по временам, порядочно холодно; клейкая и склизкая грязь едва позволяет передвигать ноги; вода в речонке Бельбек также сущая грязь; но когда проглядывает солнце, то все поправляется.

Больные, большею частью раненные после последнего штурма, лежат в солдатских палатках и госпитальных навесах, большей частью без коек, на матрацах, постланных на земле; по вечерам и в сырую погоду в солдатских простых палатках лежащим на земле было невыносимо холодно; одеял не доставало, полушубки еще не розданы; я не знал, как поправить дело, и пошел, более по инстинкту, нежели с намерением, заглянуть в цейхгауз²; к моему удивлению, я нашел там еще несколько сложенных палаток и не развязанных тюков; оказалось, что было еще 400 одеял, которые добродетельное комиссариатство го-

¹ Красильниковы не упоминается в сводном списке сестер Крестовоздвиженской общины.

² Цейхгауз — военная кладовая для оружия или амуниции. Цейхгаузный смотритель — каптенармус.

спиталья не распаковало, остерегаясь излишней отчетности. Теперь почти все больные прикрыты двойными палатками и всем розданы одеяла.

Белье еще у многих грязно, и я сделал замечание госпоже Стахович¹, что она плохо смотрела и не настаивала, чтобы сестры, перевязывавшие больных, более заботились о белье; у них есть еще 2000 рубах, да в госпитале 1600, а больных было до 2000. Оказывается, и аптека, находящаяся в руках сестер, не в порядке. Сестер теперь много относительно к числу больных, а порядку меньше.

Стахович оправдывается тем, что она несколько раз требовала от госпитального начальства, чтобы оно выдало белье и пр., но ее не слушали; я ей говорил на это, что ее долг тотчас же донести по команде и требовать до тех пор, пока удовлетворят. Какое ей дело, что на нее за это озлятся; разве она затем здесь, чтобы снискивать популярность между комиссариатскими и штабными чиновниками?

Но не долго можно будет здесь оставаться; более месяца госпиталь не может простоять; и в саклях, где размещены раненые офицеры (генерал Хрулев, Ренненкампф) и где мы помещаемся, печей нет, нет потолков, нет и пола, и окон настоящих нет, так что, если саклю можно назвать еще домом, то потому только, что есть стены и кровля. Вообще наступает самое плохое время. Распоряжений еще решительно, как и всегда, никаких нет. Главная квартира переезжает в Бахчисарай, а госпитальные шатры остаются еще в двух местах: в четырех и шести верстах от Северной стороны Севастополя; больных, однако же, перевозят ежедневно, и в Симферополе, когда я был там, накопилось уже до 13 000; с транспортом теперь начнутся прежние бедствия. Хорошо еще, если успеют до октября месяца всех вывезти, пользуясь [тем, что] теперь тишина и спокойствие господствуют около Севастополя.

Нужно бы было сделать воззвание, чтобы вся Россия присылала войлоки, рогожи, одеяла, белье и полушубки для транспортирующихся раненых; сена здесь и теперь уже почти нет, соломы и подавно; придется их класть так же, как прошлого года, на голые телеги, которые теперь

¹ См. сноску 2 на с. 48.

прикрываются рогожами; Виельгорский употребил уже более 6000 руб. сер. на покупку этих рогож, которых здесь трудно найти, но это служило более к защите от солнечного зноя, нежели от осеннего холода.

Нужны войлоки; не худо бы было иметь и суконные шапки с ушами в запасе, для головы; солдатские фуражки не греют и легко сваливаются.

На этих днях я видел две знаменитые развалины: Севастополь и Горчакова. Бухта разделяет одну от другой.

Долго смотрел я с Северного укрепления и с верху батареи № 4, и простыми глазами и в трубу, на Малахов курган, на Корабельную, на Николаевские казармы, на Павловский мысок, на Дворянское собрание и на мое пепелище.

На кургане заметил только редуты без людей и без движения, на Корабельной видел пустые улицы между обгоревшими домами. Николаевские казармы внутри обгорели, но снаружи целы и не взорваны, на Николаевской площади стоят уже неприятельские мортиры, из которых пускаются иногда на Северную сторону бомбы; около казарм и на Графской площади разъезжают и прохаживаются безбоязненно красные штаны; на Павловском мыске вместо укрепления виднеются две огромные кучи камня и песку, оставшихся после нашего взрыва.

От Дворянского собрания, где я столько времени жил и действовал, остались только стены и несколько колонн. В домик, напротив артиллерийской бухты, где я квартировал, вскоре после моего отъезда влетела бомба и отбила весь угол, где стояла моя кровать, пронизав его насквозь сверху донизу. Исключая Графскую площадь и Никол[аевские] казармы, в городе между обгоревшими домами не заметно никакого движения. И с нашей стороны и с неприятельской возводятся новые батареи; из бухты торчат мачты вновь затопленных кораблей.

Матросы еще иногда шныряют на шлюпках вдоль нашего берега около затопленных пароходов. Но почти все убеждены, что Северная сторона не будет долго держаться, и бухта будет в руках неприятеля; Северная сторона будет под перекрестным огнем батареи и флота; почти все войска выведены, оставлены только несколько для работ и матросы в батареях.

Посмотрев на Севастополь, я отправился посмотреть и на Горчакова и нашел его, к моему удивлению, одного, без Коцебу; но вскоре это необыкновенное явление объяснилось: Коцебу в этот день уехал к своей жене, которая недавно прибыла на Бельбек. Вместе с разрушением Севастополя произошли изменения и в наружном виде гения отступления. Шапка, которая прежде надевалась им на затылок, теперь надевается почти на самый нос, так что можно различить только одну нижнюю часть лица; очки и усы покоятся под тенью бесконечно длинного козырька. *Un quart d'heure de conversation*¹ продолжался около часа, состоял из отрывков и кончился дежурным генералом.

Отобедав у Горчакова, я должен был обратиться к землянке этого представителя врачебной науки при штабе, который встретил меня твердо выученным наизусть отчетом о состоянии госпитальной части. Я без обиняков показал, что ничему не верю, и хотел уже уйти, как вдруг дверцы землянки распахнулись, и белая фуражка с огромным козырьком, надвинутая на нос, быстро влетела, бормоча с непостижимой скоростью:

— Какой дурак писал у вас эту бумагу? Где 2-й батальон десятой дивизии? А?

— Это ошибка, ваше сиятельство, — сказал дежурный генерал, вскочив со стула и вытянув руки по швам.

— То-то — ошибка; тут все ошибки. Дайте переписать.

— Извините, ваше сиятельство, кроме этой ошибки других нет.

— Да почему же вы знаете, что нет?

Трудно было отвечать на это положительно, и белая фуражка с длинным козырьком так же поспешно выскочила из дверей, как и вскочила.

Не добившись толку, где будут госпитали в позднюю осень, будут ли и когда будут готовы бараки, заказанные в Николаеве, я отправился уже поздно вечером домой с обещанием, что получу список всех врачей, употребляемых в госпиталях, при транспортах и т. п. по приказанию Горчакова, но до сих пор его еще не получил. Что будет —

¹ Беседа в четверть часа (фр.).

увидим; покуда ничего более не остается, как довольствоваться плохим настоящим и удивляться прошедшему.

Третьего дня приехала сюда госпожа Хитрово¹ из Одессы, и мне кажется, что она благотельно подействует на будущую судьбу общины.

Я ей изложил мои взгляды, просил ее смотреть на общину не просто, как на одно собрание сиделок, но видеть в ней будущую нравственную контроль нашей хромой госпитальной администрации и с этой целью вникнуть во внутренние дела общины и в характер лиц, ее составляющих. Мне понравилось, что она при мне же остановила одну сестру, которая, привыкши называть свою начальницу превосходительством, обратилась и к ней с этим же титулом.

— Я не превосходительство, а такая же сестра, как и вы, — отвечала Хитрово.

Ожидаю с нетерпением от нее, что она хорошо разузнает, и надеюсь, что с ней можно будет положить прочную основу общине.

Что тебе сказать про мое житье? Я решился здесь жить не раздеваясь; не снимаю платье ни днем, ни ночью, — это гораздо спокойнее.

Сегодня покупаю лошадь: по здешней грязи нет возможности ходить пешком. Прощай, моя душка [...]. Будь здорова и терпелива; не унывай, молись; целуй и благовослови детей. Еще раз прощай, моя неоцененная.

Твой.

№ 33 (3)

Бахчисарай. 17 сентября [1855]

Я тебе опять ничего не пишу положительного, моя душка, где я буду и долго ли на одном месте. Вчера на Бельбеке, сегодня в Бахчисарае, завтра в Симферополе;

¹ Хитрово Екатерина Александровна (?—1856) — вторая, после Е. М. Бакуниной, ближайшая сотрудница Пирогова в Крыму. Она заменила А. П. Стахович в должности начальницы общины; имя ее не значится в списке сестер, присланных из Петербурга.

куда писать и адресовать письма, сказать не могу. Пиши в Главный штаб. Живу то в сакле, то в палатке, то в комнате. Езжу верхом и для того купил себе лошаденку, именуюмую Чертенком, которая мастерски виляет иноходью, так что не устанешь. От тебя получил два письма, и оба вместе. Погода здесь стоит чудная; на дворе лучше, чем в комнате. Здесь покуда все тихо. Северную сторону бомбардируют, но пока не сильно; раненых не более четырех-пяти в день; беспрестанные передвижения войск, и главная квартира теперь в Бахчисарае.

О квартире контракт должна заключить контора госпиталей. Но о комиссариатских прогонах поручи кому-нибудь подельнее и поважнее сделать справку: действительно ли прошлого 1854 года 25 — 26 октября отпущено из комиссариата в Военно-медицинский департамент для выдачи мне двойных прогонов до Севастополя только 600 руб. серебром. Если так, то почему же в нынешнем году 1318 рублей? Сначала нужно узнать положительно, комиссариат ли у меня оттянул или Военно-медицинский департамент?

Я посылаю к тебе два бланкета за моею подписью; один для написания рапорта генерал-кригскомиссару¹, или отношения в самый комиссариат, или же в департамент о выдаче мне недоданных двойных прогонов в 1854 году; для этого попроси распорядиться или Вас[илия] Михайловича] или же Михельсона.

Бумагу написать просто, лишь бы узнали, где сделано воровство, сделав сначала справку в комиссариате. Второй бланкет для Сартории. Напиши хоть сама: В Конференцию императорской медицинско-хирургической академии от академика Пирогова. Прошу выдать столько-то господину Сартории из суммы, означенной для издания анатомических таблиц.

Вино я получил. Обермиллер в Николаеве и писал мне недавно. Великие князья останутся там, может быть, весь

¹ Генерал-кригскомиссар — должность в центральном (комиссариатском) военном управлении армии России, буквально главный военный уполномоченный (подразумевается, по снабжению). Ведал вопросами снабжения, вещевым и денежным довольствием личного состава.

октябрь и займутся укреплением. Пора бы. Государь в Николаеве.

Прощай, моя душка. Будь здорова и спокойна.

Твой навеки.

№ 34 (4)

22 сентября [1855]. Симферополь

Я приехал сюда уже около недели и еще здесь останусь, вероятно, несколько недель, потому что теперь сюда направлены все больные и раненые; все госпитали, исключая Бахчисарая и Бельбека, уничтожены, и в Симферополе, в городке, где 12 000 жителей, теперь 13 000 больных, и из них — 7000 раненых. Ты, моя душка, я думаю, можешь одно письмо написать сюда в Симферополь; впрочем, бог знает; теперь с часа на час ждут все, что мы оставим Крым¹ и не будем в нем держаться; неприятель ведет новую дорогу из Байдарской долины к Бахчисараю.

Горчаков сидит в восьми верстах от Бахчисарая, в Ортокаралесе, а Сакен стоит на Мекензиевой горе. Северную сторону продолжают бомбардировать и довольно сильно; когда я был там, то едва прошел несколько шагов от Северного укрепления к Константиновской батарее, как упало с десяток бомб; но вреда они вообще причиняют мало; загорелся один магазин с мукой и горел целую неделю.

Убивают или ранят бомбами ежедневно человека четыре, не более, да и весь гарнизон наш на Северной стороне состоит из 2000 моряков да милиции; неприятель не налегает крепко, да и мы там держаться в случае сильного напора не будем; беспрестанные неудачи; недавно французы, высадившись снова в Евпатории, заняли Саки, прогнали наши кавалерийские аванпосты и захватили шесть пушек; по рассказам раненых, они преследовали наших десять и более верст; теперь неприятель со стороны Евпатории в сорока верстах, а со стороны Южной также не

¹ Пирогов пишет различно: «Крым» и «Крым». В «Началах» (1865) — всюду «Крым», «Крымская война».

более, как в сорока верстах от Симферополя; а в Симферополе — все наши провиантские склады, заготовленные на всю зиму; от Евпатории до Симферополя — гладкое место, степь, а с Южной стороны — гористо; потом они ведут новую дорогу и, говорят, быстро подвигаются вперед.

Горчаков, как кажется, окончательно растерялся и двигает войска беспрестанно с места на место, как шашки, то сюда, то туда, утомляет и поселяет недоверие. Дух в армии упал, никто не верит; после стольких ошибок и неудач доверие исчезло. В течение четырех недель, верно, будет что-нибудь решительное; неприятель хочет, как кажется, ударить с двух сторон (с Евпатории и с Байдарской долины) на Бахчисарай и Симферополь и таким образом овладеть не только Северной стороной Севастополя (о которой теперь уже и мало заботятся), но и Крымом.

Я бы советовал Горчакову поскорее отступить — он на это мастер — за Перекоп и оттуда уже вести войну. В Крыму он запутается, и его окружают или отрежут непременно.

Погода здесь стоит превосходная, на дворе жарко. Я, живши в палатке и в сакле, здесь переехал в комнату, и каждый день приходится осмотреть до 800 и до 1000 раненых, рассеянных по городу в пятидесяти различных домах.

Ее высочеству вел[икой] княгине я по последней почте послал подробное донесение об общине, дела которой разбирал с Кат[ериной] Александровной] Хитрово, приехавшей сюда по поручению вел[икой] кн[ягини] из Одессы; оказалось ясным то, о чем я прежде только догадывался; все несогласия и интриги в общине происходят не от кого более, как от начальницы; она, видя теперь грозу, поднимет небо и землю и будет через своих клевретов действовать на великую княгиню, но я не все высказал, что узнал, и твердо уверен, что для блага общины нужна другая начальница.

Кроме госпиталей и общины, меня занимают теперь особенно транспорты, которые отходят отсюда почти ежедневно; если бы ты знала, что тут делается, если бы ты слышала все рассказы о злоупотреблениях и грабежах, производимых транспортными начальниками, так у тебя волосы бы встали дыбом.

Государь встретил один такой транспорт около Кременчуга и нашел, что недостаточно одного полушубка на трех больных, а если бы он знал, что в других транспортах, кроме изорванной и истертой шинели, ничего не дается для прикрытия даже трудных больных, что бы он сказал тогда?

Целые миллионы стоит эта перевозка больных и, несмотря на то, она в самом жалком первобытном состоянии; уже не говоря об удобствах, больные не снабжены даже порядочной водой на дорогу; они мучаются от жажды и потом на какой-нибудь станции бросаются с жадностью на колодцы, наполненные соленой водой, — других нет между Перекопом и Симферополем; дрожат от холода, останавливаясь ночевать в холодные ночи под открытым небом, в телегах. Я послал в первый раз четырех сестер с транспортом и поручил одной из них, к которой я более имею доверие — Бакуниной — осмотреть все на этапах и передать мне свои замечания¹.

Очень кстати было сделано, что со мной отправилось несколько врачей; им хотя и не предстоят такие труды, какие были при осаде, но множество других в другом роде; здесь приходится на одного врача по 180 и по 200 больных перевязочных; если бы положить самое меньшее пять минут на перевязку каждого (когда у Маши палец болел, то перевязка продолжалась более четверти часа,

¹ Отправляя Бакунину с транспортом, Пирогов дал ей следующую инструкцию:

Бахчисарай, 15 сентября 1855 г.

1. В какой мере возможна перевязка раненых на этапах и сколько примерно нужно сестер на каждую сотню раненых?

2. Каким образом утоляется жажда раненых на пути и снабжены ли они или сопровождающие транспорт средствами, необходимыми для этой цели?

3. Выдаются ли раненым, кроме их шинелей, еще каждому одеяло, или халат, или же (трудно больным) полушубок?

4. Как готовится пища на этапах, и возможно ли снабдить этап теплыми напитками в холодное время?

5. Осматривают ли транспорт, растянутый иногда на целую версту и более от одного этапа до другого, врачи или фельдшера?

6. Соблюдается ли порядок, назначенный в снабжении больных пищей, то есть, кормят ли их на тех этапах, где изготовлено должно быть для этой цели?

а я кладу пять минут на перевязку отрезанной ноги или руки), то нет физической возможности, чтобы он осмотрел всех; между тем в Крыму теперь с лишком 100 военных и гражданских врачей, а больных всего около 20 000; следовательно, приходилось бы только по пятьдесят больных на каждого врача, если бы деятельность их была распределена равномерно; вот образчик нашей распорядительности; вот чего я добивался у правительства: чтобы оно обратило внимание на такие вопиющие недостатки, а про меня разгласили, что я хочу быть главнокомандующим.

От тебя я получил последнее письмо от 29 августа и вместе с другим от 25 августа, так что я ничего не знаю, что у вас делается.

№ 35 (5)

29 сентября [1855]. Симферополь

Последнее твое письмо, моя душка, я получил от 9 сентября, иначе и быть не может: оно ходит из одного места в другое, пока дойдет до меня. Я покуда все еще в Симферополе, где число больных — 12 000 — все еще не убавляется. Мой штаб рассеялся по всему городу; пятеро, однако же, живут в одной квартире со мной.

Время здесь стоит превосходное: тепло и жарко, как в Петербурге в июле. Ты не поверишь, какое я всякий день съедаю количество винограда; фунтов по пяти, и, не смотря на то, не замечаю действия невской воды; обливаюсь всякий день холодной водой в татарской бане; живу в маленькой комнате окнами в сад; целое утро до четырех часов занят, а вечером постоянно в дамском обществе; всякий день ко мне является Екатерина Александровна Хитрово, посланная сюда вел[икой] княг[иней] из Одессы по делам общины; с нею я изучил в это время так все характеры общины по собранным ею сведениям, что знаю всех сестер наизусть, все сплетни, взгляды и интриги; не худо, если бы вел[икая] княг[иня] поскорее разрешила отправить сестер в транспорты с больными; тогда бы Стахович уехала вместе со своею партией, и можно бы было

действовать без шума. Покуда в виде опыта я поручаю начальство в Симферополе вновь прибывшей Карцевой¹.

Я совершенно с тобой согласен, чтобы ты письма не разглашала, хотя нужно некоторые сообщить мадумазель Раден², по твоему усмотрению.

Долго ли будет продолжаться военное бездействие — бог знает; неприятель (я, кажется, уже тебе писал) ведет дорогу из Байдарской долины через ущелье, куда — еще неизвестно; кажется, и главнокомандующий сидит и караулит, что будет. Северную сторону бомбардируют еще, запасы из нее все вывезены, и потому, вероятно, ее скоро оставят. Государя ждали, было, сюда, но, говорят, Горчаков отсоветовал. В Одессе на рейде явились третьего дня 80 кораблей³.

В течение месяца должно решиться, останется ли Крым за нами или нет; но, судя по видимому, наши дела плохи. Коль протянутся, так авось поправятся.

Получил от тебя два ящика из Москвы с разбитой банкой пикулей и с истертыми сигарами, но и за то спасибо. Вино уже я давно получил.

Теперь я занимаюсь транспортами больных, особливо, которые отсюда идут всякий день и скоро сделаются от холода и дорог почти так же худыми, как и прошлого года. Надобно бы заблаговременно распорядиться, о чем я уже Гор-

¹ Карцева Елизавета Петровна (1823—1898) — третья помощница Пирогова в Крыму.

² Раден Эдита Федоровна (1825—1880) — баронесса, фрейлина великой княгини Елены Павловны, отличалась образованием и умом; играла роль в кружке деятелей и мыслителей эпохи реформ, поддерживала воспитательные и благотворительные учреждения великой княгини после ее кончины, занималась вопросами женского образования.

³ Неприятельский флот подходил к Одессе в апреле 1854 г. и подверг ее сильной бомбардировке. Береговые батареи метким артиллерийским огнем успешно обстреливали неприятеля. При этом англичане потеряли один из своих лучших кораблей «Тигр», севший на мель. Попытки экипажа сняться были безуспешны опять-таки вследствие меткости наших стрелков. В конце концов экипаж корабля сдался в плен, а флот врага ушел от Одессы. Второй раз неприятельский флот в составе 90 вымпелов подошел к Одессе в сентябре 1855 г. Об этом упоминает Пирогов в комментируемом письме. Постояв несколько дней на виду города, враг увел свои корабли, не выпустив ни одного снаряда.

чакову и писал, но от него покуда, как от козла: ни шерсти, ни молока. У нас стоит четыре лошади собственных наго-тове; хотим купить еще пару верблюдов на случай бегства.

Что-то ты делаешь, моя душка? Я только надеюсь на Бога, на почту нечего надеяться, и рассуждаю так: если хорошее, то рано или поздно узнаю, а если дурное, то чем позднее узнаешь, тем лучше [...], теперь, кроме моей возни с госпиталями, с сестрами и с транспортами, я ни о чем более не думаю, не слышу и не вижу. В свободное время думаю о моей душе и детях, но стараюсь, подумав, скорее перейти на что-нибудь другое [...].

Кланяйся всем, целуй Машу.

Прощай [...].

№ 36 (6)

6 октября [1855 г.]. Симферополь

Письмо от 14 сент[ября] получил сегодня. Оно скиталось долго, покуда до меня дошло. Теперь пиши лучше в Симферополь; я здесь еще пробуду недели две, а если и уеду, то все-таки скорее найду письмо здесь, чем где-нибудь.

Табакерку отдай аптекарю, которого знает Шульц и Фробен¹ (аптекарь в Горном институте, 19 лин[ия] Васильевского острова); если нужно письмо к Перовскому², то пусть он сделает, как тогда с первой табакеркой³.

¹ Фробен Леонард Федорович (1813—1883) — ученик Пирогова по Юрьевскому университету и ассистент в его клинике. В 1840 г. назначен батальонным врачом в Финляндский полк.

² Перовский Лев Алексеевич (1792—1856) — государственный деятель Российской империи. Перовский был в описываемое время министром уделов (имения царской семьи) и управляющим кабинетом царя; по последней должности заведовал выдачей наград.

³ «Первую табакерку», украшенную драгоценными камнями, Пирогов получил 11 апреля 1854 г. в качестве награды «за отлично усердную службу»; второй, о которой говорится в комментируемом письме, награжден 1 сентября 1855 г. В 1877 г. великий князь Николай Николаевич в качестве главнокомандующего на войне 1877—1878 гг. просил Александра II дать награду Пирогову. Александр II «пожаловал» Пирогову «золотую, алмазами украшенную табакерку с портретом» царя.

Здесь погода все еще стоит прекрасная, какая редко и в июле в Петербурге. Виноград продолжаю есть по целым фунтам.

От вел[икой] княг[ини] еще никакого не получил ответа, и это останавливает ход дел. Я принялся с энергией за общину и очистил бы ее так, чтобы вел[икая] княг[иня] осталась довольна, если она желает, чтобы заведение имело будущее, а не настоящее. Всякий вечер до первого часа я провожу с Хитрово, Бакуниной и Карцевой — три столба общины.

Я не понимаю, как вел[икая] княг[иня] с ее умом и желанием добра могла послушать наветов на Бакунину; это удивительная женщина: она, с ее образованием, работает, как сиделка, ездит с больными в транспорты и не слушает никаких наветов; держит себя, как нужно даме ее лет и ее образования.

Хитрово — опытная женщина, по делам общины мне много помогает и сообщает многое, чего я не знал, не занимаясь общиной, т. е. внутренним бытом, так, как теперь. Карцева принялась совестливо за дело, и мы в семь дней так поставили запущенный госпиталь на ногу, что теперь не узнаешь. Отдали вместе с нею смотрителя под следствие, завели контрольные дежурства из сестер, и обо всем каждый день она приходит мне сообщать отчет.

Стахович с ее отделением сестер, состоящим из малообразованных бабок, желающих возвратиться в Петербург, я устранил, или лучше, она сама устранилась от дела; она умела только интриговать и кричать про себя; *une poissarde*¹ в полном смысле, без взгляда, без чувства, держалась только своей кажущейся распорядительностью и все, что было выше и лучше ее, старалась подавить. Неприятно я всегда не имел к ней доверия, но устранился от неприятностей с нею, думая, что она хоть со временем поймет настоящее высокое назначение общины; не тут-то было; она смотрела на все с одной стороны и хотела только блистать и важничать. Ее удаление вместе с первым отделением необходимо, и я жду с часу на час разрешения от великой княгини.

¹ Грубая женщина (фр.).

Если вел[икая] княг[иня], несмотря на все доказательство, с моей стороны и со стороны Хитрово, не захочет расстаться со Стахович, то я оставляю общину; я дорожу слишком будущим общины и моим именем. Вникнув теперь во все подробности, я вижу, что только там исполнялось совестливо все, что вело к достижению настоящей цели общины, где дела сестер производились при мне, или где были дельные старшие сестры, а не там, где действовала сама Стахович, которая смотрела на сестер, как на сиделок, требовала только от них, чтоб лизали ее ручки, и тех и отличала, которые обращались к ней с подобострастием; к этой же категории принадлежала и старая дева Лоде, которая с своими ахами и сладкой сентиментальностью оставляла больных только что не на один произвол божий; я ее порядочно отделал, когда был в Бахчисарае, сказав, что мне не разговоры ее нужны, а дело.

Крымские дела идут по-прежнему; ничего нового, почти все больные свезены теперь в Симферополь и отсюда постепенно транспортируются, покуда кое-как прикрытые рогожами, купленными комитетом уже на 12 000 руб. сер., а потом, к осени, и еще хуже.

Главная квартира в Ортокаралесе; я ее бомбардирую докладными записками, а дела остаются все по-прежнему. Только еще община, в которой я вижу возможность сделаться лучше, идет, а то все стоит или лежит. Раненых свежих мало, потому что бомбардировка на Северной не слишком сильная; войска еще передвигаются с места на место, как шашки. Будущее, как и всегда, неизвестно. День я занят в госпиталях и читаю лекции собравшимся здесь врачам, а вечером занимаюсь делами общины. О политике ничего не слышу и не читаю — черт с ней.

Зачем ты так худо думаешь о Коле? Ты знаешь, что это моя слабая сторона, — будто бы он от тебя с возрастом удаляется; к чему это? К чему, действовав так совестливо и так горячо, как ты, пугаться и сомневаться? Вырастая, он, напротив, должен все более и более к тебе привязываться, убеждаясь не одним сердцем, но и рассудком, что ты для него была и что сделала для него. Разве у него худое сердце, разве он мне не сын, разве он не чувствует, если и не видит ясно, как ты думаешь, сколько я дорожу его при-

вязанностью и любовью к тебе и твоей к нему? Это злая мысль в тебе, зависящая от истерики, а не от сердца.

Прощай, моя милая душа.

Письмо к мадумазель Раден запечатай и сейчас же отошли.

№ 37 (7)

Симферополь. 14 октября [1855 г.]

Последнее письмо от 14 сентября, кажется, милая Саша. Я пишу регулярно каждую неделю; писал бы и чаще, но община берет у меня много времени. Скажи фр[ейлен] Раден, что Стахович с ума сходит, и если ее отсюда не возьмут, то я оставляю общину на произвол божий; это такая *poissarde*, какую только свет производил. С ней хотят сделать все мирно и ладно, а она способна только кричать на рынках. Если бы не Карцева, не Бакунина, не Хитрово, то я бы счел низким для себя иметь с ней дело.

Здесь все по-прежнему; но в октябре, верно, решится, удержим ли Крым на зиму за собой или нет; неприятель делает беспрестанные диверсии, показывается то там, то здесь, так что, я думаю, у Горчакова беспрестанный понос.

Мы живем здесь, слава богу, не худо, занимаемся дельно; в госпиталях, где теперь сестры, идет прекрасно. Бакунина, очерненная у вел[икой] княг[ини] Стахович, ездит с транспортами до Перекопа; труды дороги, ночи в аулах, постоянное наблюдение за больными ей нипочем — редкий характер; нельзя не уважать. Тоже и Карцева, которая, не помню, при тебе или без тебя, была у нас в Ораниенбауме; несмотря на то, что мала ростом, так славно работает в госпиталях, что любо смотреть. Теперь только я узнал все интриги и сплетни общины, — нечего сказать, уживчивы женщины! Но утешительно то, что есть еще нравственная власть, которая выше интриг и сплетен; надобно только ею уметь распорядиться.

Не завидуй: я написал об общине к Раден три листа, а тебе один; не расчел времени и теперь спешу.

17 октября [1855 г.]. Симферополь

Погода здесь стоит еще чудесная. Ночи холодны и морозит, но днем жарко и сухо. Ничего еще нового здесь; войска беспрестанно меняют позиции. Продолжаю заниматься по-прежнему, обливаться водою в татарской бане и есть виноград. Стол у нас роскошный по милости доктора Тарасова¹, который живет с нами и имеет своего повара. Вино, сигары и проч., посланное от тебя, получил все сполна. Коле посылаю письмо, которое оттянуло у меня время и от твоего письма; да ты за это не рассердишься.

Обермиллер пишет из Николаева — тоже ничего нового. Корабли стоят около, но еще покуда, после взятия Кинбурнской косы², ничего не предпринимают.

Северную сторону бомбардируют слегка, так что мало раненых, но мы еще здесь и со старыми ранеными не умеем справляться, все еще 2000 с лишком.

Наконец, Стахович уезжает, и Хитрово делается старейшею; это — не Стахович; каждый вечер она и Карцева приходят ко мне, и мы вводим всевозможные крючки, чтобы ловить госпитальных воров; Карцева просто не утомима, день и ночь в госпитале; и варит для больных, и перевязывает, и сама делает все, и всякий день от меня выходит с новыми распоряжениями. Несмотря на то, еще мы не успели поймать, отчего куриный суп, в который на 360 человек кладется 90 кур, таким выходит, что на вкус не куриный, а крупной одной действует, тогда как сестры варят меньшее количество и меньше кур кладут, а вкус

¹ Тарасов Василий Иванович (1822—1868) — врач Крестовоздвиженской общины; о деятельности его в общине в дальнейшем время — в Историческом обзоре и в письмах Пирогова к Е. М. Бакуниной.

² Сильная неприятельская эскадра подошла 3 октября 1855 г. к Кинбурну — укрепленному селу на узкой, низменной, песчаной полосе между Днепровско-Бугским лиманом на севере и Черным морем на юге. Гарнизон состоял из 1400 еще не обученных новобранцев. После одновременной атаки с суши и моря укрепление вынуждено было сдаться 4000-му отряду нападавших.

лучше; уже мы и котлы запечатывали, все не помогает, а надобно подкараулить; право, жалко смотреть; дают такое количество, что можно бы было чудесно кормить, а больные почти не едят суп.

Прощай, моя душка.
Твой.

Отошлю 21 октября.

20 октября

Наконец, Стахович с первым отделением сестер уезжает сегодня. Теперь я еще более, чем прежде, убежден, что женщины между собой ужиться не могут; нельзя себе представить эту сеть интриг и смут, которые господствовали до сих пор в общине; когда я теперь разобрал все в подробности, то я ужаснулся. Не знаю, что впереди будет; но я вижу теперь, по крайней мере, что есть сестры, которые действительно одушевлены желанием исполнять свои обязанности и достаточно просвещенны, чтобы понять их святое назначение.

Не знаю, довольна ли велик[ая] княг[иня] или нет, но я ей чрез Раден высказал всю правду и написал, как я смотрю на общину. Шутить такими вещами я не намерен; для виду делать только также не гожусь; итак, если выбор вел[икой] кн[ягини] пал на меня, то она должна была знать, с кем имеет дело. Теперь куда так идет в общине, что любо смотреть. Карцева день и ночь в госпитале. Хитрово — не Стахович; сама ходит на дежурство; не стыдится скатывать бинты и перевязывать больных и не величает себя превосходительством, как Стахович; за то и не будет называться, и не хочет быть главной начальницей общины, а просто старейшей сестрою. Поговори об этом с Раден и узнай, как она думает.

Мне бы не хотелось, чтобы мои заботы об общине, в которой я вижу прекрасное будущее, остались втуне. Если хотят не быть, а только казаться, то пусть ищут другого, а я не перерожусь [...].

Получил сейчас твое письмо (20 окт[ября]) от 11 окт[ября]. На дворе такая жара, как в июле месяце.

Симферополь. 28 октября [1855 г.]

Сегодня сюда ожидают государя, и все в ужасном движении; по улицам скачут и бегают; фонари зажигаются, караульные расставляются; неизвестно, сколько времени он здесь пробудет, куда отсюда поедет. Горчаков уже здесь. Все мои представления о госпиталях и т. п., которые до сих пор не были исполнены и лежали в главной квартире, вдруг явились сюда на сцену, по крайней мере, на бумаге. Чуток русский человек; посмотрим, что дальше будет.

Община, слава богу, пошла на лад, как нельзя лучше, после отъезда этой, которая так долго величалась главной начальницей. После молебна прошлое воскресенье я представил сестрам их старейшую сестру (я предложил вел[икой] княг[ине] уничтожить чиновническое имя — главной начальницы, а называть просто старейшею сестрой) Хитрово и просил их жить в мире и согласии, уверяя, что отныне дела общины будут решаться без лицепрятия и по полной справедливости старейшею вместе с духовным пастырем, и с другими старшими сестрами и мною, разумеется, покуда я здесь, — коллегиально.

Погода здесь до сегодня стояла превосходная. Вчера начался ветер и ночью легкий мороз, но днем на солнце все еще тепло и жарко. Виноград начинает исчезать. Окачиваться продолжаю по-прежнему, но не в татарской, а в русской бане. О неприятеле ничего не слышать, как будто бы здесь его и не было; и он и мы в полном бездействии; раненых, исключая старых, почти нет, но больных много: всё поносы и лихорадки.

О киевском имении напиши поскорей в подробности все, что знаешь, и особенно адрес, куда я должен прибыть, в самый ли Киев, или в другое место, и где могу встретиться с Витгенштейном.

Если бог даст, буду жив и здоров, то через месяц выеду отсюда; а покуда, после отъезда государя, поеду в Перекоп, возвращусь назад, отправлюсь в Бахчисарай, заеду на Северную сторону Севастополя и потом приеду опять в Симферополь, а отсюда уже отправлюсь далее в Россию

осматривать по дороге госпитали. Ты же письма твои все адресуй до того, т. е. до конца ноября, все в Симферополь.

О политических делах, о том, что делается вне Симферополя, мы ничего не слышим и ничего не читаем, да и нечего читать, потому что, верно, ничего хорошего не начитаешь. Только то слышно, что Николаев порядочно укрепили, а неприятельские суда после занятия Кинбурна удалились, оставив Херсон в покое; в Николаев канонерские лодки пробовали было ворваться, но им не удалось. По бумагам, у Горчакова в Крыму 260 000 да вне Крыма с лишком 400 000, так что на бумаге и на жалованье до 700 000, а много ли на деле, одному богу известно. 700 000 счесть — не безделица, и 200 человек начнешь считать, так как раз ошибешься. Зимой здесь, вероятно, ничего особенного не будет, разве где-нибудь на Азовском море, которое замерзает. Сегодня за мной прислал Горчаков и советовался со мной о своих глазах, уверяя, что он уже стар и плохо видит; не хочет ли махнуть отсюда в отставку; не худо бы было; будет с него, погостил довольно.

Брат Шульца на позиции и вчера писал ко мне о каком-то вшивом порошке.

Здесь все еще до 11 000 больных и тысячи две раненых, которые со дня на день уменьшаются, так что скоро мне здесь мало останется дела. По вечерам у меня ежедневно конгресс старших сестер, которые приходят ко мне с различными донесениями о госпиталях.

Бумаг моих и книг без меня не выдавай никому.

№ 40 (10)

Симферополь. 4 ноября [1855 г.]

Недели через две я начну уже объезжать крымские госпитали прежде, чем выеду отсюда.

Поеду ли через Киев, будет зависеть от того, какое уведомление получу от тебя об имении, т. е. введен ли Витгенштейн уже во владение и пришлешь ли мне верный адрес, иначе делать крюк для нерешенного дела невесело,

тем более, что недавно еще в Киевской или Подольской губернии, как мне сказывали, был бунт крестьян против помещиков¹.

Государь был здесь несколько часов, осмотрел некоторые госпитали, но я его не видал, потому что оставался в той части госпиталей (их здесь 52), где обходил Мих[аил] Николаевич, а мне в моем пальто казалось неприличным тесниться между мундирными, да и сестры Общины помещены только в том отделении, где я встретил великого князя. Государь хотел остаться всем довольным и остался, хотя многое не так хорошо, как кажется.

Погода стоит уже с неделю сухая, ясная, но ветреная и очень холодная, и больные забнут жестоко в бараках и госпитальных шатрах; раненых новых совсем нет, потому что почти совсем не дерутся; но больных очень много; сюда прибывает по 500 в сутки. Перекоп весь запружен больными из Гренадерского корпуса, и вывоз делается с каждым днем труднее; я беспрестанно отписываюсь с главнокомандующим; и на бумаге все идет, как нельзя лучше, но не на деле.

Из последнего твоего письма я вижу, что ты совершенно неисправимая особа: спокойствие духа и полная уверенность к себе и ко мне у тебя еще не существует [...].

Здесь все тихо, новостей никаких нет; после отъезда государя осталось все, как было. Жители Симферополя успокоились и надеются провести зиму здесь, а то, было, они уже были наготове дать тягу.

¹ В отчете о действиях III отделения и корпуса жандармов за 1855 г. сообщается:

«В Киевской губернии... крестьяне... по нерасположенности к владельцам просили дозволения всем ополчиться [по манифесту 29 января 1855 г. для борьбы с вражеским нашествием]... с освобождением от работ в пользу помещиков... Хотя... цель крестьян была не возмущение, но, тем не менее, беспорядки в Киевской губернии увеличивались, так что в некоторые селения должно было ввести воинские команды, а в двух необходимость заставила действовать вооруженною рукою. При этом в одном селении пятеро крестьян убито и четверо ранено, в другом 20 убито и 40 ранено... Превратные толки о свободе и слухи о волнении жителей Киевской губернии возбудили неповиновение помещичьих крестьян и в других уездах...»

Бог даст, к Рождеству Христову, а может быть и прежде, мы увидимся; все зависеть будет от того, каковы будут дороги и по какому направлению я поеду; больные теперь раскиданы по разным направлениям, и я еще не решил, куда ехать и по какому маршруту.

Кланяйся всем нашим. Поцелуй Машу и Колю. Благослови и расцелуй детей [...]. Напиши мне адрес Анны Ивановны¹.

Прощай, моя милая душа,
Господь с вами всеми.
Твой.

№ 41 (11)

11 ноября [1855 г.]. Симферополь

Сегодня возвратился из Перекопа, где оставался два дня и смотрел госпитали, заваленные больными из Гренадерского корпуса. С этой же почтой посылаю письмо министру о том, что выезжаю отсюда 1 декабря и поеду на Херсон, Николаев, а может быть, и Киев, если до того получу от тебя что-нибудь более положительного об имении Витгенштейна, как то: адрес, к кому и где отнестись по приезду в Киев и тому подобного.

Об уплате Сартори писал тоже к Пеликану.

Здесь начались холода, сегодня вода на один вершок подмерзла; по дороге в Перекоп было порядочно холодно, так что я заказал себе крымский тулуп из смушек; хорошо, что, по крайней мере, хотя грязи нет.

Мне случайно в эту минуту попало твое письмо от 25 сентября, где ты пишешь про киевское имение и говоришь, что «напиши твое решение, и тогда будет дело в шляпе». Не знаю, тех ли ты мыслей 11 ноября, как 25 сентября. Витгенштейн уже не раз надувался и тебя надувал.

Сейчас получил твое письмо от 30 октября. Вижу, что об имении князя и думать не должно; с ним, известно,

¹ Анна Ивановна (1799—1869) — сестра Пирогова; дети — его сыновья.

каши не сваришь; подумай, поговори и справишься лучше о рязанском; авось из этого что-нибудь выйдет.

Скажи Сартори, чтобы он сам пошел к Пеликану и сказал ему, что я и камни и оттиски его видел и потому в выдаче денег затрудняться не следует.

О приезде государя сюда я уже, кажется, писал; я не успел его видеть; он не был в том отделении госпиталя, где находились сестры, а я хотел именно там оставаться на случай.

Кланяйся всем нашим [...].

Здесь нового ничего нет. Все, как было, по-прежнему. Слухи разнеслись в Перекопе, что неприятель из Евпатории сел на суда; а на Северной стороне четыре недели, как не слышно ни одного выстрела.

№ 42 (12)

18 ноября [1855 г.]. Симферополь

Кажется, уже предпоследнее письмо, моя несравненная Саша; но ответа на него уже не получу; кончаю здесь свои дела; делал, что мог; много ли сделал, пусть бог судит. Поеду на Херсон, Николаев и Кременчуг; на Киев поеду ли, не знаю, потому что ничего верного от тебя не получил. Тулуп из смушек готов; дела общины приведены, сколько можно, в порядок; транспортное отделение устроено кое-как; раненых осталось уже очень немного; донесения, требования, отчеты в штаб и главнокомандующему почти все переписаны; грязь уже по колена; пора в дорогу.

Сегодня сильный мороз; мы и неприятель в полном бездействии; на будущей неделе, написав к тебе последнее письмо, отправляюсь в Бахчисарай для последнего свидания и последних переговоров. Дай только бог, чтобы ты и дети были у меня живы, здоровы и веселы, тогда и я и жив и весел.

Нового решительно ничего нет, и я пишу только потому, что дал тебе слово писать; напиши Анне Ивановне, чтобы она оставила в Москве в гостинице Тор-

лецкого на железной дороге ее адрес, чтобы я мог ее найти [...].

Прощай, мой ангел. Будь здорова и покойна.

Твой, как всегда.

№ 43 (13)

Симферополь. 25 ноября [1855 г.]

Меня устрасило твое последнее письмо; ты что-то захирела, моя душка; ради бога, если Шмидт¹ предлагал, дай себя исследовать; в этих вещах, чем скорее, тем лучше.

Шмидт понапрасну не предложил бы; что ты называешь боком, что за опухоль, про которую ты прежде совсем не писала, и почему ты не попросила Шмидта мне написать две строчки о твоей болезни; все это меня тревожит; напиши, по крайней мере, в Москву, в гостиницу Торлецкого у Красных ворот, чтобы я хоть там узнал еще.

Я выеду отсюда 1 декабря и потащусь через Херсон и Николаев в Екатеринослав.

Нового здесь ничего нет. На этих днях опять несколько дней бомбардировали Северную сторону; полки уходят из Крыма в Россию формироваться; французы выстроили себе бараки деревянные на зиму; драки нигде нет; но что-то будет весною, где-то опять загорится война, уже не вблизи ли Петербурга: *Canrobert*², пишут, в Швеции. Я поеду пред моим отъездом на несколько дней в Бахчисарай и заеду на Северную сторону Севастополя; больше писать не буду, а разве уже напишу из Москвы.

Будь здорова, моя душка, заботься о своем здоровье. Ты — моя жизнь, ведь ты это знаешь. Детей обними, поцелуй и благослови. Кланяйся всем.

Твой.

¹ Шмидт Яков Яковлевич (1809—1891) — товарищ Пирогова по учению в Юрьевском университете; был специалистом по женским болезням и придворным акушером; один из участников Пироговского кружка врачей (ферейна) в Петербурге.

² См. сноску на с. 75.

Симферополь. 2 декабря [1855 г.]

Завтра я выезжаю. Был на прощанье на этих днях в Бахчисарае, на Бельбеке и на Северной стороне Севастополя. Смотрел на грустный, полуразрушенный и закопченный город. Вся Северная изрыта бомбами, которые неприятель бросал сюда, без всякого, впрочем, вреда, целый месяц. Нет аршина земли, где не было бы огромных ям и не лежало огромных отломков бомб; теперь почти совсем не стреляют; движение в городе мало заметно; мы постреливаем, но, кажется, также без толку¹.

Фураж здесь опять жестоко вздорожал; еще более сахар; фунт стоит уже 50 коп. сер. и то не продают более трех фунтов; пуд сена стоит один рубль сер., да и то трудно достать; больных солдат множество, а полушубков еще мало; дороги опять испортились, и лошади начинают падать; то же и то же.

Я ожидаю от тебя письма в Москву по адресу, который я уже написал, в гостиницу Торлецкого; напиши в нем, как ты себя чувствуешь, здорова ли ты, мой душонок. Ради бога, береги себя и детей. Я пробуду дня по два или по одному в Херсоне, Николаеве, Харькове, Екатеринославе и Москве. Из Москвы, бог даст, еще напишу, чтобы тебя приготовить к приезду [...].

(Это — последнее из дошедших до нас писем Пирогова к жене с театра войны.)

¹ После этого 3—4 слова густо зачеркнуты А. А. Пироговой; разобрать их невозможно.

II. ПИСЬМО К К. К. ЗЕЙДЛИЦУ

Севастополь, 16-го, 17-го и 19-го марта 1855 г.

*Aequinoctium russum*¹.

Христос воскрес!

Любезный друг!

Благодарю, что вы меня не забыли. Недаром нам здесь, по высочайшему повелению, засчитывают месяц за год службы. Если уже в обыкновенной жизни, в течение суток, человек может преспокойно умереть каждую минуту, т. е. 1440 раз, то возможность умереть возрастает здесь, по крайней мере, до 36 400 раз в сутки (число неприятельских выстрелов) [...].

Я более трех недель был болен совершенно так, как в Петербурге в 1842 г.; но так как я теперь опытнее стал и лучше узнал свою натуру, то я уже до того дошел, что теперь могу выходить. Гретье морские ванны и постепенный переход от них к холодным обливаниям удивительно хорошо подействовали на меня. Я теперь опять обливаюсь, как я это в Петербурге делал в течение нескольких лет, из ушата холодною морскою водою и чувствую себя опять здоровым. Прежнее беспокойство, боязнь смерти, я не испытывал и был спокоен и резигнирован² во время моей болезни [...]. Но довольно о моем ничтожном я.

Общее несчастье и горе важнее этого. Кровь, грязь и су-кровица, в которых я ежедневно вращаюсь, давно уже пе-

¹ Русское равноденствие [по календарю] (лат.).

² Покорен [судьбе].

рестали действовать на меня; но вот что печалит меня, — что я, несмотря на все мои старания и самоотвержение, не вижу утешительных результатов, хотя я моим младшим товарищам по науке, которые еще более меня упали духом, беспрестанно твержу, чтобы они бодрились и надеялись на лучшие времена и результаты. Один из них, дельный, честный и откровенный юноша, уже хотел закрыть свой ампутационный ящик и бросить его в бухту.

— Потерпите, любезный друг, — сказал я ему, — будет лучше.

Между тем уже наступило весеннее равноденствие! Я ваши два письма читал во время моей болезни, а то, не прогневайтесь, они остались бы нечитанными, и я приберег бы их до своего возвращения. Читал я и вашу критику моих взглядов, не без улыбки, а также и ваше мнение о происхождении чумы. Мое убеждение об определенном, неизбежном отношении смертности в каждой болезни и в каждой значительной хирургической операции так глубоко коренится во мне, что никакая, хотя бы и от друга происходящая критика не в состоянии поколебать его.

Я утверждаю, что ни в одной болезни, за исключением перемежающейся лихорадки, если она достигла повальных размеров и господствует эпидемически, какое бы то ни было лечение, даже придворно-атомистическое¹, не могло бы значительно изменить процент смертельных исходов. Холера, тиф, воспаление легких, эпидемический скорбут², кровавый понос — до очевидности подтверждают это. Совершенно то же самое наблюдал я и при каждой значительной, опасной операции, если она в массах или эпидемически, как это бывает в военное время, повторяется.

Пребывание мое в Севастополе еще более утвердило во мне это убеждение. То, что я в течение пятнадцати лет наблюдал в петербургских госпиталях, то же, но в более грандиозных размерах, повторяется и здесь. Можно подметить отдельные колебания, которые легко объясняются; но в общем то, что в Петербурге давало смерт-

¹ Имеется в виду шарлатанская система Мандта.

² Скорбут (устар.) — то же, что цинга. Болезнь, вызываемая острым недостатком витамина С (аскорбиновая кислота).

ность трех из пяти, и здесь дает три с половиной и три четверти из пяти. Приводимое вами против меня популярное мнение, что хорошее лечение дает лучшие результаты плохого, только для отдельных случаев справедливо, и те должны подлежать беспристрастному разбору и оценке. По слухам, А. Мейер счастливый литотомист¹. Б. Мейер удачно оперирует бельмо, В. Мейер отлично срезывает и спиливает ноги².

Но мы знаем, что существуют и лживые трубачи прославления.

Убедитесь сами, а главное, считайте на бумаге, не надейтесь на свою память, сравнивайте успехи счастливых и несчастных врачей, если возможно при равной обстановке, и потом уже оценивайте результаты. Отбросьте бабьи толки, департаментские отчеты, хвастливые рассказы энтузиастов, шарлатанов и слепорожденных, — спокойно следите за судьбою раненых, с пером в руках из операционной комнаты в больничную палату, из палаты в гангренозное отделение, а оттуда в покойничку — это единственный путь к истине; но путь не легкий, особенно если наблюдатель пристрастился к известной операции или если другой оперирующий коллега непременно хочет быть счастливым, а еще хуже, если он обязан официально донести департаменту об успехах своих действий; тогда боже упаси от правдивых статистических расчетов, они тогда не безопасны для существования хирурга.

Об этом можно еще много толковать. Я, может быть, если останусь жив, да отслужу свои тридцать лет — не забудьте, что нам считается месяц за год службы, — соберу результаты моих статистических наблюдений об ампутациях и обнародую их.

Но при ампутациях, если не допускать со старыми бабами легкую и тяжелую руку, нельзя допустить пря-

¹ Литотомист — врач, специализировавшийся в камнесечении. Камнесечение (литотомия) — хирургическая операция, заключающаяся в удалении камней (конкрементов) из мочевыводящих путей.

² Фамилии «Мейер» приведены в общем смысле, вроде: «А. Иванов», «Б. Иванов» и тому подобное.

мого влияния на успех операции ни ловкости оператора, ни даже особых искусных приемов, которыми он владеет. Скорость, с которой совершается ампутация, как известно, тоже не влияет на успех этой операции. Оперативные приемы при ампутациях так просты, что их можно бы с закрытыми глазами исполнить. Если нож остер, пила хорошо зазубрена, мягкие части отрезаны чисто и притом так, что покрывают кость, если, наконец, все кровоточащие сосуды, хорошо перевязаны, то ампутация *lege artis*¹ совершилась. Так делается это ежедневно; мы видим, все идет, как по маслу.

На моих глазах здесь тринадцать или четырнадцать врачей оперируют, не считая самого себя²; все они оперируют хорошо; ампутированные пользовались в пяти различных госпиталях, и я предоставлял каждому врачу вести последовательное лечение по своему усмотрению, если оно только сколько-нибудь казалось целесообразным; да я многих и сам пользовал, и все-таки результаты до сих пор остаются одни и те же; то же самое было в Симферополе, Карасубазаре и в других госпиталях. Кто по своей натуре предназначен к дурному результату, дает его с ужасающим фатализмом, и дает его, «хотя из кожи вон полезай».

Администрация³ госпиталя еще имеет известное влияние на успех ампутации, но и то только в некоторой степени. Хороший воздух, опрятность, питательная пища влияют, конечно, на успех операции; но и чистый воздух не везде одинаковый. Есть госпитальная злобредная конституция, о которой я давно уже проповедую, которую не исправляют ни доступ чистого воздуха, ни целесообразное распределение больных, ни хорошая пища; причина ее кроется, вероятно, в почве, на которой выстроен госпиталь, или в стенах его, наконец, не знаю, где. Есть больные и довольно многочисленные, на которых более чистый воздух, по-видимому, вредно влияет.

¹ По всем правилам [врачебного] искусства (лат.).

² То есть самого Пирогова (неудачный оборот фразы здесь и в других местах этого письма зависит, конечно, от переводчика).

³ Под словом «администрация» Пирогов имеет в виду устройство, распорядительность, постановку дела.

Сотни раз случалось здесь, что когда оперированного или раненого из гангренозного отделения, где воздух до головокружения испорчен и заражен дурными испарениями, после того, как у него рана совершенно очистилась и приняла хороший вид, переводили в чистую палату, то уже через несколько дней очистившаяся поверхность раны опять получала дурной вид, и что больные сами убедительно просят, чтобы их опять вернули в гангренозное отделение. Позволительно ли природе так подшучивать над нами, бедными художниками?

Тем не менее, это факт. Если все это сопоставить, хорошее и дурное, и где же можно тут ожидать много хорошего, — я говорю о том, что есть, а не о том, что могло бы быть, — то выйдет старая песня: что по своей натуре предназначено к дурным результатам, дает их, конечно, при нынешнем несовершенстве нашего искусства.

Со временем, может быть, все будет лучше. Сила изобретательного случая велика; может быть, со временем изобретут паровую машину, посредством которой раны ампутированных будут залечиваться первым натяжением в 24 часа; может быть, со временем заменят ампутацию чем-нибудь более разумным; может быть, в будущем вовсе не будут нуждаться во врачах; тогда, вероятно, и процент смертности изменится; возможно, наконец, — что совсем не будут умирать, чем, естественно, отношение смертности сведется к нулю. Мы, вероятно, не доживем до этой прекрасной будущности.

В настоящее время раны в Севастополе так же мало заживают *per primam*¹, как в Петербурге; и можем здесь повторить наивный ответ ординатора Обуховокой больницы, доктора Шклярского, данный им на мой вопрос, как вы исцеляете в Обуховской больнице раны ампутированных, *per primam, vel secundum intentionem*², ответил: «мы лечим их *per tertiam*³!, т. е. *per gangraenam*⁴».

¹ Первым [натяжением] (лат.).

² Первым или вторым натяжением (лат.).

³ Третьим (лат.).

⁴ Гангрена (лат.).

Если смотреть на это дело не близорукими глазами клинициста маленького университетского городка или без поползновения на хвастовство, особенно же если не составляется ответ «по казенной надобности» и по указаниям славлюбивого начальника, то выходят совсем другие вещи. Но довольно об этом. Вы знаете, почтенный друг, что заслуженные профессора Санкт-Петербурга, Медико-хирургической академии крепко держатся своих убеждений, если у них вообще существуют таковые¹.

Теперь обращаюсь к вашим собственным взглядам. Я, право, не знаю, ожидает ли нас весною карбункулезная чума или нечто столь же безотрадное; я только знаю, что существует достаточно условий для развития страшной эпидемии. Тиф уже свирепствует, как здесь, так и в Симферополе.

— Не настоящий, — сказал мне один врач из штаба князя Горчакова.

— Но хотя и не от настоящего, а умирают, — ответил я ему, — да кроме госпитальных больных, большею частью врачи и сестры милосердия.

Из двадцати сестер в Симферополе шесть умерло. Врачи беспрестанно заболевают и умирают; из шестнадцати, которые здесь в Севастополе под моим руководством работали, семь заболели тифом, а из восемнадцати сестер здесь семь заболели и уже две умерли.

Если вспомнить, что зимою, по всей дороге из Севастополя до Бахчисарая, на протяжении шестидесяти верст валялись сотнями гниющие трупы павших лошадей и волов, которых, конечно, никто не зарывал, а также множество человеческих трупов, весьма поверхностно похороненных по недостатку медико-полицейского контроля и по каменистой твердости грунта; прибавьте к этому изнурение людей от беспрестанных крепостных работ, проводивших зиму в грязи, в убогих землянках, а также, что скорбят здесь почти всякую весну появляется и что уже теперь показываются больные с цынготным диатезом;

¹ Пирогов имеет в виду группу отсталых профессоров, застывших на том, чему они учились в молодые годы, не признававших ни новых научных методов, ни самокритики.

что наши госпитали все переполнены и помещаются в старых, полуразрушенных или казематированных казармах, где весьма трудно очищать воздух; что недостает белья и тюфяков, и что нет ни сена, ни соломы для набивки тюфяков — то имеется достаточно поводов опасаться развития злокачественной эпидемии под влиянием предстоящих жаров.

К этому надо прибавить еще господствующую эпидемическую болезненную конституцию, порождающую знаменитые крымские лихорадки, и смрадные испарения, поднимающиеся из неприятельского лагеря.

При всем этом в наших госпиталях теперь гораздо лучше, чем было в ноябре прошлого года. О той грязи, о том несчастном положении, в котором с октября по декабрь валялись наши больные и раненые, невозможно себе составить понятия тому, кто не видал этого собственными глазами. Но, постойте, сейчас начали сильно бомбардировать и [снаружи стали] кричать, что один из домов, в котором лежат наши больные, от бомбы загорелся!

Наступила ночь. Теперь девять часов. Сегодня назначены три вылазки, и нам опять принесут несколько сот раненых. Прощайте, до свидания. До завтрашнего утра.

Много шуму из пустяков! Во время ночной бомбардировки неприятель бросил несколько тысяч снарядов в город. Несколько сот из них лопнули перед нашими глазами в бухте. Зажгли дом в нашем соседстве, так что я уже уложил свои пожитки и перебрался в Николаевскую батарею, где для нас приготовлен был небольшой блиндированный каземат. Между тем, за исключением единственного пожара, бомбы нам не причинили никакого вреда. Многие из них лопались в бухте или в воздухе; вообще, бомбы мне кажутся весьма неверным разрушительным средством.

Несколько дней тому назад союзная армия бросила около двух тысяч бомб в четвертый или пятый редут, и эти две тысячи снарядов ранили только шестьдесят человек и убили около двадцати. Хотя по нашим мирным понятиям человеческая жизнь неоценима, но здесь все-таки думают, что ничтожное действие не стоило труда и

затраты. Весь этот ночной шум должен был служить отвлечением.

Мы выстроили редут у Малахова кургана, который угрожает близкой неприятельской батарее. Союзники хотят во что бы то ни стало уничтожить этот редут и хотели его штурмовать эту ночь. Наши же в ту же ночь хотели проникнуть в шанцы и траншеи неприятельские, которые лежат непосредственно впереди нашего редута, чтобы их уничтожить. Союзники для отвлечения устроили усиленную бомбардировку, наши же — вылазку. Последствием этого было разрушение трех неприятельских шанцев, а редут остался в наших руках. Вся окрестность редута была наполнена телами убитых. У нас было 400 убитых и 1800 раненых. Вся эта масса раненых еще в ту же ночь и на другой день была размещена в различных амбулансах¹ в городе.

И мы работали два дня, пока удалось почти всем доставить необходимую помощь; но даже теперь, шесть дней после сражения, мы находим раненых, которым еще не успели подать существенную хирургическую помощь.

На мою долю досталось шестьсот раненых. Посредством особенного способа, который я уже неоднократно испытал в подобных случаях, мне удалось в полтора дня справиться с главнейшими хирургическими пособиями. Способ этот состоит в следующем. В моем распоряжении находятся десять врачей; я ими управляю деспотически, но, смею думать, справедливо. Я распределяю обязанности этих врачей таким образом, что двое или трое из них, по очереди меняясь с другими, должны сортировать вновь прибывших раненых.

Складочное место (конюшня, палатка, а иногда и улица) для этого необходимо. Тут сначала выделяются отчаянные и безнадежные случаи (раны головные с выпадением мозга, брюшные с поранением кишок или других брюшных внутренностей), которые легко диагностируются; их отделяют от прочих, им дают наркотические средства, чтобы уменьшить их страдания, и тотчас пере-

¹ Походные лазареты (фр.).

ходят к раненым, подающим надежду на излечение — и на них сосредоточивают все внимание.

Их диагностируют, не трогая первоначальной перевязки, состоящей большею частью из наложенных на рану корпии и повязки, чтобы не терять времени; сложные переломы сортируются опять от простых ран. Потом транспортируют раненых со сложными переломами костей в операционное отделение или в приемный покой, поочередно, как они лежали, по три или по четыре зараз, по числу врачей, и им сперва дают первую помощь. Прочих слегка перевязывают фельдшера, под руководством одного или двух врачей.

Извлечение пуль, расширение ран сначала не принимаются. Это напрасный труд, над которым многие неопытные хирурги много теряют времени. В самом деле, раненый ничего от того не выигрывает, что ему вырежут пулю, которая торчит под кожей; напротив того, ему можно повредить, если второпях пальцем или зондом доискиваться в ране пули, которая засела под толстыми или напряженными мышечными слоями, а может быть и в кости, для того только, чтобы удовлетворить своему тщеславию и похвастать, «что я, мол, вытащил столько-то пуль». Этим ослепляется только непросвещенная публика, которая самодовольно улыбается, если хирург из раны вытаскивает пулю или пыж. Этот вид помощи неспешный; со временем и при большем досуге все это совершается гораздо легче и с меньшим ущербом для больного. Напротив того, раненые с сложными переломами тотчас и весьма тщательно исследуются.

Первый диагноз для каждого сколько-нибудь опытного врача не труден. Крепитация¹ и ненормальная подвижность составляют два вернейших признака. Таких раненых тотчас приносят в операционную комнату, кладут их на стол или на скамью, сперва хлороформируют, потом снимают повязку и решают, может ли раненый член быть сохранен или же нужны ампутация или резекция. Если принесли много раненых, то мы оперируем одновременно, на трех или четырех столах. Тут так же необходим

¹ Крепитация — особый шум в легких при отеке, воспалении.

известный порядок, чтобы выиграть время. У меня врачи так распределены, что около каждого раненого, которого оперируют, четыре или пять врачей заняты. С тем комплектом врачей, которым я располагаю и к которому нередко присоединяются несколько посторонних врачей, я могу оперировать не более двух, много трех раненых одновременно.

Три врача и пара солдат при операциях — действующие лица. Один следит за пульсом во время хлороформирования, другой прижимает артерию, третий оперирует; два или три солдата держат больного. Когда ампутация окончена и главные артерии перевязаны, уже другие ассистенты занимаются остановкой последовательного кровотечения, после того как оперированного со стола перенесли на кровать. А три первые врача продолжают оперировать другого раненого. Для переноски оперированных и раненых назначены четыре служителя. Они стоят наготове, руки по швам, чтобы тотчас по команде унести оперированного со стола на кровать и принести нового раненого на операционный стол.

Таким образом, все идет, как по маслу, и я с часами в руках убедился, что можно окончить десять больших ампутаций, даже с помощью не очень опытных рук, в один час и 45 минут. Если же одновременно оперировать на трех столах и с пятнадцатью врачами, то в шесть часов 15 минут можно сделать девяносто ампутаций, и поэтому — сто ампутаций — с небольшим в семь часов времени. Этот расчет для меня очень важен.

Когда я в ноябре 1854 года, около двадцати дней спустя после сражения при Инкермане, прибыл в Севастополь, то нашел еще более ста раненых в этом сражении, со сложными переломами, которым еще не было сделано никакой операции, в ужаснейшем положении. Многие из них со слезами умоляли, чтобы им отняли раздробленные конечности, но не были оперированы по недостатку порядка. Врачи извинялись недостатком времени. Между ними было двенадцать хирургов. Но им достало бы времени при большем рвении и большем порядке.

Первую повязку я накладываю через пять или семь часов, после того, как первая помощь оказана всем раненым; до того раны слегка покрываются корпиею и компрессами и выжидают последовательное кровотечение. При последнем деле мы по этому способу, как было описано, с восемью или десятью врачами сделали пятьдесят пять ампутаций, оперируя сначала на одном, а потом на двух столах одновременно, в течение шести часов; часть этих врачей перевязывали, кроме того, еще прежних раненых, а два врача после ночных трудов отдыхали полдня.

С двадцатью хорошо приученными и приловченными врачами таким образом можно очень много сделать. Если же запустить первые два дня после сражения, то делается чертовский беспорядок, от которого у каждого голова закружится.

Теперь я приступлю к обсуждению важнейшей главы вашего письма, то есть об угрожающей нам злокачественной повальной болезни. Когда я в декабре был в Симферополе, я подал докладную записку графу Адлербергу, в которой я пророчил развитие сыпного тифа в городе. Мое предсказание, к сожалению, исполнилось. Мои врачи, сестры и сердобольные вдовы уже умерли от тифа; это и не могло быть иначе. В то время было около шести тысяч заразных больных, скученных в сорока пяти домах города, не считая военных госпиталей.

Я целые дни проводил в сортировке больных, выделяя гангренозные раны, тифы, холеринные поносы и отделяя таких больных от чистых ран и свежераненых. Все было напрасно. Только что я надеялся устроить совершенный порядок, после того как я отделил всех больных заразных и одержимых нечистыми и гангренозными язвами, поместив их в особые дома, причем по странной случайности, гангренозные больные поместились в главной кондитерской Симферополя, как вдруг ночью привезли новый транспорт из Севастополя и Бахчисарая и опять все *pêle-mêle*¹ были сложены в разных отделениях; это от-

¹ Смесь, мешанина (фр.).

того происходило, что не устроили складочного места для вновь прибывающих больных; о так называемых приемных покоях, при переполнении наших больниц, не могло быть и речи. В городе были большие конюшни, в которых больные, как свиньи, в грязи валялись вместе с умершими. Я настаивал на том, чтобы этот склеп превратили в приличное складочное место, на что он оказался пригоден.

После каждого нового транспорта больные складывались сперва туда, где их сортировал дежурный врач и распределял по разным отделениям. Но не нашли подходящего места, куда можно бы перевезти больных (числом до четырехсот) из этой ужасной трущобы. Стеснялись об этом известить губернатора, который занимал слишком большое помещение, в половине которого могли бы устроить хороший госпиталь. Так проходило время в переговорах и обещаниях.

Я не мог более оставаться в Симферополе; устроив необходимейшую хирургическую помощь для раненых и взяв с врачей честное слово, чтобы они, по крайней мере, этих оперированных оградили от смешения с гангренозными и заразными больными, я уехал. Но, увы, все осталось по-старому, и тиф свирепствовал беспрепятственно; вскоре потом заболели восемнадцать сестер милосердия, главный начальник (госпиталей) барон Кистер, смотритель, комендант, два главных врача, несколько фельдшеров, ординаторов и госпитальных служителей; словом, все, что сколько-нибудь касалось госпиталей, переболело тифом. К счастью еще, что наступила необыкновенно холодная погода и что вскоре после того через транспортировку некоторых больных в Перекоп и Херсон город несколько эвакуировался.

Теперь опять наступил застой. В Симферополе опять накопилось до пяти тысяч больных, сложенных в сорока пяти инфекционных гнездах, и все еще не организована правильная эвакуация их. Госпитали в Николаеве, Херсоне и Перекопе уже переполнились, и необходимо устроить транспорты в новом направлении в Екатеринослав или Мелитополь, но не достает транспортных средств.

В декабре 1854 года, при сильном морозе и самой дурной погоде, перевозили больных и раненых в татарских арбах в Симферополь и Перекоп, непокрытых, без шуб, ночуя под открытым небом. Такая транспортировка продолжалась от десяти до двенадцати дней.

Теперь, при перемене начальства в армии, замечается застой во всей администрации; между тем число больных и раненых после вылазок и отдельных стычек в Севастополе постоянно возрастает. Скучивание больных достигло такой степени, что они в Севастополе занимают семь помещений, из которых только одна Николаевская батарея безопасна и блиндирована; все прочие могут подвергаться опасности при бомбардировке. Эта батарея, как вы легко можете себе представить, из помещений худшее в санитарном отношении. В ней теперь уже приютилось до четырехсот больных и раненых, и есть еще место для стольких же. Раненые лежат между пушками на нарах; раны здесь легко поражаются антоновым огнем, а больные — тифом. В этих семи помещениях скучены теперь до трех тысяч больных.

На Северной стороне Севастополя, отделенной бухтой от самого города, еще три тысячи больных и раненых уложены в старых, сырых казармах; кроме того, еще некоторые помещения заняты примерно 1500 больными матросами. Число раненых с каждым днем прибавляется. Если случится большое дело, то мы уже не знаем, куда девать раненых. Число врачей тоже недостаточно. Приходится на каждого по четыреста раненых; перевязать сто тяжело-раненых с помощью одного фельдшера — дело не легкое; сверх того ежедневно еще заболевают врачи и фельдшера.

Впрочем, теперь можно ожидать лучшего. Горчаков прибыл; князя и интенданта его Затлера административные таланты уже испытаны: он скуп, как старая мумия Меншиков, но не такой резкий и мрачный эгоист, как тот, который ни во что на свете более не верил, за исключением катетеров Дворжака¹.

¹ Дворжак Карл Леопольдович (1799—1860) — врач-писатель. Окончил курс в Петербургской медицинской академии. Был гофхирургом, военным врачом, придворным хирургом; писал о мочеполовых болезнях.

Бывало, он сидел скрытный, молчаливый, таинственный, как могила, наблюдал только погоду и в течение полугода искал спасения для русской армии только в стихиях; холодный и немилосердный к страждущим, он только насмешливо улыбался, если ему жаловались на их нужды и лишения, и отвечал, что «прежде еще хуже бывало». То, что с начала войны было дурно устроено, то теперь поправить очень трудно.

Надо надеяться, что эта проклятая, старая языческая метода воевать, при которой смотрели на людей, как на слепые стратегические орудия, нисколько не заботясь о последствиях войны и об общем благосостоянии, — после этой войны у нас и у союзных получит смертельный удар, особенно если с наступлением летних жаров смертность от развития эпидемических болезней значительно увеличится; хотя надежда и действительность две вещи разные!

Здесь особенно потворствуют развитию заразных болезней зловредные испарения падалей и трупов. Осенью и зимою на дорогах и улицах сотнями валялись павшие лошади и волы; только недавно стали их, и то только весьма поверхностно, зарывать в землю. То же надо сказать и о человеческих трупах.

Французы теперь работают вблизи старого чумного кладбища. Прибавьте к этому дурно устроенные отхожие места в многочисленных гарнизонах; несносные жары в городе, которые и теперь иногда уже невыносимы, так как солнечные лучи отражаются от скал и от моря; самое положение города на холмах, разделенных балками или рвами; бухты с почти стоячею водою; эндемический¹ характер здесь господствующих болезней (лихорадки, тиф и цынга весною), — то, конечно, весьма надо опасаться последствий, которые может причинить эта война, если она еще долго продлится. Уже в конце января раны здесь показывали склонность делаться нечистыми.

Я поэтому велел очистить так называемый первый перевязочный пункт в здании Дворянского собрания, перевел больных в другие дома и устроил два новых поме-

¹ Местный, свойственный какой-либо стране.

щения для нечистых ран (гангренозное отделение); велел проветривать прекрасное здание Дворянского собрания, и уже после того, как оно более пяти недель при открытых окнах стояло пустым, я назначил это помещение, при увеличивающемся количестве раненых, для перевязочного пункта; но, несмотря на то, что в нем с тех пор располагались только вновь оперированные, раны здесь, как и в менее чистых помещениях, показывали наклонность к гангренизации и делались нечистыми, особенно после тяжелых ранений или больших операций. В то же время и между легко ранеными проявлялись тиф и гнойный дитез.

Между внутренними болезнями преобладают тифы, иногда сопряженные с перемежающимися лихорадками (вероятно, возвратные горячки), и скорбут, но до сих пор не в острой форме. Врачи и сестры милосердия заболевают и здесь тифом, а некоторые уже умерли от него. Все это предвещает нам страшную гнилостную тифозную эпидемию во время летних жаров; будет ли она сопровождаться, как вы предполагаете, карбункулами и бубонами или нет, но всячески она будет очень смертоносна.

Поэтому, когда князь Горчаков сюда прибыл, я считал своим долгом подать ему докладную записку, в которой я изложил ему угрожающую нам опасность, доказал, что мы теперь так же мало приготовлены принять и устроить большее количество раненых, как и при его предшественнике, 24 октября 1854 года, после Инкерманского сражения, и предложил две главные и, по моему убеждению, единственные меры для предупреждения подобного неустройства:

- 1) Совершенную эвакуацию городских госпиталей через непрерывную транспортировку.

- 2) Устройство госпитальных палаток на безопасном месте, на Северной стороне. Николаевскую батарею — как единственное в городе безопасное место, казематированное и блиндированное, — могущую поместить восемьсот больных, я советовал предоставить исключительно для подания первой помощи раненым, и затем следует тотчас же отправлять их в кровати и на пароходах на Северную сторону и там размещать в госпитальных па-

латках. Госпитальные палатки, числом около четырехсот, с двадцатью койками каждая, тоже не должны бы приютить более двух тысяч больных, а прочие должны оставаться пустыми на случай нужды.

Как только число больных превысит две тысячи, излишек тотчас должен быть удален постоянной транспортировкой. Вино, хина и хинин должны быть в достаточном количестве и т. п.

Но, увы, все это находится пока еще только на бумаге. Семь тысяч больных скучены в Севастополе, пять тысяч пятисот в Симферополе, несколько тысяч размещены в некоторых второстепенных госпиталях (в Бахчисарае, Карасубазаре). При этом нет правильной транспортировки, и образовался совершенный застой, который теперь продолжается уже около четырех недель и с каждым днем увеличивается, особенно с тех пор, как возвели эту проклятую батарею против Малахова кургана, которая может быть и очень важна в стратегическом отношении.

У нас нет хинной корки, очень мало хинина и вина и при том только то вино, которого куплено мною на пожертвованные на этот предмет деньги.

Генерал-штаб-доктор Шрейбер, хотя уже седой и рябоватый, все видит в розовом свете; новый начальник армии обременен занятиями и поэтому не в состоянии обо всем думать; транспортировочные средства еще не прибыли; госпитальные палатки, если бы даже мое предложение было принято, еще не изготовлены и не поставлены. Требование на хину и хинин по дефектному каталогу еще в декабре отправлено в Херсон и до сих пор ответа нет! Медицименты и деньги, которые я, по милости великодушной великой княгини Елены Павловны, получил, с каждым днем уменьшаются все более и более. Значительное сражение предстоит, вероятно, в скором времени; нечистые гангренозные раны, тифозные больные с каждым днем прибавляются; вот в данное время наше врачебное положение в Севастополе. Остается только надеяться, как уверяет доктор Шрейбер, что со временем все будет лучше.

В январе здесь по высочайшему повелению образовалась комиссия для изыскания врачебно-полицейских мер против распространения заразных болезней в армии

и в стране. Я тоже был приглашен быть членом этой комиссии и выслушал с подобострастием ученые предложения и рассуждения о химических процессах и причинах заразных болезней, выработанные на бумаге в медицинском департаменте.

Генерал-штаб-доктор пришел в восторг от этого учебного послания и хотел так основательно поступать, чтобы употреблять при похоронах каждого трупа хлористую известь, и поэтому предписал старому госпитальному аптекарю готовить ее *en masse*. Этот старый плут, конечно, очень этому обрадовался, тотчас составил длинный список химических препаратов и аппаратов, в которых он для этого нуждался, и самодовольно улыбался, рассчитывая на верный барыш; между тем он отпускал для перевязок нечистых ран вместо раствора хлориновой извести, простую известковую воду.

Другой здесь присутствующий главный доктор кавказской армии Попов¹, который теперь в Керчи, предложил свой подвижной или амбулаторный карантин, который он ввел на Кавказе, и требовал, чтобы при появлении эпидемии всякого пленного из союзной армии подвергнуть такому карантину.

По обсуждении всего этого комиссия послала составленный ею протокол своих заседаний в медицинский департамент, где его еще и теперь можно найти. Затем все осталось по-старому, как было и прежде; единственная перемена, которую я заметил, состояла в том, что карантинный врач, который прежде очень прилежно посещал наш приемный покой, вдруг исчез и, вероятно, где-нибудь занят устройством передвижного карантина. Фабричное приготовление хлористой извести еще не состоялось, и старый аптекарь теперь выражает свое неудовольствие тем, что он все врачебные предписания заменяет *aqua fontana*² или настоем ромашки. Молодому, ретивому ординатору, жаловавшемуся на эти злоупотребления, главный врач госпиталя на Северной стороне ответил:

¹ Попов Корней Андреевич — штаб-доктор отд. Кавказского корпуса; в 1854 г. — штаб-доктор войск в Крыму.

² Водопроводная вода (лат.).

— Если вы желаете на ваше предписание получить хорошее лекарство, то потрудитесь на рецепте выставить крестик (X), и аптекарь тогда все как следует отпустит!

Моя миссия скоро оканчивается. Я в середине или в конце мая вернусь в Петербург, исключая тех случаев, когда я не останусь в живых или когда новым десантом закроют путь в Симферополь. Летом и в Петербурге может разыграться война, и я уже для успокоения моей семьи должен вернуться туда, тем более, что я не в силах сделать больше того, что я до сих пор сделал. С другой стороны, если союзники до мая ничего решительного не предпримут, то осада Севастополя, подобно Троянской, может еще год и более продлиться, и так как надо надеяться, что между союзными не найдется Улисса, то я вовсе не любопытую дожидаться конца этой осады.

Мне жаль только, что с моим отъездом армия наша лишится семи или восьми дельных и деятельных врачей, которые без меня ни за что здесь не останутся. Другие ко мне прикомандированные врачи зависят от военно-медицинского департамента и *nolentes-volentes*¹ должны здесь оставаться. Весьма сожалею также, что не буду более руководить тогда столь благотельною деятельностью сестер милосердия великой княгини Елены Павловны.

Скажу несколько слов об этом новом у нас учреждении. Великой княгине принадлежит честь введения этого учреждения в наших военных госпиталях. Первым крестовоздвиженским сестрам пришлось прямо идти в огонь страшной Крымской кампании. Это не нравилось людям старого закала; они предвидели, что этим может быть подорвано ненасытное хищничество госпитальной администрации.

— У нас это ввести нельзя, — ответило мне высокопоставленное лицо по этой администрации, когда я его спросил, какого он мнения о проекте великой княгини.

— Почему же так?

— Да потому, что один генерал, который не хотел их у себя вводить, сказал по этому поводу государю: «у нас нельзя, ваше величество, как раз у...т».

¹ Нежелающие и желающие (лат.).

Это был их единственный и самый сильный довод. Старик Меншиков мне тоже сказал, когда я ему донес о прибытии сестер в Симферополь:

— Я опасаюсь, чтобы этот институт не умножил бы число наших сифилитиков.

Эти старые грешники изучили женщину только *usque ad portionem vaginalem*¹.

О самоотверженной деятельности сестер милосердия в крымских госпиталях надо спрашивать не меня, потому что я при этом не беспристрастен, ибо горжусь тем, что руководил их благословенною деятельностью, но самих больных, которые пользовались их уходом.

Если только дальновидный комиссариат не произнесет своего «veto», то я надеюсь, что это молодое учреждение введется и в других наших военных госпиталях на вечные времена. Всякий благомыслящий врач, желающий, чтобы его предписания не исполнялись грубою рукою фельдшера, должен искренно желать процветания сердобольного ухода за больными.

Если здешняя женщина [...], движимая мягкосердием своей женской натуры, подобно Магдалине, здесь на полях битвы и в госпитале, с таким самоотвержением помогала раненым, что обратила на себя внимание высшего начальства и удостоилась особой награды, то уже, несомненно, самопожертвование и христианская добродетель женщин высших слоев общества заслуживает полного удивления.

При этом не могу не вспомнить наивного ответа одной прославленной Дарьи. Община сестер милосердия, по своей инструкции, имеет право выбирать и других женщин из разных слоев общества; но сестры эти, до вступления своего в общину, должны принести присягу и обещать исполнить известные условия. Кто-то сказал Дарье, что и она, если пожелает, может вступить в число сестер милосердия.

Она явилась ко мне узнать об условиях приема:

— Надобно, — ответил я, — по инструкции, по крайней мере, целый год оставаться целомудренною.

¹ Вагина для постоянного детопроизводства (лат.).

— Отчего же, можно и это, — ответила она.

Наконец, скажу еще несколько слов о нашем стратегическом и политическом положении в Севастополе. Я здесь не читаю газет, поэтому не знаю, как отдалены еще переговоры о мире. Насколько, с одной стороны, атомистика, а с другой — лорд Джон Россель¹ этому способствует — нам тоже неизвестно. Даже живя здесь, мы ничего определенного не знаем о судьбе Севастополя.

В военных сферах котерии² и интриги играют почти такую же роль, как и в нашем врачебном сословии. Военное искусство еще более основано на предположениях и случайных совпадениях, нежели наше врачебное искусство; поэтому, разговаривая с военными личностями, вы услышите двадцать различных взглядов, смотря по тому, исходят ли они от приверженцев Меншикова, Сакена, Горчакова и так далее.

При некотором навыке к таким разговорам можно уже наперед знать, какое мнение выскажет собеседник, если только знать, к какой школе он принадлежит. Если, например, слышится дурное предсказание о судьбе Севастополя, то вы можете быть уверены, что оно высказывается или поляком, или, что довольно странно, моряком.

Поляки пророчествуют, натурально, дурной исход, потому что они поляки; но что заставляет собственно моряков опасаться дурного исхода — неудобопонятно; мне кажется, что этому способствует то обстоятельство, что многие из них, как собственники и домовладельцы в Севастополе, боятся за свое имущество и желают быть утешенными. Это утешение им вдоволь доставляется теми, которые им с жаром противоречат, и так как они сами, вероятно, разделяют эти надежды, то они скоро соглашаются и вполне утешенные возвращаются на свои батареи и пароходы.

Все это относится только до офицеров; матросы твердо убеждены, что Севастополь неприступен.

— Возьмут ли Севастополь? — спросил я однажды одного матроса.

¹ Россель Джон (1792—1878) — английский государственный деятель.

² Котерия (от *фр. coterie*) — кружок, сплоченная группа.

— Прежде он (неприятель) его мог бы взять, теперь не возьмет, — возразил он. *Vox populi — vox Dei*¹.

Высказать ли и мне свое мнение? Как же мне не высказать его, так как и моя шкура при этом в опасности. Если ночью видишь полет бесчисленных светящихся бомб, если знаешь, что от почтовой дороги нас отделяет бухта, то невольно придет на ум этот критический вопрос; особенно, если вы не герой, а простой врач. По моему мнению, действия союзников теперь не логичны и даже детские. Чего они домогаются упорною осадой Севастополя?

Есть только три способа взять Севастополь: повторение бомбардировки, соединенное со штурмом; вторых, пресечение сообщения города с материком через продолжительное обстреливание северной бухты, которая есть продолжение севастопольского рейда, и обложение города и почтовой дороги сухим путем и осада северных его укреплений.

Кто знает наши во время осады воздвигнутые батареи и редуты, число наших пушек, храбрость и стойкость нашего могучего гарнизона, состоящего почти из пятидесяти тысяч человек, которые большею частью под блиндажами охранены от действия неприятельских бомб, кто сообразит, что союзники в последние два месяца почти никаких успехов не сделали и как мало вреда они до сих пор нанесли нашим батареям, — тот легко присоединится к господствующему мнению, что неприятель теперь едва ли решится на штурм, к которому могли бы его подвинуть только отчаяние или легкомыслие.

От одного бомбардирования союзники менее могут ожидать пользы, потому что и нам и им хорошо известно, как мало вреда до сих пор нам причинили их бомбы. Чтобы прервать сообщение с Севастополем посредством обстреливания бухты, неприятель должен соорудить могучую батарею на таком пункте, которым до сих пор не удалось ему завладеть, несмотря на все усилия, потому что пункт этот защищается многими нашими батареями: № 1, Малаховым и новым Камчатским редутами. Наконец, для обложения Севастополя сухим путем им понадобится

¹ Глас народа — глас Божий (лат.).

еще армия в восемьдесят или сто тысяч, и уж никак не турецко-сардинская или неаполитанская, а по мнению Жирардена¹, даже армия в триста тысяч человек; нам же тогда следовало бы остаться без подкреплений и без резервов, между тем как они из дунайской армии с каждым днем к нам приближаются.

На два месяца наш гарнизон имеет вполне достаточный провиант. Я и сам на два месяца закупил сухарей, так что в случае нужды не умру с голода. Этот последний способ принудить Севастополь сдаться кажется мне самым вероятным, и неприятель, очевидно, имеет его в виду; только одного я не понимаю, зачем они тогда так неустанно работают и стреляют, как будто готовятся к скорому штурму; это им стоит много людей. Англичане столько потеряли людей, что уже оставили свои редуты и образуют теперь род резерва между Севастополем и Балаклавой. Французы — веселый народ, работают одни. Жизнь в сырых траншеях не понравилась любящим комфорт англичанам.

Если союзники действительно в состоянии создать значительную армию, которая нас на той стороне победит или запрет, то им не нужны громадные усилия и приготовления к штурму, ибо тогда Севастополем легко будет завладеть. Но с маленькою армиею они ничего не поделают, хотя бы она и не состояла из одних сардинцев и неаполитанцев, хотя бы его святейшество сам папа выслал бы ее из Рима; одною бомбардировкою без штурма, хотя бы она продолжалась семь дней и семь ночей, они не овладеют Севастополем; они этим могут разрушить город и наш флот, но не повредят ни нашим укреплениям, ни нашему гарнизону.

О самом городе и толковать не стоит; эти каменные груды в два года и скорее могут быть вновь выстроены. Что же касается до нашего флота, то он состоит из шести линейных кораблей и нескольких пароходов, которые все после кампании или переделаются в винтовые суда или,

¹ Жирарден Эмиль де (1806—1884) — французский мелкобуржуазный, бульварный журналист и политический деятель, внебрачный сын генерала графа Александра Жирардена.

по негодности, выключатся из списков. Двенадцать кораблей уже погружены в воду.

Между тем французы, — ибо красные колеты со стыдом провалились, — чуть что не каждую ночь атакуют наши Малахов и новый Камчатский редуты, что дает много занятий нашему третьему перевязочному пункту в Александровских казармах. Они сосредоточились на этих редутах, как на главнейших препятствиях их планов, и оставили прочие батареи, даже знаменитую четвертую, в покое. Тут они подводили мины, но так неискусно, что мы, ученики их в этом деле, постоянно взрывали их контрминами.

Теперь туда не направляется ни один выстрел. Сегодня, когда я писал эти строки, Сакен прислал адъютанта предупредить меня, что у Камчатского редута ночью будет дело. Надо готовиться и ординаторам, как адмирал Непир¹ своим матросам приказывал: «ребята, точите свои ножи». Прощайте, иду спать.

Ваш искренний друг *Николай Пирогов.*

1855 г. 18 марта, 11 ч. вечера.

¹ Непир Чарльз (1780—1860) — британский адмирал, в молодости сражался в Испании и Неаполе; в 1833 г., командуя кораблями донна Педро Португальского, одержал блестящую победу над мигуэлистским флотом у мыса св. Винцента. В 1840 г. успешно участвовал в военных действиях против Мегмет-Али. Как член палаты общин, принадлежал к вигам. В 1847—1849 гг. он командовал флотом в Ла-Манше и по возвращении поместил в «Times» ряд писем о флоте, в которых сильно нападал на английское морское управление. В 1854 г. получил главное начальство над британским балтийским флотом, который с 28 мая блокировал русские берега и порты Балтийского моря; после соединения с французским флотом взял крепость Бомарзунд и в начале августа занял Аландские острова, но других успехов не имел и в сентябре был отозван.

III. ПИСЬМО К М. ТОПИЛЬСКОМУ

Севастополь. 1855. 6 марта

Сим честь имею уведомить ваше превосходительство, что присланные неизвестным благотворителем двести полуимпериалов золотом я получил¹.

Но условия для раздачи их, определенные в вашем письме, исполнить трудно. Весьма немного находится здесь таких офицеров, которые назначаются в отпуск, которые же и назначаются, имеют обыкновенно свой капитал и поместье и вообще достаточные люди; бедному офицеру и в голову не придет проситься в отпуск на казенном иждивении; такие остаются обыкновенно в госпиталиях — покуда или выздоровеют или умрут.

Несмотря, однако же, на это, я дал знать о получении мною суммы от неизвестного благотворителя, для означенной цели, господам начальникам штаба, и до сих пор, хотя уже прошло около месяца, никто не оказался подходящим под условия, определенные благотворителем.

Я в конце апреля или в начале мая намереваюсь возвратиться в Петербург. Спрашивается, что должен я буду предпринять с означенной суммою, когда она останется без употребления. Должен ли я буду поручить для раздачи офицерам, на определенных условиях, г.г. начальникам штаба или возвратить вам, или же не переменит ли неизвестный благотворитель своих условий и не позволит ли поступить с этою суммою так, как это делали другие

¹ 200 полуимпериалов — 1500 руб. в старом золотом исчислении.

особы, снабдившие меня деньгами для покупки раненым офицерам и низшим чинам различных вещей, в которых больные чувствуют недостаток и между тем не входят в обыкновенное госпитальное содержание, как-то: вино, чай, белый хлеб, сбитень и тому подобного.

Покорнейше прошу Вас предложить все это на благоусмотрение благотворителя и о последующем решении не замедлить уведомить меня через курьера и фельдъегеря (по обыкновенной почте ответ придет не прежде четырех недель).

Н. Пирогов

IV. ИЗ ОТЧЕТОВ О ДЕЙСТВИЯХ СЕСТЕР

(Помещаемые здесь два отрывка непосредственно связаны с «Севастопольскими письмами». Посылались они основательнице Крестовоздвиженской общины, великой княгине Елене Павловне, которая передавала их великому князю Константину Николаевичу для напечатания в журнале «Морской сборник».

В журнале они публиковались частично. Подлинники не найдены.)

[Севастополь, 4 января 1855 г.]

Я назначил для симферопольских госпиталей первое отделение общины, состоявшее из 35-ти сестер, и старался в продолжение двухнедельного пребывания моего в Симферополе распределять их преимущественно по тем госпиталям, где была помещена большая часть раненых.

Уже на другой день по приезде своем, сестры, под руководством достойной начальницы [А. П. Стахович], начали, по указаниям моим, уход за больными. Они были распределены по две и по три на госпиталь, смотря по величине оного.

Несмотря на всякого рода помощь, которую оказывали им жители и начальство, они должны были бороться с многочисленными затруднениями; для проезда по грязным улицам города, при продолжительной дождливой погоде, они часто имели в распоряжении своем только телеги. В комнатах больных они подверга-

лись днем и ночью опасности от заразы и от простуды. Нельзя было не дивиться их усердию, деятельности при уходе за больными и их истинно стоическому самоотвержению. Малейшие желания страждущих, даже капризы их, исполнялись самым совестливым образом. В самом деле, трогательно было видеть, как многие из сестер, еще молодые и неопытные (опытные лучше умеют рассчитывать меру деятельности и сил своих), наперерыв старались помогать медику и больному с полным самопожертвованием. В течение короткого времени уже были заметны плоды их [...] деятельности. Они не пропускали ни одного обстоятельства в трудном и запутанном госпитальном лечении: их бдительный глаз был направлен на раздачу лекарств, на облегчение страданий, на пищу больных. Днем и ночью они старались доставлять больным теплое питье и пр. Все мои предписания о раздаче чаю, вина, бульона, кофе и других припасов, которыми я снабдил госпитали от щедрот ее императорского высочества и из пожертвований частных лиц, исполнялись ими в точности. Сестры мужественно переносили вид текущей крови, многообразных мучений и тяжких язв в этих жилищах страдания и смерти.

Уже один вид женщин, помогающих страждущим, был утешителен. В доказательство, что попечение сестер о раненых истинно облегчает солдат наших, может служить следующий случай: тяжелораненый, весьма беспокойный после операции солдат настоятельно просил, чтобы одна из сестер оставалась при его постели. На вопрос, почему он этого желает, он отвечал: «хоть потолкайся, матушка, около меня, так мне уж легче будет».

Неутомимое это рвение и это самоотвержение, к сожалению, не могли остаться без вредного влияния на здоровье сестер. Четырнадцать из них теперь еще лежат больными, а две умерли. Сама начальница, которая тоже приняла на себя попечение о больных, также лежит в тифусе. Но именно это печальное обстоятельство служит лучшим доказательством их самоотвержения. Я надеюсь, что оно предостережет, но не уstraшит их.

Деятельность сестер в Севастополе началась собственно с 12 января, когда сюда прибыло сначала 2-е отделение, состоявшее из 13 сестер; между тем как 1-е, болезнью начальницы и многих сестер, было задержано в Симферополе. Шесть дней спустя, 18 января, прибыло 3-е отделение, состоявшее из 8 сестер; 21 февраля—1-е из 26, и наконец — 4-е отделение из 20 сестер.

В то же время произошли в самом городе некоторые изменения в распределении больных и перевязочных пунктов (ambulances). Большая часть раненых переведена на Николаевскую батарею, и многие дома частных лиц заняты под новый перевязочный пункт и под два или три различные госпитальные отделения. Вследствие этого сделалось также необходимым распределить сестер по этим различным отделениям.

Распределение сделано таким образом, что некоторым из сестер, хозяйкам, вверено все хозяйство, приготовление кушаньев, питья, раздача чаю, кофе, вина и т. д.; другим, аптекаршам, отданы на руки малые аптеки. устроенные при госпитальных отделениях; прочие сестры предназначены для дежурства и для помощи врачам при перевязке и операциях. По прибытии 1-го и 4-го отделений, таким же точно образом были наделены сестрами два госпиталя, расположенные вне самого города, в Александровских казармах, на так называемом 3-м перевязочном пункте, и на Северной стороне. Это распределение занятий между сестрами оказалось совершенно удовлетворительным и благотельным для хождения за больными, ибо, во-первых, соответствовало личным способностям сестер и, во-вторых, вещи, собранные посредством благотворительных приношений, и деньги, раздаваемые раненым от правительства, всего надежнее могли быть вверены сестрам Креста.

Уже давно известно по опыту, как вредно оставлять деньги в произвольное пользование больных в госпиталях. Злоупотребления разного рода суть неизбежные того последствия. С другой стороны, в высшей степени важно для нравственного успокоения страждущих и уми-

рающих, чтобы они могли передавать свою последнюю волю о распоряжениях касательно их собственности таким лицам, которые были бы в состоянии заслужить их доверие. Сделанное мною распоряжение, что сестры должны хранить деньги солдат, вполне соответствует обоим этим целям. Теперь уже находятся значительные суммы таких денег в руках сестер, которые все внесены в шнуровую книгу, с означением имени и полка тех, кому принадлежат. После смерти больных, если ими не оставлено завещания, деньги отсылаются обратно к начальнику штаба, с означением имени умершего. Таким образом, теперь, как хозяйство, так и нравственная сторона севастопольских госпиталей, по крайней мере тех, где я всегда сам находился, вверены сестрам и их надзору.

Особливо в случаях перевода раненых, как часто бывает, из городских госпиталей на Северную сторону и оттуда далее, поручаемый сестрам-хозяйкам надзор за распределением кушаньев и питей между больными оказывается весьма полезным, ибо иначе, второпях перевозки, или вследствие злоупотреблений со стороны слуг, иной больной легко мог бы остаться без обеда. Распределение между больными чаю, кофе, вина стало делаться правильно также лишь по прибытии сестер, к большому удовольствию больных, тогда как прежде, когда дело это было поручено сторонним лицам или слугам, оно или производилось слишком произвольно, или не внушало доверия.

Что касается до аптекаршей из числа сестер, то для хранения и распределения необходимейших, большей частью сильно действующих, средств, как напр. опиума, хлороформа, рвотного винного камня и т. п., избраны из сестер более образованные, которых легко можно было ознакомить как с названием, так и с главными действиями этих средств. Таким образом, теперь каждое госпитальное отделение в Севастополе, независимо от казенной аптеки, имеет под надзором сестер свой собственный запас употребительнейших врачебных веществ [...].

Наконец, дежурные сестры обязаны непрестанно присутствовать и *assistieren*¹ у приема раненых, при пере-

¹ Помогать, ассистировать (нем.).

вязке, при операциях и, кроме того, постоянно днем и ночью, зорко наблюдать за освежением больничных помещений воздухом — *ventilation*¹ — и за чистотою.

В наших госпиталях оба эти предмета, вследствие предрассудков больных и невнимательности больничной прислуги, требуют строгого надзора. Теперь 65 сестер находятся в Севастополе и распределены в 6 различных госпитальных отделениях и перевязочных пунктах; 6 — в Бахчисарае, 15 — в Херсоне, 15 — в Николаеве и 7 по болезни не служат. Две сестры, из всех четырех отделений, со времени прибытия их в Севастополь, умерли от тифа; одна, по болезни, получила отпуск.

Из 7 врачей, присланных сюда на иждивение государыни великой княгини Елены Павловны, 6 занимаются под моим руководством на главном перевязочном пункте и в принадлежащем к нему госпитальном отделении на Николаевской батарее. Не считая больших операций, которые они делают ежедневно по нескольку раз, на перевязочном пункте, где дежурят днем и ночью, каждый из них перевязывает и пользует от 50 до 70 наиболее тяжело раненных. Двое из них, Каде и Беккерс, по требованию генерал-штаб-доктора, были мною командированы, в конце января, в Евпаторию, где они, во время дела 5 февраля, производили операции, потом сопровождали транспорт раненых в Симферополь и, без малого через 4 недели, возвратились в Севастополь. Двое врачей, Каде и Дмитриев, опасно занемогли: первый — злокачественной лихорадкой, второй — тифом, и последний, по оставшейся у него от болезни слабости, с соизволения ее императорского высочества, уволен в отпуск.

Кроме неутомимой деятельности в попечении о больных, выказанной как врачами, так и сестрами в течение 5-ти месяцев, об услугах, оказанных ими нашим раненым, в особенности свидетельствуют четыре события, составляющие эпохи в осаде Севастополя с ноября месяца: 12 февраля, 4 и 10 марта и последнее 9-дневное бомбардирование Севастополя.

¹ Вентиляция, проветривание (лат.).

12-го февраля и 10-го марта, дни, в которые наши храбрые войска покрыли себя лаврами при защите Камчатского редута, раненые относились на три перевязочных пункта. Но 4 марта и во время бомбардировки наибольшее их число отнесено на бывший под моим личным управлением главный перевязочный пункт в Благородном собрании, потому что оно всего ближе к 4, 5 и 6-му бастионам, на которые особенно были направлены нападения неприятеля. Во время бомбардирования, в течение 9 трудных дней, все 6 врачей, с 3 другими, ко мне прикомандированными, день и ночь, без смены, занимались приемом и перевязкой раненых.

В летописях науки раны такого рода, с какими мы в продолжении этого времени постоянно имели дело, едва ли не беспримерны.

Тысячи 65-фунтовых пушечных ядер и 200-фунтовых бомб являли свою разрушительную силу над человеческим телом. Надлежало действовать без малейшего промедления, чтобы сохранить жизнь, которую уносило быстрое истечение крови. Страшное потрясение всей нервной системы, в весьма многих случаях, делало бесполезным, даже вредным, употребление хлороформа. На трех хирургических столах почти непрерывно подавалась хирургическая помощь, при содействии сестер. Большая танцевальная зала Благородного собрания четыре раза наполнялась сотнями людей, подвергшихся операциям, и четыре раза опять очищалась, чтобы дать место новым страдальцам.

Триста ампутаций, не считая других значительных операций, сделано нами в течение первых дней бомбардирования. Особенно утомительно для подающих помощь было то обстоятельство, что после непрерывного, усиленного занятия днем, нельзя было ночь посвятить покою, потому что ночные вылазки и взрывы мин даже по ночам имели последствием новый прилив раненых. Для того, чтобы при таком беспрестанном притоке раненых всегда быть, как можно скорее, налицо — сестры и мы переселились в главный перевязочный пункт и в соседство одного.

Хотя геройство не принадлежит к числу главных добродетелей при совершении благочестивых дел мило-

сердия, однако я не могу пройти молчанием, что независимо от добросовестного и неустомимого выполнения лежащих на них обязанностей, сестры были чужды страха перед опасностью жизни и не обнаруживали отвращения при виде крайне ужасающего зрелища самых страшных разрушений человеческого тела. Бомбы неоднократно падали на 3-й перевязочный пункт, так что один врач, барон Шенгубер, баварский подданный, был убит, другой ранен, 65-ти фунтовое пушечное ядро упало в одну из комнат Дворянского собрания. Бомбы и ракеты часто попадали вблизи этого здания, равно как и в жилища врачей и сестер; несмотря на то, все готовы, без страха и боязни, так же хладнокровно и рассудительно, как доселе, подавать помощь страждущим.

Так как, после тщетных усилий неприятеля при последнем бомбардировании, осада Севастополя опять возвратилась почти на прежнюю точку и конца ее, кажется, нельзя предвидеть, то я должен был решиться, после 6-ти месячного отсутствия, возвратиться в Петербург, тем более, что мои ученые работы и предстоящая вблизи столицы война содействуют моему присутствию там крайне необходимым. Медицинско-административная часть в нашей Трое, теперь, по крайней мере, сравнительно с тем, что было за 6 месяцев, порядочно устроена.

V. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР О ДЕЙСТВИИ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕР ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕННЫХ И БОЛЬНЫХ В ВОЕННЫХ ГОСПИТАЛЯХ В КРЫМУ И В ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ С 1 ДЕКАБРЯ 1854 Г. ПО 1 ДЕКАБРЯ 1855 Г.¹

Историческая справка

Милосердие в войну как общественное движение родилось в Крымскую кампанию 1854—1856 гг., когда две выдающиеся женщины противоборствующих стран — англичанка Флоренс Найтингейл и Великая княгиня Елена Павловна — одновременно протянули руку помощи воинам, проливающим кровь на поле брани.

Во время Крымской кампании они были во враждующих армиях: российские сестры милосердия в осажденном городе под пулями противника возвращали к жизни героических защитников Севастополя; британские сестры, находясь на противоположном берегу Черного моря в тылу противника, в турецком городе Скутари, выхаживали раненых и больных воинов Союзной армии (Турции, Великобритании и Франции).

Сестринская служба в Британии и по сей день пользуется особым почетом, а Флоренс Найтингейл — суперинтендант сестер милосердия в Крымской кампании — является национальным героем, который живет в сердцах англичан, ее портрет печатается на денежных купюрах.

¹ Обзор непосредственно связан с «Севастопольскими письмами»; напечатан в журнале «Морской сборник» (1856 г., № 4). Автор: Н. И. Пирогов. Рукопись не найдена.

В Лондоне существует музей Флоренс Найтингейл. Но, как ни странно, даже в этом музее не знали почти ничего конкретного о деятельности российских сестер милосердия «по ту сторону театра военных действий». Литературы по этому вопросу на английском языке не было, за исключением двух страниц в записках Флоренс Найтингейл и одной краткой заметки в газете. Вот почему доклад российской стороны на 34-м Международном конгрессе в Глазго в 1994 г. на тему «Российские сестры милосердия в Крымской кампании 1854—1856 гг.» стал для британских коллег и откровением, и сенсацией.

Н. И. Пирогов, выдающийся русский хирург и врач, еще в сентябре 1854 г., когда в Севастополе раненые гибли тысячами, подал прошение направить его добровольцем на фронт. Просьба эта оставалась без ответа несколько недель, как вдруг он получил приглашение к великой княгине Елене Павловне. Это было «... в ту незабываемую пору, — писал Пирогов, — когда каждое сердце в Петербурге билось сильнее и тревожнее, ожидая результатов битвы при Инкермане ... К большой моей радости, она мне тотчас объявила, что взяла на свою ответственность разрешить мою просьбу. Тут она мне объяснила ее гигантский план — основать организованную женскую помощь больным и раненым на поле битвы и предложила мне самому избрать медицинский персонал и взять управление всего дела».

К вечеру того же дня вопрос был решен. Великая Княгиня тотчас обратилась с воззванием к российским женщинам, желающим «принять на себя высокие и трудные обязанности сестер милосердия» в перевязочных пунктах и подвижных лазаретах на Крымском театре военных действий, и 6 ноября 1854 г., на следующий же день после битвы при Инкермане, основала на свои средства «Крестовоздвиженскую общину сестер попечения о раненых и больных воинах». А еще днем позже были утверждены Правила деятельности общины.

Крестовоздвиженская община объединила патриотически настроенных российских женщин самых разных слоев общества; рядом с женами, вдовами и дочерьми титулярных и коллежских советников, дворян, помещиков, купцов, офицеров российской армии и флота были и простые малограмотные женщины.

9 ноября 1854 г. Н. И. Пирогов выехал в свою первую командировку на Крымский театр военных действий вместе с док-

торами Л. Обермиллером, В. С. Сохраничевым и фельдшером И. Калашниковым. Вслед за ним была отправлена и первая группа (1-е отделение) из 28 сестер Крестовоздвиженской общины во главе с ее первой начальницей — Александрой Стахович, вдовой капитана.

11 декабря 1854 г. они прибыли в Симферополь и на следующий день в 4 часа пополудни приступили к своей благородной деятельности. К тому времени в Симферополе скопилось несколько тысяч раненых после битв при Альме и Инкермане и первой бомбардировки города. Как вспоминала Е. М. Бакунина, сестры дежурили днем и ночью, ухаживая за солдатами, офицерами и пленными воинами.

Они лежали в бараках, в госпиталях, во дворах и даже на улицах. Среди раненых свирепствовала гангрена, рядом находились и тифозные больные.

В Петербурге и Москве все новые и новые женщины заявляли о своем решении отправиться в Крым на театр военных действий. 2-й отряд из 13 человек прибыл в Севастополь 25 января 1855 г., его возглавляла старшая сестра М. Меркулова. Через несколько дней прибыли 8 сестер 3-го отделения под руководством сестры Е. М. Бакуниной; 9 апреля — еще 19 сестер 4-го отделения, руководимые сестрой Будберг. Особенно высокую оценку получила Екатерина Михайловна Бакунина (1812—1894) — «идеальный тип сестры милосердия».

Главным местом самоотверженной работы сестер Общины был осажденный Севастополь. Небольшие отряды сестер работали еще в 10 городах: Бахчисарае, Симферополе, Перекопе, Херсоне, Николаеве и др. Почти все они переболели тифозной горячкой или другими эпидемическими болезнями, некоторые были ранены или контужены.

Сестры милосердия тех лет — отнюдь не то же самое, что медсестры в современном понимании. Девушки и вдовы «хорошего происхождения» в возрасте от 20 до 40 лет (девушки ради служения делу отказывались от вступления в брак) могли войти в общину только после испытательного 2-летнего срока по уходу за больными. Затем они проходили специальное обучение в учреждениях Красного Креста. Работали безвозмездно, получая от общины лишь еду и одежду.

История, к счастью, сохранила имена сестер милосердия Крестовоздвиженской общины. Вот лишь некоторые из них.

Екатерина Михайловна Бакунина, внучатая племянница фельдмаршала М. И. Кутузова, одна из наиболее деятельных сестер милосердия. Случалось, она по двое суток не отходила от операционного стола. Однажды бессменно провела 50 ампутиаций подряд, помогая сменяющимся хирургам. Впоследствии Е. М. Бакунина стала руководительницей Крестовоздвиженской общины.

Александра Травина, вдова мелкого чиновника. О своей работе в Севастополе докладывала по-военному коротко: «Опекала шестьсот солдат в Николаевской батарее и пятьдесят шесть офицеров».

Баронесса Екатерина Будберг, сестра А. С. Грибоедова, переносила раненых под яростным артиллерийским обстрелом. Сама была ранена осколком в плечо.

Марья Григорьева, вдова коллежского регистратора. Сутками не выходила из госпитального помещения, в котором лежали только безнадежные раненые, умирающие от зараженных ран.

В период военных действий в Крыму действовало 9 отрядов сестер общей численностью 100 человек, из них погибли 17. Всего же в Крымской войне принимали участие 250 сестер милосердия.

Специально для награждения сестер милосердия, работавших в Крыму во время войны, по велению «Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны» (супруги Николая I) была отчеканена особая серебряная медаль.

[...]. Сестры прибывали в Крым в разное время отдельными партиями или отрядами. Святое служение сестер [...] началось 1 декабря 1854 г. в г. Симферополе; сюда прибыло в конце ноября первое отделение, состоявшее из 28 сестер под управлением главной начальницы госпожи Стахович. Они с полным усердием и самоотвержением принялись за трудную обязанность служить ближнему.

Под непосредственным распоряжением и руководством академика Н. И. Пирогова в короткое время привыкли к госпитальному порядку и сделались ревностными помощницами врачующих и утешительницами страждущих. К несчастью, эта высокая деятельность на

время была прервана. Большая часть сестер, еще молодых и не привыкших к госпитальным занятиям, жертвуя чрезмерно собою на новом поприще, изнемогли от трудов и от разрушительного влияния господствовавших эпидемических болезней. С 20 декабря сестры уже не могли продолжать своих занятий в госпиталях; сама начальница и значительная часть первого отряда поражены были жестокой тифозной горячкой; другая половина ухаживала за больными сестрами. Некоторые пали жертвой этой болезни. Место их заступили в симферопольских госпиталях прибывшие к тому времени сердобольные вдовы [...].

Прекращенная деятельность сестер первого отделения в Симферополе проявилась снова в Бахчисарае, куда отправлено было 23 декабря несколько сестер, под управлением помощницы главной начальницы Лоде. Они занимались уходом за больными и ранеными в Бахчисарайском военном госпитале; сестры эти также все почти переболели тифозной горячкой. Одна из них сделалась впоследствии также жертвой этой болезни. 13 января 1855 г. явились сестры в центре военных действий на Южной стороне Севастополя; сюда прибыл второй отряд сестер под управлением старшей сестры Меркуровой, и они занялись исполнением самых трудных обязанностей, состоящих в дневных и ночных дежурствах на главном перевязочном пункте и в военно-временном госпитале, находившемся в Николаевской батарее и частных домах города.

По распоряжению академика Пирогова, сестры этого отделения были разделены в первый раз: на перевязывающих, аптекаршей и хозяйек. Польза такого распределения обязанностей сестер подтвердилась с тех пор на опыте. Перевязывающие доставляют существенную пользу врачам, сокращая своим вспомоществованием время перевязок и помогая фельдшерам в изготовлении перевязочных средств. На руках аптекаршей находятся все необходимые лекарства, приготовление которых не терпит отлагательств. Они обязаны надзирать за тем, чтобы лекарства были раздаваемы аккуратно больным; во время и после визитов, контролируя действия фельдшеров, иногда слишком занятых перевязкой, иногда не совсем надежных; а хозяйки надзирают за чистотой

белья, за действиями служителей и вообще за содержанием больных. Все эти сестры отвечают врачам за тщательное исполнение их предписаний, проводя день и ночь в госпитальных палатках. Теперь с каждым днем это распределение обязанностей сестер доказывает очевиднее приносимую ими пользу и с каждым днем соединяет неразлучнее существование общины с внутренним бытом военных госпиталей.

17 января прибыло в Севастополь и третье отделение, состоявшее из 6 сестер под управлением сестры Бакуниной; они 6 дней занимались уходом за ранеными на Северной стороне Севастополя, с 24 января переехали на Южную сторону и разделяли труды сестер второго отделения, составив с ними одну семью, связанную одним общим призванием — помогать страждущим, перенося безропотно все труды и опасности и бескорыстно жертвуя собою для достижения предпринятой цели.

Оба эти отделения сестер были размещены в тех местах, в которых была преимущественно сосредоточена деятельность врачей, присланных на иждивение ее императорского высочества государыни великой княгини Елены Павловны и составлявших вместе с некоторыми другими врачами, прикомандированными из полков, особенный отряд под руководством академика Пирогова, а именно:

а) в доме Инженерном, куда был перенесен главный перевязочный пункт на время очищения Дворянского собрания;

б) в Николаевской батарее;

в) в доме Гущина, в котором постоянно содержались смертельно раненые и гангренозные;

г) в доме Орловского.

Тяжелые труды сестер на главном перевязочном пункте и госпиталях Севастополя оказали и здесь вредное влияние на их здоровье. С 10 февраля занемогли почти все сестры второго отделения тифозной горячкой и две из них заплатили жизнью за начало бескорыстного труда.

21 февраля прибыли, наконец, из Симферополя в Севастополь сестры первого отделения с их начальницей Стахович. Еще слабые и едва оправившиеся после перенесенной ими тяжелой болезни, они распределились в Се-

вастопольском военно-сухопутном госпитале, находившемся в бараках на Северной стороне, в которых больные до сих пор еще не были под надзором сестер.

При таком распределении сестер только перевязочный пункт на стороне Корабельной и морской госпиталь в Михайловской батарее еще оставались без женского присмотра. Число сестер все еще не соответствовало постоянно увеличивающемуся количеству раненых. Этот ощутительный недостаток пополнили вновь прибывшие 28 марта сестры четвертого отделения под надзором сестры Будберг; на них была возложена обязанность ходить за ранеными на стороне Корабельной и в Михайловской батарее.

С марта месяца распределение сестер было уже следующее: 4 марта при усилившемся числе раненых после сильной вылазки с шестого бастиона главный перевязочный пункт был снова перенесен из Инженерного дома в очищенное и проветренное Дворянское собрание. Здесь находилась с этого времени постоянно неутомимая сестра Бакунина; под ее надзором сестры третьего и второго отделений провели в трудах ознаменовавший русское оружие день 10 марта. Тысячи раненых в этот день свезены были первоначально с Селенгинского и Волынского редутов в Александровские казармы; но там уже не доставало ни рук, ни врачей для производства операций, и потому значительная часть храбрых страдальцев была перевезена в баркасах на главный перевязочный пункт вечером с 10-го на 11-е число. Бакунина и подведомственные ей сестры день и ночь неотходно присутствовали и помогали при операциях и перевязках, укладывали оперированных, раздавали питье и лекарство и тщательно наблюдали за всеми переменами.

Между тем в Инженерном доме оставались и туда переносимы были из других отделений трудные ампутированные. Здесь начальствовала постоянно сестра Травина; имея под руками меньшее число раненых, она могла познакомиться еще лучше с каждым из них, наблюдая тщательно за ходом ран и за перевязкой. Николаевская батарея, превращенная в это время в огромный госпиталь, заключала в себе до 600 раненых, которые переносились туда с главного перевязочного пункта; сестры, дежурившие в ней, оставались под руководством Бакуниной.

Наконец, в домах Гущина и Орловского, где действовал с самого начала их учреждения с большим самоотвержением и знанием дела находившийся при академике Пирогове лекарский помощник Калашников, сестры Григорьева, Богданова и Голубцова несли с усердием самую трудную и, так сказать, самую неблагодарную службу, требующую большого самоотвержения и крепкого здоровья: это уход за страдальцами, раны которых испортились от антонова огня, или состояние которых сделалось не только безнадежным, но и вредным для других.

Кто знает только по слухам, что значит это *temento mori*¹, отделение гангренозных и безнадежных больных в военное время, тот не может себе представить всех ужасов бедственного положения страдальцев. Огромные гнойные раны, заражающие воздух вредными для здоровья испарениями; вопли и страдания при продолжительных перевязках; стоны умирающих; смерть на каждом шагу в разнообразных ее видах — отвратительном, страшном и умирительном; все это тревожит душу даже самых опытных врачей, посевших в исполнении своих обязанностей. Что же сказать о женщинах (как Григорьева и Голубцова), посвятивших себя из одного участия и чувства бескорыстного милосердия на это служение? [...].

Настало 28 марта, страшный день бомбардировки, хотя не первый по счету, но первый по близости осаждающих к бастионам и городу. Она продолжалась более десяти дней. Это время останется памятным в истории Крестовоздвиженской общины.

С 28 марта по 15 мая деятельность общины сосредоточивалась преимущественно на главном перевязочном пункте (в Дворянском собрании), в домах города, в Александровских казармах и на Павловском мыску. Во все это время самые главные усилия неприятеля были, как известно, устремлены на четвертый, пятый и шестой бастионы и отчасти на Малахов курган. Все раненые с первых трех бастионов приносились в Дворянское собрание. Более месяца врачи и сестры неуспынно день и ночь действовали на главном перевязочном пункте.

¹ Помни о смерти (лат.).

Старшая сестра второго и третьего отделений Екатерина Михайловна Бакунина отличалась своим усердием. Ежедневно днем и ночью можно было ее застать в операционной комнате ассистирующею при операциях; в это время, когда бомбы и ракеты то перелетали, то не долетали и ложились кругом всего Собрания, она обнаруживала со своими сообщницами присутствие духа, едва совместное с женскою натурою и отличавшее сестер до самого конца осады.

Трудно решить, чему должно более удивляться, хладнокровию ли этих сестер или их самоотвержению в исполнении обязанностей.

Военное время налагает на врачей обязанности, иногда жестокие, но необходимые для общей пользы. Так, при огромном скоплении раненых необходимо сосредоточивать всю врачебную деятельность на вспомоществовании тем, для которых помощь необходима и полезна; ибо, излишне занимаясь безнадежными, можно легко упустить из виду тех, которым своевременная помощь могла бы возвратить жизнь и здоровье; поэтому сортирование больных на перевязочных пунктах составляет главное условие врачебной распорядительности.

Так было и на главном перевязочном пункте в Дворянском собрании: раненые, беспрестанно приносимые по нескольку вдруг, свидетельствовались в большой зале и тут же делался приговор врачей: можно ли им еще спасти жизнь, нужно ли пожертвовать членом для спасения, или отнести раненого к числу безнадежных. Первые переносились в операционную залу или в Николаевскую батарею и поступали после оказанного пособия на руки сестер, находившихся под руководством Бакуниной, вторые отсылались в дома Гущина, Орловского и Инженерный, где сестры Травина, Григорьева, Голубцова и Богданова делали что могли для облегчения участи страдальцев, действуя то по предписанию врачей, то по собственному благоусмотрению, ознакомившись из опыта с этим родом страданий. Велика и высока была обязанность этих сестер: им поручались и последние желания, и последний вздох умирающих за Отечество!

Кровавые траншейные битвы 10 и 11 мая требовали со стороны врачей и сестер усилий, доходивших до изнурения сил тем более, что раненые прибывали на главный перевязочный пункт ночью. Утомленные ночными дежурствами, производством операций, перевязкою раненых врачи и сестры в течение этих достопамятных дней не знали другого спокойствия, кроме короткого сна на лавках и койках в дежурных комнатах, пробуждаемые лопанием бомб и воплем вновь приносимых раненых.

Для всех очевидцев памятно будет время, проведенное с 28 марта по июнь месяц в Дворянском собрании. Во все это время около входа в Собрание на улице, где так нередко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдат под командою деятельного и распорядительного подпоручика Яни; койки и окровавленные носилки были в готовности принять раненых; в течение 9 дней мартовской бомбардировки тянулись к этому входу ряды носильщиков; вопли носимых смешивались с треском бомб; кровавый след указывал дорогу к парадному входу Собрания.

Эти девять дней огромная танцевальная зала беспрестанно наполнялась и опорожнялась; приносимые раненые складывались вместе с носилками целыми рядами на паркетном полу, пропитанном на целые полвершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцев, последние вздохи умирающих, приказания распоряжающихся громко раздавались в зале. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, беспрестанно двигавшиеся между рядами раненых, лежавших с оторванными, раздробленными членами, бледных, как полотно, от потери крови и от сотрясений, производимых громадными снарядами; между солдатскими шинелями мелькали везде белые капюшоны сестер, разносивших вино и чай, помогавших при перевязке и отбиравших на сохранение деньги и вещи страдальцев.

Двери залы ежеминутно отворялись и затворялись; вносили и выносили по команде: «На стол», «На койку», «В дом Гущина», «В Инженерный», «В Николаевскую». В боковой довольно обширной комнате (операционной)

на трех столах кровь лилась при производстве операций; отнятые члены лежали грудami, сваленные в ушат; матрос Пашкевич — живой турникет Дворянского собрания (отличавшийся искусством прижимать артерии при ампутациях) едва успевал следовать призыву врачей, переходя от одного стола к другому; с неподвижным лицом, молча, он исполнял в точности данные ему приказания, зная, что неутомимой руке его поручалась жизнь собрата.

Бакунина постоянно присутствовала в этой комнате с пучком лигатур в руке, готовая следовать на призыв врачей. За столами стоял ряд коек с новыми ранеными, и служители готовились переносить их на столы для операций; возле порожних коек стояли сестры, готовые принять ампутированных. Воздух комнаты, несмотря на беспрестанное проветривание, был наполнен испарениями крови, хлороформа, часто примешивался и запах серы; это значило, что есть раненые, которым врачи присудили сохранить поврежденные члены, и фельдшер Никитин накладывал им гипсовые повязки.

Ночью, при свете стеарина, те же самые кровавые сцены, и нередко еще в больших размерах, представлялись в зале Дворянского собрания.

В это тяжелое время без неутомимости врачей, без ревностного содействия сестер, без распорядительности начальников транспортных команд: Яни (определенного к перевязочному пункту начальником штаба гарнизона князем Васильчиковым) и Коперницкого (определенного сюда незабвенным Нахимовым), не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшим за Отечество.

Чтобы иметь понятие о всех трудностях этого положения, нужно себе живо представить темную южную ночь, ряды носильщиков при тусклом свете фонарей, направленных к входу Собрания, и едва прокладывавших себе путь сквозь толпы раненых пешеходов, сомкнувшихся в дверях его. Все стремятся за помощью и на помощь, каждый хочет скорого пособия, раненый громко требует перевязки или операции, умирающий — последнего отдыха, все — облегчения страданий.

Где можно было бы без деятельных и строгих мер, без неусыпной деятельности найти достаточно места и рук для оказания безотлагательной помощи!

Не менее деятельно, не менее неусыпно и ревностно в исполнении дел милосердия было и четвертое отделение, пребывавшее в начале мартовской бомбардировки в Александровских казармах, но скоро это пребывание оказалось опасным для раненых. Их нужно было переносить во время самой сильной бомбардировки, в первых числах апреля, из этих казарм на Павловский мысок.

Сестры — начальница Стахович, Чупати и Будберг — преимущественно отличались своим самоотвержением при этой переноске, продолжавшейся несколько дней; они разделили опасность вместе с вверенными их надзору больными. На Павловский мысок приносились преимущественно раненые с Малахова кургана и с третьего бастиона.

Бухта разделяла сестер различных отделений, но стремление к общей цели — творить дела милосердия — соединяло их неразрывно.

В удел первого отделения (под непосредственным начальством г-жи Стахович, которая должна была по обязанностям службы постоянно объезжать все отделения общины), остававшегося в это время на Северной стороне, доставлялись преимущественно раненые с Селенгинского, Волынского и Камчатского редутов.

Вскоре число сестер на Южной стороне города оказалось недостаточным; нужно было его увеличить и освежить новыми людьми; для этой цели 5 сестер первого и четвертого отделений были переведены с Северной стороны и с Павловского мыска на главный перевязочный пункт.

Из них уже две не существуют. Краузе от душевных волнений и изнурения впала в жестокий нервный бред и скончалась через 18 дней после болезни. Блюмер, кроткая и почтенная сестра, крепкая духом и телом, сделавшаяся впоследствии старшею, умерла недавно в Симферополе, заболев на ревностной службе общины.

Военные действия и беспрестанное приближение осадных батарей неприятеля к нашим бастионам требо-

вали часто перемены местопребывания и больных и сестер. Увеличившееся число раненых офицеров требовало также устройства особенного офицерского отделения. В середине марта месяца уже занят был для этой цели Екатерининский дворец, находящийся на берегу бухты у Графской пристани.

В мартовскую бомбардировку, а особенно в апреле и мае месяцах, число раненых офицеров сделалось весьма значительным, и сестре Травиной, находившейся до тех пор в Инженерном доме, был поручен надзор за этим отделением (впоследствии она уехала в Бахчисарай, а место ее заступила покойная Блюмер).

Обязанности сестер на перевязочных пунктах были многосложны и важны по их последствиям для больных и в физическом и в нравственном отношениях; не только перевязка, аптекарская часть (сохранение и раздача сильно действующих лекарств), хозяйство и надзор за содержанием больных поручались им от главных врачей, заведовавших этими пунктами, но им же предписано было академиком Пироговым получать от раненых под сохранение наградные и собственные деньги и вещи.

Надобно быть очевидцем, чтоб судить, как трудны, хлопотливы и утомительны, при большом скоплении раненых, по-видимому, самые простые и маловажные занятия. Таковы, например: раздача теплого чая и сбор денег для сохранения; надобно у каждого принять счетом, записать его имя, полк и тому подобного; особенно важна эта обязанность в отделении безнадежных: сестры, отбирая от них деньги, вместе с тем обязываются и исполнить последнюю их волю (как, например, отослать деньги их родственникам).

Последствием нападения неприятеля на Камчатский редут 26 мая было то, что много раненых прибыло на Павловский мысок и в бараки на Северной стороне; по неимению там достаточного помещения, раненые были сначала сложены на землю, и сестры первого отделения под надзором самой начальницы должны были заняться оказанием им первого пособия. Погода была тогда ветреная и сырая; нужно было предварительно согреть теплым пи-

тьем охолодевших и распорядиться по возможности о их лучшем помещении.

Сестры этого отделения во всем принимали самое деятельное участие. Но уже и прежде сего, по причине значительного накопления раненых в Николаевской батарее и на главном перевязочном пункте после мартовской бомбардировки и траншейных дел, нужно было вывести отсюда более четырехсот ампутированных на Северную сторону. Там раскинуты были вблизи барачных солдатские палатки, и ампутированные, перевезенные через бухту в баркасах, сложены на землю на матрацах. Другого, лучшего, помещения покуда не имелось в виду, а между тем свежий воздух был необходим для залежавшихся в казематированных казармах Николаевской батареи.

Вдруг сухая и ясная погода переменялась. Три дня шел проливной дождь, и в лагере сделалась глубокая грязь. Трудны были в это время занятия сестер первого отделения. В толстых солдатских сапогах, утопая в вязкой грязи, они должны были расхаживать между промоченными палатками и, стоя на коленях, раздавать чай и вино, чтобы согреть раненых, лежавших на земле один возле другого. При этих занятиях, необходимых для поддержания сил и согревания больных, сестрам едва доставало времени успевать на перевязку.

В конце мая ядра и бомбы начали сильно угрожать и Северной стороне. Вблизи барачных, около Северного укрепления и на берегу бухты падали и раскаленные ядра; еще сильнее в это время угрожаемы были разрушением перевязочные пункты в Дворянском собрании и на Павловском мыску; на дворе Инженерного и Гущина дома падали уже прежде ядра и ракеты; нужно было думать о другом помещении. Было сделано распоряжение перевести перевязочный пункт из Дворянского собрания в Николаевскую батарею, как казематированную и наиболее удаленную от выстрелов, а с Павловского мыска — в Михайловскую батарею; весь госпитальный лагерь с Северной стороны должен был удалиться далее, к Инкерманским высотам. После отбития штурма 6 июня один из перевязочных пунктов перенесен был снова на Павловский мысок.

Сестрам предоставлено было при этих перемещениях, вызванных угрожающею опасностью, право оставаться в городе под выстрелами или же переместиться на Северную сторону, в места более безопасные.

Сестра Бакунина изъявила твердое желание оставаться при главном перевязочном пункте и даже не прежде перешла из Дворянского собрания в Николаевскую батарею, как после перемещения отсюда всех раненых. Она присутствовала в здании, угрожаемом беспрестанно разрушением от падающих бомб, до тех пор, пока все больные были вывезены в Николаевскую батарею, и продолжала свое служение здесь до отступления войск наших на Северную сторону, 27 августа. Передав еще в мае месяце старшинство свое сестре Лоде (остававшейся на Южной стороне с мая до конца июля и потом отправившейся в Бахчисарай), сестра Бакунина, наравне с другими девятью сестрами, продолжала свое бескорыстное служение на пользу раненых с таким же одушевлением и с тем же самоотвержением, какие отличали ее с самого ее вступления в общину.

После отбытия академика Пирогова из Крыма, в начале июня месяца, община была подчинена начальнику севастопольского гарнизона графу Остен-Сакену. Знаменитый военный начальник, несмотря на многочисленность своих занятий, в самое критическое время осады принимал постоянное и искреннее участие во всех делах общины и тем много содействовал к достижению благой цели.

С перемещением перевязочных пунктов в начале июня третье отделение разделилось и поступило с Павловского мыска на другие перевязочные пункты (Будберг — в Николаевскую батарею, как старшая, а другие сестры — в бараки Северной стороны).

С этого времени раненые, поступавшие на Павловский мысок, до конца осады находились уже не на руках сестер; невозможно было найти для них достаточного помещения в этих казармах (находившихся постоянно под выстрелами неприятельских батарей, около Малахова кургана), даже и для операций, производившихся под

руководством ревностного врача Неводовского¹, а потом неутомимого и искусного хирурга доктора Дземешкевича² (оставшегося безвыходно на этом перевязочном пункте до взрыва батареи); едва можно было найти безопасное место в сыром и темном погребе, под сводами.

После отбитого штурма большая часть раненых была перевезена через бухту на перевязочный пункт в Михайловской батарее, где находился вновь устроенный перевязочный пункт, с одним отделением сестер под начальством Ушаковой³ и ее помощницы, молодой, но весьма ревностной сестры Башмаковой; они оставались здесь постоянно до 26 августа. Но вскоре оказалось место это неудобным для перевязочного пункта тем более, что оно было и небезопасно (доказательством служит сестра Васильева, которая на Михайловской батарее была контужена, на службе, осколком бомбы в предплечье, с переломом двух костей, и ранена в висок также осколком).

Снова начали приносить раненых с бастионов на Николаевскую батарею. Снова устроился здесь главный перевязочный пункт; раненые оставались здесь по нескольку дней и даже недель и, потом уже, перевозились на Северную сторону. Врачи, прикомандированные из флота и из полков гарнизона, производили здесь операции и другие хирургические пособия под руководством ревностного и деятельного профессора Киевского университета Гюббенета⁴.

¹ Неводовский Мелик Семенович (1821—?) — ученик Пирогова по Медико-хирургической академии в Петербурге, работал под его руководством в клинике 2-го Военно-сухопутного госпиталя в Петербурге.

² Дземешкевич Мартын Петрович (1824—1863) — ученик Пирогова по Медико-хирургической академии в Петербурге, работал под его руководством в клинике 2-го Военно-сухопутного госпиталя в Петербурге; в Севастополе был контужен в лоб.

³ Ушакова не значится в сводном списке сестер милосердия, работавших в Крыму.

⁴ Гюббенет Христиан Яковлевич (1822—1873) — хирург. После защиты в Дерпте докторской диссертации (1847) определен адъюнктом по государственному врачеведению в Университете святого Владимира. В Крымскую кампанию состоял при севастопольском гарнизоне. Написал «Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854—1856 гг.».

Сестры под начальством почтенной сестры Будберг (в том числе и Бакунина) продолжали неусыпно действовать. Сестра Будберг, желая дать хотя небольшой отдых уставшим и изнуренным сестрам, хотела прекратить ночные дежурства; но неутомимая Бакунина не захотела отдыхать и продолжала дежурить ночью, с некоторыми другими сестрами, до самого окончания осады.

В июле месяце бомба разрушила, наконец, танцевальную залу Дворянского собрания, которая так долго служила вместилищем раненых и главным местом хирургических пособий.

В это время в Николаевской батарее сосредоточивалась почти вся административная, врачебная и коммерческая часть Севастополя. Штаб графа Сакена, местопребывание многих других военноподначальников, дежурства, церковь, казармы, лавка, перевязочный пункт, госпиталь, аптека (заведываемая Н. П. Корвовским, который с самого начала и до конца осады снабжал лекарствами и перевязочный пункт и госпитали, работая под бомбами в своей лаборатории) — все помещалось в одной Николаевской батарее. Зато и теперь еще, как будто в благодарность за приют, стены ее пощажены разрушением и, закоптелые, грустно смотрят на Северную сторону Севастополя!..

А зданий на Павловском мыску уже не существует: они разрушены взрывом до основания; почти не существует и Дворянского собрания, — не своды, а providение долго хранило его стены, пронизанные теперь бомбами и ядрами.

С июня месяца, после перемещения перевязочных пунктов, возникли также и другие перемещения раненых и сестер.

Так, с 6 июня организовалось новое офицерское отделение на батарее № 4, на Северном берегу бухты; в нем главным врачом был доктор Тарасов, отправившийся по собственному желанию в Севастополь с третьим отделением общины (вместе с врачами Ребергом и Дмитриевым) на иждивении ее императорского высочества. Этот деятельный врач, находившийся сначала при главном перевязочном пункте в Дворянском собрании, вместе с академиком Пироговым усердно заботился о надлежащем

размещении общины; почти до самого окончания осады (26 августа) он имел под своим наблюдением постоянно до сорока человек раненых офицеров и успел снискать их доверие и любовь.

При нем находилась сначала сестра Григорьева, переведенная из дома Гущина, а потом сестра Линская; надзор за хозяйственной частью госпиталя поручен был этим двум ревностным сестрам, уже и прежде заведовавшим хозяйственной частью (в доме Гущина — сестра Григорьева, а на Николаевской батарее — Линская).

Далее, в начале июля месяца, устроился лагерный госпиталь, состоящий из больших госпитальных палаток, в шести верстах от Севастополя, на Бельбекской долине. Главная начальница общины г-жа Стахович, ее помощница сестра Гординская (сестра Гординская постоянно имела на сохранении деньги и вещи больных и отличалась ревностью и распорядительностью в исполнении своих обязанностей), со многими сестрами первого, четвертого, с некоторыми сестрами второго отделения и с несколькими вновь прибывшими, поместились при этом госпитале в палатках и татарских саклях.

Сюда привозились из Северной и Южной сторон города раненые после того, как им уже была оказана помощь, для дальнейшего лечения. Отсюда сестры ездили на перевязку в лагерный госпиталь, расположенный на Инкерманских высотах (в трех верстах от Севастополя), куда в конце июля было послано одиннадцать сестер, под начальством Чупати, на постоянное жительство; отсюда же главная начальница общины объезжала различные ее отделения. Отсюда, наконец, были посланы, во время дела 4 августа, четырнадцать сестер на Мекензиеву гору, где они пробыли несколько дней, перевязывая раненых, ассистируя врачам при хирургических операциях, раздавая белье, теплое питье, вино и проч. После перевозки раненых с Мекензиевой горы в госпиталь Дуванский и в Симферополь сестры возвратились снова на Бельбек.

Итак, в это время до самого окончания осады, община была размещена в следующих местах: 1-е) восемь сестер под руководством Будберг и Бакуниной (которая, хотя сложила с себя старшинство, но не переставала иметь нрав-

ственное влияние на сестер) на Николаевской батарее, на Южной стороне города; 2-е) одна сестра — в Екатерининском дворце также в самом городе (бывшее офицерское отделение), куда было перенесено тогда гангренозное отделение; 3-е) пять сестер под начальством инокини Ушаковой — на Михайловской батарее на Северной стороне города; 4-е) одна сестра на батарее № 4-го, также на Северной стороне, при офицерах, под руководством доктора Тарасова; 5-е) в Северном укреплении, при раненых морских офицерах, — Селиванова¹ (весьма ревностная сестра, заслужившая одобрение и признательность почти всех лежавших там моряков) и Сапрановская; 6-е) одиннадцать сестер в лагерном госпитале, на Инкерманских высотах под начальством Чупати, и, наконец, 7-е) все остальные сестры, находившиеся вместе с главной начальницей общины в шести верстах от города, на Бельбеке.

Сверх того, еще пять отрядов общины находились в это время в Бахчисарае: под начальством сестры Лоде семь сестер в госпитале, расположенном в ханском дворце; в Симферополе пять сестер, в морском лагерном госпитале, под начальством Травиной, уехавшей из Севастополя в начале мая месяца; в Перекопе три сестры под руководством старшей сестры Щедриной. Эти два отделения общины имели постоянно (с января месяца 1855 г.) на своем попечении раненых, транспортированных из Севастополя, и были размещены в различных госпиталях обоих городов.

Сестра Щедрина с неусыпной деятельностью, с необыкновенною распорядительностью, с редким самопожертвованием оставалась с самого поступления ее в общину верною своему призванию. Община в Херсоне преимущественно успела освоиться с внутренним бытом госпиталей, благодаря неусыпным трудам Щедриной и попечениям главного доктора Гебгардта (недавно скончавшегося на руках этой добродетельной сестры к общему сожалению всех его знавших). Таково было размещение общины до самого оставления Южной стороны Севастополя — 27 августа.

¹ Селиванова не упоминается в списке сестер милосердия.

Бакунина была последняя из сестер, вышедших через мост из Севастополя на Северную сторону. В день 27 августа старшая сестра Будберг получила контузию в левое плечо осколком бомбы, провожая одного тяжелораненого на перевязочный пункт в Николаевскую батарею. Она же и сестра Смирнова 2-я получили 26 августа значительные контузии осколками стекол на батарее, разбившихся от взрыва шаланды, нагруженной порохом и стоявшей у Графской пристани; сестра Смирнова при этом едва не лишилась зрения, а сестра Будберг была завалена обломками выпавших от сотрясения окон; один из ампутированных, за которым она ухаживала, поспешил к ней тотчас же на помощь.

Во время самого отступления сестра Будберг, обремененная ношею (она спасала пожитки общины и деньги, принадлежавшие раненым), едва не упала на мосту от усталости и утомления.

После отступления изменилось снова размещение сестер. Главная их деятельность сосредоточилась в лагерных госпиталях, расположенных на Инкерманских высотах и на Бельбеке. В первом они действовали под руководством неутомимой и распорядительной сестры Чупати; во втором — под руководством самой начальницы Стахович. Перевязочный пункт на Павловском мыску под начальством доктора Дземешкевича был переведен после всех на Северную сторону, почти непосредственно перед взрывом батареи.

Перевязочный пункт на Михайловской батарее и офицерское отделение в батарее № 4 закрылись; вся врачебная деятельность сосредоточилась в двух лагерных госпиталях на Инкермане под начальством опытного хирурга доктора Рудинского и на Бельбеке, куда переехал с Павловского мыска и доктор Дземешкевич. Больные не имели другого приюта, как в госпитальных (суконных) и солдатских (парусинных) палатках и были расположены на матрацах и войлоках, постланных на землю. Только некоторые раненые штаб-офицеры находили приют в полуразрушенных татарских саклях.

Время стояло ветреное, холодное и дождливое. Сестрам было много дела; их занимала преимущественно раздача

сухого белья из цейхгауза общины, теплого чая, вина — все из пожертвованных средств общины и Комитета [...].

Перевязка раненых производилась нередко на открытом воздухе под дождем, стоя на коленях в грязи или на мокрой земле. Преимущественно отличалось в это время отделение сестры Чупати на Инкермане, куда свезена была большая часть раненых после последнего штурма, и где производилось до восьмидесяти и ста операций в день, при пособии сестер под руководством начальствовавшего перевязочным пунктом доктора Рудинского.

В это время прибыл на Бельбек и академик Пирогов; объезжая оба отделения, он был очевидцем и свидетелем ревностного служения сестер. В это же время, заметив все трудности и лишения больных, тысячами транспортированных из Инкермана, с Северной стороны и из Бельбека в Дуванку, Бахчисарай и Симферополь, он предложил общине преимущественно заботиться об участии транспортируемых, — и это предложение служило началом к образованию существующего теперь транспортного отделения сестер Крестовоздвиженской общины.

Наконец, управившись с тысячами раненых, лагерный госпиталь на Инкермане снялся: почти все раненые из Бельбека свезены были в Бахчисарай и Симферополь. Это было уже в половине сентября. Тогда почти все сестры переехали также в Бахчисарай; только три из них под руководством сестры Линской остались на Бельбеке.

С конца сентября распределение сестер опять изменилось. Вследствие сосредоточения врачебной деятельности в Симферополе по случаю скопления там самого большого количества больных и раненых (до 13 000), деятельность сестер также сосредоточилась в этом городе, где до сих пор действовали неутомимо одни сердобольные¹.

В это же время произошло значительное изменение в самом составе общины. Главная начальница г-жа Стахович, по случаю расстроенного здоровья, от перенесенной ею болезни и от трудов, с разрешения ее императорского высочества высокой покровительницы общины,

¹ Сердобольные — вдовы из отряда императрицы, находившиеся также под руководством Пирогова.

вместе с сестрами первого и второго отделений, уставшими от продолжительных занятий, выехали в Санкт-Петербург. Управление общины государынею великою княгинею вверено начальнице сердобольных одесских сестер Екатерине Александровне Хитрово, с званием (имеющим высокое значение) сестры-настоятельницы. Взамен выбывших сестер в состав общины вошли новые лица, вновь прибывшие из Санкт-Петербурга под надзором старшей сестры Карцевой. Кроме того, некоторые из усерднейших сестер первого, второго и третьего отделений, несмотря на понесенные ими труды, увлеченные своим высоким призванием, остались в среде общины на второй год.

Академик Пирогов, которому ее императорское высочество изволила снова поручить общину в полное распоряжение, при помощи неутомимо деятельной сестры-настоятельницы Е. А. Хитрово и при пособии сестер Е. М. Бакуниной и Е. П. Карцевой, сделал следующие усовершенствования в занятиях общины:

а) Принял под надзор, исключительно, раненых и ампутированных, помещенных в госпитальных бараках Симферополя. Сестры под управлением старшей сестры Карцевой во время дежурств разделились, как и прежде, на три разряда — на хозяйек, аптекаршей и перевязывающих, так что на каждый барак приходилось по три сестры; из них одной сестрою-настоятельницею поручается наблюдение за порядком на полную ее ответственность. Согласно с таким разделением сестры действуют в госпиталях по особенной им сообщенной инструкции, в которой кратко изложены все их обязанности. Являсь на дежурство, все сестры поступают под надзор одной старшей сестры Карцевой, на которой лежит ответственность за всех пред сестрою-настоятельницею. Дежурные сестры обязаны вести журнал всем замеченным ими недостаткам или упущениям по службе. Продежуривав в течение суток, они сменяются новыми сестрами и отправляются снова в дом общины, где опять поступают под надзор сестры-настоятельницы.

б) Все действия общины, все суждения о действиях, способностях и нравственности сестер, все изменения

в служебной их деятельности решаются теперь сестрой-настоятельницей в комитете, состоящем, под ее председательством, из духовного пастыря, врача общины и старших сестер; решение комитета вносится в протокол, посылаемый на рассмотрение высокой покровительницы общины. Этою мерою все действия общины, устремленные на пользу ближних, делаются более отчетливыми и приобретают более значения через беспристрастное и многостороннее обсуждение их главными членами общины.

в) При постоянных транспортах раненых и больных из Симферополя в более или менее отдаленные города России явилась потребность в новых услугах сестер — наблюдать за больными и ранеными во время пути. Высокая покровительница общины, вследствие донесения академика Пирогова, изволила учредить особое отделение сестер под названием транспортного, которое вверено распоряжению старшей сестры Бакуниной; две или три сестры под надзором старшей, с достаточным запасом перевязочных вещей, медикаментов, чая, сахара и белья, в настоящее время сопровождают транспорты до Перекопа, Берислава и Екатеринослава, зорко следя за тем, чтобы транспортируемые не терпели на пути никаких недостатков.

Необходимость и несомненная польза этого учреждения уже оправдываются теперь на деле. Хотя число сестер не позволяет им сопутствовать почти ежедневным транспортам больных из Симферополя в Перекоп, однако уже шесть раз сестры провожали более значительные из транспортов и преимущественно раненых и ампутированных; четыре раза под надзором старшей сестры Бакуниной до Перекопа, Берислава и Екатеринослава; один раз под наблюдением сестры Медведевой и один раз под наблюдением сестры Травиной, до Перекопа.

Каждый раз отправлялось по три сестры (на лошадях, купленных на иждивение благотворительного комитета, находящегося под покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Александровны); каждый раз они оставались на пути не менее десяти дней, сопровождая транспорт, идущий на волах

или крестьянских подводах, от одного этапа на другой; размещались на этапах так же, как и самые больные, в татарских саклях, раздавая больным теплое питье и лекарства, по назначению врача, перевязывая раненых и проч.

Обязанности сестер транспортного отделения весьма трудны, хлопотливы и однообразны. Проводить целые дни и даже недели в холоде и сырости; вязнуть в грязи на проселочных этапных дорогах; наблюдать за больными, рассеянными в этапных аулах, иногда на протяжении одной и более верст, не всегда имея достаточно средств помочь больным при внезапных переменах болезни; едва возвратившись назад, снова пускаться в знакомый путь, — вот в чем состоит транспортная служба сестер Крестовоздвиженской общины. Нужно иметь крепкое здоровье, самоотвержение и постоянство нрава, чтобы совершать это дело милосердия, не громкое, не лестное для суеты, но существенно полезное для бедствующих больных. Сестры транспортного отделения обязаны замечать все недостатки и нужды больных, ведя журнал, который по возвращении они доставляют сестре-настоятельнице или предлагают на рассмотрение в комитет. Несмотря на краткость времени, сестры во время транспортов уже успели оказать многие услуги к улучшению быта транспортируемых больных. Проводя целые часы и ночи вместе с больными на этапах, они легче могли заметить некоторые упущения и способствовать их устранению.

Итак, в настоящее время Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых, находящаяся в Крыму и Херсонской губернии, состоит из следующих отрядов, управляемых сестрой-настоятельницею и созываемым ею временным комитетом:

- 1) Главный отряд в Симферополе, состоящий из двадцати восьми дежурных сестер в двух госпиталях Симферополя (в которые перевезены теперь труднейшие раненые и ампутированные из барачков), под надзором старшей сестры Е. П. Карцевой.

- 2) Отряд транспортного отделения, состоящий из пяти сестер под надзором старшей сестры Е. М. Бакуниной.

Сестры обоих отрядов помещаются в особенном доме, занимаемом общиною в Симферополе, вместе с сестрой-настоятельницею Е. А. Хитрово. В этом же доме находится и главный цейхгауз общины, в котором сохраняются под надзором одной из сестер все пожертвованные ее императорским высочеством и другими частными благотворителями в пользу раненых и больных предметы, как-то: белье, обувь, посуда, чай, сахар, вино, медикаменты и перевязочные вещи, отпускаемые в различные госпитали по письменным требованиям сестер и ординаторов.

3) Отряд в Бахчисарае, состоящий из девяти дежурных сестер под надзором старших сестер Будберг и Чупати; им поручено хождение за больными в госпиталях Дворца, в лагере и на Оазме.

4) Отряд из трех сестер под надзором сестры Линской на Бельбеке.

5) Отряд из шести сестер в Перекопе, под управлением старшей сестры А. И. Травиной.

6) Отряд из двадцати шести сестер в Николаеве.

7) Отряд из двадцати сестер в Херсоне, оба под управлением сестры В. И. Щедриной.

При всех этих отрядах находятся также небольшие цейхгаузы в распоряжении сестер.

Умерли при исполнении своих обязанностей, верные своему призванию, с декабря 1854 г. по 1 января 1856 г. семнадцать сестер: Аленева, Ждановская, Шперлинг, Эрберг, Кузнецова, Протопопова, Голубцова, Краузе, Лашкова, Белоускова, Якушева, Алферова¹, Блюмер, Булгарова, Фуфаева, Данилевская и Зарубаева.

Настоящие и прошедшие события предвещают будущее. Будущее Крестовоздвиженской общины предзнаменуют действия ее сестер, изложенные здесь без всякого пристрастия правдолюбивыми очевидцами и заслуживающие остаться в памяти современников. Пусть грядущее поколение судит, в какой мере община при самом ее начале осуществила благую мысль высокой покровительницы ее и сделалась достойною цели ее учреждения.

¹ Алферова не значится в списке сестер.

VI. ПИСЬМА К Е. М. БАКУНИНОЙ¹

№ 1

18 января 1856. С.-Петербург

Почтеннейшая сестра Екатерина Михайловна!

Военное начальство желает иметь сестер в различные госпитали Южной армии. Великая княгиня решила послать 22 сестры только в следующие четыре госпиталя: в Вознесенск² (пять сестер), в Тульчин³ (пять), Новоодесск⁴ (пять), в Одессу (семь). Вы же писали, от 2-го января, что есть много желающих вступить в общину. Этим нужно воспользоваться, и ее императорское высочество поручила мне написать вам, чтобы вы принимали сестер на следующих условиях.

Первый месяц они должны оставаться в своем платье и белье. Через месяц получают платье и белье общины. По крайней мере, один год они должны оставаться на испы-

¹ Подлинники не найдены. Все эти письма тесно связаны с деятельностью Пирогова в Крыму. В них выражены взгляды гениального хирурга на роль медицинских сестер в военных госпиталях, изложено мнение Пирогова о дальнейшем развитии института медицинских сестер.

² Вознесенск — город областного значения в Николаевской области Украины, административный центр Вознесенского района.

³ Тульчин — город на юге восточного Подолья, административный центр Тульчинского района Винницкой области.

⁴ Ныне Новая Одесса (укр. Нова Одеса) — город районного значения в Николаевской области Украины.

тании без креста, занимаясь под руководством старших сестер в госпиталях и живя общиною.

Через год получают крест, а некоторые отличившиеся или же известные досконально своей ревностью, хорошим поведением, образованием и пр., — и прежде того. Желющие поступить из высшего сословия по влечению или по внутреннему призванию составляют, разумеется, исключение из этого правила. Так как трудно найти разом 22 надежных сестры для госпиталей, отдаленных от центра общины, то, очевидно, лучше снабдить их, по крайней мере, такими женщинами, которые — в случае неудачного выбора — не могли бы запятнать общину, ненося еще на себе ее высокого символа и не будучи еще, следовательно, настоящими сестрами.

Наберите таких десять или двенадцать, остальные будут присланы в Москву из петербургской общины; набрав, оставьте их в екатеринославских госпиталях под надзором тамошней старшей сестры (которую хочет выслать Е. А. Хитрово; это, кажется, будет Башмакова), а сама отправьтесь, по вашему желанию, в Москву, где найдете и остальных десять или пятнадцать (которые будут посланы из Петербурга туда); повидавшись с вашими почтенными родственниками, отвезите этих десять или пятнадцать сестер опять в Екатеринослав, возьмите здесь и остальных десять, которые покуда приучатся к госпитальным занятиям, и развезите их в сказанные четыре госпиталя: Тульчин, Новоодесск, Одессу и Вознесенск, и поместите в них, следуя известным вам взглядам о цели и направлении общины.

Это, кажется, будет сообразно вашему желанию; вы желали (в письме от 2 января ко мне) отдохнуть немного и повидаться с родственниками вашими в Москве и вместе с тем побывать с сестрами и в других госпиталях. Ваша опытность, ваш справедливый и высокий взгляд на цель и направление общины служат залогом, что вы поставите и новые отделения на хорошую ногу и будете тем полезны ей; вы же можете определить и выбор старших сестер для этих отделений.

Займитесь этим делом с свойственной вам ревностью; вы видите, что обстоятельства требуют разделения общины на множество отделений, контроль которых де-

лается все труднее и труднее; без содействия опытных и ревностных сестер, как вы, община легко может уклониться от предназначенной цели; итак, примитесь с богом за дело вам уже известное; результат будет тогда несомненный, только не оставайтесь долго в Москве.

В Екатеринославе вы верно еще дождетесь кн. Долгорукова, назначенного на место гр. Велигорского, и с ним можете также переговорить о делах общины; он человек благомыслящий и доброжелающий. Прощайте, храни вас Бог.

Вам преданный от души *Н. Пирогов*.

№ 2

1856, февр[аля] 9. С.-Петербург

Почтеннейшая сестра Екатерина Михайловна. Община, которая столь многим обязана вашему усердию, находится теперь, по смерти нашей незабвенной настоятельницы¹, опять без руководителя. Сестра Карцева, которая подавала столько надежд, также лежит больная в тифе.

Все, что нашими общими усилиями удалось ввести в общину для направления ее к высокой цели, может легко и неовозвратно исчезнуть. Вы остались еще одна в настоящее время из всех, которая может поддержать истинное значение общины и руководить ею предположенным и известным вам путем.

От имени ее высочества, высокой покровительницы благого дела, я предлагаю и даже требую от вас, как святого долга: возьмите на себя управление общиною. Не отговаривайтесь и не возражайте; здесь скромность и недоверие неуместны; забудьте на время все ваши частные отношения для общего дела. Я вам ручаюсь, вы теперь необходимы для общины как настоятельница. Вы знаете ее назначение, вы знаете сестер; вы знаете ход дел; у вас есть и благонамерение, и энергия. Ваши недостатки вы знаете лучше меня, а кто хорошо себя знает, для того это знание лучше совершенства. Вы знаете также, как я вас уважаю и

¹ Е. А. Хитрово умерла 2 февраля 1856 г.

люблю, знаете также мою привязанность к общине, и потому я уверен, что мое предложение будет вами принято беспрекословно. Не время много толковать — действуйте. Ее императорское высочество желает, чтобы вы, приняв на себя звание настоятельницы и управление общиною, как можно скорее приехали сначала к нам в С.-Петербург на короткое время, а потом бы уже отправились также для короткого, так вами желанного, отдыха в Москву. Но ради бога не медля и решительнее! Решительности, впрочем, вас учить не мне. Итак, с богом, почтенная Екатерина Михайловна, приезжайте скорее сюда. Спешите.

Вас искренно уважающий *Н. Пирогов*.

№ 3

Одесса [1857 г.?¹]. 14-го дня

Почтеннейший Василий Иванович² и почтеннейшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна! — Я нарочно пишу к вам обоим вместе одно послание, как к двум самым главным столпам Крестовоздвиженской общины, и, увы! вместе с вами же должен горевать о предстоящей ей будущности. Слишком быстро принимает она громадные размеры; громадное в России быстро деморализуется. Но чем труднее обстоятельство, тем тверже надо противостоять.

Я вижу из письма Екатерины Михайловны, что ей подчас невесело бывает, но как же быть? Не бросать же из-за этого все хорошее, не бросать же все будущее вон из окна, потому только, что настоящее не слишком утешительно! Я знаю, вы ответите: и в будущем нет ничего привлекательного! Но будем осторожнее в суждениях о том, что не всегда совершается по неизбежным законам ума и опыта. Как бы, с одной стороны, ни было грустно, что такое великое дело, как введение женского надзора в наши госпитали, при самом

¹ Вопросительный знак в дате — Бакуниной, месяц — не назван; по контексту «Воспоминаний» это весна.

² Тарасов Василий Иванович (1801—1877) — врач общины.

его начале начинает уже хромать и портиться — все-таки сделан шаг вперед. И как бы ни было сильно противодействие, как бы плохо благая цель ни исполнялась — твердый характер, благородство души и прямодушные настоятельности еще много успеют сделать и, по крайней мере, не допустят заплесневшее перейти в гнилость.

Я, впрочем, боюсь теперь не столько противодействия для общины со стороны госпитального начальства, сколько другого — деморализации от лести и интереса. Не все будут так трусливы, как главный доктор московского госпиталя, который уже теперь общину величает тайным обществом и хочет ее передать в руки тайной полиции; найдутся люди поумнее; петербургские госпитальные дипломаты будут иначе действовать; они лучше знакомы со слабостями человеческой природы.

Если община будет, наконец, введена в военные петербургские госпитали, то я бы советовал поручить их непременно Елизавете Петровне [Карцевой], — никому другому. Напишите мне, ради бога, что придумает комитет министров и как он определит отношения общины к военным госпиталям; это, конечно, еще не главное (главное — каковы будут сестры), но из этого можно уже будет видеть, разнюхали ли они, в чем состоит дело. Вам надобно было вступить в переговоры с русскими пиэтистками; из этого класса надобно было бы привлечь кандидаток для общины; между ними есть, правда, много ипокритства¹; но это из всех пороков сестер есть еще самый простительный — слишком строгими в выборе вам теперь уже нельзя быть поневоле! Постарайтесь теперь, по крайней мере, при предстоящих средствах улучшить материальную сторону сестер и хотя через это сделать их менее доступными к деморализации; а то, вы увидите, будут брать взятки!

Ко мне приходят нередко сестры, бывшие в общине у сестры Щедриной, плачутся на горькое их положение. Одна из них — известная Е. Ал. Хитрово, фамилии не припомню — особенно жаловалась на Щедрина и говорила, что община ее руинировала² совершенно; одну, с лишаем на носу, мы

¹ Лицемерие (устар.).

² Руинировать — приобретать вид руин; разрушаться.

кое-как выпроводили в Киев; одна, которая просила великую княгиню об определении ее сына в школу, была у меня. Я уже два раза писал градоначальнику Алопеусу¹, чтобы он поместил ее сына в приют; у нас в училище нет вакантных и казенных мест, но ответа еще не получал.

Что касается до Одессы, то в настоящее время ее характеризуют три превосходных качества: грязь, воровство и дороговизна. Первое оттого, что для мощения улиц употребляют вместо камня муку; второе — благодаря усилиям Воронцова и Федорова² — населить край беспаспортными; а третье уж бог знает почему, говорят — будто бы война [...].

Сделайте одолжение, похлопочите переслать фрейлине Раден мое письмо³; но, пожалуйста, через верные руки, через курьера, и поскорей из придворной конторы.

Надеюсь, что ни Екатерина Михайловна, ни вы меня не забудете и будете оба меня извещать, а я, если не делом, то словом, или чем могу, остаюсь вам верным и готовым для вас вам навсегда преданный

Н. Пирогов.

№ 4

Одесса. 5 августа 1857 г.

Почтеннейшая Екатерина Михайловна.

На первый ваш вопрос я уже, кажется, несколько раз вам отвечал: если от общины и ее настоятельницы будут требовать того, что, по вашим глубоким убеждениям, невозможно исполнить, или того, что противно идее, со-

¹ Алопеус Федор Давыдович — одесский градоначальник (1856—1857); заботился об Александровском сиротском приюте, благодаря его ходатайству 88 торговых лавок были устроены на площади старого базара и составили, вместе с местами, на которых они были сооружены, полную собственность приюта.

² Федоров Павел Иванович (1791—1855) — генерал от инфантерии, Николаевский, Севастопольский и Бессарабский военный губернатор, сенатор.

³ Такое письмо неизвестно.

ставленной вами об устройстве и обязанностях учреждения, то откажитесь.

Мне, как я думаю, хорошо известны и ваши хорошие качества, и ваши недостатки (у кого их нет); но я никого другого не знаю, кому бы можно поручить нравственное и служебное заведывание общиной. Если же нашлось бы другое лицо, которое по вашему убеждению, или по убеждению высшего начальства общины, может лучше вашего устроить ее на будущее время и дать ей более прочное жизненное начало, то передайте с радостью этому лицу ваши права.

У вас будет довольно для этого и самоотвержения, и благородства души, и беспристрастия, и истинной любви к начатому делу. Я знаю очень хорошо, что вы не можете сообщить общине характер формально-религиозного учреждения; но вашим примером действий и вашей любовью к делу вы можете, конечно при благоприятных условиях, сообщить ей известный нравственный характер.

Итак, если великой княгине угодно будет сделать из общины религиозный орден, то вы навряд ли успеете способствовать к достижению этой цели; но ваша честность, прямотушие, усердие к делу и опытность более чем достаточно придать истинно нравственный характер учреждению, если захотят ограничиться только таким направлением именно.

На второй вопрос отвечаю: да. Настоятельницей в настоящее время может быть избрано и лицо, не находившееся до сих пор в общине, а постороннее. На будущее же время, если бы удалось общине укрепиться и духом и телом, выбор, по моему мнению, должен бы быть непременно ограничен, и кандидатки должны бы быть избираемы из среды общины.

Теперь же очевидно, что *terrain*¹ общины еще недостаточно разработан для того, чтобы доставлять материал, необходимый для образования настоятельницы (вы употребили слово начальница, которое, как вы знаете, я и Екатерина Александровна Хитрово вычеркнули из прежнего статута общины).

¹ Почва, основа (лат.).

Третий вопрос — о протестантизме и католицизме — тогда только может быть решен положительно, когда окончательно решат, какое направление, или какой характер, должен быть дан общине. Если религиозно-орденский, то, конечно, должны быть принимаемы одни православные; если же чисто нравственно-филантропический, то странно бы было ограничивать выбор одними православными.

Я что-то сомневаюсь, чтобы у нас и в наше время можно было с успехом сделать из общины религиозный орден. Во-первых, наше православие как-то худо клеится с орденскими учреждениями; оно не довольно самостоятельно для этого; во-вторых, вообще в наше время нельзя учредить хорошо того, что так хорошо учреждалось в средние века или за три-четыре столетия до нас. Впрочем, если бы уже пошло на то, чтобы дать общине орденский характер, то, мне кажется, удобнее бы было определить для этой цели один из женских монастырей. Иначе, как вы хотите временно посвятивших себя служению больным сделать истинными и ревностными членами религиозно-орденского учреждения?

Во всяком случае, при этом направлении непременно нужно будет требовать, чтобы сестры оставались навсегда сестрами, будут ли они монахини или нет.

Наконец, то же самое должно сказать и о четвертом вопросе *l'ordre de la journée*¹.

При орденском направлении общины необходимо самое точное распределение времени как служебного, так и внеслужебного; вся жизнь вступивших в орден должна идти по ниточке. Другое дело, если община останется только чисто нравственным филантропическим учреждением; в этом случае я не вижу необходимости слишком вмешиваться во внеслужебное время сестер; это было бы ни к чему не ведущее насилие личности; достаточно, если настоятельница будет вполне убеждена, через точное наблюдение, что внеслужебное время употребляется сестрами с хорошою целью и прилично их званию.

Итак, вы видите, что, по моему мнению, все зависит от того, как решится коренной вопрос о характере об-

¹ Порядок, распределение дня (фр.).

щины. Я сам клонюсь более на сторону нравственно-филантропического направления, и думаю, что оно более соответствует духу и потребности нашего времени [...].

Вам навсегда и всегда преданный, вас искренно уважающий

Н. Пирогов.

Прочтите это письмо и В. И. [Тарасову]. Поклонитесь ему от меня от души; я ему скоро также надеюсь написать. Жена вас от души обнимает.

№ 5

9-го октября [1857 г.¹]. Одесса

Почтеннейшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна. Из писем ваших ясно видно, что вы в разладе с вами же самими. Избегайте видеть одну только худую сторону. И не хочу этим сказать, что от худого должно закрывать глаза. Нет, смотрите худому прямо в глаза, знайте всю его подноготную, но не выбрасывайте из окна и хорошего. Очевидно, что община, которой вы служите настоятельницаей, не могла по ее происхождению, развитию и всей обстановке быть тем, чем она должна бы была быть. Но разве она уже действительно так худа и безобразна, и ненормальна, что должна непременно разрушиться. Разве вы сами (вы знаете, я льстить не люблю), разве Елизавета Петровна [Карцева] и еще две-три сестры обязаны не общине обнаружением своих достоинств?

Не будь общины, и все эти личности скрывались бы в хаосе общества. Община еще далеко не исполнила всех ее высоких обязанностей, далеко еще не достигает цели, но все-таки она сделала многое нежданное, до ее основания невиданное, и эту хорошую сторону общины надо постоянно иметь в виду и, имея в виду, идти, идти и идти вперед, не скрывая худого, поставляя его всем на вид, с искренним желанием его исправить. Поверьте, при этом

¹ Вопросительный знак — Бакуниной, год проставлен ею верно.

прямом и испытанном уже способе смотреть на общественные учреждения, рано или поздно все пойдет на лад.

О! если бы все худое можно было разом с корнем вон выкинуть! Когда нельзя, то уцепимся обеими руками, ногами и зубами за хорошее, если бы даже оно так было мало и ломко, как соломинка; будем мучиться, сдерем кожу с рук и ног, искрошим зубы, но не выпустим того, за что раз ухватились. Больше ничего вам не умею сказать в утешение. Мне кажется, что при настоящем развитии общины вам бы можно было учредить, хоть для 3-х, для 4-х сестер, искус, да порядочный, чтобы испытать, не удастся ли образовать еще две, три замечательные и дельные личности.

Неужели в целом русском царстве не найдется двух или трех, которые бы со славой выдержали трудное испытание, в которых бы не запала мысль о высоте дела и цели, в которых бы не пробудилось сознание, что можно жить и другой жизнью, не похожей на ежедневную? Я все еще не потерял эту веру и равно верю в зло и в добро, врожденное человеку. А если вам удастся, несмотря на все препятствия, образовать через нравственный искус вашими стараниями и наблюдениями таких двух, трех избранных, то вы уже исполнили ваше призвание и должны будете благодарить только Бога, что он послал вас туда, где вы были нужны.

Не предавайтесь отчаянию и безверию в хорошее, это — модная болезнь нашего общества, очень понятная, неизбежная, чисто нервная, и, как все нервные болезни, требующая воли со стороны больных, чтоб ей не совсем поддаться. Пусть же покуда большая часть сестер занимается себе, худо ли, хорошо ли, в госпиталях, но выберите двух, трех, возьмите их под свое крыло, растолкайте, разбудите, испытайте в тиши, но глубоко; может быть, бог и поможет вам; это будет самая прекрасная сторона вашей деятельности в пользу общины и всего человечества, а вам в утешение на трудном пути.

Еду в Екатеринослав и Таганрог завтра.

Надеюсь вернуться через три недели. Не забывайте меня. Жена вам кланяется, и скоро соберется сама вам написать; она благодарит вас за Алексею.

Вам преданный *Пирогов*.

Одесса. 18 апр[еля] (1858?¹)

Почтеннейшая сестра-настоятельница, Екатерина Михайловна. Я вам давно не писал, потому что был по горло занят и делом, и бездельем. Для чего вы это все грустите? Вы знаете:

*Кто все плачет, все вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем,
Тот науки жить не знает...*²

Полноте! Если б я вздумал вздыхать обо всем, что у меня делается, я весь превратился бы в один вздох.

Идеал мы никогда не должны выпускать из мысли и из сердца; он должен быть нам постоянным путеводителем; но требовать, чтобы он исполнялся по мере наших горячих желаний, а если не исполняется, то сетовать и грустить — недостойно такого характера, как ваш.

Мы света не переменим, а потому должны его брать как он есть, только не поддаваться ему и ясно видеть, что в нем наше, что чужое. Ясно же видеть можно только тогда, когда сохраним все присутствие духа, не омраченного скорбью и сетованием о несовершенствах света. Вы сами пишете, что у вас есть несколько хороших сестер, — ну и слава богу! Будьте пока довольны и этим, и того уже довольно. Хорошее с трудом рождается на свет. Будь это хорошее хоть с соломинку величиной, — раздосадовавши на худое, не упустите и эту соломинку из рук. Посмотрите вокруг себя — ведь новое потоком льется к нашему старому.

Старые мехи должны лопнуть, наконец, от нового вина. Другое дело, — если вы убедитесь совершенно, что вас хотят заставить действовать по началам, диаметрально противоположным с вашими. Тогда и я вас не буду удерживать; бросьте все и сохраните душу! Но по-

¹ Вопросительный знак — Бакуниной, год проставлен ею верно.

² Цитата из стихотворения Н. И. Карамзина «Веселый час».

куда это еще не решено, подождите и убедитесь хладнокровно, не возмущаясь. Нет сомнения, что при известных условиях вы, с вашими твердыми убеждениями и с вашим искренним желанием делать добро, можете и должны быть полезны на том месте, которое занимаете.

Это я знаю, как дважды два — четыре. Главное дело состоит в том, узнать — соблюдены ли и существуют ли эти условия; если их вовсе уже нет, если вы убедились единожды и убедились совершенно хладнокровно в невозможности их осуществления, тогда не оставайтесь ни на минуту, но — только тогда.

Могли ли вы, в самом деле, думать, что в общине будет хорошо, когда ее основания еще очевидно так шатко поставлены; поколение, которое перед вами, не годится никуда; оно и в подметки не годится быть настоящим се-страм. Это ясно — и не могло быть иначе. Думайте только о будущем и старайтесь во что бы то ни стало приобрести эти условия, хоть с боя — для лучшего будущего. Не приобретете этих условий — уходите, ваша роль тогда кончена, и провидению не угодно было предоставить вам жить в будущем.

Подождите, что скажет великая княгиня [Елена Павловна]. Ее *fond*¹ содержит в себе много превосходного; она принадлежит не к дюжинным личностям, и если что можно сделать хорошего, то именно через нее. Все зависит теперь от того, как бы из нее извлечь это хорошее. Действуйте осторожнее, не для себя, а для будущего всего дела, следствия которого неисчислимы.

Скажите Василью Ивановичу [Тарасову], чтобы он мне писал и меня не забывал; я всегда с большим удовольствием читаю его письма и всегда, всегда помню его; всегда буду знать и уважать как благородного и честного человека. Прочтите ему и мое письмо. Спешу послать на почту. В другое время напишу вам и больше.

Вас искренно уважающий Пирогов.

¹ Основа, сущность (лат.).

Киев, 1 сентября 1859 г.

Я очень благодарен жене, что она написала Вам, почтеннейшая Екатерина Михайловна, вместо меня, пользуясь моим отсутствием.

В письме ее, Вы, верно, это и сами заметили, много чувства, а следовательно, и правды, хотя бы и нелогической, но это все равно, лишь бы правда. Я с моей стороны прибавлю к ее посланию немножко и логики. Надобно брать вещи, как они есть, это — первое, что, впрочем, нисколько не противоречит и необходимости всякого мыслящего и чувствующего человека — иметь свои идеалы или брать во внимание и идеальную сторону дела.

Главное — не пересолить. Я понимаю очень хорошо, как Вы теперь смотрите на нашу общину, побывав в Берлине и в Париже [...] для усовершенствования нашей общины, не выписывать же нам католицизм, протестантизм и пиэтизм из-за границы.

Будем, по крайней мере, довольны тем, что тогда как католицизм есть уже дело поконченное, и кроме того, что он произвел уже, ничего подобного более на свет не произведет, — наше православие еще содержит в себе начало незаконченное и способное к развитию. Будем утешать себя этой мыслью, она пригодится не для нас, но, может быть, для наших внуков. Не все же жить в настоящем, надо уметь жить и в будущем; а без этого умения — беда; не имея его, да имея слишком живое чувство, можно попасть бог знает куда. Не теряйте терпения, — одна попытка не удалась, попробуйте на другой манер, но за сделанное однажды держитесь крепко обеими руками, не упускайте его из отчаяния, что нейдет так, как бы хотелось.

Мысль учреждения общины в критическое время, ее действия — это все факты — «*Errungenschaft*», по-русски — достигнутой, как выражался король прусский, когда ему было жутко; это все-таки прогресс; оставить все это, бросить, кинуть — значило бы сделать шаг назад.

А Вы, как истая русская прогрессистка, какую я Вас привык всегда видеть, не должны об этом и думать. И, я Вас уверяю, если Вы покинете общину, то будете сами потом грустить и упрекать себя. Великая княгиня не потеряла участия к общине, это доказывает и ваше путешествие, и приобретенный дом. Зачем же натягивать тетиву слишком туго?

Мужайся, стой и дай ответ! Казенщину трудно вытащить из сердца и головы русского человека; она проникла и в сердце женщины со времен Петра, а с ними и в Крестовоздвиженскую общину. Как же быть; не Вы одни с этим добром возитесь; с ним и церковь божия не скоро сладит. Прощайте покуда, уже поздно, и я иду спать, а Вы бодрствуйте — за себя и за общину.

Ваш Пирогов.

(Другие письма Пирогова к Бакуниной не приведены в ее воспоминаниях. Но вслед за этим письмом она сообщает о посещении великим хирургом общины: «13 декабря [1859 г.] был у нас Николай Иванович Пирогов. Он быстро обегал весь дом. Накануне он был у великой княгини. Она ему говорила, что хочет устроить нечто религиозное. Он ей прямо сказал:

— Тогда Бакунина не может быть настоятельницей, да и все это кончится ипокритством — что всего хуже».

Пирогов был тогда в Петербурге на совещании попечителей учебных округов (как попечитель Киевского округа) для выработки правил о взаимоотношениях общей полиции и университетского начальства в вопросе о надзоре за студентами. Тогда же ему предлагали, через великую княгиню Елену Павловну, пост товарища¹ министра просвещения. В связи с этим Пирогов был приглашен к царю, которому он «лил чистую воду» по вопросу о студенческом движении, защищая студентов от других участников совещания, которые благодарили Александра II за то, что он объявил студентам выговор. Что касается поста товарища министра, то Пирогов «решительно отказал» великой княгине в занятии его.)

¹ Т. е. заместителя.

VII. ВОСПОМИНАНИЯ О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ¹

Не без чувства гордости вспоминаешь
прожитое.

Мы взаправду, имеем право гордиться,
что стойко выдержали Крымскую войну, —
ее нельзя сравнивать ни с какою другою.

Н. И. Пирогов (1865 г.)

1. ИЗ «НАЧАЛ ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ХИРУРГИИ»²

В 1864 году я издал в Германии «Начала общей военной хирургии» на немецком языке. Моя книга нашла себе читателей. В 1865 году я решился издать «Начала военно-полевой общей хирургии» и для русских врачей. Это не есть перевод с немецкого.

С моей стороны было бы непростительно предлагать соотечественникам перевод, сделанный мною, и моей же

¹ Объединенные в данном разделе документы — выдержки из классических трудов Пирогова об устройстве военно-медицинского дела, из писем к друзьям; дополняют «Севастопольские письма» по существу; имеют большое значение для истории периода, для характеристики деятельности Пирогова в Крыму.

² Предлагаемые воспоминания Пирогова о Крымской войне печатаются по тексту «Начал» том I. Весь текст — вступительная глава к «Началам», знаменитому классическому труду Пирогова, имеющему огромное значение для истории развития военной медицины и до наших дней сохраняющему значение руководства к действию для медицинских работников в обстановке войны. Пирогов писал вступление за рубежом, где проживал в качестве руководителя молодых русских ученых, готовившихся к занятию кафедр в отечественных университетах.

книги. Напротив «*Grundzüge der allgemeinen Kriegschirurgie*» есть перевод с русского. Материалы и все данные были составлены по-русски. И материал, и данные для обеих книг остались, разумеется, те же. И по-немецки, и по-русски я сообщаю моим читателям результаты того, что видел во время моей кавказской экспедиции в 1847, в Крымскую войну в 1854 и 1855 годах и в госпитальной практике, продолжавшейся с лишком 25 лет. Но для русских врачей я счел необходимым дать моей книге вид руководства и для этого изложил гораздо подробнее результаты, добытые современною хирургиею других стран в последние три войны.

К сожалению, я не мог подтвердить результаты моих собственных наблюдений так, как бы я желал это сделать, — непреложными статистическими данными¹.

¹ Здесь приводится небольшой отрывок на ту же тему из Отчета Пирогова о путешествии на Кавказ в 1847 г. Пирогов пишет:

«Если мы возьмем в соображение все исчисленные нами неблагоприятные обстоятельства, затруднявшие ход лечения повреждений, то этот итог покажется не только весьма благоприятным, но даже почти несбыточным. Что бы ни утверждали составляющие отчеты более из суетности и тщеславия прослыть искусными и счастливыми операторами, [нежели] из любви к чистой истине, нужно сознаться, что если в большой госпитальной практике взять целую массу значительных операций, произведенных хирургом, не гоняющимся за титулом счастливого, то нужно действительно почитать себя счастливым, когда умирает одна только четверть оперированных больных; потому должно казаться несбыточным, что из операций, произведенных нами, при менее благоприятных обстоятельствах на поле сражения, умерло менее нежели четверть этих больных. Я скажу более: нам не трудно было бы сделать итог смертности еще благоприятнее, прибавив с лишком 10 случаев, пропущенных нами в наших заметках по недостатку времени. Но цель нашего отчета показать истину, даже если бы она и противоречила нашим приятнейшим убеждениям; а потому пусть вникнут преимущественно в то, какие операции были нами произведены с помощью эфирных паров, и после каких именно итог смертности был менее благоприятен...

И самая статистика, одно из надежнейших средств, определяющих достоинство операции, только тогда сообщает нам верные результаты, когда она будет основана на многочисленных, строго анализированных и с точностью группированных фактах. Поэтому-то собранные мною статистические таблицы операций я рассматриваю только как одно начало; продолженное в этом же самом смысле при содействии хирургов всех стран, оно, без сомнения, покажет нам истинное достоинство анестезирования...»

Но это не моя вина. Из моей госпитальной практики у меня набралось бы довольно цифр и чисел, только они далеко не соответствуют тому, чего я требую от рациональной статистики. И в Крымскую войну я пытался собирать статистические данные; но тут представились такие препятствия в ведении верных списков, что я не в силах был продолжать.

Беспрестанный прилив и отлив раненых, частая перемена врачей, транспорты в отдаленные местности, недостаток времени — все это делало невозможным следить за ходом ран и за исходом операций. Чтобы навести точные справки, нужно было бы хотя раз в течение месяца или двух объехать все лазареты в районе, достигшем к концу войны до 700 и более верст.

Еще хорошо, что в конце 1855 года я имел возможность осмотреть почти все постоянные и временные госпитали в Николаеве, Херсоне, Екатеринославе, Харькове и др., в которых я нашел много мне знакомых раненых и оперированных и мог многое узнать об окончательных результатах.

Я принадлежу к ревностным сторонникам рациональной статистики и верю, что приложение ее к военной хирургии есть несомненный прогресс. Я убежден, что цифра смертности всех травматических повреждений, операций и патологических процессов, несмотря на различные условия, в общей сложности должна быть постоянно и определенною. Я даже убежден и в том, что наши врачебные средства и пособия едва колеблют общую цифру смертности. Каждое из наших средств — будет ли оно сильно- или слабодействующее — включает в себе и известный процент вреда (активного или пассивного).

Польза их очевидна только при наблюдении известного числа случаев. Если мы, например, возьмем результаты какой-нибудь большой операции в огромной массе случаев, то увидим, что индивидуальность каждого случая и множество непредвиденных и неизвестных обстоятельств до чрезвычайности колеблют шанс пользы, который мы вправе ожидать от такого энергического и рационального пособия.

Напротив, индивидуальность же и стечение обстоятельств в меньшем числе случаев могут, по-видимому, поколебать цифру смертности, значительно уменьшив ее.

Словом, я уверен, что без учения об индивидуальности (еще вовсе не существующего) невозможен и истинный прогресс врачебной статистики, хотя к ней и обратились именно для того, чтобы избежать трудностей индивидуализирования при постели больного.

По моим понятиям, эта наука сделается тогда только рациональною и приложимою, когда разъяснится, какую роль играет личность больного в каждом данном случае. Если из сказанного читатель и может меня заподозрить в фатализме, то, с другой стороны, он из моей книги не может не убедиться, что я верю в гигиену.

Вот, где заключается истинный прогресс нашей науки.

Будущее принадлежит медицине предохранительной. Эта наука, идя рука об руку с государственной, принесет несомненную пользу человечеству.

Но как бы ни были приняты мои взгляды, в двух вещах верно согласятся многие со мною. Во-первых, что мы еще далеко не отучились отвлекать болезни от больных и операции от оперированных. Статистика же поддерживает в нас эту иллюзию. Во-вторых, что с приложением статистических выводов к практике случается то же, что и с приложением истории к жизни народов. Если бы мы, полагаясь на кажущуюся точность цифры, вздумали из нее делать постоянное применение, то, правда, мы стали бы гораздо самонадеяннее, но не основательнее.

Статистические данные в медицине можно сравнить с кушаньями из языков, которыми угощал Эзоп¹ философа Ксанфа². Они говорят и хорошее, и худое, смотря по тому, как и что заставляют их говорить³.

При малейшем недосмотре, неточности и произволе на эти цифры можно гораздо менее положиться, чем на те

¹ Э з о п — полулегендарная фигура древнегреческой литературы, баснописец, живший в VI веке до н. э.

² К с а н ф — древнегреческий философ, сын скептика Тимона, его последователь (III век до н. э.), по легенде — хозяин раба Эзопа.

³ Эзопов язык (по имени баснописца Эзопа) — тайнопись в литературе, иносказание, намеренно маскирующее мысль (идею) автора, который прибегает к системе «обманных средств»: традиционным иносказательным приемам (аллегория, ирония, перифраз, аллюзия), басенным «персонажам», полупрозрачным контекстуальным псевдонимам.

данные, которые основаны на одном общем впечатлении, остающемся в нас после простого, но трезвого наблюдения случаев. Вот это-то впечатление я и передаю в моей книге за неимением неоспоримо рациональных статистических данных. Я ему верю более, чем той статистике, которую я пробовал несколько раз вести, но бросал, боясь заблудиться и других ввести в заблуждение.

Во время моей кавказской экспедиции я наблюдал статистически и, сколько можно, точно; я сообщил результаты этих наблюдений в моем *Rapport d'un voyage médical au Caucase*¹, 1849.

Но я тогда не знал еще всех ложных путей, на которые иногда ведет цифра, и основывался на ней слишком много.

В Крымскую войну я узнал их поближе. Там не до верных статистических выводов о цифре смертности каждого повреждения или каждой операции, где раненый и больной подвергается лишениям, невыносимым и для здорового. Тут цифра не то будет выражать, что мы ищем. Она определит степень опасности не ран и операций, а лишений всякого рода. В Крымскую войну было именно так. Мы не были к ней готовы, — это теперь уже не государственная тайна. Вначале мы получали все необходимое из местностей, самых ближайших к театру войны; но когда тут все припасы были истощены, когда все ближайшие лазареты, присутственные места, дома дворянских собраний, училища и даже частные дома переполнились ранеными и больными, то сделалось необходимым распространять круг действий все далее и далее от полуострова.

В декабре 1855 дошло до того, что наших раненых и больных (число которых сильно увеличилось от эпидемий) нужно было отправлять при 20 °R за 400, 500 и даже 700 верст. Я нашел многих из них, при моем осмотре военных лазаретов этой зимой, с отмороженными в транспорте ногами. Еще труднее была доставка фуража, провианта и перевязочных средств. Нужно вспомнить, что Крымский полуостров не мог бы и в мирное время прокормить такого числа войск, которое собрано было в нем для

¹ «Отчет о путешествии медика по Кавказу» (фр.).

защиты Севастополя; во время же войны существование их зависело уже совершенно от отдаленных провинций и, следовательно, от путей сообщения. А каковы были тогда дороги, можно заключить из того, что я, проезжая в ноябре 1854 из Симферополя в Севастополь на курьерских, должен был употребить более полутора дней. Итак, не мудрено, что при таких путях сообщения сено, например, съедалось волами по дороге, прежде чем оно могло быть доставлено армии, тяжести оставались в топкой новороссийской грязи вместе с фурами, скот падал, цены за доставку были невероятные. Я помню, что в декабре 1854 платили в Севастополе за пуд сена 4 рубля серебром, а за доставку одного пуда тяжести от Симферополя до Севастополя (60 верст) 2½ рубля серебром.

Я никогда не забуду моего первого въезда в Севастополь. Это было в позднюю осень в ноябре 1854 года. Вся дорога от Бахчисарая на протяжении 30 верст была загромождена транспортом раненых, орудий и фуража. Дождь лил, как из ведра, больные, и между ними ампутированные, лежали по двое и по трое на подводе, стонали и дрожали от сырости; и люди и животные едва двигались в грязи по колено; падаль валялась на каждом шагу; из глубоких луж торчали раздувшиеся животы падших волов и лопались с треском; слышались в то же время и вопли раненых, и карканье хищных птиц, целыми стаями слетевшихся на добычу, и крики измученных погонщиков, и отдаленный гул севастопольских пушек. Поневоле приходилось задуматься о предстоящей судьбе наших больных; предчувствие было неутешительно. Оно и сбылось.

Хорошо, что прошлое зарывается. Теперь не без чувства гордости вспоминаешь прожитое. Мы, взаправду, имеем право гордиться, что стойко выдержали Крымскую войну, — ее нельзя сравнивать ни с какою другою. Не говоря о том, что она для нас, давно уже отвыкших от оборонительных войн, была чем-то неожиданным, ее и администрация, и медицина представляли много особенностей. Это заставляло меня отчасти и молчать о результатах моей врачебной деятельности. Можно ли, думал я, сделать из них какое-нибудь приложение в будущем? Могут ли они быть полезны и другим собратам по науке, когда

условия, при которых мы действовали, были совершенно другие и едва ли в другой раз возможные.

В Голштинии, в Италии велись последние войны уже при всех современных пособиях европейской цивилизации, при железных дорогах, в населенных местах. Чему же могли бы научиться европейские врачи из испытанных нами бед и неудач? Ведь такая продолжительная и с такими лишениями соединенная осада вряд ли мыслима в наше время в Западной Европе? Так я полагал.

Но, справившись на месте, узнав кое что из разговоров с очевидцами, прочитав отчеты, я убедился, что и наши неприятели в Крымской кампании, и врачи австрийские, итальянские, французские, действовавшие в последнюю войну в Ломбардии, несмотря на все пособия цивилизации, также не пришли ни к блестящим, ни к более надежным результатам; непреложных или, по крайней мере, более рациональных статистических выводов также никаких еще ими не сделано. Итак, я решился возобновить в памяти прошлые впечатления, разобрать скопленный и уже было заброшенный материал, напомнить и Европе, и русским врачам, что мы в Крымскую войну не были так отставшими по науке, как это можно было бы заключить из нашего молчания,

Я назвал мою книгу военно-полевую хирургию, потому что в ней говорится только о предметах, занимающих военного врача в военное время. Сверх того, я назвал ее еще и общею хирургиею; это требует более подробного объяснения. Все знают, какой бывает недостаток врачей во время войны; иногда и не окончившие курсы делают хирургию и при известных условиях приносят существенную пользу. Условия эти и для кончивших, и для не окончивших курс новичков одни и те же. Можно еще быть полезным и в военно-полевом лазарете, и на перевязочном пункте, не зная, в частности, ни свойств, ни натуры каждого повреждения; но скорее повредишь, чем поможешь, если не будешь иметь ясного понятия о натуре тех знаменательных явлений, которые общи всем травматическим повреждениям, будут ли они случайные или искусственные, нанесенные действием оружия или хирургическим ножом.

Предметом общей хирургии и должно быть изучение сущности и явлений процессов, свойственных всем этим повреждениям. Так, начинающий может еще лечить раненых, не зная хорошо ни головных, ни грудных, ни брюшных ран; но практическая его деятельность будет более чем ненадежна, если он себе не осмыслил значения травматических сотрясений, напряжения, давления, общей окоченелости, местной асфиксии и нарушения органической целости. На эти-то органофизические процессы я и обращаю внимание читателей моей военно-полевой общей хирургии, и я уверен, что, изучив их хорошенько, они найдутся помочь больному в случае нужды и не зная из опыта всех повреждений, в частности.

С той же, более общей точки зрения, я рассматриваю и раны различных тканей, органов и полостей тела. Я заметил, что не одни наши, но и чужестранные врачи, поступавшие к нам на службу в Крымскую войну (немцы и американцы), также не твердо знали эту азбуку хирургии; поэтому я и на немецком языке написал мою книгу в том же духе и — надеюсь — не без пользы. Не желая взять на себя ответственность за точность собственных статистических данных, как я уже сказал, меня вовсе не удовлетворивших, я привел для полноты при каждом роде повреждений и ран цифры, полученные другими наблюдателями в голштинскую, восточную и итальянскую войнах. Пусть каждый из них отвечает за себя; а я в одной главе изложу только мои требования от хирургической статистики; прочитав ее, каждый может судить, в какой мере я прав, считая современную статистику далеко еще не рациональной и не научной.

Наконец, по чувству весьма натурального самолюбия я напому моим читателям, что я первый испытал анестезирование на поле сражения при осаде Салтов на Кавказе, куда я был послан по высочайшему повелению в 1847 году; я первый также приспособил мою гипсовую повязку к перевязке раненых на перевязочных пунктах и к дальним транспортам и первый доказал, что моя остеопластическая операция над стопой ноги может быть включена и в число полевых хирургических операций; замечу еще, что резекции суставов хотя и введены в военно-полевую

практику за 5–6 лет до осады Севастополя (в первую голштинскую кампанию), но только при этой осаде в первый раз испытаны были мною в огромном размере. Итак, надеюсь, что и об этих предметах, еще полных современного интереса, в моей книге найдется немало практических замечаний и указаний.

Развиваются госпитальные рожи¹, гнойные затеки, пиэмии², госпитальная нечистота и омертвление ран. Доказательством этому могут служить: севастопольское Дворянское собрание, дома дворянских собраний в Симферополе, Екатеринославе, Бахчисарайский дворец и несколько двухэтажных домов также в Симферополе. Прекрасный по архитектуре и по местоположению (на берегу залива) севастопольский дом собрания, с просторными изящно отделанными танцзалом, буфетом и бильярдной комнатой, с начала осады до половины генваря³ 1855 давал отличные результаты, судя по числу выздоровевших после таких операций, как ампутация бедра, вылушение плеча и т. п. Но именно до генваря он был преимущественно перевязочным пунктом; только значительные оперативные случаи удерживались в нем, а большая часть раненых отсылалась на Северную сторону и в другие места. Когда же начали оперированных и тяжело раненых оставлять в нем и залы его понемногу переполнились больными, то сцена переменилась довольно скоро. Приняв его в мое ведение в январе, я нашел раны почти у всех больных (до 120) пораженными то острогнойным отеком, то рожею, то госпитальною нечистотою. Я принужден был совершенно опорожнить это великолепное здание и перевел больных отчасти в Николаевскую казематированную батарею, отчасти в частные дома.

Я наблюдал почти целый год за ходом ран в сырых и вообще плохих бараках на Северной стороне Севастополя и в Симферополе (за городом); в них и заражение, и

¹ Р о ж а (фр.) — острое, нередко рецидивирующее инфекционное заболевание, вызывается стрептококками.

² П и э м и я (гноекровие) — заражение крови гноем; случается чаще всего в госпиталях и часто кончается смертью.

³ Г е н в а р ь (устар.) — январь.

смертность были не меньше, чем в госпиталях. Правда, и в госпитальных палатках на Северной стороне Севастополя и в Симферополе не было многим лучше; но, во-первых, большая их часть (исключая новых, заготовленных морским ведомством) была слишком плоха и стара, а во-вторых, в них переводились обыкновенно больные не со свежими ранами, а залежавшиеся, из разных госпитальных отделений (из барачков, батарей и т. п.). Зато в палатках, расположенных на Бельбеке¹ и других местах, куда свозились свежие раненные, шло как нельзя лучше. Если же бы было возможно в Севастополе в начале весны вывести всех раненных из батарей, барачков и домов в госпитальные палатки, если бы, другими словами, было довольно их наготовлено и новых, и удобных, то, верно, и результат был бы другой.

В Петербурге я всегда с нетерпением ожидал того дня, когда хирургические больные выносились из палат 2-го военно-сухопутного госпиталя в палатки, раскинутые в саду; едва проходило несколько недель, вид и ран, и больных видимо поправлялся.

Но несправедливо думать, что все равно — положить ли больных в госпитальные или простые солдатские палатки. Солдатская палатка хороша только для выздоравливающего и для раненного нетяжело. Вот что однажды случилось при перемещении наших раненных в солдатские палатки. В одну ночь в апреле 1855 я получил приказание из штаба перевести всех раненных и ампутированных после второй большой бомбардировки города из Николаевской батареи на Северную сторону. Меня уверили, что там все уже изготовлено для их принятия; я сам не имел времени отлучиться от перевязочного пункта, куда беспрестанно подносили свежих раненных. Целые два дня я занимался транспортировкой на пароходы. Вскоре после того как транспорт был кончен, полил сильный дождь, продолжавшийся целых 3 дня. Я нарочно в это ненастное время по-

¹ Бельбек — река на юго-западе Крыма. Образуется слиянием двух рек, Озенбаш и Манаготра, стекающих с северо-западных склонов главной гряды Крымских гор. Впадает в Черное море в 5 км от Севастопольской бухты у поселка Любимовка.

ехал на Северную сторону, чтобы осмотреть там моих ампутированных. Я их и нашел в солдатских палатках.

Можно себе представить, каково было с отрезанными ногами лежать на земле, по трое и по четверо вместе; матрацы почти плавали в грязи, все и под ними, и около них было насквозь промочено; оставалось сухим только то место, на котором они лежали, не трогаясь, но при малейшем движении им приходилось попасть в лужи. Больные дрожали, стуча зуб о зуб от холода и сотрясательных ознобов; у некоторых показались последовательные кровотечения из ран; врачи и сестры могли помогать не иначе, как стоя на коленях в грязи.

По 20 и более ампутированных умирало каждый день, а их было всех до 500, и немногие из них пережили две недели после этой катастрофы. Было сделано строгое исследование, больных положили на койки, положили и двойные матрацы, — но прошедшего не воротить, и страшная смертность продолжалась еще недели две после. Напротив того, когда после занятия Малахова Кургана почти всех ампутированных перевезли на Северную сторону в госпитальные палатки, да и самые операции были деланы в них же, несмотря на суровое и дождливое время (в сентябре 1855), результат был вообще довольно порядочный.

Для всякого хорошо устроенного госпиталя необходимо летнее помещение, будет ли оно состоять в бараках, отдельных домиках или палатках.

Мы в этом отношении опередили Западную Европу. Только теперь мы начинаем находить себе подражателей; в берлинском *Charite*¹ завели также летнее отделение; а до сих пор, в больших резиденциях только одни здоровые переселялись на лето за город, на вольный воздух; больных же оставляли в городе, полагая, что для них полезнее остаться у себя дома.

Когда я вступил главным врачом хирургического отделения во 2-й военно-сухопутный госпиталь в 1841 году, то

¹ Шарите — больница в столице Пруссии, которая, по заявлению немцев, была якобы самым благоустроенным лечебным учреждением мира.

я не нашел там особого отделения для нечистых и омертвевших ран и пиэзий. Меня уверяли, что для этого не предстояло никакой надобности; я поверил этому и, не успев еще осмотреть всех больных, сделал несколько больших операций, где они были безотлагательно нужны. К моему удивлению, все свежие раны приняли вскоре худой вид. Это заставило меня тотчас же осмотреть раны и всех других, и я нашел у многих острогнойные отеки, скорбутное омертвление и глубокие инфильтраты. В сифилитическом отделении нашел я несколько молодых и крепких гвардейцев с огромными омертвелыми бубонами; у иных омертвление занимало почти всю переднюю стенку живота.

Я тогда же учредил особое отделение и взял один дом из отдельных деревянных флигелей (4—5 комнат), куда я поместил пиэмиков и зараженных. С тех пор в течение 15 лет оно никогда не закрывалось, так как главное здание 2-го сухопутного госпиталя по своему устройству не могло не снабжать это отделение больными, но зато в течение 15 лет я и не видал ни одного гангренозного бубона такого размера, как в 1841 году. Впоследствии я начал отделять больных с рожистым воспалением и, думаю, не без успеха.

20 лет спустя после этого я осматривал в Бахчисарае раненых после сражения при Альме и Инкермане. Молодой врач, который управлял лазаретом, уверял меня также, что он не видит надобности в особенном отделении; но не то оказалось при осмотре каждого раненого. Из 200 немногие были пощажены острогнойным отеком, рожей и омертвлением. К извинению могло, правда, служить, что они лежали в тесной, худой казарме, на нарах, в подряд один возле другого. Так, везде, где бы я только ни осматривал военно-полевые лазареты без особых отделений, я всегда был уверен, что найду хирургические палаты переполненными пиэмиками, и никогда не ошибался. Поэтому я всегда считал первою моею обязанностью советовать всем начинающим практикам, чтобы они непременно учреждали с самого начала отделения для зараженных госпитальными миазмами.

Война — это травматическая эпидемия.

Как при больших эпидемиях всегда недостает врачей, так и во время больших войн всегда в них недостаток.

Врачебнополевая администрация. Перевязочные пункты. Транспорты.

Я убежден из опыта, что к достижению благих результатов в военно-полевых госпиталях необходима не столько научная хирургия и врачебное искусство, сколько дельная и хорошо учрежденная администрация.

К чему служат все искусные операции, все способы лечения, если раненые и больные будут поставлены администрацией в такие условия, которые вредны и для здоровых? А это случается зачастую в военное время. От администрации, а не от медицины зависит и то, чтобы всем раненым без изъятия и как можно скорее была подана первая помощь, не терпящая отлагательства. И эта главная цель обыкновенно не достигается. Представьте себе тысячи раненых, которые по целым дням переносятся на перевязочные пункты в сопровождении множества здоровых; бездельники и трусы под предлогом сострадания и братской любви всегда готовы на такую помощь, и как не помочь и не утешить раненого товарища!

И вот перевязочный пункт быстро переполняется сносимыми ранеными; весь пол, если этот пункт находится в закрытом пространстве (как, например, это было в Николаевских казармах и в Дворянском собрании в Севастополе), заваливается ими; их складывают с носилок как ни попало; скоро наполняется ими и вся окрестность, так что и доступ к перевязочному пункту делается труден; в толкотне и хаотическом беспорядке слышатся только вопли, стоны и последний хрип умирающих; а тут между ранеными блуждают из стороны в сторону здоровые — товарищи, друзья и просто любопытные. Между тем стемнело; плачевная сцена осветилась факелами, фонарями и свечами, врачи и фельдшера перебегают от одного раненого к другому, не зная, кому прежде помочь; всякий с воплем и криком кличет к себе. Так бывало часто в Севастополе на перевязочных пунктах после ночных вылазок и различных бомбардировок.

Если врач в этих случаях не предположит себе главной целью прежде всего действовать административно, а

потом уже врачебно, то он совсем растеряется, и ни голова его, ни руки не окажут помощи. Часто я видел, как врачи бросались помочь тем, которые более других вопили и кричали, видел, как они исследовали долее, чем нужно, больного, который их интересовал в научном отношении; видел также, как многие из них спешили делать операции, а между тем как они оперировали нескольких, все остальные оставались без помощи, и беспорядок увеличивался все более и более.

Вред от недостатка распорядительности на перевязочных пунктах очевиден:

1) Врачебная помощь разделена бывает неравномерно. Между тем как раненым, которые больше других воют, подается безотлагательная помощь; другие, не менее страдающие, но переносящие боль с терпением, остаются долго без всякого призора.

2) Бездонным раненым, которым гораздо нужнее духовная, чем врачебная помощь, расточаются нередко медицинские пособия без всякой для них пользы, отнимая у врачей время и силы, которые могли бы быть употреблены с большей пользой для других, еще подающих надежду к выздоровлению.

3) В беспорядке, тесноте и попытках нередко случаются значительные ошибки в диагнозе, а от этого многие операции делаются там, где они не нужны.

4) Врачи от беспорядков на перевязочных пунктах истощают уже в самом начале свои силы, так что им невозможно делается помочь последним раненым, а эти-то раненные, позже других принесенные с поля битвы, и нуждаются всех более в пособиях.

Без распорядительности и правильной администрации нет пользы и от большого числа врачей, а если их к тому еще мало, то большая часть раненых остается вовсе без помощи. Когда в Севастополе на перевязочном пункте я мог иметь до 20 врачей на 1000 раненых, то при введенном мною порядке я мог уже довольно хорошо распорядиться с помощью; а вначале, когда этот порядок не был введен, многие раненные оставались по целым суткам без пособия.

Прежде, когда врачи тотчас брались делать ампутации, вырезывать глубоко засевшие пули и осколки костей,

большая часть раненых оставалась долго без всякого при- зрения, особенно, когда врачей было налицо менее 20 или когда ампутации делались менее искусными и каждая из них длилась не 15 минут, а вдвое больше. Случалось, что раненых свозили с перевязочных пунктов без перевязки и скучивали в госпиталях, батареях и казармах.

Так было, например, после ночного нападения фран- цузов на Селингинский редут в марте 1855 года; 2 дня спустя после этой атаки я получил на перевязочный пункт в Дворянском собрании до 300 тяжело раненых, и почти все были с осложненными переломами; 2 дня они лежали в другом госпитале и привезены были к нам почти без пе- ревязок; на пулевые отверстия, правда, были наложены кое-как бинты, но они скорее вредили, чем помогали; раны оказались распухшими, а некоторые уже и омерт- вевшими. Это произошло от того, что врачи ближайшего к редуту лазарета, куда были свезены в первую же ночь ра- ненные, занялись, прежде всего, операциями, устали, про- работав целую ночь и утро, а между тем раненых к ним продолжали подносить, и они, утомившись при делании операций, не могли остальных перевязать.

Другой раз при нападении французов на Камчатский редут было еще хуже: раненых переносили на Северную сторону в бараки и клали по недостатку места на берег на Южной стороне, где большая часть из них и провела целую ночь без пособия. Убедившись вскоре после моего прибытия в Севастополь, что простая распорядительность и порядок на перевязочном пункте гораздо важнее чисто врачебной деятельности, я сделал себе правилом: не при- ступать к операциям тотчас при переноске раненых на эти пункты, не терять времени на продолжительные по- собия, а главное — не допускать беспорядка в транспорте, не допускать толпиться здоровым, не допускать хаотиче- ского скучивания раненых и заняться неотлагательно их сортировкой.

Я предложил всем врачам и фельдшерам, находив- шимся у меня на перевязочном пункте, с первого же появ- ления транспортов начинать раскладывать раненых так, чтобы трудные и требующие безотлагательной помощи отделены были тотчас от легко и смертельно раненных.

Первые клались в ряд на пол или на койки в главном отделении перевязочного пункта; это была большая танцевальная зала собрания; вторые (легко раненые) отсылались тотчас же с билетиками или нумерами в ближайшую казарму или в их команды (когда они стояли в самом Севастополе); третьи, безнадежные, отсылались в особенные дома и поручались попечениям сестер милосердия, священников и фельдшеров. Здоровым товарищам раненых, навязавшимся в помощники при транспортировке, было строго запрещено приходить на перевязочный пункт и увеличивать собою тесноту.

Порядок через это был восстановлен; все врачи, сестры и фельдшера были одинаково заняты; каждый знал свое дело; все тяжелораненые получали первое и, главное, неоперативное пособие. Разбор и сортировка продолжались иногда с вечера, целую ночь, до самого утра, пока главные транспорты прекращались; врачи и помощники при этом не так уставали и выбивались из сил, как прежде, когда им приходилось делать операции в сумятице и беспорядке, господствовавших вокруг них; только немногие, самые нужнейшие операции, имевшие целью остановить кровотечение или уничтожить сильную боль, предпринимались тотчас, не дождавшись окончания транспортов.

Тщательный и верный диагноз повреждения, требующий много времени» отлагался также до окончания транспорта; достаточно было легкое исследование раны пальцем или ненормальной подвижности кости руками; пули и осколки оставлялись покуда на месте, извлекались же тотчас только самые поверхностные или причинявшие нестерпимые страдания. От этого вообще грубых промахов в диагнозе было гораздо менее.

Вначале я еще слишком спешил с первичными операциями, веря в их жизненную необходимость и значительную выгоду; впоследствии я более и более разубеждался в этом и выжидал решительнее.

Введение описанного порядка на перевязочных пунктах в Севастополе было тем необходимее, что почти все наши пункты находились под выстрелами неприятельских орудий: неприятель не щадил притонов раненых. Из 5—6 главных перевязочных пунктов не оставалось, наконец,

ни одного, который бы был вне выстрелов; на Южной стороне города остались только два (Павловская и Николаевская батареи); прочие (Морской госпиталь, Дворянское собрание и частные дома) были разрушены бомбами. При каждом из них находился и лазарет; бомбы, падая на улицы, ранили и убивали ходивших людей; к нам нередко приносили раненых осколками бомб женщин и детей.

Поэтому раненые (особливо во время бомбардировок) и во время транспортов, и в госпиталях подвергались опасности; при скупивании людей около перевязочных пунктов эта опасность еще более увеличивалась. Введением же порядка, которым уменьшалось скопление на улицах и около госпиталей, уменьшалась и опасность.

Я уже говорил, что в Севастополе было несколько главных перевязочных пунктов, в которых давалось раненым окончательное пособие. Из них два были на Южной стороне: в доме Дворянского собрания и в Павловской батарее, а прежде в морском госпитале, пока он не был под сильными выстрелами.

Впоследствии, когда дом Дворянского собрания был пробит бомбами, перевязочный пункт был перенесен в Николаевскую батарею, где и оставался до отступления наших войск на Северную сторону. На Северной находился сначала один перевязочный пункт (в бараках), а потом еще и в Михайловской казарме. Сверх этого, было еще несколько перевязочных станций, устроенных вблизи наших батарей; в эти станции заносились по дороге — впрочем, не всегда, — раненые; но пособия ограничивались тут только наложением поверхностных перевязок. При каждом главном пункте были и постоянные лазареты на 300—500 кроватей. Здесь оставались раненые иногда несколько недель и даже (в начале осады) до выздоровления.

Семь лет спустя, после моей кавказской экспедиции, при моем прибытии в Крым (1854 г.), я нашел в Симферополе и в бараках на Северной стороне Севастополя несколько сотен раненых под Альмою и Инкерманом, с сложными переломами, оставшихся еще не оперированными. У всех раны сильно гноились, у многих они были поражены госпитальной нечистотой; больные лежали уже несколько недель скученными в госпиталях; был недостаток

в перевязочных средствах, белье и лекарствах. Несмотря, однако же, на это, результаты вторичных ампутаций и резекций, сделанных мною и моими помощниками, были скорее лучше, чем хуже, тех, которые я получил после первичных операций. В этом я убедился по спискам, которые я мог еще тогда вести аккуратно.

Оставаясь 7 месяцев при осаде, я пришел, наконец, к тому убеждению, что:

1) раненые немного выигрывают от нашей гоньбы за оперативными пособиями на перевязочных пунктах;

2) правильная сортировка раненых и равномерное распределение врачебной деятельности на всех раненых на перевязочном пункте гораздо важнее, чем все впопыхах и в суматохе произведенные операции, от которых выигрывают только немногие;

3) главная деятельность врача на перевязочном пункте должна состоять не в предупредительных пособиях, к которым относится и большая часть первичных ампутаций, а в тех, которые имеют целью тотчас устранить уже существующую опасность для жизни.

Но в Крымскую войну поучительно было наблюдать, как и молодые врачи понемногу приходили к другим убеждениям. В начале войны в лазаретах, при перевязочных местах только и виделись, что ампутированные и резецированные; но впоследствии везде можно было найти и отделения для раненых со сложными переломами. Только в конце осады, когда число повреждений большими огнестрельными снарядами значительно увеличилось, опять вся деятельность врачей обратилась на ампутацию. То же было и с извлечением пуль. Прежде, увидев раненого с засевшею в глубине пульей, врачи на перевязочном пункте спешили извлечь ее. Но я не раз настаивал, чтобы не слишком бросались на эти иногда мешкотные и хлопотливые операции, и думаю, что успел в этом убедить некоторых.

Как наши перевязочные пункты в Севастополе были соединены с лазаретами, и раненых не нужно было отправлять тотчас же в транспорты (в начале и в середине осады можно было их держать по целым неделям и даже месяцами), то наша деятельность тут состояла:

1) в производстве операций, имевших жизненное показание; сюда относились почти исключительно оставление кровотечений и весьма немногие ампутации членов, пораженных мефитическим¹ омертвлением;

2) в операциях предупредительных; сюда принадлежали: ампутации после ран большими огнестрельными снарядами, извлечение пуль и резекции. Но самая большая часть этих операций производилась не тотчас после повреждений, а после сортировки раненых, в первые 24—48 часов.

Всякий раз по окончании транспорта случаи сомнительные подвергались новому исследованию, прежде чем решался вопрос об ампутации;

3) в производстве вторичных ампутаций и резекций;

4) в наложении гипсовых повязок, которые служили или как транспортное средство при перевозке раненых с сложными переломами, или же эти раненые после наложения повязки оставались для дальнейшего пользования в лазаретах [...].

Наши средства для дальних транспортов во время Крымской войны были далеки еще от всех этих европейских усовершенствований.

Дальним я называю всякий транспорт, в котором приходится раненым провести хотя одну ночь в дороге, на ночлегах. В нашем распоряжении тогда были:

1) известные всем врачам полковые фургоны — тяжелые, но крепкие телеги, к которым для защиты от дождя и зноя приделываются верхи (кибитки); в них могут лежать не совсем спокойно по большей мере только двое тяжелораненых.

2) Крестьянские телеги, у которых также на случай устраивался верх из обручей и рогож или парусины. Они были, как всегда, разной величины и вмещали в себя, также с трудом, не более 2 тяжелораненых, но раненные в верхние конечности или в лицо садились по трое и по четыре в каждую телегу. Это были, большей частью, подводы из внутри России, производившие в Крым провиант, амуницию и пр. и возвращавшиеся назад.

¹ Мефетический (устар.) — зловонный, зараженный (о воздухе).

Не всегда охотно брались подводчики за транспорт: кормы были дорогие, а им приходилось ждать по целым неделям, пока транспорт должен был состояться. Случалось также во время распутицы, что они бросали свои подводы в грязи, с измученными лошадьми, оставляли паспорта в руках офицеров и сами бежали. Впоследствии, кроме этих, более случайных подводчиков, циркулировало постоянно несколько подвод по подряду между Симферополем и Перекопом. Из Севастополя же до Симферополя (60 верст) раненые доставлялись обыкновенно на полковых фургонах.

3) Фуры немецких новороссийских колонистов. Они принадлежали к самым лучшим экипажам. Это были длинные, прочные, крытые телеги, в которых умещалось по 8 и более человек. Особливое же преимущество их состояло в том, что больные могли в них лежать протянувшись, тогда как в наших крестьянских телегах им приходилось и лежать, и сидеть скорчась. В сухую погоду по степной гладкой дороге можно перевозить раненых в этих фургонах почти так же удобно, как и в прусских полевых омнибусах. Подложив соломенные матрацы под больных и устроив изголовье и упор для ног, можно сделать транспорт очень спокойным.

Сверх этого, и в Крыму (иногда, и то в начале войны), и на Кавказе употреблялись для транспортов и:

4) татарские двухколесные скрипучие (на немазанных осях) арбы. В горах иногда нет другой возможности перевозить, как в этих допотопных экипажах [...].

Наконец, употреблялись в Севастополе и пароходы, но на самом ограниченном пространстве; перевозили на них раненых только через бухту, с Южной стороны на Северную. У неприятеля же были положены рельсы от Севастополя до Балаклавы и Камыша.

Самая худая сторона всех наших дальних транспортов — это ночлеги. Можно себе представить, в каком состоянии бывают раненые, когда им приходится запоздать (а это случалось нередко) по причине худых дорог. Телеги, по ступицу колес в грязи, тащатся усталыми лошадьми или волами ночью по степям. Ночлеги бывают в нежилых, холодных притонах. Проходят часы, пока снимут

всех раненых, промерзших и промокших, с телег и разложат по местам; пройдет еще более времени, пока разведут огонь, согреют больных и сварят им ужин. Поутру, с рассветом, начинается опять вынос на телеги, который снова длится целые часы. Впоследствии между Симферополем и Перекопом были устроены особенные этапы, в которые уже заблаговременно давалось знать о транспорте и заготавливалось или, по крайней мере, должно было по инструкции все заготавливаться.

Неоцененную услугу в лазаретах, на перевязочных пунктах и в транспортах доставляли под Севастополем сестры Крестовоздвиженской общины, учрежденной ее императорским высочеством великою княгинею Еленой Павловною.

Нужно было удивляться, с каким самоотвержением слабые женщины ухаживали днем и ночью за ранеными. В позднюю осень, одетые в нагольные тулупы, в больших сапогах, по колено в топкой перекопской грязи следовали они за транспортами, ходя от одной телеги к другой и согревая иззябших вином; на ночлегах они поили их теплым чаем и кофеем, которыми снабжались всякий раз, пускаясь в транспорты.

Зимою, относительно, транспорты были сноснее для больных, когда они снабжались достаточно теплой одеждой и обувью. Смертность между транспортированными зимою была вообще незначительная; правда, в это время и не перевозились далеко тяжелораненые; правда также, что зимою случалось и отморожение ног, но нужно заметить, что в то время в Перекопе, откуда транспорты направлялись далее, господствовал тиф, причинявший и на месте омертвление нижних конечностей. Следя за нашими дальними транспортами, я пришел к убеждению, что у нас необходимо учредить в военное время врачебно-транспортную команду, состоящую из врачей, фельдшеров и сестер. Обязанности в транспортах имеют много особенностей, и не все врачи способны их исполнить.

Для этого требуется и специальная опытность, и самостоятельность в действиях. Если главные врачи назначают — как это обыкновенно случалось в Крыму — без разбора или по очереди каждого ординатора из госпиталя в транспорт, то являются два главных неудобства:

1) врач не знает больных, с которыми он идет в транспорт; он их мало узнает и во время транспорта.

2) отрывается от своих госпитальных пациентов и лишается возможности изучить хорошо конституцию госпиталя, в котором действует.

Нередко во время перевозов случаются значительные перемены в состоянии больного; если транспортный врач его прежде не знал, да к тому же еще и не привык вовсе к самостоятельной деятельности (когда он, например, попал в госпиталь, не кончив курс в университете), то он поневоле должен будет положиться на фельдшера, а при кровотечениях, судорогах, сотрясательных ознобах, которые случаются у транспортируемых, — это плохое дело. Сверх того, присмотр за порядком и дисциплиной во время больших и дальних перевозов — дело также важное, требующее и опытности, и распорядительности, которою обладает не всякий.

Если бы и смертность, и число ампутаций уменьшилось, государство было бы вдвое вознаграждено за расходы. Ампутированные, когда они остаются в живых, также стоят государству немало; оно их содержит на свой счет или дает им пожизненные пенсии. Я слышал и у нас жалобы на это. Бильгер отвергал ампутации в войне, как некоторые уверяют, из расчета. Он имел об этом секретное предписание Фридриха II¹.

В Крымскую войну было также сделано несколько попыток с распределением раненых по деревням, хотя и не в большом размере. Немецкие колонисты вызвались взять до 2000 раненых на свое попечение, и их отправляли в новороссийские степные колонии из госпиталей в немецких больших фурах. Между ними было довольно и ампутированных, и резецированных, и с гноящимися худыми ранами, и гектиков².

¹ Фридрих II, или Фридрих Великий (1712—1786) — король Пруссии в 1740—1786 гг. Яркий представитель просвещенного абсолютизма и один из основоположников прусско-германской государственности.

² Гектик — больной, страдающий лихорадкой при длительных нагноительных процессах.

Транспорты сопровождались врачами; судя по известиям, не было ни одного несчастного случая между ранеными, и зараза не распространялась между колонистами. В конце же войны, напротив, тиф заносился не однажды в села и городки при ночлегах транспортами из госпиталей, где он уже господствовал во всей силе. Итак, не распределение свежих раненых по домам жителей, а, напротив, скопление их в госпиталях служит источником распространения зараз между обывателями.

Солдаты из всех классов народа еще лучше других переносят госпитальную жизнь. Казарменная жизнь делает их менее чувствительными к вредному влиянию госпитального воздуха. Солдат в госпитале не выходит из своего элемента; он там в обществе своих товарищей; а в своем полковом лазарете он, как в семействе, и потому идет неохотно в общий, большой госпиталь. Крестьянин, попавший в больницу, гораздо несчастнее его; он не привык жить в больших пространственных зданиях и, лежа с чужими, чувствует себя, как рыба, попавшая прямо из воды на кухню, в совершенно другом элементе. Но и на солдата долгое пребывание в лазарете действует убийственно, особенно если он принес уже с собою из казарм, траншей и подземных мин зачатки худосочия. Переселение в деревню и на него действует благотельно.

При моем осмотре госпитальных палаток, в которые были свезены раненые после сражения при Черной речке, меня поразила свежесть людей и хороший вид всех ран. Я осматривал их спустя несколько недель после битвы. Палатки были расположены на Бельбеке (верстах в 10 от Севастополя). Я нашел многие пулевые сложные переломы верхних конечностей уже сращенными, хотя, кроме самых простых повязок, ничего другого не употреблялось при лечении; некоторые из этих переломов вовсе не были диагностированы при приеме; шин, лубков и неподвижных повязок почти вовсе не накладывали. Из нескольких сотен раненых я у немногих нашел поверхностные и ограниченные гнойные затеки. Если я сравню участь этих больных с той, которая досталась в удел их товарищей, перевезенных с поля сражения в го-

родские полевые лазареты, то нельзя не пожалеть о последних, которые страдали и пиэмиями, и рожами, и за теками.

Что же касается до наших новых барачков, выстроенных в Симферополе (за городом) во время войны, то и в них, несмотря на недостаток хорошей вентиляции и значительное скопление больных (в каждом лежало не менее 200), госпитальное заражение встречалось все-таки реже, чем в городских лазаретах. Я приписываю это тому, что самые стены (глиняные) пропускали постоянно свежий воздух. И без петтенкоферской пробы¹ стоило только представить зажженную свечу изнутри к стене, чтобы убедиться, как сильна была тяга внешнего воздуха, стремившегося уравновеситься с нагретым внутренним.

На перевязочных пунктах, где скопляется столько страждущих разного рода, врач должен уметь различать истинное страдание от кажущегося. Он должен знать, что те раненые, которые сильнее других кричат и вопят, не всегда самые трудные и не всегда им первым должно оказывать неотлагательное пособие. С другой стороны, должно помнить, что боль и независимо от травматизма, сама по себе, причиняет сильное нервное и психическое сотрясение. Жестокая непрерывная боль у раздражительных людей и одна, и в соединении с другими душевными эффектами может причинить нервное истощение, тетанические судороги и смерть [...].

Во время войны скоро приучаешься различать малодушных и эгоистических крикунов от истинных страдальцев. С первыми не нужно терять много времени; их крики можно прекратить не болеутолительными лекарствами, а строгим выговором и повелительным тоном; им нужно дать почувствовать, что намерение их понято; им нужно указать на товарищей, которые спокойно и без-

¹ Петтенкофер Макс фон (1818—1901) — немецкий естествоиспытатель, химик и врач-гигиенист, основатель первого в Европе гигиенического института в Мюнхене, президент Баварской академии наук с 1890 г. Петтенкофер выработал способ исследования проницаемости различных строительных материалов для воздуха. Предложил использование в качестве индикатора чистоты воздуха концентрацию углекислого газа в жилом или рабочем помещении.

ропотно переносят свои страдания, хотя и не легче их ранены. Но если сильный вопль и стоны слышатся от раненого, у которого черты изменились, лицо сделалось длинным и судорожно искривленным, бледным или посиневшим и распухшим от крика, если у него пульс напряжен и скор, дыхание коротко и часто, то, каково бы ни было его повреждение, нужно спешить с помощью.

В осадных войнах, где повреждения большими огнестрельными снарядами встречаются беспрестанно, можно наблюдать общее окоченение во всех возможных видах и степенях. С оторванною рукою или ногою лежит такой окоченелый на перевязочном пункте неподвижно; он не кричит, не вопит, не жалуется, не принимает ни в чем участия и ничего не требует; тело его холодно, лицо бледно, как у трупа; взгляд неподвижен и обращен вдаль; пульс — как нитка, едва заметен под пальцем и с частыми перемежками. На вопросы окоченелый или вовсе не отвечает, или только про себя, чуть слышным шопотом; дыхание также едва приметно. Рана и кожа почти вовсе не чувствительны; но если большой нерв, висящий из раны, будет чем-нибудь раздражен, то больной одним легким сокращением личных мускулов обнаруживает признак чувства. Иногда это состояние проходит через несколько часов от употребления возбуждающих средств; иногда же оно продолжается без перемены до самой смерти.

В Севастополе мне сказали, что на одном перевязочном пункте употребляются в лечении огнестрельных ран ирригации холодною водою. Это было в январе 1855. Мне хотелось видеть результаты этого лечения; из 100 больных я не нашел почти ни одной раны без гнойных затеков, травматических рож и госпитальной нечистоты. Видев это, да и не имея под руками ни пиявок, ни льда, я остался и в Крымскую войну при моем способе лечения без антифлогоза¹, назначая кровопускание, пиявки и лед только в ранах головы и груди. Результаты были, конечно, не блестящие. Но меня никто не уверит, чтобы большая смертность в Крыму зависела от недостаточного антифло-

¹ Антифлогоз — применение и действие противовоспалительных средств.

гоза, а счастливые успехи в первую голштинскую войну (1848—1849 гг.)¹ — от одних кровопусканий, пиявок и пузырей со льдом [...].

Осадная война не то, что полевая. Я помню, как в Севастополе наши армейские солдаты, которым никто не откажет ни в выдержке, ни в терпении, ни в бодрости духа, жаловались на то, что они ранены под крепостью не с оружием в руке, а с заступом и с лопатой; они решались на операции неохотно и не переносили их так хорошо, как матросы, которые были главными действующими лицами при пушках (как канониры). Я не так надменен и односторонен, чтобы безусловно отвергать пользу антифлогоза в лечении травматических повреждений в военное время, как другие его безусловно превозносят, основываясь только на собственном опыте и убеждении. Но я настаиваю на то особенно, чтобы военный хирург соображал все обстоятельства, прежде, нежели он решится употребить этот способ с должной настойчивостью и энергиею.

В первые 4 месяца осады Севастополя мне часто случалось извлекать из старых, полузаживших ран и новых нарывов разные посторонние тела и особенно эти капсулы. Не раз также случалось вытаскивать неожиданно куски кости, зубы и разные предметы, вовсе не принадлежавшие самому раненому.

Мне случалось также видеть в начале осады Севастополя, когда неприятельские траншеи были еще вдалеке от наших батарей, что пули Минье залетали в самый город на наши корабли (в бухту) и наносили значительные раны, ударившись сначала об доску или пробив ее. Я уже говорил, что видал на Кавказе раздробление костей вдребезги черкесскими пулями; но до осады Севастополя я не видел раздроблений пулями на таких значительных расстояниях: раненые уверяли, что находились за полверсты от неприятеля; они могли ошибаться, но, во всяком случае, расстояние, на котором они были ранены, удивляло их и, значит, было для них необыкновенное [...].

¹ Шлезвиг-голштинская война 1848—1849 гг. была вызвана недовольством населения Шлезвиг-Голштинии против объединительных устремлений Дании.

Наши неприятели при осаде Севастополя стреляли, впрочем, не одними пулями Минье; нам попадались в ранах у наших солдат и круглые (может быть, турецкие), и массивные конические пули, но не устроенные по системе Лоренца, а иногда и пули с небольшим углублением на основании, заключавшем в себе род хвостика из свинца, с 3 круговыми бороздками снаружи (вероятно, сардинских берсальери¹). В первые месяцы осады я нередко извлекал и пули Минье с чашечками; некоторые полагали, что в чашечках находились частицы бертолетовой соли (хлорокислого калия); часто эти чашечки выпадали из пуль и оставались одни в ранах (доказательство, что они не всегда вбиваются газом в полость пули). Но потом они попадались все реже и реже, и в конце осады я уже их никогда не находил.

Наши простые пули действовали также, кажется, не совсем плохо. Бодан², говоря о страшных повреждениях костей, которые он наблюдали в Крымскую войну, верно, разумел не одни раны, виденные им у наших раненых, попавшихся к ним в плен; а если он наблюдали эти «страшные повреждения» у своих соотечественников, то, значит, от наших простых пуль. У нас тогда других не было. Только гораздо позже, во время осады, у нас начали отливать конические массивные пули и стрелять ими из простых солдатских ружей (без нарезок); уверяли, правда, что эти пули били дальше и вернее, но в какой мере это была правда — не знаю. Потом еще у нас было несколько рот, вооруженных штуцерами³ (в которых для

¹ Берсальеры (*ит.*) — стрелки в итальянской армии, особый род войск, элитные высококомобильные пехотные части. Впервые введены в 1836 г. в сардинскую армию (Пьемонт) генералом ла Мармора.

² Бодан Жан Баптист Люсьен (1804—1857) — известный французский хирург, с 1826 г. состоял при парижском военном госпитале. С 1830 г. был военным врачом французской армии в Алжире. По возвращении в Париж в 1841 г. он был поставлен во главе военного госпиталя. В качестве члена медкорпуса французской армии оказывал последние существенные услуги во время Крымской кампании.

³ Штуцер (*нем.*) — нарезное дульнозарядное ружье в XVI — XIX вв. Нарезка придавала пуле лучшую меткость и дальность выстрела (несколько сотен метров; 100—150 м для гладкостволок). Скорострельность штуцеров была, однако, в несколько раз ниже, чем у гладкоствольных

уничтожения пространства пуля забивается шомполом и молотком), да было несколько отличных черноморских стрелков (так называемых пластунов) с винтовками.

Вся же прочая наша инфантерия, мало упражнявшаяся в стрельбе, стреляла, по общему мнению, плохо и из простых ружей круглыми пулями. Суворовская поговорка «Пуля — дура, штык — молодец» была тогда в полном ходу, и еще перед самою Крымскою войною уверял меня один опытный генерал, что судьбу сражения решает все-таки штык и холодное оружие. Поэтому я удивился, читая у одного английского писателя, что будто бы наши стреляли под Севастополем какими-то цилиндрико-коническими медными пулями со взрывом! Это, однако же, доказывает, что и раны от наших простых пуль могли быть и бывали не безвреднее других; если же мы в отношении ружейной стрельбы и отставали много от неприятеля, то зато наши бомбические пушки, наши флотские и полевые артиллеристы, инженеры, саперы действовали как нельзя лучше; это известно целому свету [...].

Грохот, треск, дребезжание окон, шипение и свист в воздухе нам, жившим в Севастополе, слышались беспрестанно. Каждую ночь можно было видеть чудный фейерверк из гранат и бомб, летавших по всем направлениям. Но привычка для человека — вторая натура. И ухо, и глаз, наконец, ко всему так приучились, что и ночью, несмотря на постоянное дребезжание окон, спалось спокойно.

Когда я заболел тифом и лежал в полузабытье, то я чувствовал, как софа подо мною и стена, к которой я прислонялся, постоянно дрожали, стекла беспрестанно звенели и дребезжали; но все здоровые спали крепко, и я сам, больной, также, наконец, засыпал. Даже женщин и детей не беспокоили и не пугали треск и лопанье бомб.

ружей. Эта проблема была решена в середине XIX века с изобретением специальных пуль. Штуцера стали массовым оружием, быстро вытеснив гладкоствольные образцы. Французские и британские пехотинцы, вооруженные таким оружием, обладали подавляющим огневым превосходством над русскими солдатами, поражая не только передовые порядки, но и артиллерийскую прислугу и обоз, что стало одной из важных причин поражения России. В русской армии было по 24 штуцерника на каждый батальон, но этого оказалось явно недостаточно.

Иногда можно было видеть на улице, как дети играли с валявшимися ядрами и бомбами; не раз случалось несчастье, и у нас на перевязочных пунктах постоянно было несколько коек, занятых ранеными и ампутированными женщинами (женами матросов) и детьми; это их также не пугало. Я представлял себе прежде разрушительную силу больших снарядов на здания более значительную; правда, в Севастополе не осталось, наконец, ни одного дома нетронутым, и нередко случалось видеть, что бомба отрывала целый угол (угол комнаты, в которой стояла моя софа, также оторвало на 2-й или 3-й день после моего отъезда); но нужно заметить, что частные дома в Севастополе вообще строились несолидно. Напротив того, казематированные батареи (как, например Николаевская) и блиндажи противостояли хорошо и 10-пудовым бомбам, а земляные батареи Тотлебена¹ противостояли им и еще лучше. Мне казалось, что большие цилиндрико-конические ракеты сильнее разрушают земляные работы, чем другие снаряды я видел, как некоторые из них, упав глубоко врывались в землю и делали в ней большую яму; я помню, как одна такая ракета упала невдалеке от дома Дворянского собрания (перевязочного пункта) и сделала огромную

¹ Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — граф, знаменитый военный инженер, генерал-адъютант (1855), инженер-генерал (1869). Тотлебен был послан в Севастополь, где ожидалась высадка неприятеля. Сначала главнокомандующий князь Меншиков отклонил предложение Тотлебена немедленно приступить к оборонительным работам. Они были начаты только тогда, когда высадка уже состоялась. Тотлебен расширил фронтальную позицию на линии Северного укрепления и почти заново создал оборонительную линию на южной стороне. За недостатком времени нельзя было и помышлять о возведении сильных и правильных укреплений. Но в короткое время выросла сплошная оборонительная линия. Союзники вынуждены были отказаться от намерения взять Севастополь открытой атакой и 28 сентября начали свои осадные работы. Первое бомбардирование Севастополя 5 октября показало силу севастопольских укреплений и их выгодно направленного артиллерийского огня. Тогда неприятель обратился к подземной войне и задумал взорвать 4-й бастион, но и здесь Тотлебен его предупредил, встретив неожиданно искусно подготовленную сеть минных галерей. 8 июня Тотлебен был ранен в ногу пулей навывлет, но продолжал руководить оборонительными работами, пока состояние его здоровья настолько ухудшилось, что он был вынужден оставить Севастополь.

воронку на улице, так закопавшись, что ее нужно было с силою вытаскивать.

Не знаю, откуда Демме¹ взял, что будто бы «русские врачи в крымскую кампанию научали солдат и служителей вводить палец в раны с тем, чтобы в отчаянных случаях они могли сохранить жизнь раненых до окончательного пособия». На главном перевязочном пункте (в доме Дворянского собрания в Севастополе) у нас был, действительно, матрос Пашкевич, наловчившийся очень хорошо придавливать подключишную артерию к 1-му ребру и подвздошную — к тазу; он зачастую ассистировал нам при ампутациях и, имея большую силу в руке, был самым надежным ассистентом; но я никогда не слышал, чтобы наш солдат когда-нибудь в госпитале или на поле сражения посмел ввести палец в рану своего товарища. Я не думаю даже, что наш раненый солдат решится у себя самого это сделать, как тот австрийский инфантерист, который, по словам Демме, держал 4 часа большой палец в своей ране и этим остановил кровотечение.

При осаде невозможно было почти никогда справиться со всеми ранеными прежде 36 часов, а до введения моего порядка на перевязочных пунктах и гораздо долее. При больших бомбардировках продолжались ранние операции и в течение 48 часов. Сначала, разумеется, были на очереди раненные большими огнестрельными снарядами. Другие же, со сложными пулевыми переломами, должны были ждать. Но я едва помню два-три случая, в которых бы пульс значительно возвышался в первые 48 часов.

Почти за 1½ года до осады Севастополя я в первый раз увидел у одного скульптора действие гипсового раствора на полотно. Я догадался, что его можно применить в хирургии, и тотчас же наложил бинты и полоски холста, намоченные этим раствором, на сложный перелом голени. Успех был замечательный. Повязка высохла в несколько минут: косой перелом с сильным кровавым подтеком и прободением кожи (острым концом верхнего отломка большеберцовой кости) зажил без нагноения и

¹ Демме Рудольф (1836—1903) — доктор медицины, с 1877 г. ординарный профессор и директор клиники детских болезней.

без всяких припадков. Я убедился, что эта повязка может найти огромное применение в военно-полевой практике [...].

Между тем я не упускал ни одного случая в госпиталях для дальнейшего испытания. В этих занятиях и застала меня Крымская война. Мое требование при отъезде в Севастополь о заготовке алебаstra, дерюги и прочих материалов для гипсовой повязки не пошло в ход. Военно-медицинский департамент в то время не имел средств привести этого в исполнение, к тому же у него было много и других забот; он снабдил, впрочем, все полевые лазареты и перевязочные пункты вновь изобретенными сумками и шинами другого рода, которых почти никто не употреблял. Недостаток в алебастре, и именно хорошо выжженном, препятствовал употреблению моей повязки в том размере, которого она действительно заслуживала; я едва мог доставать по временам несколько пудов худо пережженного гипса. Несмотря на это, в бараках на Северной стороне Севастополя, заключавших в себе иногда до 200 раненых с сложными переломами, я у многих накладывал гипсовую повязку; многие из них пошли в транспорт, и я убедился на деле, что она выдерживает сырость и мокроту.

Сколько я могу судить по различным отчетам о хирургических результатах в трех войнах (первой голштинской, Крымской и итальянской¹), мы одни в Крыму сделали более резекций², чем все другие хирурги вместе. Из отчетов видно, что в три эти войны было сделано немецкими, английскими, французскими и итальянскими хирургами всего 140 резекций плечевого и локтевого суставов, а в моих списках, доведенных во время осады Севастополя только до июня 1855 г., значатся почти 200 этих же самых операций, да после того снова насчитано до 100, и большая часть из них принадлежит поздним резекциям. О выпиливаниях суставов нижних конечностей

¹ Итальянская война 1859 г. между Австрией и Францией; последняя помогала итальянским войскам бороться за освобождение Италии от австрийской зависимости.

² Резекция — оперативное удаление части органа.

я не говорю потому, что число их во всех армиях было слишком незначительно, а мы их и вовсе не делали.

Я бы имел право до 100 резекций причислить к окончившимся благополучно, потому что почти все сто оперированных были отправлены в разные транспорты; но я не хочу увеличивать неверность статистических результатов, и без того уже шатких, а представляю один исторический обзор с общим результатом.

1) Тотчас после моего прибытия в Севастополь в ноябре 1854 я и приехавшие со мною врачи делали в симферопольских лазаретах и в Севастополе (в бараках) на раненых, оставшихся после альмского и инкерманского сражений, почти исключительно одни поздние резекции плечевого и локтевого суставов и заменяли их только там поздним вылушением и ампутацией хирургической шейки плеча, где раздробление пулею простиралось далеко на диафиз. Поэтому из 250 поздних ампутаций значатся у меня в списках этого времени не более 20 ампутаций на середине плеча. Смертность резецированных в локтевом суставе относилась одно время, — пока я мог наблюдать оперированных со дня на день, — к смертности ампутированных как 1 к 2. Но это никого не убеждало в меньшей опасности резекции. Врачи, вообще не любившие резекцию, указывали мне иногда на оперированного с вылушенным плечом, если ему шло хорошо, говоря, что; «он умер бы, если бы его резецировали».

В течение целого месяца, однако же, смертность после резекций и плечевого, и локтевого суставов не превышала 18%. Между тем встретилось 5 ранних резекций.

Я помню, как я радовался, когда в бараки на Северную сторону прислали в первый раз свежий случай с батареи: одного матроса, раненного в плечо; пуля раздробила ему вдребезги головку плечевой кости. Я думал, что тут непременно будет блестящий результат и докажется преимущество ранней резекции пред ампутацией. Но вскоре после резекции раненый умер от острейшего гнойного отека, распространившегося на всю конечность. И из этих 5 ранних операций ни одна не удалась.

2) Когда в январе 1855 я перешел на Южную сторону Севастополя, то нашел там несколько больных тоже с

раннюю резекцией, но все были уже так плохи, что вскоре померли.

И впоследствии ранняя резекция плечевого сустава делалась не так редко, но с малым успехом. Различие в смертности после этой операции и раннего вылушения плеча было так заметно, что потом раннюю резекцию почти совсем перестали делать. В защиту ее можно, впрочем, привести, что вылушение численностью несоразмерно превышало резекцию, да и повреждения большими огнестрельными снарядами, умножившиеся впоследствии с каждым днем, не допускали резекции. Напротив, ранняя резекция локтевого сустава не выходила из употребления во всю Крымскую войну.

В марте и апреле 1855 поступило ко мне в госпитали (на Южной и Северной стороне Севастополя) до 60 случаев ранней и поздней резекций этого сустава. Некоторые из оперированных были отправлены с транспортами в эти 2 месяца. Одни из них были близки к выздоровлению, а другие (до 10) отправились в истощенном состоянии к немецким колонистам, и, сколько мне известно, поправились.

3) Самое благоприятное время для ранних резекций локтевого сустава было при последнем бомбардировании Малахова кургана, в сентябре 1855 года.

Я насчитал в это время до 40 случаев, из которых половина принадлежала к повреждениям большими огнестрельными снарядами. Конечно, я не могу полагать, что у всех 40 операция была сделана с успехом; но из 18 резецированных д-ром Рудинским я видел после 16 в Симферополе в весьма удовлетворительном состоянии, а потом встретил почти столько же при осмотре госпиталей; у некоторых, однакоже если не ошибаюсь у 5, после сделана была ампутация плеча.

4) На нижних конечностях, как я уже упомянул, мы ни разу не делали резекции суставов в Крымскую войну.

Нужно бы было, чтобы каждый военный хирург общал, по крайней мере, исторический обзор событий, произведших на него общее впечатление. Я изложу мой собственный, который я составил, пробыв 7 месяцев в Севастополе и наблюдав в это время более 2000 ампутаций.

1. Самый лучший результат от ранних ампутаций получен в начале осады, после первого бомбардирования в октябре 1854. Эти операции были сделаны по большей части на черноморских матросах, главных в то время защитниках города. Заключение мое о счастливом результате я вывожу из того, что, приехав в ноябре, я застал в живых несколько ампутированных у верхней и на границах верхней трети бедра со среднею. Почти все операции сделаны были молодыми хирургами худыми инструментами, и почти все оперированные оставались в самом городе. Большая часть повреждений нанесена была большими огнестрельными снарядами. Эти два обстоятельства: род и место повреждения, т. е. раны бедра, нанесенные бомбами, для меня самый верный критерий успеха.

2. Совершенно другой результат дали операции у раненых под Альмою и Инкерманом. Из раненых под Альмою я нашел в ноябре 1854 уже немногих в Симферополе и Севастополе: большая часть их умерла, некоторые были транспортированы в Одессу. Но всех раненых под Инкерманом, оставшихся в течение первых 2—3 недель живыми, я застал еще в лазаретах Симферополя, Бахчисарая и Севастополя. Между ними смертность после ранних ампутаций была по малой мере такая же, как и после поздних. Это и не могло быть иначе.

Транспорт, сделавший на меня такое грустное впечатление при моем первом въезде в Севастополь, состоял почти весь из этих ампутированных, отправлявшихся в Симферополь. Раненые под Инкерманом лежали скученными в бараках и батареях на Северной стороне Севастополя в худых казармах Бахчисарая, в лазаретах, присутственных местах и частных домах Симферополя, большая часть без коек, на нарах и на полу. Был недостаток и в белье, и в перевязочных средствах. Пиэмия, острогнойный и острогангренозный отеки поражали одинаково и после ранних, и после поздних ампутаций. Немногие, — и рано, и поздно ампутированные, — выздоравливали, однако же, несмотря на все эти бедствия.

3. Большая часть ранних ампутаций бедра, сделанных в ноябре и декабре 1854, кончилась смертью. Бараки в Севастополе были в это время еще переполнены ранеными,

оставшимися после инкерманского сражения; транспорты в отдаленные места были невозможны, да и сообщение между Севастополем и Симферополем трудно. Показывался недостаток не только в белье и перевязочных средствах, но и в жизненных припасах.

Между тем постоянно были ночные вылазки, производились земляные работы, подкопы и т. п. Свеже-раненные отсылались с батареи по большей части на перевязочные пункты Южной стороны, и только часть их поступала в бараки на Северную.

В это время я и имел случай видеть, как плохо шло с ранними ампутациями и резекциями. Напротив, многие поздние ампутации, сделанные на изнуренных больных, оканчивались неожиданно хорошо. В эти же месяцы я ездил в Симферополь; там было сделано несколько сотен поздних операций, из которых некоторые ампутации верхней трети бедра окончились также благополучно, несмотря на высокую степень изнурения оперированных. На Южной стороне Севастополя шло еще относительно лучше с ранними операциями.

4. Но в конце декабря 1854 и там (на Южной стороне) результаты ранних ампутаций и резекций стали делаться хуже и хуже; начали появляться после каждой ранней операции острогнойные отеки и пиэмии, хотя большая часть повреждений была наносима не большими огнестрельными снарядами, а пулями и иногда (в ночных вылазках) штыками.

Около этого-то времени (в январе 1855) я и нашел на главном перевязочном пункте Южной стороны большую часть свежих ран пораженными от холодных ирригаций, гнойными затеками, рожами и омертвением, так что я принужден был опростать все здание.

5. Когда оперированные и раненые были перевезены в январе 1855 из главного перевязочного пункта (дома Дворянского собрания) в Николаевскую батарею и частные дома, то несколько времени результаты и ранних и поздних операций были лучше. Я сужу опять по тому же критериуму: по ампутациям на середине и верхней трети бедра; несколько ранних ампутаций этой части окончились успешно.

В списках, сохранившихся у меня от этого времени, отмечены из 11 этих операций 6 успешных. Всех больных, с худыми, гноящимися ранами я тщательно и немедленно отделял от свежераненых и учредил в частном доме особое отделение для гангренозных, пиэмиков и безнадежных. В это же время одна палата в Николаевской батарее была назначена для сложных переломов, а холодные ирригации были отменены. Поздние операции, за исключением нескольких резекций, начали теперь реже встречаться.

6. Так шло до марта 1855. В этом месяце было сделано значительное ночное нападение французами на один из наших редутов, а потом, на другой день Светлого воскресенья, началось второе большее бомбардирование Севастополя.

Я должен был снова открыть очищавшийся (в течение 6 недель) главный перевязочный пункт в доме Дворянского собрания; он с этих пор оставался открытым, пока не были последние месяцы осады разрушены бомбами. Ранние операции, произведенные в нем в первые 2–3 недели после вентиляции, шли довольно хорошо; острогнойные отеки не показывались. Из этого периода значатся в моих списках и несколько счастливых случаев ранних двойных ампутаций, а именно: обоих бедер (в середине и на границе верхней трети со среднею), обеих голеней, бедра и голени, бедра и моей остеопластической операции ножного сустава. Но этот счастливый период продолжался не более 3 недель. Начали появляться и случаи местного окоченения после ранних ампутаций бедра [...]. Большая часть ранних операций, сделанных во время бомбардирования, назначалась в повреждениях большими огнестрельными снарядами (осколками бомб). К концу апреля 1855 начинается самое несчастное время для ранних операций.

7. В начале мая почти ни один случай ранней ампутации бедра не прошел благополучно. Умирали почти все и ампутированные в нижней трети бедра. У меня отмечены 10 ампутаций, сделанных почти в один и тот же день, и из них 5 я сделал сам по способу, от которого еще надеялся тогда видеть успех (с большим передним лоскутом). Все 10 умерли один за другим от острогнойного и острогангренозного отеков. Около этого же времени (в апреле)

случилась и катастрофа с нашими ампутированными, — их перевезли на пароходе из Николаевской батареи на Северную сторону и положили в солдатские палатки. Можно себе представить, как поднялась после этого цифра смертности. Из 500 ампутированных (ранних) осталась едва треть живыми в первые 3 недели, а из ампутированных на бедре остались в живых не более 24, тогда как их было до 200!

В мае обнаружилась и холера; она, однако же, редко поражала раненых. Я упоминаю об ней потому, что в эпидемию 1848–1849 годов заметил влияние холерной эпидемии на развитие острых травматических пиэмии.

Тиф и тифоид встречался в этом месяце реже; он чаще показывался в марте, и я сам был им тогда болен.

Погода стояла превосходная; перепадали дожди, но теплые и иногда с грозою; окна в лазаретах держались почти и день, и ночь открытыми; раненых одолевали только мухи, привлекавшиеся в несметном множестве гнойными испарениями и клавшие беспрестанно яйца в перевязках. Впрочем, в главных вещах теперь не было уже большого недостатка; запас белья и перевязочных средств значительно увеличился.

Сестры Крестовоздвиженской общины действовали на всех перевязочных пунктах и во всех лазаретах Севастополя, ухаживали за больными, перевязывали и снабжали их чаем, кофеем и вином. Транспорты также улучшились. За городом разбито было несколько госпитальных палаток.

Несмотря на это улучшение внешних обстоятельств, оперированные после ранних ампутаций, — поздние в это время мало делались, — не переставали умирать. Из 500 ампутаций бедра, значащихся в моих списках от апреля до конца мая, уже более половины не было в живых; остальные находились в более или менее сомнительном положении. На Северной стороне было сделано несколько поздних ампутаций бедра, и из них 3 с неожиданным успехом (у больных, истощенных донельзя, но неотступно требовавших операции).

Сберегательное лечение (гипсовая повязка) дало в это время также плохие результаты, тогда как в начале марта

и апреля многие из раненых с сложными пулевыми переломами были отправлены после наложения неподвижной повязки в транспорт в весьма удовлетворительном состоянии. Теперь и к свежим огнестрельным ранам с переломами начали присоединяться острогнойные инфильтраты и пиэмии; но я не помню ни одного острогангренозного инфильтрата, так часто поражавшего оперированных.

8. Тот же самый результат с некоторыми колебаниями продолжался до июня и после. Смертность не изменялась. В конце мая я перестал совсем ампутировать в верхней трети бедра — так я был уверен в неудаче. И если ампутированные не умирали в Севастополе, то они погибали после в лазаретах Бахчисарая и Симферополя. Далее их не транспортировали до заживления ран, и потому из малого числа транспортированных после ампутации бедра в Перекоп, Херсон и Николаев видно, как редко они выздоравливали.

После вторичного моего прибытия в Севастополь в сентябре 1855 я нашел в госпитальных списках имена только 50 высланных после ампутаций бедра с далекими транспортами, тогда как я в одном Симферополе нашел более 200 с незажившими еще ранами после этой же операции. Если подумаешь, как часто делалась ампутация бедра в августе месяце (в конце осады) на перевязочных пунктах Севастополя и как немного было выслано из Крыма, то легко себе представить и какова была смертность.. О других ампутациях я не говорю, потому что пулевые переломы других костей (и верхней и нижней конечностей) — будут ли они лечиться выжидательно, раннею ли ампутациею или позднею, — дают не слишком различные цифры смертности.

Процентные колебания, конечно, и тут весьма заметны, но все же не такие, чтобы не могли объясниться индивидуальностью и случайными обстоятельствами. В ампутациях же бедра, напротив, влияет, очевидно, местное свойство повреждения и самой операции на цифру смертности, поэтому они и служат для меня настоящим мерилom и преимуществ, и невыгод ранней операции.

9. Результаты ранних ампутаций, как кажется, опять поправились в сентябре 1855 при последнем бомбардиро-

вании Севастополя. Ампутированные были переведены на Северную сторону в палатки. Тут они оставались недели 2, и я застал многих после ампутаций бедра в весьма удовлетворительном положении. Несмотря на дождливое время и холод, острогнойные отеки не показывались; не было также ни окоченелости, ни омертвений, так скоропостижно кончавшихся в летнее время.

В течение сентября все оперированные были перевезены в Бахчисарай (где заняли под больных бывший ханский дворец) и в Симферополь, а одна часть раненых размещена была в госпитальных палатках по окрестностям Севастополя и Бахчисарая.

10. Наконец, поздние ампутации и резекции, делавшиеся у нас от сентября до ноября 1855 в лазаретах Бахчисарая и Симферополя, вообще шли не так плохо, хотя госпитали были переполнены тифозными и дизентериками. Большая часть оперированных помещалась в новых бараках и госпитальных палатках в Симферополе, за городом. В списках, оставшихся у меня от этого времени, я нахожу до 20 счастливых случаев поздней ампутации бедра.

Но с ноября военное народонаселение Симферополя начало сильно увеличиваться; насчитывали тогда до 60000 жителей в городе, вмещающем в мирное время едва 25000. С наступлением сырой и холодной поздней осени тиф, поносы и злокачественные перемежающиеся лихорадки начали сильно свирепствовать между вновь прибывшими изнутри России войсками (Гренадерского корпуса и милиции). Тогда и между ранеными свирепствовали различные формы пиэмии; смертность значительно увеличилась; такой страшной, однако же, какая была между оперированными в летних месяцах, я уже не видал более до самого отъезда из Крыма в декабре 1855.

Этот краткий обзор — хотя я и не могу его подтвердить верными статистическими данными — передает все-таки исторически верно общее впечатление, оставшееся во мне после беспристрастного наблюдения целой массы случаев.

Я могу сказать к чести русской хирургии, что мы в Крымскую войну несравненно более употребляли сбе-

сберегательное лечение в повреждениях локтевого сустава, чем наши неприятели, и гораздо более, чем во все другие европейские войны, взятые вместе.

Можно поставить правилом: вменять резекцию локтевого сустава в обязанность каждому военному хирургу, если только при повреждении суставных концов мягкие части достаточно сохранены и артерия не прострелена. Более 200 резекций локтевого сустава значатся в моих списках; они были сделаны в течение года во время осады Севастополя и после сдачи неприятелю Южной стороны. О времени операции нельзя и здесь сказать ничего положительного. Ранняя резекция локтевого сустава ни разу не сопровождалась в виденных мною случаях теми убийственными острогнойными отеками, которые так часто встречались после ранней резекции плеча. Я резецировал с успехом и при значительном повреждении (осколками бомб) мягких частей задней стороны локтевого сустава; резецировал и при разрушении локтевого нерва. Поздняя же резекция заменяла у меня в одно время войны (в первые 6—7 месяцев) почти совсем ампутацию в середине плеча. Почти никогда не употреблялось и чисто сберегательное лечение, хотя я при моем осмотре военных госпиталей и заметил несколько пулевых ран локтевого сустава, излеченных или почти излеченных без операции.

Я был бы очень доволен, если бы результаты лечения ран колена были также различны, как самые раны, виденные мною в Крымскую войну. К несчастью, несмотря на все их разнообразие, исход был почти всегда один и тот же — смерть — с ампутацией и без ампутации. В диагнозе, по крайней мере, мы не ошибались; я не помню ни одного случая неузнанной раны сустава или неузнанного повреждения кости. От простого прободения пулею сумочной связки до полного раздробления эпифизов все повреждения колена у нас имели плохой исход. С отчаяния я в последнее время уже не входил пальцем в рану и не уговаривал раненых подвергаться ампутации; я слушал только, как другие врачи уговаривали их на перевязочных пунктах, а сам предоставлял внутреннему голосу каждого решить свою участь. Одного только я себе

никогда не прощу, что не испробовал больших разрезов сумки и резекции сустава.

С другой стороны, эти случаи подтверждают еще более мое убеждение о преимуществах поздней резекции пред раннюю, расширяя круг действия сберегательного лечения и на огнестрельные переломы ножного сустава. Теперь будет непростительно со стороны военного хирурга, если он, действуя при обстоятельствах, более благоприятных, чем были наши при осаде Севастополя, не испытает сберегательного способа в повреждениях ноги.

Вскоре после прибытия моего в Севастополь один из врачей, крепкий и здоровый мужчина, живший вместе со мною, простудился и заболел. Начала его болезни я не видал; она показалась во время моей поездки в Симферополь, но, возвратившись, я нашел больного в жару и лихорадке; целые 2 недели он лежал с открытыми глазами то в полном сознании, то в бреду; иногда он устремлял взгляд по целым часам на один предмет, молчал, не отвечал ни на какой вопрос, и держал рот закрытым, стиснув крепко зубы, как в тризме, иногда же вдруг вскакивал, садился на постель, говорил внятно, отвечал на вопросы, расспрашивал даже о своих больных и потом вдруг опять впадал в прежнее состояние. В начале болезни он принял несколько приемов хинина, а потом не хотел уже ничего принимать и, стиснув зубы, противостоял всем попыткам, не давал класть и холодные примочки на голову, и только когда ему хотелось пить, он вскакивал вдруг и выпивал жадно стакан или два чая. Так продолжалось дней 8–10. На 3-й неделе бреда и настоящее беспамятство начали обнаруживаться сильнее, пока наступила чрезвычайно продолжительная (более 2 суток длившаяся) агония.

Другой врач, также живший вместе со мною, простудившись, целых 3 дня лежал в сильной, с бредами соединенной, горячке, и когда я ему в виде пробного средства дал 3 небольших приема (в 2 грана) хинина, то у него вдруг явился сотрясательный зноб. Тогда я убедился, что имею дело не с тифом, а скрытою лихорадкою, и дал больному большие приемы хинина. Он вскоре выздоровел.

У третьего врача оказался жар с головною болью после явной *quotidiana*¹, от которой он уже более недели был излечен хинином. Испуганный ночью во время бомбардирования, когда он в жару лежал на перевязочном пункте (в доме Дворянского собрания), он впал в глубокую спячку, соединенную с судорогами; лицо было бледно, как полотно, зрачки расширены, одна половина тела стянута, другая в беспрестанных судорожных движениях; зубы стиснуты. Я велел ему тотчас же обрить волосы, положил на всю голову везикаторий² и поставил два клистира, один за другим, каждый с 15 гранами хинина, а когда тризм³ уменьшился, то влил ему и через рот большой прием хинина в растворе. После этого мой больной поправился так скоро, что через 3 — 4 дня мог уже вставать с постели.

Подобные случаи встречались потом, во время эпидемии, еще чаще. Спячка, параличные и судорожные припадки присоединялись иногда к тифозному состоянию, так что в первые 2 недели невозможно бывало решить, с чем имеешь дело.

Иногда спячка и паралич являлись вскоре после незначительной, невидимому простудной лихорадки; иногда им предшествовали настоящие пароксизмы перемежающейся лихорадки; иногда тифозные явления в начале болезни были ясно выражены, а иногда обнаруживались впоследствии в виде сыпного тифа; иногда большие приемы хинина скоро прекращали болезнь, иногда же вовсе оставались без действия.

Я во всех сколько-нибудь сомнительных случаях назначал как пробное средство малые приемы хинина (по 2 грана), и когда действие его обнаруживалось или небольшим послаблением припадков, или же настоящим сотрясательным ознобом, то я смело приступал и к употреблению больших приемов (от 15 до 20 гран для дозы в клистире и в растворе). О влиянии этого вида эпидемии, господствовавшей в Крыму, на наружный вид и ход ран я

¹ Перемежающаяся лихорадка (лат.).

² Везикаторий (лат.) — нарывный пластырь, шпанская мушка.

³ Тризм (от греч. *trismos* — писк, скрежет) — сведение челюстей в результате тонического спазма жевательной мускулатуры.

не могу ничего сказать положительного. В то же время господствовали и различные виды пиэмии, и госпитальная нечистота, поражавшие, разумеется, еще легче изнуренных тифом и лихорадкой.

Верно, ни у кого столько раненые не подвергались самым быстрым переменам воздуха, дневному жару, холоду ночей, сырости, сквозному ветру и т. п., как у нас в Крыму и на Кавказе. На Кавказе они лежали иногда в холодные ночи полуодетые, почти на голых камнях, в шалашах, сплетенных из древесных ветвей. В Крыму наши раненые лежали иногда в простых солдатских палатках, без коек, на матрацах, промоченных дождем, и, несмотря на все это, столбняк не обнаруживался у нас так часто, как в Италии.

Я опишу пиэмию как гнойное заражение, представлявшееся мне в госпиталях в различнейших видах, степенях и переходах в другие патологические процессы. Начну же историю моей собственной болезни.

Когда я в марте 1841 переехал из Дерпта в Санкт-Петербург и принял хирургическое отделение 2-го военносухопутного госпиталя, то, за исключением наклонности к поносам, я чувствовал себя вообще хорошо, хотя никогда не имел цветущего здоровья. Поносы у меня являлись по временам, начавшись за два года до моего переселения в Санкт-Петербург после отошедшего с мочой небольшого оксалата.

Известное действие невской воды поддерживало наклонность к поносу. Но от 2 — 3 ежедневных и желчных испражнений я не чувствовал никакой слабости и имел хороший аппетит. Хирургическое отделение Военносухопутного госпиталя, состоявшее тогда почти из 1000 кроватей (вместе с глазным и сифилитическим отделением), я нашел переполненным нечистыми язвами и ранами, омертвевшими бубонами и острогнойными отеками. Почти за каждою операциею следовала пиэмия. Скорбутики¹ умирали при вскрытии Невы в 24 — 48 часов при странных явлениях. Сначала являлись припадки, похожие на острую пиэмию (сотрясательные ознобы), а потом цианотические, и при вскрытиях я в первый раз

¹ См. сноску 2 на стр. 138.

увидал огромные (в 8—10 фунтов) кровавые выпоты в околосердечной сумке и плевре.

Я сам перевязывал и пиэмиков, и гангренозных, сам делал их вскрытия и был занят в госпитале по 8 и по 9 часов в сутки. При таких напряженных занятиях застало меня лето, в том году необыкновенно жаркое. Число пиэмиков не уменьшалось, а вскрытия трупов я должен был тогда делать, за недостатком анатомико-патологического театра, в ветхой, душной и лежавшей на полуденном солнце бане. Вонь от пиэмических и гангренозных нарывов, встречавшихся почти при каждом вскрытии, была нестерпимая.

Хотя обоняние у меня от природы слабо, но и я должен был иногда выходить на воздух от вони. Табаку я тогда еще не курил. Вскоре я начал замечать, что при вскрытиях и долгих перевязках худых ран меня вдруг схватывали сильные боли живота, тотчас же исчезавшие после обильного, вонявшего гнилыми яйцами и прогорклым жиром испражнения. Каждое испражнение сопровождалось отрыжкой, легкою тошнотою и слюнотечением. Сначала я счел это за мой обычный понос. Но тогда же я заметил, что и резь в животе, и понос не показывались, когда я менее был занят в госпитале или когда выезжал для прогулок за город; с занятиями же в секционной комнате или в гангренозном отделении и то, и другое возвращалось.

Хотя к осени число пиэмиков и гангренозных в госпитале уменьшилось, но здоровье мое уже не поправлялось, и в продолжение всей зимы я наблюдал у себя целый ряд новых припадков. Очень часто во время утреннего госпитального визита я чувствовал дрожь по спине, давление подложечкою, проходящую головную (гастрическую¹) боль, лицо бледнело, черты изменялись. Но все это тотчас же проходило, когда я принимал один прием касторового масла.

В конце зимы мои госпитальные занятия снова усилились. Я как консультант посещал еще и другой госпиталь (Обуховский), тоже обиловавший пиэмиками, и делал

¹ Желудочно-кишечный (о заболеваниях).

там вскрытия трупов. В феврале 1842 я уже сильно заболел; болезнь началась запором с небольшою болью живота; потом без всякого местного страдания следовала невыразимая слабость, бессонница, звон в ушах, язык обложился, аппетит исчез и запор продолжался, хотя живот не болел и не был натянут; лихорадки вовсе не было. Исхудавший и анемический, лежал я целые 6 недель в постели. Лекарств я никаких не мог переносить.

Я думал много о причинах моей болезни, но никак не мог попасть на настоящую. Один опытный практик, мой хороший приятель, уверял меня, впрочем, и тогда уже, что я заразился в госпитале, но это слишком противоречило моим тогдашним взглядам на пиэмию. Наконец, отчаявшись в выздоровлении, я без ведома моих врачей велел себе сделать ароматическую ванну и принудил себя выпить стакан горячего пунша. Целую ночь после этого я провел в беспокойстве и волнении; мне казалось, что я брежу, хотя этого вовсе не было, а через 24 часа получил я вдруг сотрясательный зноб, так сильный, что, дрожа, я привскакивал с постели, мой пульс упал, я почувствовал, что сердце перестает биться и я падаю в обморок, и в то же самое время сделалось непроизвольно с сильным бурчанием в животе обильное, вонючее и желчное испражнение, за которым следовал, в течение целых 12 часов такой проливной пот, что каждые 1/4 часа должно было переменять рубашку. Я начал с жадностью глотать хинин и херес; аппетит показался на другой же день. С выздоровлением показалась также охота к табаку, которого я прежде никогда не курил.

После этой болезни не проходило ни одного года, в котором бы я не был болен два или три раза анемиею, поносом с резами и желчными (иногда почти черными) испражнениями, головною болью и катаром¹ бронхий. Понос с резью являлся по-прежнему вдруг во время моих занятий в госпитале и секционной зале и обыкновенно к концу зимы или в начале весны, когда число пиэмиков, скорбутиков, туберкулезных и гангренозных увеличивалось в хирургическом отделении госпиталя. Но когда я

¹ К а т а р — насморк; простудное поражение слизистых оболочек.

оставлял мои госпитальные занятия или выезжал летом из Санкт-Петербурга на море купаться, то я чувствовал себя как нельзя лучше, и понос, и катар прекращались.

То же было и в моей кавказской экспедиции 1847 года. Несмотря на холеру, свирепствовавшую тогда на Кавказе, несмотря на бивачную жизнь в горах Дагестана, я был здоров, пока оперировал и наблюдал моих раненых в палатках, а трупы вскрывал на чистом воздухе. Но как скоро я возвратился в мою госпитальную клинику, так снова показалось и прежнее нездоровье с слабостью, анемиею и брюшными припадками.

В Крымскую кампанию я, зная уже причину моей болезни, принимал все возможные меры осторожности, поэтому я сам остерегался и вскрывать трупы; но в феврале 1855, когда пизмии между ранеными усилились, я опять заболел; по-прежнему при каждом госпитальном визите начали являться слабость, головная боль и небольшое расстройство желудка; ночью слегка потел и потерял аппетит.

В то время и другие врачи в Севастополе жаловались на слабость, отвращение к мясной пище и на давление подложечною, иные из них побледнели и почти все, так же как и сестры Крестовоздвиженской общины, перехворали: одни заболели перемежающеюся лихорадкою (скрытою и явною), другие — тифоидом, некоторые же и настоящим тифом с пятнами.

Я также занемог, но моя болезнь была отчасти только похожа на тифоид, отчасти же припадки были сходны с теми, которыми я страдал за 15 лет в Петербурге, только голова была несколько более отуманена, звон в ушах сильнее и более склонность к забытью; пульс едва был ускорен. Болезнь и этот раз кончилась также жидкими испражнениями, вызванными клистирами из холодной, морской воды; выздоровление наступило через 4—5 недель при употреблении теплых морских ванн и холодных обливаний.

С тех пор как я оставил госпитальные занятия, болезнь не возвращалась в прежнем виде. В кишечном канале осталось расположение к поносам и запорам, но понос не является с такими припадками (слабостью, дрожью,

анемиею), как во время моей госпитальной службы в С.-Петербурге.

У себя в деревне я много имел дела с хирургическими больными, почти всякий день оперировал, перевязывал и по 5 — 6 часов в день принимал у себя больных. Но как пиэмиков не было между ними и они не лежали в госпитале, то и я был все время (1 ½ года) здоров. Вообще в течение последних 9 лет я болел только один раз опасно (в Киеве) потаенною перемежающеюся лихорадкою и освободился от нее также желчным поносом с рвотою, произведенными, впрочем, искусственно — приемом рвотного; после него и при употреблении хинина я и совсем выздоровел.

В течение моей 15-летней военно-госпитальной службы в С.-Петербурге я потерял: одного ассистента, двух фельдшеров, одного подлекаря и трех служителей, занимавшихся со мною вместе в хирургической клинике и в секционной зале. Трое служителей, здоровые и крепкие солдаты, по вступлении их на госпитальную службу делались с каждым годом все более и более болезненными и кахектическими¹; потом у них показывались опухоли подкрыльцевых и паховых желез, переходившие в нагноение, а наконец развивался и туберкулез. Один из них страдал также часто рожею лица, а другой — брайтовой болезнью². Все они долго перемогались и, несмотря на опухоль желез, не шли в госпиталь; это объясняется отчасти и склонностью их к пьянству; один из них, помогавший постоянно при вскрытиях трупов, пил тайком даже грязный спирт, остававшийся от вымачивания патологических препаратов.

Двое фельдшеров, также порядочные пьяницы, умерли тоже от туберкулеза, но смертность между фельдшерами моего хирургического отделения была относительно еще не велика, потому что они часто менялись и ни один из

¹ Кахектический — истощенный.

² Брайтова болезнь — по имени лондонского врача Р. Брайта (1788—1858), впервые ее описавшего в 1827 г.; заболевание почек, при котором поражены почечный эпителий и соединительная ткань. Сопровождается отеками ног и белком в моче.

них не оставался более 2 лет в пиэмических или гангренозных палатах; только те двое, которые померли, оставались более других при пиэмическом отделении.

Умерший подлекарь, помогавший мне при вскрытиях и занимавшийся потом целые 6 месяцев в гангренозных отделениях севастопольских лазаретов, был крепкого телосложения, но также любивший выпить. Он, работая в Севастополе по 5—6 часов в сутки, долго выдерживал влияние госпитальных миазм, но через несколько месяцев и он заметно ослабел, побледнел и пожелтел, проявилась слабость прежде в ногах; он начал ходить с палкою и несколько волочить ноги; потом страдал желчным и даже кровавым поносом, а наконец развился и у него острый туберкулез, от которого он умер чрез год после своего возвращения из Крыма в Санкт-Петербург.

Наконец, ассистент мой (при клинике и при анатомико-патологических вскрытиях), молодой человек, только что кончивший курс, был слабого здоровья и прежде страдал плеврезиею¹ и расположением к цынге; по наружному виду и он не походил, однако же, на чахоточного. В 1853 он целое лето неутомимо занимался патологическими вскрытиями, анатомико-хирургическими исследованиями и перевязкою ран в хирургическом и пиэмическом отделениях госпиталя. К осени оказались у него сотрясательные, перемежающиеся ознобы (предвестники острого туберкулеза); сильные приемы хинина приостановили их на некоторое время, но вскоре острый туберкулез легкого показался с новою силою и в короткое время убил человека, подававшего большие надежды.

Теперь спрашивается, имею ли я основание искать в гнойном заражении причину и моей болезни, и смерти всех этих лиц? Если пиэмию назовем только одно рельефное изображение этой болезни по классическим руководствам и учебникам, то, конечно, нет. Также нет, если пиэмию будем искать только там, где найдем трав-

¹ Плеврезия (плеврит) — воспаление плевры при туберкулезе, пневмонии, ревматизме, сопровождающееся повышением температуры, одышкой, кашлем, болями в груди.

матическое нарушение целостности с поражением вен, тромбозом и эмболиею¹.

Но в этом-то и состоит предрассудок, против которого я восстаю, что будто бы гнойное заражение всегда является под видом перемежающейся лихорадки, лихорадки родильниц, воспаления вен, переносных нарывов, словом, под видом классической пиэмии.

Смотря без всякого предубеждения на ход моей болезни, я вижу ясную и целые 15 лет продолжавшуюся связь между ее припадками и моими занятиями в секционной зале, в палатах пиэмиков и гангренозных, в воздухе, пропитанном зловонными испарениями.

Быв сторонником механического происхождения пиэмии, я сначала не хотел верить в эту связь, я убедился в ней постепенно и после долгого наблюдения. Причину же, почему я избежал полного развития пиэмии, я приписываю моим обычным поносам, с которыми я вступил в госпитальную службу. Я чувствовал себя и в госпитале, и в секционной комнате всегда хуже, как скоро у меня являлся запор, хотя в деревне и на чистом воздухе он мне нисколько не вредил. В госпитале же, напротив, с появлением вонючих (содержавших множество сероводорода) и обильных испражнений я чувствовал тотчас облегчение. Это наблюдение над влиянием поносных испражнений на ход гнойного заражения подтверждается, как известно, и опытами над собаками (с впрыскиванием гноя в вены): и у них при появлении поносов пиэмия иногда вовсе не развивается. Какие органические изменения были у меня следствием постоянного вдыхания гнойных испарений, я не знаю; но расстройство кишечного канала и скрытую перемежающуюся лихорадку, чуть не доведшую меня до гроба, я рассматриваю как следствия хронической пиэмии.

Что касается до других приведенных мною случаев, то в них материальные изменения, и именно: нарывы лим-

¹ Эмболия — то же, что тромбоз, процесс прижизненного свертывания крови внутри сосудов вследствие поражений стенок, изменения состава крови, давления, застоя крови; наблюдается в артериях, чаще в венах вблизи клапанов.

фатических желез, туберкулез и брайтова болезнь, подтверждены были вскрытием. Если взять эти случаи внезапно и в отдельности от других, то, конечно, покажется странным, почему я эти различные болезни отношу также к гнойному заражению. Если же после наблюдения целого ряда случаев познакомишься с различными оттенками и осложнениями пиэмии, то убедишься, что и острый туберкулез, и острый скорбут, и острый медуллярный сарком могут при известных условиях развить настоящий гнойный диатез в теле.

Если в Крымскую войну я имел гораздо менее дела с рельефными формами госпитального омертвения, чем французские хирурги, то я приписываю это именно тому, что еще во время (в конце января 1855) занял под гангренозное отделение частные дома в Севастополе. Вообще, кто убежден в прилипчивости госпитального омертвения, тот будет непоследователен, если не станет тотчас же отделять зараженных, а вздумает их размещать по другим палатам, как это советует, например, Нейдерфер. Мне кажется бесчеловечным и бессмысленным пробовать восприимчивости незараженных, имея в виду одни воображаемые выгоды для зараженных. И если правда, что наши неприятели в Крыму заметили ожесточение госпитальной нечистоты от изолирования зараженных, то, вероятно, они отделяли их так же, как это делалось в итальянскую войну, то есть в особые палаты того же госпиталя и под тою же крышею.

Если бы даже от скопления зараженных в одном месте состояние некоторых из них и потерпело, то это не уменьшает пользы, приносимой особыми отделениями целому госпиталю. Итак, насколько я защитник размещения раненых между здоровыми, настолько же я противник размещения зараженных между другими, не подвергшимися еще заражению больными. Мои убеждения о губительном влиянии госпиталей на развитие пиэмии, нечистоты ран и других миазм, так же как и необходимость предлагаемых мною мер, подтверждаются многими наблюдателями. В Германии поняли уже выгоды госпитальных палаток, хотя немцы и не сознают, что этим они обязаны России [...].

Как можно до сих пор при настоящем прогрессе естествознания располагать целый лагерь и военные лазареты безразлично, не изучив тщательно ни топографии, ни геогнозии каждой местности, а основываясь, как это делается теперь в наших европейских войнах, на одних стратегических соображениях? Что знают наши военные администраторы и генерал-штаб-докторы о различных слоях почвы, о выходящих из них испарениях, о различном стоянии и свойствах грунтовой воды? Кто занимается этим?

Я испытал анестезирование на поле сражения при осаде Салтов в Дагестане в 1847 году. Предложенный мною в то время способ эфирования чрез прямую кишку оказался неудобным для военного времени, и я употребляю его теперь только как превосходное *antispasmodicum*¹ в ущемлениях и особливо в почечной колике. При первых моих опытах над анестезированием раненых мне казалось, что оно способствует мефитическому заражению. Так я объяснял себе быстро развивавшуюся септикемию² у ампутированных при осаде Салтов. Потом я убедился, что причина ее была совсем не та. Но и теперь, однако же, я не отвергаю, что при известных условиях анестезирование располагает к мефитизму. Поэтому, если я имею дело с омертвлением у анемика, то я не анестезирую его для операции. Также не анестезирую я и того раненого, который был недавно поражен сильным травматическим окоченением.

Если я оперирую только что оправившегося от общего торпора³, то я делаю это для того, чтобы возбудить угнетенную чувствительность и иннервацию⁴. — Такой раненый почти не чувствует боли и без анестезирования; сделать же его совсем бесчувственным значило бы повредить ему.

За исключением случаев этого рода и некоторых легких операций, как, например, извлечения неглубоко засевших пуль, ни одна операция в Крыму под моим ру-

¹ Антиспазматик (лат.).

² Общее инфекционное заболевание.

³ Состояние глубокого, подобного смерти, сна.

⁴ Иннервация — снабжение органов и тканей нервами, что обеспечивает их связь с центральной нервной системой.

ководством не была сделана без хлороформа. Другие русские хирурги почти все поступали так же.

По моему приблизительному расчету число значительных операций, сделанных в Крыму в течение 12 месяцев с помощью анестезирования, простиралось до 10 000. Если я прибавлю к этому числу еще другие, менее значительные операции, но сделанные также с хлороформом, да еще все, которые я делал с анестезированием и прежде, и после Крымской войны, то, кажется, я имею достаточно данных, чтобы судить и о достоинствах, и о невыгодах анестезирования. До сих пор в моей практике не встретилось ни одного достоверного случая скоропостижной смерти от анестезии.

По расчету, сделанному у нас на перевязочных пунктах в Севастополе, можно было при заведенном мною порядке и с хлороформом ампутировать с лишком 300 раненых в течение суток, а при более благоприятной обстановке это же число хирургов могло бы окончить 300 ампутаций с хлороформом и в 9—10 часов.

С тех пор как моя *Анатомия фасций и артериальных стволов* «*Anatomia chirurgica fasciarum et fruncorum arterialium*»¹ проложила верные пути к отыскиванию артерий, я постоянно руководствовался предложенными в ней правилами и подтвердил их на опыте, сделав более 70 перевязок.

Идя найденными мною путями, я легко и без приключений находил артерию, и только однажды, перевязывая бедренную артерию в гноящейся ране, я проколол крючком слитую с нею вену. — Итак, я считаю долгом обратить снова внимание хирургов на мои правила, подтвержденные уже теперь 25-летним опытом. Пока их не примут в руководство, артерии будут отыскиваться не анатомически, а ощупью.

Я убедился также — и еще до Крымской войны, — что преимущества моей гипсовой повязки, наложенной тотчас же после резекции, незаменимы никаким другим способом, и меня удивляет, что в Германии только теперь начинают, как кажется, этому верить.

¹ «Хирургическая анатомия фасций и артериальных стволов» (лат.).

В Пруссии и Америке (в голштинской [1866 г.] и американской [1861—1865 гг.] последних войнах) женщины принимали также самое теплое участие в судьбе раненых. В Голштинии и Шлезвиге помогали в лазаретах до 85 сестер (католичек и протестанток). Круг их действий был, однако же, более ограничен, чем наших сестер во время Крымской кампании. Мы рады были, когда наши сестры вмешивались, если не прямо, то косвенно, в госпитально-экономическую администрацию. И не только врачи, многие военноподполковники желали этого. А в Пруссии госпитальные врачи настаивают, чтобы деятельность сестер в госпиталях была тщательно разграничена и им строго бы было запрещено вступаться в дела госпитальной администрации. Тут много значит чисто духовный (орденский) характер сестер. Он имеет и хорошую, и худую сторону. Хорошая сторона наших сестер, отличающая их от орденских (духовных), — та, что они менее склонны интриговать, вкрадываться в доверие больных, вооружать их против врачей, делать прозелитов и тому подобное. Поэтому немудрено, что на Западе многие врачи не очень расположены к женской помощи в госпиталях.

2. О СОРТИРОВКЕ РАНЕННЫХ

Часть 1¹

Я считаю себя нравственно обязанным перед Обществом попечения о раненых и больных воинах заявить следующее, и потому прошу покорно принять на себя и огласить мое заявление.

¹ Документ адресован Бертенсону И. В. как редактору «Вестника» для передачи правлению Общества. Бертенсон Иван Васильевич (1833—1895) — после защиты докторской диссертации в Юрьеве (1857), был деревенским врачом; писал по крестьянскому вопросу, участвовал в медицинской прессе статьями по больничному и санитарному делу, по общественной гигиене; заведовал больницами; преподавал в медицинских школах. Бертенсон сопровождал Пирогова в поездке на театр франко-прусской войны; напечатал несколько статей о Пирогове.

В моем Отчете, изданном Обществом, я сказал на стр. 60, что «я первый ввел сортировку раненых, уничтожив этим господствовавший на севастопольских перевязочных пунктах хаос, — и горжусь этой заслугой, хотя ее и забыл сочинитель «Очерков медицинской части в 1854—1856 годах».

До сих пор, несмотря на мои 60 лет, я никогда еще не был обвиняем во лжи и в хвастовстве; поэтому я и не считал необходимым приводить в Отчете доказательства моих прав на эту, немаловажную, по моему мнению, заслугу; тем более, что считал ее за неоспоримый и известный многим очевидцам факт.

Мне не трудно было бы привести между многими свидетелями таких известных лиц, как доктора Обермюллер, Каде, Хлебников (профессор Медико-хирургической академии), живущие в Петербурге, и другие.

Но, к крайнему моему удивлению, я прочел в брошюре, недавно изданной, как я полагаю, отделением Общества, под именем «Франко-германская война 1870—1871 гг. и международная русская помощь»¹, на стр. 78 следующие строки:

«Если автор Отчета о посещении военно-санитарных учреждений Германии, Лотарингии и Эльзаса в 1870 г. упоминает, что он первый ввел сортировку раненых и этим уничтожил хаос, то я себе позволяю, не уменьшая славы его изобретения, привести, что после значительной вылазки 8 января 1855 года, хаос, происшедший вследствие наплыва раненых, привел меня к этой мере, и я, тогда же, распорядился об отделении раненых, подлежащих операции, от подлежащих транспорту и безнадежных. Ученый автор вышеупомянутого Отчета вступил только 19 января на перевязочный пункт и до этого времени ни на одном из перевязочных пунктов не был. Что он поддержал эту сортировку, и даже может быть еще настойчивее, это мне совершенно известно; но я не думал, что он желал приписать себе инициативу этого дела. Здесь, вероятно, случилось то же, как и при других больших открытиях, что двое, в одно и то же время, нападают на одну и ту же мысль, или, как

¹ Автор Гюббенет Христиан Яковлевич; см. сноску 4 на с. 184.

и при весьма простых мерах, что две личности, в одинаковом положении, делают одно и то же».

И далее: «Эта сортировка не нова, но заимствована из старых, по-видимому, инструкций в Пруссии».

Хотя для сущности полезного дела все равно, кто первый ввел его в употребление, но если я, по собственной занимающимся наукой слабости, уверил Общество, печатно, о моем первенстве в этом деле, то, чтобы не остаться в его глазах хвастуном, я обязан ему представить доказательства.

Вступить мне, тотчас же, по прибытии в Севастополь, на перевязочные пункты (в начале ноября) было бы, по моему мнению, более эффективно, чем полезно, и я до 19 января 1855 г., действительно, не присутствовал на севастопольских перевязочных пунктах. Я с первого же дня моего прибытия под Севастополь в 1854 г. вплоть до января 1855 г. был занят в госпиталях (бараках) на Северной стороне, в Бахчисарае и Симферополе (где пробыл около 3 недель), переполненных тогда донельзя тяжело ранеными после Инкерманской битвы, после первого бомбардирования, и даже еще оставшимися после сражения под Альмою; в течение месяца не проходило почти ни одного дня, в который бы не было сделано в этих лазаретах от 10 до 20 различных операций и накладывания неподвижных повязок; в одних бараках и батареях, на Северной стороне, лежало более 100 ампутированных и резецированных; несколько сотен таких же были скучены в Бахчисарайском и Симферопольском лазаретах; сверх того, в Симферополь прибыла Община сестер милосердия (Крестовоздвиженская), которую я должен был, по поручению ее императорского высочества великой княгини Елены Павловны, разместить по лазаретам.

Между тем севастопольские перевязочные пункты, после Инкерманской битвы, не представляли поприща для научно-врачебных занятий; правда, с батарей и после ночных вылазок приносились в Морской госпиталь и в Дворянское собрание почти ежедневно несколько раненых, требовавших иногда операций, но почти до половины декабря трудно раненые и оперированные на этих пунктах пересылались на Северную сторону.

Это распоряжение господина администратора в Дворянском собрании, д-ра Рождественского, имело ту хорошую сторону, что прекрасное помещение в Дворянском собрании не было завалено ранеными с гноящимися ранами, а оставалось пригодным для свежераненых и для первых перевязок, хотя, с другой стороны, бараки на Северной стороне переполнились от этих транспортов трудно больными и пиэмиками. Но потом, когда оперированные, по новому распоряжению другого директора, начали задерживаться в Дворянском собрании, то Севастополь лишился на целые месяцы одного из лучших помещений для свежераненых.

Этим и объясняется, почему операции, произведенные в Дворянском собрании, когда оно было только перевязочным пунктом, после первого бомбардирования дали довольно порядочный результат, а потом, пиэмия, развивавшаяся там от скучения оперированных, начала заражать и свежераненных и свежеоперированных так, что когда я, 19 января, по настоянию князя Васильчикова, принял на себя заведывание главным перевязочным пунктом в Дворянском собрании, я нашел там около 150 оперированных и раненых и почти буквально ни одного не нашел с чистой раной; у всех были гнойные затеки, острогнойный отек и пиэмия. Итак, спешная деятельность на перевязочных пунктах не дала блестящих результатов, и если я, не рассчитывая на эффект, отказался на первое время от интересных занятий на перевязочных пунктах, а сосредоточил мою деятельность на осмотр нескольких тысяч раненых в Симферопольском и других лазаретах и на наблюдение за ходом лечения в бараках, то я был все-таки не менее полезен и, во всяком случае, не более вреден, чем другие.

Что касается до ночной вылазки 8 января, в которой будто бы в первый раз был предпринят способ сортирования раненых, то со стороны лица, введшего его в употребление, было весьма предосудительно, что оно ни мне, ни другим врачам ни тогда, ни после ничего не сообщило об этом полезном нововведении. Этим оно, как скрывавшее свой талант в землю, причинило много вреда ближнему.

После 8 января было еще несколько стычек, была и знаменитая ночная вылазка 10/22 марта 1855 года у Камчатского редута, о которой также упоминается и в новоизданной брошюре (на стр. 79—80); были и первые дни сильной бомбардировки на другой день Светлого праздника; автор брошюры ни разу, однако же, не показал нам своего способа на деле; он бывал нередко в Дворянском собрании и даже ночевал там однажды, а между тем, он ни единым словом не намекнул ни мне и никому из нас о своем способе сортирования раненых, — хотя он и не мог не видеть, что наши меры в то время не были еще достаточны против хаоса от ночных наплывов раненых на наш перевязочный пункт. Как же это объяснить?

Мало того, при знаменитой вылазке с Камчатского редута, когда я, — едва оправившись от тифоида, — сделал первую попытку сортирования раненых, назначенных для ампутации, автор брошюры, — я это очень хорошо помню, — прибыл на другой или третий день в Дворянское собрание и сам, жалуясь на свое беспомощное положение в Морском госпитале, — куда были перенесены в ночь все раненые с Камчатского редута, — рассказывал нам про свое отчаяние. И действительно, было от чего отчаиваться: он и врачи в Морском госпитале это говорили тогда, и он, и они, распорядились тотчас же, ночью, делать ампутации, а между тем раненых приносили все более и более и стеснили операторов до того, что им едва можно было двигаться; вследствие этого целую неделю после вылазки приносили к нам, с заведываемого господином автором брошюры пункта, вовсе не перевязанных раненых с раздробленными костями.

Теперь, в брошюре он извиняется тем, что «самые лучшие инструкции не могут быть всегда соблюдаемы» и что «при внезапном наплыве раненых, недостатке места (?) и при совершенном мраке (?) сортировка не могла быть вполне соблюдена».

Дело в том, что она вовсе еще не была тогда известна автору. На внезапность наплыва, на мрак и недостаток места ссылаться нельзя. Князь Васильчиков дал знать врачам о предстоящей вылазке; места в огромном Морском госпитале довольно нашлось бы при лучшем рас-

поряжении ранеными, против мрака могли быть в запасе свечи. Как бы то ни было, но мне кажется, что кто, зная, не применяет знания к делу, тот поступает не извинительно, а кто, зная о полезном, не сообщает своего знания вовремя другим, — тот поступает недобросовестно.

Напрасно, однако же, мы бы стали укорять автора в его неумении или, боже сохрани, в его недобросовестности и скрытности. Он, так же как и я, до больших дел под Севастополем, просто не знал да и не мог знать этой «простой», по его словам, меры. Побыв не более 6 недель на одном из перевязочных пунктов в самое глухое и тихое время (между ноябрем и половиною января), даже и при большей опытности в военной хирургии, нельзя было сразу примениться и отстать от прежних убеждений школы, т. е. тотчас же сортировать раненых, не теряя ни минуты времени.

Главное же, в Севастополе, до больших вылазок и до второго бомбардирования (март, апрель), то есть после Инкерманского сражения, не было ни надобности, ни средств производить сортировку раненых; она была бы в то время ошибкою, а не заслугой.

Господин автор в насмешку называет ее то важным открытием, то простым делом; но простым делом может сортировку раненых назвать только тот, кто ее не знает по опыту. Это, напротив, одна из самых трудных мер военно-врачебной администрации, а потому не было и никакой надобности применять ее ни 8 января 1855 г., ни в других еще менее значительных стычках вплоть до вылазки 10/22 марта у Камчатского редута.

Какая надобность, в самом деле, сортировать сотню или две раненых, имея до 10 врачей под рукой? Тут должно оказывать тотчас же помощь всем нуждающимся в хирургических пособиях, а 8 января 1855, — можно утверждать положительно, — в Дворянское собрание не могло быть принесено таких раненых более 50—60; в Дворянском собрании нельзя было поместить более 150 коек, а на Северную сторону, я положительно уверяю, в течение всего января 1855 г. не было разом доставляемо более 10—20 свежих раненых. Если бы было тогда более 100—200, куда

же они могли деваться, после сортировки? В Морской госпиталь из Дворянского собрания не отсылались раненые, да по недостатку в транспортных средствах их и нельзя было тотчас отсылать.

Итак, я утверждаю, что ни в одной вылазке, в январе месяце 1855 г., не представлялось никакой надобности терять время на сортировку, тем более, что в эту эпоху осады в Дворянском собрании было скорее избыток, чем недостаток во врачах, искавших операций, а в случае недостатка их можно было пригласить от нас, с Северной стороны. Если же, наконец, кому-нибудь из 2-х тогдашних директоров перевязочного пункта в Дворянском собрании (господину Рождественскому и Гюбенету) и пришла мысль сортировать больных, то ее все-таки нельзя бы было исполнить в то время, и эта мера, как бы она проста ни казалась, осталась бы одним благочестивым желанием.

Для сортирования раненых на 4 или 5 категорий, кроме значительного числа раненых, необходимы еще 3 условия: значительное число вспомогательного материала, средства для транспортировки и достаточное помещение вблизи перевязочного пункта. Но куда бы положили гг. директора перевязочного пункта в Дворянском собрании разделенных на категории раненых, если бы их было более 200? Транспортировать, тотчас же, через бухту тогда было нельзя, а в самом Севастополе не было еще никаких размещений ни для безнадежных, ни для гангренозных!

Может быть, господа директора, действительно, отделили назначенных к ампутациям и ампутированных в одну залу от других раненых; но неужели же можно это назвать сортировкой и сравнивать с тем, что происходило при мне, в Дворянском собрании, начиная со второй бомбардировки на Святой неделе и в последовавшие за тем сильные вылазки?

Не может быть, чтобы автор брошюры не знал или забыл, как трудно было мне ввести сортировку с первого разу, — ведь первая, и не совсем удачная, попытка была сделана мною на его же раненых после вылазки у Камчатского редута, когда он не знал, куда с ними деваться.

Но не этою попыткою и не сразу я достиг водворения порядка в Дворянском собрании. В первые 2 дня второй бомбардировки беспорядка все еще было много на моем перевязочном пункте, пока, наконец, я достиг полного распределения всех раненых, и это случилось только тогда, когда я получил, по приказанию кн. Васильчикова, в мое распоряжение до 5 значительных помещений: очищенную Николаевскую казарму, офицерский дом, дом Гущина и т. п., когда я сам очистил, на время, зараженное Дворянское собрание, получил носильщиков и служителей и, сверх того, к тому же времени были учреждены правильные транспорты на пароходах через бухту; прибыли сестры Крестовоздвиженской общины, и прикомандированы были к перевязочному пункту врачи из полков.

Неужели же все это забыто очевидцами? — Неужели кто поверит, чтобы лицу, не совсем опытному в военной хирургии, не имевшему дела с ранеными, недавно прибывшему на перевязочный пункт (которым оно и не заведывало самостоятельно), вдруг, в один день, именно 8 января 1855 г., без всякой необходимости и без всяких средств удалось найти и ввести в употребление одну из трудных врачебно-административных мер, а потом, не сообщив о ней никому, забыть ее и не применить при необходимом случае, на деле? Мало того, кто поверит, что это же самое лицо и потом уже, после того как сортировка в Дворянском собрании ежедневно мною применялась, именно 26 мая 1855 г., опять-таки не могло применить ее на деле, как скоро раненые скопились в одном месте и в значительном количестве? В доказательство этого привожу слова самой брошюры. «Еще более, — пишет сам автор, — сортировка не могла быть соблюдена 26 мая (7 июня), когда давка и теснота были так значительны, что пришлось, лишь бы только уменьшить хаос, отправить узванные (и я наверно знаю, что и неузнанные) переломы без повязок на Северную сторону».

Можно ли после таких признаний считать сортировку детищем собственного опыта или собственной фантазии и рекомендовать ее, как автор это сделал, в своих «Медицинских очерках»?

Правда, я и сам далек от того, чтобы сортирование раненых выдавать за талисман и утверждать, что оно всегда должно удасться — если главный военно-врачебный администратор армии не признает эту меру обязательной для всех подведомственных ему врачей; если он сам не знаком с ней из опыта; если она применяется исключительно после полевых сражений, на самом поле битвы, без достаточных средств, и, особенно, во время отступления армии, — то она, конечно, не удасться. Не могла быть применима сортировка, в полном смысле, и у нас, при отступлении армии с Южной стороны Севастополя; но во время самой осады ответственность за неудачное ее применение всецело падает на военно-врачебную администрацию и, конечно, не на одного автора брошюры.

Замечательно для меня в этом плагиате и то, что ни автор брошюры, ни никто другой не присваивает себе до сих пор, до 1870 г., введение сортировки между военно-врачебными мерами администрации, тогда как я заявил мое право на первенство, подробно описав ее в моей Военно-полевой хирургии, на немецком и русском языках. Прошло уже 9 лет после издания моей «*Kriegschirurgie*»¹, и я в первый раз нахожу такой плагиат в «Очерках медицинской части в 1854 — 56 годах», который, впрочем, подтверждает известную истину, что «хорошо забытое, старое, может быть легко превращено в новое».

В брошюре же «О Франко-германской войне» тот же автор, и эту же самую меру, называет уже заимствованной «из старых инструкций», — каких спрашивается? (стр. 78), — и «выработанной по прусским предложениям в особом комитете» (стр. 77), — в каком, и главное, когда? А что, если после издания моей *Kriegschirurgie*? Она не безызвестна прусским врачам и администраторам, и когда она вышла в свет, то Пруссия начала только вести Датскую войну², но ни в Датской, ни в прежних войнах до 1866 г., и даже до 1870, сортирование раненых не было еще введено нигде как главная военно-полевая врачебная мера.

¹ «Военно-полевая хирургия» (нем.).

² Имеется в виду война 1866 г.

Итак, один и тот же автор, в двух своих сочинениях, изданных почти в одно время, объявляет нам о сортировке раненых и как о принадлежащем ему нововведении и, вместе, как о мере уже старой, общепринятой и столь простой, что на нее, при некоторой опытности, каждый сам наталкивается.

Жаль, что автор, видевший несколько раз на нашем перевязочном пункте способ моей сортировки раненых и рассуждая теперь о нем и так и сяк, забыл присвоить себе еще и мысль о фабричном, так сказать, производстве ампутиаций, посредством сортировки врачей, которую я проводил иногда на деле, вместе с сортировкой раненых.

Он говорит, впрочем, в своих «Отчетах» об известном числе ампутиаций, которое я успевал делать в час времени, но он или забыл сказать или не заметил, что я, или лучше сказать, что мы, их делали тогда фабрично, т. е. я оканчивал операцию отпиливанием кости и передавал ампутированного для перевязки сосудов в другие руки, а сам производил следующую операцию; врач, перевязывавший сосуды, по наложении лигатур, передавал больного для наложения повязки в третьи руки; таким образом, один раненый переходил через три группы различных техников. Этот способ сортировки врачей имел ту хорошую сторону, что операция шла гораздо скорее, и для каждой ее части можно было выбрать знатоков дела, так как у нас случалось нередко, что один врач делал хорошо ампутационные разрезы, но не умел хорошо перевязать сосудов, или наоборот.

Как бы, наконец, ни был очевиден цинизм плагиата, с ним можно еще мириться, если он объясняется излишнею любовью к предмету; «любя, и чужое дитя можно признать за свое». Если я присвоил себе, действительно, чужое, то я могу, по крайней мере, доказать фактами, что я о нем ревностно заботился; а если в нынешнюю войну я мало узнал на опыте о судьбе усвоенной мною меры, то это случилось не по моей вине. Я не мог попасть на театр войны. Автор же брошюры был так счастлив, что успел получить королевский указ на проезд в действующую армию и в главную квартиру (и еще с двумя своими ассистентами) и, к сожалению, несмотря на это, не сообщил нам ничего из своих собственных наблюдений над сортировкой в амбулансах,

представив только на стр. 77 одни прусские предложения о деятельности на главном перевязочном пункте, выработанные в особом комитете.

А каковы они оказались на деле в нынешнюю войну в глазах беспристрастного иноземного наблюдателя? На это мы не находим ответа в брошюре.

Я прошу покорно Общество не принять мое заявление за полемику, в которую я никак не намерен входить с автором брошюры. Я счел только долгом, через оглашение фактов, обратить его внимание на историю развития способа распределения первой помощи на театре войны, который я назвал в отчете моим, и полагаю, что русское Общество попечения о раненых и больных не отнесется равнодушно к заслугам отечественной военно-полевой хирургии и к доброму имени одного из его членов.

Часть 2

С. Вишня. 1871. Декабря 14

Милостивый государь Иосиф Васильевич.

В дополнение к моему официальному заявлению о плагиате автора известной брошюры я присовокупляю для вашего сведения, а если найдете это нужным, то и оглашения, еще следующее. Мысль о каком бы то ни было предприятию или о какой-либо мере может каждому занимающемуся делом прийти внезапно; но осуществить мысль, если она касается предприятия или меры, требующих опыта и средств, как бы мыслитель ни был гениален, никому еще на свете не удавалось разом и, так сказать, в один прием. Мысль может быть очень проста, а осуществление ее сложно и трудно. И, может быть, автор брошюры смешал именно мысль с ее осуществлением.

Что ему, как и всякому другому, могла прийти мысль о сортировании раненых 8 января 1855, этого ни доказать, ни опровергнуть никому другому невозможно; но физически невозможно, чтобы он ее осуществил в один день. Этому никто, знакомый с делом, не поверит. Это я доказываю фактами в моем официальном заявлении.

Когда г. автор прибыл в Севастополь, то он до того времени (до 1854 г.) никогда не имел дела с ранеными на войне; он, вообще, начал заниматься практическою хирургиею только с 1848 года (при проезде моем с Кавказа через Киев в 1847 он не был еще хирургом, а был преподавателем судебной медицины); и поступил на перевязочный пункт в Севастополе в самое глухое и тихое время после Инкерманской битвы; он был, без сомнения, убежден в необходимости оперировать раненых как можно скорее после ранения, — в этом убеждении он останется еще и теперь (ссылаюсь на стр. 81 его брошюры: ампутация бедра); весьма естественно, следовательно, при таком взгляде и при таких условиях, спешить с производством хирургических пособий, и я сам на кавказских амбулансах только о том и заботился, как бы скорее оказать оперативное пособие раненым, а потому и смотрел поневоле на беспорядок и толкотню в амбулансах как на неизбежное зло, с которым нужно мириться, чтобы только скорее сделать первичные (ранние) операции.

Мысль же о выжидании и сортировании раненых мне пришла, именно, когда пришлось иметь дело с тысячами раненых, привозившихся при мне из Севастополя в Симферополь, во время моего посещения (в ноябре и декабре 1854 г.) симферопольских и бахчисарайских лазаретов, когда я предпочел это посещение лазаретов эффектному, но вовсе не крайне необходимому в это время, пребыванию на севастопольских перевязочных пунктах. Быв очевидцем, в каком состоянии прибывали туда раненые, я убедился, что на перевязочных пунктах оказанные пособия служили им не впрок, а часто и во вред.

Я дал себе тогда слово, при первой возможности, переменить план действий, и я убежден, что, останься я на перевязочном пункте с конца ноября 54 по 19 января 55, я никогда не был бы в состоянии представить себе так живо все бедствия, причиняемые раненым от беспорядка и хаоса на перевязочных пунктах и от гоньбы за операциями хирургов на амбулансах.

Конечно, весьма возможно, что другой гениальный врач, и не видав, мог себе то же самое живо представить; но живо, и в один и тот же день, вообразить и сразу привести в

исполнение задуманное, — это, и при всех возможных пособиях, сделать было бы сверхъестественным чудом, а не делом ума и рук человеческих. Между тем, есть указание, что автор брошюры не имел глубокого убеждения, приобретаемого опытом, о пагубном вреде скучивания раненых с большими гноящимися ранами и свежееперированных в одном помещении. Это доказывается именно тем, что он скучил их в Дворянском собрании и не отделял пиэмиков от незараженных, и, потому-то, я, приняв на себя заведывание перевязочным пунктом в Дворянском собрании, не нашел при осмотре раненых ни одной раны чистою.

Могло ли это случиться, если бы мысль о необходимости сортировки была осуществлена. Сортировка именно тем и важна, что она служит к правильному распределению первой помощи и к предупреждению вредного скучения раненых различных категорий в одном и том же месте. При первом приеме и разборе раненых несравненно легче предупредить скучение, чем впоследствии. Пусть же теперь каждый сам убедится в достоинстве следующих результатов, которые непринужденно вытекают чрез сопоставление заявлений автора, изложенных в его «Отчетах о медицинской части» и в брошюре «О Франко-германской войне 1870—1871 года».

1. 1855 год. Января 8. Автор, еще и теперь защитник ранних ампутаций, разом успел ввести сортирование раненых на перевязочном пункте в Дворянском собрании Севастополя.

2. Автор до сих пор «не думал, что я желал приписать себе инициативу этого дела» (там же), а между тем из его «Очерков медицинской части 1854—1855», по сделанному им там разделению раненых на категории, видно, что ему неизвестна была моя «*Kriegschirurgie*» (изд. 1863, стр. 37), в которой я заявил о введении мною сортировки раненых на перевязочных пунктах.

3. Спустя почти 9 лет после издания моей «*Kriegschirurgie*» автор брошюры описывает эту меру в своих Очерках так же, как я это делаю в моей «*Kriegschirurgie*», и через год после того, он уже прямо приписывает себе ее введение и означает даже день (8 января), когда это случилось, а потом в той же брошюре (Франко-

германская война, стр. 78), несколько строк ниже, называет ее «заимствованною» из старых (прусских?) инструкций (стр. 78).

Но, чтобы вернее судить о достоинствах достигнутого им результата № 1, нужно еще взять в соображение, что он до конца 1854 не имел никогда дела с ранеными на сражении, что 8 января он не имел в своем распоряжении ни транспортных средств, ни других помещений вблизи, что он вовсе не хлопотал, считая, вероятно, это ненужным, об уничтожении скопления раненых и свежеоперированных, — главное же, что он, как и большая часть нас, врачей, в то время верил в вопиющую необходимость ранних операций, — этому верит, впрочем, он еще и теперь, а между тем должно знать, что введение сортировки раненых на перевязочных пунктах есть конечный результат сомнения в этой необходимости. Чтобы предложить и ввести в употребление сортировку, нужно было сначала убедиться, что польза, приносимая в известных случаях ранними операциями, не окупает вреда, происходящего от неравномерного распределения помощи для большей части случаев.

Принципом сортировки служит выбор из двух зол меньшего, и все защитники ранних операций, как Ларрей и другие, никогда не могли и помышлять о сортировании на амбулансах; это был бы нонсенс в их глазах, и потому они спешили только сделать как можно более ранних операций на перевязочных пунктах, сосредотачивая на это всю деятельность врачей и помощников.

Но автор брошюры сумел соединить противоречия и из невозможного сделать возможное, хотя он до издания «Очерков» никому и не говорил о своем нововведении, тогда как с 8 января по март и апрель 1855 ему не раз представлялся случай показать нам его на деле.

Я давно принял за правило предоставлять безответно мои научные труды суждению каждого и потому никогда не полемизирую. Но это правило я не могу соблюсти там, где идет дело об искажении исторических фактов, нарушающем человеческое достоинство. Прошу рассматривать все сказанное как добавление к моему заявлению.

Ваш покорный слуга *Пирогов*.

3. О КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЕ¹

Вишня. 27 февраля 1876 г.

[...]. В ту незабвенную эпоху [1854 г.] каждое сердце в Петербурге билось сильнее и тревожнее, ожидая результата битвы при Инкермане. Уже несколько недель перед тем я себя объявил готовым употребить все свои силы и познания для пользы армии на боевом поле. Просьба моя давно была подана, но все ходила по инстанциям начальства. Соглашались и нет произнести решение, а я начинал уже отчаиваться в успехе, как вдруг получил приглашение к великой княгине. К большой моей радости, она мне тотчас объявила, что взяла на свою ответственность разрешить мою просьбу.

Тут она мне объяснила ее гигантский план — основать организованную женскую помощь больным и раненым на поле битвы и предложила мне самому избрать медицинский персонал и взять управление всего дела [...].

Я, однако, был принужден признаться, что я только раз в жизни, и то лишь поверхностно, в мое пребывание в Париже [в 1837 г.], посещая госпитали, увидел там женскую службу, и более по инстинкту, нежели по опытности, я был убежден в великом значении женского участия.

Конечно, женская служба в госпиталях — далеко не новое учреждение. Сперва в католических, а потом и в протестантских странах (пастором Флиндер в Кайзерверте, в 1836 году, где сестры были под именем диако-нисс) была введена женская помощь; наконец, и у нас это было принято (сердобольные вдовы в Мариинской больнице, община на Песках и проч.). Но еще нигде не было испробовано посылать женщин на поле битвы. Поэтому идея учредить на поле сражения организованное женское общество должна была казаться очень рискованной. Исключительные обстоятельства тогдашней войны и отдаление от образованных местностей усиливали трудности этого предприятия [...]. Общество сестер было составлено, и несколько недель спустя они были отправлены.

¹ Из письма к Э. Ф. Раден.

Может, конечно, носиться слух в Западной Европе и даже у наших соседей пруссаков (как я это прочел в речи профессора Равот на собрании немецких медиков в Берлине), будто бы мисс Нейтингель с 37 сестрами, «дамами высокой души», как называет их профессор Равот, была первая, которая, по собственному желанию, приехала в Крымскую войну, чтобы с сестрами взять на свое попечение всех больных и раненых, находящихся в амбулатории.

Мы, русские, не должны позволять никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать [...] пальму первенства в деле столь благословенном, благотворном и ныне всеми принятом. И это тем легче, что сестры общины не только принесли техническую помощь, но они оказали и нравственное влияние на дирекцию всего госпитального корпуса во время войны.

В октябре 1854 года Крестовоздвиженская община получила высочайшее соизволение, а в ноябре того же года она находилась уже на театре войны в полной деятельности. О мисс Нейтингель и о ее «высокой души дамах» мы в первый раз услышали только в начале 1855 года, когда злоупотребления английской военной администрации, во время зимних месяцев 1854 года, так же ясно обнаружились, как и у нас. Мое предположение передать сестрам и нравственную дирекцию, и контроль перевязочных пунктов и лазаретов, конечно, только после этого времени получило разрешение великой княгини, но на факте женщины исполняли уже эти должности с самого дня своего прибытия в симферопольские госпитали. Уже ранее этого, еще не быв ознакомлен с женской службой, я убедился *a priori*¹, что женский такт, их чувствительность и независимое от служебных условий положение гораздо действительнее могут влиять на отвратительные злоупотребления администрации, чем официальная служебная контрольная комиссия. (Вы найдете эту идею развитую в одном из моих проектов, между вашими бумагами.)

¹ Передний, ближайший, прежний (лат.).

Результат совершенно подтвердил мои предположения, и, за исключением неудачного выбора одной из сестер, во время организации общины, все их действия в отношении госпитальной администрации и попечения о больных были таковы, что самые лживые языки и худшие враги новизны не могли решительно ни к чему придаться.

Даже сам главнокомандующий армией, князь Меншиков, убедился, что все его опасения, как бы не ввести безнравственности в госпиталях через постоянное присутствие в них женщин, были напрасны. Однажды, когда я был представлен Меншикову, он (по пословице: что у кого болит, тот о том и говорит) сказал мне, что, на его взгляд, сестры послужат только для любовных интриг с военными. К счастью, за исключением одного вышеупомянутого случая, не оказалось ни единого безнравственного поступка во все время их службы на театре войны.

Я нимало не смотрю на современные учреждения женских обществ (у нас, в Англии, Германии и Соединенных Штатах) как на продолжение старой, традиционной идеи католиков; они, напротив того, для меня служат знаком новых времен. Конечно, в некоторой степени они по наружности сохраняют свой древний вид, заведенный католиками; но современный женский вопрос духовно парит в этих учреждениях. Организаторы и основатели их невольно, и сами того не сознавая, способствуют требованию прав уже возбужденному женскому вопросу. Этот столь современный женский вопрос есть сам по себе следствие и плод радикального стремления нашего времени и особого рода мировоззрения. Дело теперь не в эмансипации женщин, о которой я мечтал еще 30 лет тому назад; но настоящим образом значение женщин я постиг только позднее, при управлении общиною сестер и по опытам во время Крымской кампании. Там я мог ежедневно убеждаться, присматриваясь к их обдуманному суждению и аккуратным действиям, что мы не умеем ни достойно ценить, ни разумно употреблять их природный такт и чувствительность.

— Женщины должны только быть направляемы мужчинами, — сказала мне однажды покойная великая княгиня, говоря о своей женской общине.

— Это совершенно справедливо, ваше высочество, — отвечал я, — но справедливо только до тех пор, пока женщины будут воспитаны по-нынешнему и с ними будут обращаться все по той же устарелой и бессмысленной методе. Но это следует изменить, и женщины должны занять место в обществе, более отвечающее их человеческому достоинству и их умственным способностям.

Я постарался изложить письменно все собранные мною впечатления во время моего управления общиной (вы это найдете в числе моих бумаг) и доказать, что сестры не только для ухода за страждущими, но даже в управлении многих общественных учреждений более одарены способностями, чем мужчины [...].

Крымская война доставила достаточно случаев для испытания пользы от женской общины. Но чувствовался недостаток в условиях, которые необходимы для солидного и продолжительного существования общины. Самая деятельность женщин на поле битвы была слишком бурлива и массивна, а средства для помощи сравнительно слишком ничтожны для того, чтобы их можно было разделить ровно и с пользой [...]. Когда, по приезде моем в Севастополь (1854 года, в октябре), я увидел, что медицинское пособие и хождение за страдальцами нужнее в лазаретах и бараках, чем на перевязочных пунктах, то я решил — всю приехавшую общину занять делом в Симферополе (1854 года, в ноябре). Здесь я и оставил их с их начальницей (Стахович) и распределил по разным лазаретам.

В самом деле, там во всех публичных зданиях и во многих частных домах в Симферополе застал я в это время (октябрь — декабрь 1854 г.) несколько тысяч раненых, после битвы при Альме, Инкермане и после первой бомбардировки.

Несчастные, наполнявшие дома, были лишены почти всякого ухода. Многие валялись без матрацев, в грязнейшем белье, на грязном полу, без всякого разбора и без присмотра. Воздух был страшно испорчен, раны смрадны и воспалены. Недоставало ни умов, ни рук, чтобы хоть немного привести весь этот невообразимый хаос в известность и в порядок. Между тем сюда же ежедневно

привозили новых раненых из Севастополя, тогда как на перевязочных пунктах принимали очень малое число раненых (после 2 ноября долго длилось спокойствие со стороны осаждающих и осажденных), и то их отсылали тотчас для первого пособия в разные лазареты. Молодые медики натурально предпочитали покойную, без присмотра, службу в госпиталях занятиям на перевязочных пунктах, под глазами начальства. Но медики, мне подчиненные, находили более полезным и для них более почетным действовать в бараках Северного пункта. Эти бараки мы нашли тоже переполненными и чуть ли не зачумленными. Я знал вперед, что, приняв свое решение насчет первой прибывшей партии сестер, я поступаю несогласно с воззрениями великой княгини, но, несмотря на то, я взял на себя всю ответственность и спокойно ожидал приезда второй партии сестер, которая прибыла в Севастополь после Рождества 1854—1855 годов, имея во главе Бакунину и Тарасова.

Приезд этой второй партии совпал как раз с тем временем, когда осада снова стала ожесточеннее. Я тогда взял на себя попечение о главном перевязочном пункте в Севастополе (Дворянское собрание) и о всех лазаретах в Николаевских казармах и разных партикулярных домах города. Я тотчас же распределил на все места известное число сестер и медиков. До этой минуты мне не случалось почти совсем быть в столкновении с обер-медиками; но когда я на себя взял попечение о главном перевязочном пункте и о всех госпиталях, сейчас же начались разные контры между мной и администрацией.

Теперь никто себе представить не может всю отвратительность и тупоумие тогдашнего официального, администрировавшего медицинского персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведет учрежденный мною нравственный присмотр и контроль административного попечения над руководителями госпитальных порядков.

Дела эти были поручены мною сестрам, женщинам и моим собственным помощникам. Это смутило гг. администраторов, и они стали громко роптать на превышение власти (с моей стороны), и только благодаря благосклонному вниманию генералов Сакена и Васильчикова я

обязан тем, что, несмотря на все интриги, за сестрами был удержан весь надзор над госпиталями.

Е. М. Бакунина вела все дела присмотра за уходом больных с таким тактом, энергией и совестью, что полученный успех оказался блестящим и для всех здравомыслящих людей неоспоримым. Она заботилась наравне с сестрами о доставлении больным надлежащей порции пищи и непременно хорошего качества; она смотрела за чистотой и сменой белья, за прачечными, за частой переменой соломы в матрацах и неотступно требовала от госпитальной администрации всего, что надлежало быть выдано. Все, что прежде удерживали и не выдавали, и теперь еще старались удерживать; но Бакунина, пунктуально исполняя мои и других медиков предписания, настоятельно вытребовывала недоданное. Не удивительно, что подобное вмешательство и такая деятельность женщин не могли быть приятны господам командирам и официальным инспекторам...

В начале марта 1855 года первая партия сестер, потерпевшая начальную тифозную эпидемию, перенеслась также из Симферополя в Севастополь. Я встретил начальницу Стахович, еще не совсем оправившуюся от трехнедельного тифа, — в слабости сил телесных и духовных. Я опасался более всего столкновений между такими двумя различными характерами, как Стахович и Бакунина, и потому я уговорил первую поместиться с своей партией на Северной стороне, в Морском госпитале. Март месяц 1855 года был изобилён боевыми подвигами.

Ночная атака неприятеля на наши вновь выстроенные редуты, Селенгинский и Волынский, обременила нас тысячами тяжело раненных, а наша администрация, как всегда, была мало подготовлена к встрече событий. В эту ночь в Морском госпитале (раненные были отправлены туда) царствовала ужасная кутерьма.

В полумраке от недостаточного освещения медики работали в темноте и в тесноте среди страдальцев, валявшихся где попало, а теснота еще увеличивалась от постоянного приноса новых раненых. Все тут так долго и так много трудились, что, наконец, все (а число их было невелико) утомились донельзя и совершенно стали и были

не способны оказывать помощь другим. В эту же ночь и в два следующие дня перенесли отсюда почти половину раненых на перевязочный пункт.

К счастью, я с самого начала взял себе за правило, когда вдруг разом нахлынет большое число раненых, распределять медицинскую помощь в строго учрежденном порядке, — чего и достигал сортированием и разделением раненых на категории. И еще не меньшим счастьем было то, что наш перевязочный пункт (Дворянское собрание) к этому времени был отлично приготовлен для принятия раненых.

В объяснение этому я должен сказать, что когда я, в январе 1855 года, решился занять эту квартиру, то я нашел это хорошее здание переполненным людьми, сбитыми в самой испорченной атмосфере. Порча воздуха была ужасна, и она явилась вследствие несчастной лени моего предшественника, который оставлял тут всех людей, перешедших через операции (вместо того, чтобы отсылать в другие госпитали). От чрезвычайного переполнения в комнатах между больными открылись антонов огонь и рожа, а также и другие госпитальные заразы. Поэтому я принужден был выслать всех из дому и несколько недель производил в нем усиленную вентиляцию. Ночная катастрофа случилась именно тогда, когда здание перевязочного пункта было достаточно очищено и приготовлено.

Тогда, по установленным мною правилам, я тотчас разделил своих медиков и сестер на четыре группы. Из них первая была обязана сортировать раненых по роду и по градусу болезни; принимать от них деньги и вещи, им принадлежащие, и тех, которым следовало сделать немедленную операцию, тотчас передавать второй группе помощников; легко раненных же (для избежания тесноты на перевязочном пункте) тотчас после подания помощи отсылать в другие лазареты или возвращать в их полки. Вторая группа должна была принимать от первой раненых для немедленной операции, и тотчас же переносить их в смежную залу перевязочного пункта. Третья группа занималась уходом за ранеными, которым должно было делать операции только на следующий день или даже позднее. Четвертая группа, состоящая из одних сестер и одного священника, была назначена для безнадежно больных и

умирающих, которым сестры старались доставлять последний уход и предсмертные утешения.

Наконец, две сестры (хозяйки) были озабочены только тем, чтобы раздавать усталым и проголодавшимся или жаждущим раненым кому вина или пуншу, кому чаю или бульону. Сестры-хозяйки хранили всю провизию и должны были иметь всегда все нужное наготове.

Когда весь этот порядок понемногу и не без труда был введен в перевязочном пункте, тотчас же прекратились случаи изнеможения и обмороков у самих служащих, а с тем вместе почти не стало и смрадного запаха в залах. Не всякий может себе представить, как это важно, а между тем без этого легко потерять голову и силы от желания и от невозможности подать помощь всем без разбора раненым, которые нетерпеливо вопиют о помощи. В этой суетне того и гляди, что от утомления и торможения во все стороны как раз упустишь из виду именно того страдальца, которому необходима немедленная операция, а потратишь напрасно время и свои силы на того, который мог бы еще обождать, или который даже и вовсе в тебе не нуждается. Медики и сестры перестали с этого времени, при всяком сильном наплыве раненых, безумно метаться туда и сюда и не кидались уже, прежде всего, к тем, которые громче других кричат и стонут, так как крики и стоны не всегда указывают на особенную тяжесть ран и увечья.

С марта месяца до моего отъезда в Петербург (в июне 1855 года) сестры продолжали соблюдать все мои правила в наистрожайшем порядке, да и после, насколько я мог узнать, сестры не перестали действовать так же. В этом периоде времени община сестер была в непрестанных трудах по лазаретам, а, кроме того, они оказали благотворную помощь еще в следующих необыкновенных случаях:

1) во время ночных атак против новых редутов они работали на перевязочном пункте в Морском госпитале и в бараках Северной стороны (март);

2) во время других, менее сильных, ночных атак (март);

3) во время ужасного бомбардирования на второй день Пасхи (апрель), которое продолжалось без отдыха всю неделю, гремя день и ночь, и посылало нам на пере-

вязочный пункт тысячами одних тяжелораненых. В это же время самое здание, где мы помещались (Дворянское собрание), само не раз получало бомбы с неприятельских кораблей. Раны почти все представляли страшные разрывы членов от бомб большого калибра. От 150 до 200 ампутаций и других тяжелых операций случалось исполнять каждый день, имея ассистентами одних сестер. Все квартиры в севастопольских казармах, все лазареты и партикулярные дома были наполнены тысячами тяжелораненых, только что перенесших операции или умирающих;

4) во время одной сильной атаки неприятеля на наши отдаленные траншеи (апрель);

5) в непрестанных атаках и взрывах мин наших четырех бастионов, откуда также мы получали одних тяжелораненых при взрывах (март и апрель);

6) при невероятном транспорте, где везли 500 раненых, только что получивших операцию, и это было учинено вследствие неожиданного и, смею сказать, нелепого приказа, которое было прислано нам через пароход из Николаевской батарейной казармы. Когда все эти пятьсот страдальцев (от бомбардирования на Пасхе) — с величайшим трудом и попечением со стороны медиков и сестер — были поспешно высланы в назначенное им начальством место, то оказалось, что там, куда их повезли, не существует даже никакого приготовленного здания для их принятия [...].

И вот всех этих труднооперированных свалили зря, как попало, в солдатские палатки [...]. До сих пор с леденящим ужасом вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администрации. Но этого было мало! Над этим лагерем мучеников вдруг разразился ливень и промочил насквозь не только людей, но даже и все матрацы под ними. Несчастные так и валялись в грязных лужах...

А когда кто-нибудь входил в эти палатки-лазареты, то все вопили о помощи и со всех сторон громко раздавались раздирающие, пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежет, и то особенное стучание зубами, от которого бьет дрожь. От 10 до 20 мертвых тел можно было находить меж ними каждый день. Здесь помощь и труд сестер оказались неоцененными. Стоя в лужах на коленях перед больными, наши женщины подавали посильную

помощь, в которой они сами нуждались [...]. И так они трудились денно и нощно. В сырые ночи эти женщины еще дежурили, и, несмотря на свое утомление, они не засыпали ни на минуту, и все это под мокрыми насквозь палатками.

И все такие сверхчеловеческие усилия женщины переносили без малейшего ропота, со спокойным самоотвержением и покорностью. В доказательство полного самозабвения сестер при подавании помощи следует здесь сказать, что десять из этих женщин не выдержали госпитальной заразительности и сами поплатились жизнью;

7) во время одного неприятельского нападения на Камчатский редут попечения о раненых со стороны наших медиков и сестер обнаруживались хотя и с ревностью и неутомимостью, но были слабы в результате. Это произошло от недостатка в средствах помощи (опять по вине администрации), так как большая часть раненых (тысячи две) не тотчас была перенесена на перевязочный наш пункт. Почти все раненые валялись на улице всю ночь, а потом только часть из них перенесли в бараки на Северную сторону. Здесь действовала Стахович с своей партией сестер, но в этих бараках не доставало места для произведения операций;

8) наконец, с последних чисел апреля до июня, так как около этого времени осада с каждым днем становилась сильнее и деятельнее, и раненые почти со всех бастионов присылаемы были на наш перевязочный пункт (Дворянское собрание), то и здесь дежурные сестры были завалены работою, особенно прикладыванием бандажей при совершении операций, от 20 до 30 в день. В это же время я назначил также некоторых сестер для попечения о раненых на новом месте, в устроенном мною госпиталепалатке из двойного солдатского сукна и из клеенки. Это учреждение на 30 кроватей, без тесноты, было сделано на деньги, пожертвованные графом Виельгорским.

В июне я поехал в Петербург, в сентябре же 1855 года снова вернулся в Севастополь. Там застал я множество раненых после штурмования Малахова кургана (дней пять после битвы). Несчастные раненые кучами лежали в палатках на Северной стороне, а других приготавливали к от-

сылке в Симферополь или в Бахчисарай, и ими наполнили много крестьянских телег.

Вторжением своим в крепость на Северной стороне неприятель понудил общину сестер разбрестись с мест, которые они там занимали, и я тотчас распределил их по разным госпитальным палаткам, заботясь, прежде всего, о том, чтобы не допустить, насколько возможно, никаких столкновений между г-жою Стахович и Бакуниной.

Несогласие этих двух особ дошло, как я это скоро заметил, до высшего градуса. К счастью, почти в одно время со мной прибыла из Одессы покойная Хитрово. Обсудив натянутые отношения и совсем различные характеры обеих начальниц, она взяла сторону Бакуниной и вскоре, по желанию великой княгини, приняла главное управление общиной на себя. Сделала это она не совсем охотно. После того Хитрово принялась распределять всех сестер к занятиям, отвечавшим их личным способностям.

Первый выбор большей части сестер не мог, конечно, по тогдашним обстоятельствам, быть вполне удачным. Они преимущественно были набраны в Петербурге, притом с большою поспешностью. Некоторые из них были без всякого образования; например, одна все твердила, что «следует нам тотчас отправляться в Англию, чтобы наказать проклятых англичан за их дерзость», и когда я ей растолковал, что Англия — остров, то она отвечала: «Что ж за важность, что остров, — как-нибудь да все-таки подойдем» [...]. Одна монашенка, довольно образованная, из дворянок, отличалась невыносимым талантом к смутьянству и сплетням. Темный невежда и злой интриган-монах был дан в священники и в духовные отцы всей женской общине.

Ко всему этому надо прибавить, что одна из начальниц, хотя на вид казалась очень *presentable*¹, но, в сущности, имела настоящую чиновническую натуру.

А все-таки, несмотря на все эти неблагоприятные условия, поведение сестер с медиками и их помощниками было примерное и достойное уважения; обращение их с страждущими было самое задушевное, и вообще все действия сестер, при уходе за больными, сравнительно с

¹ Представительная (лат.).

поведением госпитальной администрации, должны были [быть] названы не иначе, как благородными. И замечательно, что самые простые и необразованные из них выделяли себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей.

Многие из них пали жертвами прилипчивых госпитальных болезней. Одна из них [...] заведывала категорией тяжелораненых и безнадежных к излечению (солдаты звали ее: «сестричка» *par excellence*¹) [...]. Другая сестра, также простая и необразованная, посещала по собственному желанию наши форты и была известна как героиня. Она помогала раненым на бастионе, под самым огнем неприятельских пушек.

Так, надо признаться, что наша община сестер вполне достигла своей цели. Она почти, можно сказать, была сымпровизирована бедствиями военного времени и поэтому имела свои слабые стороны; но, несмотря на то, она отличалась в уходе за ранеными и больными, презирая все злоупотребления администрации, все опасности войны и даже самую смерть.

Залог этого замечательного явления неоспоримо лежит в кипучей деятельности и нервном возбуждении в военное время; изобилие дела заменяло недостающую в общине духовную силу и не совсем отличную организацию. Да послужит это уроком будущим основателям.

Не абстрактный принцип, не возвышенное побуждение сердца, а непрестанная и хорошо распределенная деятельность — вот главное условие, которое надо иметь при устройстве современных общин [...]. Независимо от сего, для полезной организации общины, разумеется, необходим рассудительный выбор начальственного персонала. Наша община, с самого начала, получила трех начальниц, и в подробной истории этого учреждения видно, какую важную роль они играли.

Е. М. Бакунина, как уже было сказано, приняла управление общиной тотчас же по своем приезде в Севастополь. Но лишь только туда прибыла Стахович с своими сестрами, Бакунина отказалась от управления. Стахович,

¹ Превосходство, высшая степень (лат.).

как официальная начальница общины, занималась гораздо более администрацией общины, чем распределением и учением, как обходиться с ранеными. Бакунина, напротив, тотчас с увлечением предалась всецело служению больным и с полным самоотвержением несла эту тяжелую службу. Она сделалась примером терпения и неустанного труда для всех сестер общины.

Неоценимо было особенно то, что вся ее личность дышала истиной, что полная гармония царствовала между ее чувствами и ее действиями. Она точно составляла слиток всего возвышенного. Чем более встречала она препятствий на своем пути самозабвения, тем более выказывала она ревности и энергии. Она покорялась только тому, в чем могла убеждаться сама, обсудив полезную сторону всякого дела; поэтому все ее действия были самостоятельны и отчасти даже деспотичны. Она знала сама, что не способна, по своим идеям, влиять на общину с религиозной точки зрения [...].

Как только Стахович с некоторыми, ни на что не годными и утомленными трудами, сестрами отправлена была от нас (в конце сентября—октября 1855 года) и Е. А. Хитрово вместе с Е. М. Бакуниной взялись за дирекцию общины, тотчас же в сестрах обнаружилось влияние совсем иного духа. Вскоре водворились тишина, порядок и строго установленная деятельность во всех их действиях.

Когда же, наконец, прибыла и третья значительная личность общины, Е. П. Карцева, с некоторыми новыми сестрами, и прямо въехала в Симферополь, где приняла дирекцию одной партии сестер, то уж была введена настоящая гармония в воззрениях и в действиях общины.

Е. П. Карцева, хотя гораздо моложе и неопытнее Хитрово и Бакуниной, притом она молчаливого и тихого нрава, показала, однако, что у нее много такта, последовательности и особенной самостоятельности в исполнении взятых на себя обязанностей. Попечение о больных, надсмотр и контроль госпитальной прислуги ведены были этими тремя личностями с такою бдительностью и энергией, что их действия невольно повлияли на всех членов госпитальной администрации, и все отношения к общине существенно изменились. С этой поры никто уже не осме-

ливался позволять себе неуместных выражений насчет контрольных действий сестер, и даже лица из высшего военного круга не осмеливались, как бывало ранее, шутить над «небесно-голубыми глазами» [...].

Симферопольские лазареты и бараки были наполнены ранеными после штурма Малахова, и меж ними царствовали тиф и кровавый понос. В. И. Тарасов и новые прибывшие со мною в сентябре 1855 года медики способствовали улучшению отношений общины с госпитальной администрацией. Они старались придать более веса участию женщин, чтобы возвысить их в глазах администрации.

Я желаю назвать из этих медиков покойного Беккерса и горячо рекомендованного им мне Боткина¹, из Москвы.

Я заботился, насколько мог, с пользой распределить сестер с этими, под моей командой находящимися, молодыми врачами по разным лазаретам. Присланных же мне

¹ Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — русский врач-терапевт и общественный деятель, создал учение об организме как о едином целом, подчиняющемся воле ума. Профессор Медико-хирургической академии (с 1861). Участник Крымской (1855) и русско-турецкой (1877) войн. Участвовал в Крымской кампании под началом Н. И. Пирогова в качестве ординатора Симферопольского госпиталя. Уже в этот период сформировалась у С. П. Боткина концепция военной медицины и правильного питания солдат: *«Добиться того, чтобы кусок мяса или хлеба, назначенный больному, дошел до него в полной сохранности, не уменьшившись до минимума, дело было нелегкое в те времена и в том слое общества, который относился к казенной собственности, как к общественному именинному пирогу, предлагаемому на съедание... По распоряжению Пирогова мы принимали на кухне мясо по весу, запечатывали котлы так, чтобы нельзя было вытащить из него объемистого содержимого, тем не менее, все-таки наш бульон не удавался: находили возможность и при таком надзоре лишать больных их законной порции»*. «Особенность военной медицины состоит в особенности быта солдат, представляющегося как предмет попечения... и в особенности положения медика, которому поручается попечение о здоровье войска. На основании этого я позволю себе сделать следующее предложение: право полной самостоятельности в лечении и администрации, право голоса в конторе врач получает не иначе, как прослуживши известное число лет в том или другом госпитале и получивши аттестацию своих старших товарищей. До этого он действует под непосредственным надзором и ответственностью одного из старших ординаторов, который, заведая своей палатой, исключительно играет роль консультанта в палате одного из молодых врачей».

покойной императрицей «сердобольных» я должен был, по желанию великой княгини, занять совершенно отдельно от сестер. Таким образом, в городских лазаретах действовали Е. А. Хитрово и Е. М. Бакунина с Тарасовым, Хлебниковым и другими врачами. На другой половине симферопольских госпиталей действовали сердобольные с военными медиками. Е. П. Карцеву с Боткиным и еще несколько молодых врачей я занял в бараках, лежащих вне города. Это был лучший период существования общины во всей ее истории, и я не знаю, пережила ли она позднее такой чудный период времени!

Только два вопроса озабочивали еще меня и покойную Е. А. Хитрово: распределение сестер по разным местностям и сопровождение транспортов больных в Перекоп. По желанию великой княгини мы устроили отделения общины в госпиталях Перекопа (в овчарнях) Херсона и Николаева и отдали их под надзор Хитрово и избранных ею старших сестер. Но, чтобы совершить большой транспорт (в ноябре 1855 года) и при невыгодных условиях климатических, я предложил Бакуниной принять на себя сопровождение и дирекцию одного, вместе с попечением о транспортируемых. Я знал, что она, насколько возможно, сумеет облегчить страдальцам их горькую участь. Бакунина безотговорочно приняла мое предложение и исполнила его с полным самопожертвованием. В больших сапогах и в бараньем тулупе она тащилась пешком по глубокой грязи (перекопская грязь — *nota bene*¹) и сопровождала мужицкие телеги, битком набитые больными и ранеными; она заботилась, насколько было возможно, о страдальцах и ночевала с ними в грязных, холодных этапных избах.

Старые злоупотребления администрации, однако ж, не прекратились с занятием Севастополя. Недоставало множества необходимых предметов, в особенности в то время, когда зима подошла к дверям и повальные болезни (тиф, возвратная горячка, кровавые поносы). Бараки и

¹ Возьми на заметку, обрати внимание (*лат.*). Этот знак ставится на полях текста для выделения его наиболее значимых частей, на которые читателю нужно обратить особое внимание.

госпитали не оказались довольно просторными для принятия всех заболевших эпидемией. Множество больных опять было помещено под холодными госпитальными палатками. Тут оказалось также, что новоустроенные бараки и квартиры сестер были холодны, сыры и совершенно не имели вентиляции. Администрация же, как всегда, желала, чтобы мы находили все удовлетворительным, и очень неохотно отпускала нам дрова, теплые платья и горячие кушанья. Я должен был неустанно жаловаться, требовать и писать.

При этом частом писании мне невозможно было всегда обдумывать слова и выражения, какие считаются уместными в официальных бумагах, и через это несколько раз выходили неприятности. Некоторые мои выражения в письменных моих просьбах оказались «несоответственными» или недостаточно вежливыми. Особенно обидчивым на этот счет показал себя начальник госпитальной администрации господин Остроградский.

Однажды, после неоднократных и напрасных моих просьб к нему о том, чтобы он снабдил нас дровами для отопления наших ледяных барачков и помещений сестер, Остроградский напал на одно мое «неприличное выражение» в письме («имею честь представить на вид») и пожаловался на меня князю Горчакову, и вследствие этой жалобы мы дров не получили, но я зато получил резкий выговор сперва от Горчакова, а позднее — от самого государя [...].

Все эти хорошие и неприятные, давно пережитые мною испытания в жизни представляются теперь передо мной, как фигуры калейдоскопа, на которые я смотрю сквозь тусклое, почерневшее стекло.

Когда я теперь вспоминаю, как тогдашние обстоятельства мало способствовали развитию только что устроенного Общества сестер и как плохо эти обстоятельства соответствовали выгодам этой организации, то я чувствую, что в самом деле я принужден восторгаться от тех добрых результатов, которые дало это женское учреждение. Результаты эти, во всяком случае, доказывают, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудные дарования наших женщин.

Эти дарования ясно доказывают, что современный женский вопрос и тогда уже был в полном праве требовать своего *raison d'être*¹.

То, что противники благоразумной эмансипации женщин еще до сего дня утверждают, будто бы велика разница в организации полов, — например, меньший вес в мозгу и проч., — этого нечего брать во внимание, и это никогда не выдержит серьезной критики.

Женщина, если она получит надлежащее образование и воспитание, может так же хорошо усвоить себе научную, художественную и общественную культуру, как и мужчина. При этом главное условие только то, чтобы женщина всегда сохраняла в себе физиологическую и нравственную женственность и выучилась бы не расставаться с нею.

Это, конечно, нелегко, но, однако, возможно, и это именно то, что защитники, как и противники женского вопроса, упускают из вида. Женщина, с мужским образованием и даже в мужском платье, всегда должна оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитием лучших дарований своей женской природы. И я решительно не вижу, почему одинаковое общественное положение женщины с мужчиной может помешать такому развитию.

Если же меня спросили бы: какое мировоззрение должно служить основанием для учреждения общины сестер в нашем отечестве, то я могу дать пока только отрицательные ответы. Я могу сказать одно, что старокатолическое и протестантское мировоззрения для нас, как основание, негодны. Православные монахини, или учреждение диаконисс, тоже в наше время не годятся. Наша церковь не имеет никаких преданий для подобных учреждений, и она настолько консервативна и формальна, что не в силах примениться к насущным требованиям нового времени. Поэтому я думаю, что наши учреждения сестер не должны ничего заимствовать у западных, а должны установиться на новых началах [...].

¹ Разумное основание, смысл жизни (*фр.*).

Наша сестра милосердия не должна быть православной монахиней. Она должна быть женщина с практическим рассудком и с хорошим техническим образованием, а притом она непременно должна сохранить чувствительное сердце. Но главное условие для достижения успеха в наших подобных учреждениях должно быть то, чтобы деятельность в женщинах была поддерживаема непрестанно. А притом положение их в госпиталях должно быть, насколько возможно, независимо от госпитальной администрации. Самые же образованные сестры, которым будет поручаема надзор за общиной, должны быть так поставлены, чтобы они могли нравственно влиять на весь персонал госпитальный.

Если же мы вздумали бы вводить в наших общинах формально-религиозное направление, то непременно случилось бы то же самое, что произошло при введении в общину некоей госпожи Вуич: мы получим женских Тартюфов.

4. ИЗ «ВОЕННО-ВРАЧЕБНОГО ДЕЛА»¹

В Крыму, в прошедшую кампанию 1854 г., я неоднократно имел случай посещать больных, размещенных в больших землянках, довольно светлых (в них были окна), теплых и достаточно вентилированных. Профессор Склифосовский² говорит в своей статье («Военно-Медицинский журнал», июль 1878 года, стр. 184), что «только благодаря предложенной им системе, при средствах одного госпиталя (15 врачах) можно было сортировать громадное число раненых», хотя и присовокупляет далее, что «для того, чтобы накормить, рассортировать и оказать по возможности пособие, необходимо было иметь рабочие силы; наличный же состав госпитальной прислуги, за бо-

¹ Приведенные под этим заголовком отрывки взяты из классического произведения Н. И. Пирогова «Военно-врачебное дело», т. 1.

² Склифосовский Николай Васильевич (1836—1904) — заслуженный профессор, директор Императорского клинического института великой княгини Елены Павловны в Санкт-Петербурге, автор трудов по военно-полевой хирургии брюшной полости.

лезнями, поубавился, а наличная прислуга была крайне истомлена.

Это обстоятельство было предвидено, на него было указано еще до устройства сортировочного пункта в Болгарии, но видно, помочь было нечем».

Предложенная профессором Склифосовским система подания помощи на перевязочном пункте была 25 лет тому назад испытана мною в Севастополе с постоянным успехом, как это, конечно, засвидетельствуют все, оставшиеся с того времени в живых врачи, принимавшие участие в деятельности главного перевязочного пункта в Дворянском собрании в Севастополе; только благодаря этому нововведению уничтожился господствовавший до него на этом пункте сумбур и беспорядок, при котором одни из раненых получали тотчас же окончательное хирургическое пособие, а другие оставались по целым дням почти без помощи.

Если и в Крымскую войну возможно было учредить, на известном пространстве, постоянное и довольно правильное движение транспортов, а именно — между Симферополем и Перекопом, то в нынешнюю войну еще более можно было надеяться, что найдутся средства для организации такого же рода транспортной системы по грунтовым дорогам.

В Крыму, в 1854 году, был вызван подрядчик из юго-западного края, обязавшийся постоянно иметь известное число подвод, с приспособленными несколько фурами, для перевозки больных из Симферополя в Перекоп; составленный им обоз, приблизительно из 100 и более фур, постоянно циркулировал на этом пути и, конечно, не был достаточен; а потому администрация и прибегала к известному средству, — форсированному набору погонщиков с подводами, возвращающихся порожняком домой. Неудобства этой насильственной меры также известны; погонщики, при худых кормах и худых дорогах, разбегались, оставляя свои паспорта и бросая подводы, нагруженные больными и ранеными, в грязи по ступицу.

Когда блаженные памяти великая княгиня Елена Павловна в 1854 году, первая в цивилизованном мире, возымела мысль об организации частной помощи на театре войны, ей благоутодно было поручить мне руководство на театре

войны ею основанной Крестовоздвиженской общины сестер. Прозорливая учредительница имела уже в виду будущее значение и отношение этой общины к военному и военно-врачебному ведомствам и повелела мне обратить внимание, преимущественно, на эти два обстоятельства. Организация и выборы лиц, сделанные спешно, с ограниченными средствами, но, вообще, удачно, в частности оставляли желать еще многого. Целый год, за исключением нескольких недель, я руководил делами общины и частною помощью в Крыму, принимал участие в ее делах, и после, прибыв из Крыма в С.-Петербург, был свидетелем некоторых переворотов и преобразований в ее учреждении.

Кто из очевидцев не убедился, какое значение имеет деятельность [...] Е. П. Карцевой, — обратившей обязанность сестры в духовное призвание жизни? Кто не видел ее самоотвержения на театре войны и кому понятна будет ее неусыпная 25-летняя деятельность в деле частной помощи, если основанием ее не будет принято высшее духовное начало?

И Карцева Е. П. на театре войны в Болгарии, и Бакунина Е. М., действовавшая в эту войну в Азиатской Турции, могут служить для нас идеалом старших сестер. Таким-то высокоуважаемым и испытанным особам и должен бы быть поручен выбор сестер и общий надзор за их служебными и нравственными обязанностями. Вообще, можно заявить, что и старшие сестры, прежде еще не бывавшие на театре войны, оказались в нынешнюю войну вполне достойными своего призвания.

Не хвалясь, в этом не нахожу для себя никакой похвалы, могу сказать, что я первый, на данные мне частной помощью средства, ввел в употребление чай в военных госпиталях. Я знаю, по крайней мере, что до Крымской кампании он не употреблялся в полевой практике и что я в 1854 г. купил чая и сахара на 3000 р. и тотчас же по прибытии моем в Крым роздал его по госпиталям Севастополя, Бахчисарая и Симферополя. Прибывшая вскоре после меня в Крым Крестовоздвиженская община и общество сердобольных вдов привезли также с собой значительные запасы чая и сахара... Сестры и вдовы начали поить им усердно больных.

Прошло с лишком 30 лет с тех пор, когда я в первый раз ознакомился с полевою хирургиею на небольшом театре войны, и почти 25 лет с того времени, когда я действовал на обширном поприще полевой хирургии. Оба раза я руководствовался не столько великими трудами светил науки, сколько собственным наблюдением и опытом, приобретенным мною в госпитальной, военной и гражданской практике. Основы моей полевой хирургической деятельности я сообщил только спустя 10 лет после достопамятной Крымской кампании. С тех пор шесть войн нарушали мир различных государств в Европе и Америке. Следя за ходом событий, я всякий раз мысленно убеждался в истине тех начал, которые исповедую, а в предпоследней из этих шести войн — Франко-германской 70—71 годов — я при посещении моем госпиталей в Германии и на театре войны, в Эльзасе и Лотарингии, наглядно убедился в том же самом.

Наконец, в минувшую нашу Восточную войну 77—78 годов, более чем все другие сходную с Крымскою 1854 года, я имел случай еще более глубоко увериться в прочности основных начал моей полевой хирургии.

5. ИЗ ПИСЬМА К И. В. БЕРТЕНСОНУ

Вишня. 27 декабря 1880 г.

...Между тем настал 1853 год, потом война перенеслась с Дуная под Севастополь; я предложил себя к услугам при осаде и получил не без труда разрешение отправиться в Крым [...].

Имея 6 месяцев, с октября по июнь, в заведывании моем перевязочный пункт в Дворянском собрании, госпитальные бараки на Северной стороне и госпитали в Николаевской батарее и в 5 частных домах Севастополя, я устал до крайности, а главное, до глубины души расстроенный госпитальною тогда неурядицею и самыми вопиющими злоупотреблениями администрации, я возвратился в Петербург, полагая чем-нибудь способствовать перемене военно-врачебного дела в Севастополе к лучшему.

Я успел только выхлопотать для себя новую командировку в Севастополь с вновь набранными мною врачами, в числе которых был и С. П. Боткин, рекомендованный мне его товарищем по университету Беккерсом и только что окончивший курс.

Мы приехали уже после падения Южной стороны Севастополя, расположились на Северной стороне, застав там еще несколько тысяч раненых и больных, которых перевязали и отправили в Симферополь; здесь я получил в заведывание вновь выстроенные бараки; врачи, состоявшие при мне, и сестры были распределены по палатам, и между ними С. П. Боткину я предоставил тифозное отделение. Пробыв в Симферополе от октября до декабря 1855 г., я отправился в путь и осмотрел до 70 госпиталей Перекопа, Херсона, Екатеринослава, Харькова и пр., переполненных дизентеричными, тифозными, ранеными и множеством больных, отморозивших себе ноги во время транспортов в открытых санях при 20° мороза. Тяжелое, страшное то было время, его нельзя забыть до конца жизни...

ЛИТЕРАТУРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ

Посвящается Одесскому учебному округу

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

Отрывок из забытых бумаг, выведенный на свет неофициальными статьями «Морского сборника» о воспитании

— К чему вы готовите вашего сына? — кто-то спросил меня.

— Быть человеком, — отвечал я.

— Разве вы не знаете, — сказал спросивший, — что людей собственно нет на свете; это одно отвлечение, вовсе ненужное для нашего общества. Нам необходимы негоцианты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

Правда это или нет?

Мы живем, как всем известно, в девятнадцатом веке, «по преимуществу» практическом.

Отвлечения, даже и в самой столице их, Германии, уже не в ходу более. А человек, что ни говори, есть действительно только одно отвлечение.

Зоологический человек, правда, еще существует с его двумя руками, и держится ими крепко за существенность;

Статьи напечатаны в одесской городской типографии в 1858 г. Дополняют «Севастопольские письма» Пирогова. Становится понятна гражданская позиция великого хирурга и причины принятия им тех или иных решений (не касательно медицины) во время Крымской войны.

но нравственный, вместе с другими старосветскими отвлечениями, как-то плохо принадлежит настоящему.

Впрочем, не будем несправедливы к настоящему. И в древности искали людей днем с фонарями; но — все-таки искали.

Правда, языческая древность была не слишком взыскательна. Она позволяла иметь все возможные нравственно-религиозные убеждения; можно было *ad libitum*¹ сделаться эпикурейцем², стоиком³, пифагорейцем⁴; только худых граждан она не жаловала.

Несмотря на все наше уважение к неоспоримым достоинствам реализма настоящего времени, нельзя, однако же, не согласиться, что древность как-то более дорожила нравственной натурой человека.

Правительства в древности оставляли школы без надзора и считали себя не в праве вмешиваться в учения мудрецов. Каждый из учеников мог пролагать впоследствии новые пути и образовывать новые школы; только жрецы, тираны и zeloty от времени до времени выгоняли, сжигали

¹ Свободно, в свое удовольствие, по своему желанию (*лат.*).

² Эпикуреизм — философское учение, исходящее из идей Эпикура и его последователей. Эпикуреизм был одним из наиболее влиятельных философских течений в Античности. Эпикур основывает свою школу в 307 г. до н. э. в Афинах. Эпикурейская философия, в особенности философия самого Эпикура, не имеет конечной целью нахождение теоретической истины, она не ставит перед собой задачу получить некое чистое знание. Главный интерес для эпикурейцев представляет чувственный мир, поэтому их основной этический принцип — удовольствие. Но Эпикур представлял удовольствие не вульгарно и упрощенно, а как благородное спокойствие, уравновешенное удовольствие.

³ Стоицизм — философская школа, возникшая во времена раннего эллинизма и сохранившая влияние вплоть до конца античного мира. Учение стоиков принято разделять на три части: логику, физику и этику. Известно их сравнение философии с фруктовым садом: логика соответствует ограде, которая его защищает, физика является растущим деревом, а этика — плодами. Проповедовали невозмутимость и спокойное принятие всего, что случается с человеком в жизни.

⁴ Пифагореизм — религиозно-философское учение, основано в Древней Греции VI–IV вв. до н. э. Пифагор был первым мыслителем, который, по преданию, назвал себя философом, то есть «любителем мудрости». Он же впервые назвал вселенную космосом, то есть «прекрасным порядком». Предметом его учения был мир как стройное целое, подчиненное законам гармонии и числа.

и отравляли философов, если их учения уже слишком противоречили поверьям господствующей религии; да и то это делалось по интригам партий и каст.

Язычество древних, не озаренное светом истинной веры, заблуждалось; но заблуждалось, следуя принятым и последовательно проведенным убеждениям.

Если эпикурец утопал в чувственных наслаждениях, то он делал это, основываясь хотя и на ложно понятом учении школы, утверждавшей, что сыскать по возможности наслаждения и избегать неприятного значит быть мудрым.

Если стоик делался самоубийцею, то это случалось от стремления к добродетели и идеалу высшего совершенства.

Даже кажущаяся непоследовательность в поступках скептика извиняется учением школы, проповедовавшей, что «ничего нет верного на свете, и что даже сомнение сомнительно».

В самых грубых заблуждениях языческой древности, основанных всегда на известных нравственно-религиозных началах и убеждениях, проявляется все-таки самый существенный атрибут духовной природы человека — стремление разрешить вопрос жизни о цели бытия.

Правда, и в древности случалось, точно также как и у нас, что были люди, не задававшие себе никаких вопросов при вступлении в жизнь.

Но сюда относились и относятся только два рода людей.

Во-первых, те, которые получили от природы жалкую привилегию на идиотизм.

Во-вторых, те, которые, подобно планетам, получив однажды толчок, двигаются по силе инерции в данном им направлении.

Оба эти рода, конечно, не принадлежат к исключениям; но и не могут служить правилами.

Учение Спасителя, разрушив хаос нравственного произвола, указало человечеству прямой путь, определило и цель, и средоточие житейских стремлений.

Найдя в Откровении самый главный вопрос жизни — «о цели нашего бытия» — разрешенным, казалось бы, че-

ловечество ничего другого не должно делать, как следовать с убеждением и верою по определенной стезе.

Но протекли столетия, а все осталось «яко же бо бысть во дни Ноевы» (Матфей, гл. XXIV, 37)¹.

К счастью еще, что наше общество успело так организоваться, что оно для большей массы людей, само без их сознания, задает и решает вопросы жизни, и дает этой массе, пользуясь силой ее инерции, известное направление, которое оно считает лучшим для своего благосостояния.

Несмотря, однако, на преобладающую в массе силу инерции, у каждого из нас осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить нам, что мы, живя в обществе и для общества, живем еще и сами собою, и в самих себе.

Но, узнав по инстинкту или по опыту, что общество приняло известное направление, нам все-таки ничего не остается более делать, как согласовать проявления нашей самостоятельности, как можно лучше, с направлением общества.

Без этого мы или разладим с обществом и будем терпеть и бедствовать, или основы общества начнут колебаться и разрушаться.

Итак, как бы ни была велика масса людей, следующих бессознательно данному обществом направлению, как бы мы все ни старались, для собственного блага, приспособлять свою самостоятельность к этому направлению, всегда останется еще много таких из нас, которые сохраняют довольно сознания, чтобы вникнуть в нравственный свой быт и задать себе вопросы: в чем состоит цель нашей жизни? Какое наше назначение? К чему мы призваны? Чего должны искать мы?

Как мы принадлежим к последователям христианского учения, то, казалось бы, что воспитание должно нам класть в рот ответы.

Но это предположение возможно только при двух условиях:

¹ Здесь и далее все цитаты из Библии приведены согласно орфографии Пирогова.

во-первых, если воспитание приноровлено к различным способностям и темпераменту каждого, то развивая, то обуздывая их;

во-вторых, если нравственные основы и направление общества, в котором мы живем, совершенно соответствуют направленно, сообщаемому нам воспитанием.

Первое условие необходимо, потому что врожденные склонности и темперамент каждого подсказывают ему, впадет и невпадет, что он должен делать и к чему стремиться;

Второе условие необходимо, потому что без него, какое бы направление ни было нам дано воспитанием, мы, видя, что поступки общества не соответствуют этому направлению, непременно удалимся от него и собьемся с пути.

Но, к сожалению, наше воспитание не достигает предполагаемой цели, потому что:

Во-первых, наши склонности и темпераменты не только слишком разнообразны, но еще и развиваются в различное время; воспитание же наше, вообще однообразное, начинается и оканчивается для большей части из нас в одни и те же периоды жизни. Итак, если воспитание, начавшись для меня слишком поздно, не будет соответствовать склонностям и темпераменту, развившимся у меня слишком рано, то как бы и что бы оно мне ни говорило о цели жизни и моем назначении, мои, рано развившиеся, склонности и темперамент будут мне все-таки нашептывать другое.

От этого сбивчивость, разлад и произвол.

Во-вторых, талантливые, проницательные и добросовестные воспитатели также редки, как и проницательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели. Число их не соответствует массе людей, требующих воспитания.

Не в этом, однако же, еще главная беда. Будь воспитание наше, со всеми его несовершенствами, хоть бы равномерно только приноровлено к развитию наших склонностей, то после мы сами, чутьем, еще могли бы решить основные вопросы жизни. Добро и зло вообще довольно уравновешены в нас. Поэтому, нет никакой причины думать, чтобы наши врожденные склонности, даже и мало

развитые воспитанием, влекли нас более к худому, нежели к хорошему. А законы хорошо устроенного общества, вселяя в нас доверенность к правосудию и прозорливости правителей, могли бы устранить и последнее влечение ко злу.

Но вот главная беда:

Самые существенные основы нашего воспитания находятся в совершенном разладе с направлением, которому следует общество.

Вспомним еще раз, что мы христиане, и, следовательно, главною основою нашего воспитания служит и должно служить Откровение.

Все мы, с нашего детства, не напрасно же ознакомлены с мыслью о загробной жизни, все мы не напрасно же должны считать настоящее приготовлением к будущему.

Вникая же в существующее направление развития нашего общества, мы не находим в его действиях ни малейшего следа этой мысли. Во всех обнаруживаниях, по крайней мере, жизни практической, и даже отчасти и умственной, мы находим резко выраженное, материальное, почти торговое стремление, основанием которому служит идея о счастье и наслаждениях в жизни здешней.

Выступая из школы в свет, что находим мы, воспитанные в духе христианского учения? Мы видим то же самое разделение общества на толпы, которое было и во времена паганизма¹, с тем отличием, что язычники увлекались разнородными, нравственно-религиозными убеждениями различных школ и действовали, следуя этим началам, последовательно; а наши действуют по взглядам на жизнь, произвольно ими принятым, и вовсе несогласными с религиозными основами воспитания, или и вовсе без всяких взглядов.

Мы видим, что самая огромная толпа следует бессознательно, по силе инерции, толчку, данному ей в известном направлении. Развитое чувство индивидуальности вселяет в нас отвращение пристать к этой толпе.

¹ Паганизм (от *лат. paganus* — язычник, букв. сельский житель) — жители сельских округов, наиболее упорно державшиеся старых верований при распространении христианства; отсюда русск. «поганый».

Мы видим другие толпы, несравненно меньшие по объему, увлекаемые хотя также, более или менее, по направлению огромной массы, но следующие уже различным взглядам на жизнь, стараясь то противоборствовать этому влечению, то оправдать пред собою слабость и недостаток энергии.

Взглядов, которым следуют эти толпы, наберется много.

Разобрав, не трудно убедиться, что в них отзываются те же начала Эпикуреизма, Приапизма¹, Цинизма, Платонизма², Еклектизма³, который руководствовали и поступками языческого общества, — но лишенные корня, безжизненные и в разладе с вечными истинами, перенесенными в наш мир Воплощенным Словом.

Вот, например, первый взгляд, очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о том, что необъяснимо. Это, по малой мере, лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетит и сон. Время же нужно для трудов и наслаждений. Аппетит для наслаждений и трудов. Сон опять для трудов и наслаждений. Труды и наслаждения для счастья.

Вот другой взгляд — высокий. Учитесь, читайте, размышляйте и извлекайте из всего самое полезное. Когда ум ваш просветлеет, вы узнаете, кто вы и что вы. Вы поймете все, что кажется необъяснимым для черни. Поумнев, поверьте, вы будете действовать как нельзя лучше. Тогда предоставьте только выбор вашему уму, и вы никогда не сделаете промаха.

¹ Приапизм — религиозное поклонение Приапу, т. е. мужскому детородному органу.

² Платонизм — философское учение Платона и его последователей, утверждающее абсолютную реальность идей и бессмертие души. Некоторые истолковывают платонизм как утверждение, что универсальные понятия существуют независимо от их конкретных воплощений.

³ Эклектизм (от греч. избираю) — направление в философии, старающееся построить систему путем сочетания различных, признаваемых истинными, положений, заимствованных из разнообразных философских систем. Термин этот ввел в употребление Потамон (II век), александриец, о котором говорит Диоген Лаэртский в конце своего введения к трактату «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов».

Вот третий взгляд — старообрядческий. Соблюдайте самым точным образом все обряды и поверья. Читайте только благочестивые книги; но в смысл не вникайте. Это главное для спокойствия души. Затем, не размышляя, живите так, как живетcя.

Вот четвертый взгляд — практический. Трудясь, исполняйте ваши служебные обязанности, собирая копейку на черный день. В сомнительных случаях, если одна обязанность противоречит другой, избирайте то, что вам выгоднее, или, по крайней мере, что для вас менее вредно. Впрочем, предоставьте каждому спасаться на свой лад. Об убеждениях, точно также как и о вкусах, не спорьте и не хлопочите. С полным карманом можно жить и без убеждений.

Вот пятый взгляд, также практически в своем роде. Хотите быть счастливыми, думайте себе, что вам угодно и как вам угодно; но только строго соблюдайте все приличия и умейте с людьми уживаться. Про начальников и нужных вам людей никогда худо не отзывайтесь, и ни под каким видом им не противоречьте. При исполнении обязанностей, главное, не горячитесь. Излишнее рвение не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другим, то сами на других верхом ездите; только молча, в кулак себе, смейтесь.

Вот шестой взгляд, очень печальный. Не хлопочите, лучшего ничего не придумаете. Новое только то на свете, что хорошо было забыто. Что будет, то будет. Червяк на куче грязи, вы смешны и жалки, когда мечтаете, что стремитесь к совершенству и принадлежите к обществу прогрессистов. Зритель и комедиант поневоле, как не бейтесь, лучшего не сделаете. Белка в колесе, вы забавны, думая, что бежите вперед. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная зачем жили.

Вот седьмой взгляд, очень веселый. Работайте для мoциoнa, и наслаждайтесь, покуда живете. Ищите счастья, но не ищите его далеко, — оно у вас под руками. Какой вам жизни еще лучшей нужно? Все делается к лучшему. Зло — это одна фантазмагория для вашего же развлечения, тень, чтобы вы лучше могли наслаждаться светом. Пользуйтесь настоящим, и живите себе припеваючи.

Вот восьмой взгляд, и очень благоразумный. Отделяйте теорию от практики. Принимайте какую вам угодно теорию, для вашего развлечения; но на практике узнавайте, главное, какую роль вам выгоднее играть; узнав, выдержите ее до конца, Счастье — искусство. Достигнув его трудом и талантом, не забывайте; сделав промах, не пеняйте и не унывайте, Против течения не плывите...

И прочее, и прочее, и прочее...

Убеждаясь при вступлении в свет в этом разладе основной мысли нашего воспитания с направлением общества, нам ничего более не остается, как впасть в одну из трех крайностей.

Или мы пристаем к одной какой-нибудь толпе, теряя всю нравственную выгоду нашего воспитания. Увлекаясь материальным стремлением общества, мы забываем основную идею Откровения. Только иногда, мельком, в решительные мгновения жизни, мы прибегаем к спасительному Его действию, чтобы на время подкрепить себя и утешить.

Или мы начинаем дышать враждою против общества. Оставаясь еще верными основной мысли христианского учения, мы чувствуем себя чужими в мире искаженного на другой лад паганизма, недоверчиво смотрим на добродетель ближних, составляем секты, ищем прозелитов¹, делаемся мрачными презрителями и недоступными собратами.

Или мы отдаемся произволу. Не имея твердости воли устоять против стремления общества, не имея довольно бесчувственности, чтобы отказаться совсем от спасительных утешений Откровения, довольно безнравственными и неблагодарными, чтобы отвергать все Высокое и Святое, мы оставляем, основные вопросы жизни нерешенными, избираем себе в путеводители случай, переходим от одной толпы к другой, смеемся и плачем с ними

¹ Прозелитизм (от лат. прозелит — обращенный, нашедший свое место) — стремление распространить свою веру, обратить других в свою веру, стремление к повсеместному установлению поддерживаемой религии. Перен.: горячая преданность вновь принятому учению, новым убеждениям.

для рассеяния, колеблемся и путаемся в лабиринте непоследовательностей и противоречий.

Подвергнув себя первой крайности, мы пристаем именно к той толпе, к которой всего более влекут нас наши врожденные склонности и темперамент.

Если мы родились здоровыми и даже чересчур здоровыми, если материальный быт наш развился энергически, и чувственность преобладает в нас; то мы склоняемся на сторону привлекательных и веселых взглядов.

Если воображение у нас не господствует над умом, если инстинкт не превосходит рассудка, а воспитание наше было более реальное; то мы делаемся последователями благоразумного или одного из практических взглядов.

Если, напротив, при слабом или нервном телосложении, мечтательность составляет главную черту нашего характера, инстинкт управляется не умом, а воображением, воспитание же не было реальным; мы увлекаемся то религиозным, то печальным взглядами, то переходим от печального к веселому и даже к привлекательному.

Если, наконец, воспитание сделало из ребенка старуху, не дав ему быть ни мужчиною, ни женщиною, ни даже стариком, или при тусклом уме преобладает воображение, или при тусклом воображении — тупой ум, то выбор падает на ложно-религиозный взгляд.

Впоследствии различные внешние обстоятельства, материальные выгоды, круг и место наших действий, слабость воли, состояние здоровья и тому подобное нередко заставляют нас переменять эти взгляды и быть, поочередно, ревностными последователями то одного; то другого.

Если кто-нибудь из нас, сейчас же при вступлении в свет или и после, перехода от одной толпы к другой, наконец, остановился в выборе на котором-нибудь взгляде; то это значит, что он потерял всякую склонность переменить или перевоспитать себя; это значит, он вполне удовлетворен своим выбором; это значит, он решил, как умел или как ему хотелось, основные вопросы жизни. Он сам себе обозначил и цель, и назначение, и призвание. Он слился с толпою. Он счастлив по-своему. Человечество,

конечно, немного выиграло приобретением этого нового адепта, но и не потеряло.

Если бы поприще каждого из нас всегда непременно оканчивалось таким выбором одной толпы или одного взгляда; если бы пути и направления последователей различных взглядов шли всегда параллельно одни с другими и с направлением огромной толпы, движимой силою инерции; то все бы тем и кончилось, что общество осталось бы вечно разделенными на одну огромную толпу и несколько меньших. Столкновений между ними нечего бы было опасаться, все бы спокойно забыли то, о чем им толковало воспитание. Оно сделалось бы продажным билетом для входа в театр. Все шло бы спокойно. Жаловаться было бы не на что.

Но вот беда:

Люди, родившиеся с притязаниями на ум, чувство, нравственную волю, иногда бывают слишком восприимчивы к нравственным основам нашего воспитания, слишком проницательны, чтобы не заметить при первом вступлении в свет резкого различия между этими основами и направлением общества, слишком совестливы, чтобы оставаться без сожаления и ропота. Высокое и Святое слишком разборчивы, чтобы довольствоваться выбором, сделанным почти поневоле или по неопытности. Недовольные, они слишком скоро разлаживают с тем, что их окружает, и, переходя от одного взгляда к другому, вникают, сравнивают и пытаются; все глубже и глубже роются в рудниках своей души, и, неудовлетворенные стремлением общества, не находят и в себе внутреннего спокойствия; хлопочут, как бы согласить вопиющие противоречия; оставляют поочередно и то, и другое; с энтузиазмом и самоотвержением ищут решения столбовых вопросов жизни; стараются во что бы то ни стало перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути.

Люди, родившиеся с преобладающим чувством, живостью ума и слабостью воли, не выдерживают этой внутренней борьбы, устают, отдаются на произвол и бродят на распутье. Готовые пристать туда и сюда, они делаются, по мере их способностей, то неверными слугами, то шаткими господами той или другой толпы.

А, с другой стороны, удовлетворенные и ревностные последователи различных взглядов не идут параллельно ни с массой, ни с другими толпами. Пути их пересекаются и сталкиваются между собою. Менее ревностные, следуя вполнину нескольким взглядам вместе, образуют новые комбинации.

Этот разлад сектаторов¹ и инертной толпы, этот раздор нравственно-религиозных основ нашего воспитания со столкновением противоположных направлений общества, при самых твердых политических основаниях, может все-таки рано или поздно поколебать его.

На беду еще, эти основы не во всех обществах крепки, движущиеся толпы громадны, а правительства, как история учит, не всегда дальнозорки.

Существуют только три возможности или три пути вывести человечество из этого ложного и опасного положения:

Или согласить нравственно-религиозные основы воспитания с настоящим направлением общества...

Или переменить направление общества.

Или, наконец, приготовить нас воспитанием к внутренней борьбе, неминуемой и роковой, доставив нам все способы и всю энергию выдерживать неравный бой.

Следовать первым путем не значило бы ли искажать то, что нам осталось на земле Святого, Чистого и Высокого? Одна только упругая нравственность Фарисеев² и Иезуитов³ может подделываться высоким к низкому и соглашать произвольно вечные истины наших

¹ То же, что сектант (устар.).

² Фарисеи (древнеевр. перушим — обособившиеся) — учителя еврейского Закона, действовавшие с начала II в. до н. э. и до конца I в. н. э. Сами фарисеи называли себя мудрецами или книжниками.

³ Иезуиты — неофициальное название членов Общества Иисуса, одного из крупнейших мужских монашеских орденов Римско-католической церкви. Девиз Общества Иисуса — «К вящей славе Божьей», а его цель — служение Богу и церкви. Деятельность иезуитов не ограничена каким-то определенным поприщем, хотя приоритет отдается педагогической деятельности на всех уровнях. Помимо этого, они проповедуют, осуществляют руководство духовными учреждениями и приходской жизнью, занимаются миссионерской деятельностью у себя в стране и за рубежом, научными изысканиями.

нравственно-религиозных начал с меркантильными и чувственными интересами, преобладающими в обществе. История показала, чем окончились попытки Папизма¹, под личиною Иезуитства, ультра-реформаторов и энциклопедистов, шедших этою тропею человеческих заблуждений.

Изменить направление общества есть дело Божьего Промысла и времени.

Остается третий путь, он труден, но возможен: избрав его, придется многим воспитателям сначала перевоспитать себя.

Приготовить нас с юных лет к этой борьбе значит именно: «сделать нас людьми», то есть, тем, чего не достигнет ни одна ваша реальная школа в мире, заботясь сделать из нас, с самого нашею детства, негоциантов, солдат, моряков, духовных пастырей или юристов.

Человеку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое внимание и всю волю, в одно и то же время, на занятиях, требующих напряжения совершенно различных свойств духа.

Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймашь.

На чем основано приложение реального воспитания к самому детскому возрасту?

Одно из двух: или в реальной школе, назначенной для различных возрастов (с самого первого детства до юности), воспитание для первых возрастов ничем не отличается от обыкновенного, общепринятого; или же воспитание этой школы с самого его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно к достижению одной известной, практической цели.

В первом случае, нет никакой надобности родителям отдавать детей до юношеского возраста в реальные школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще с пеленок для той или другой касты общества.

¹ Папизм — учение о подчинении духовной власти светскому владыке.

Во втором случае, можно смело утверждать, что реальная школа, имея преимущественно целью практическое образование, не может в то же самое время сосредоточить свою деятельность на приготовлении нравственной стороны ребенка к той борьбе, которая предстоит ему впоследствии при вступлении в свет.

Да и приготовление это должно начаться в том именно возрасте, когда в реальных школах все внимание воспитателей обращается преимущественно на достижение главной, ближайшей цели, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать с практическим образованием. Курсы и сроки учения определены. Будущая карьера резко обозначена. Сам воспитанник, подстрекаемый примером сверстников, только в том и полагает всю свою работу, как бы скорее выступить на практическое поприще, где воображение ему представляет служебные награды, корысть и другие идеалы окружающего его общества.

Отвечайте мне, положив руку на сердце, можно ли надеяться, чтобы юноша в один и тот же период времени готовился выступить на поприще, не самым им избранное, прельщался внешними и материальными выгодами этого, заранее для него определенного, поприща и, вместе с тем, серьезно и ревностно приготовлялся к внутренней борьбе с самим собою и с увлекательным направлением света?

Не спешите с вашей прикладной реальностью. Дайте созреть и окрепнуть внутреннему человеку; наружный успеет еще действовать; он, выходя позже, но управляемый внутренним, будет, может быть, не так ловок, не так стговорчив и уклончив, как воспитанники реальных школ; но зато на него можно будет вернее положиться; он не за свое не возьмется.

Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себе наружного, и у вас будут и негоцианты, и солдаты, и моряки, и юристы; а, главное, у вас будут люди и граждане.

Значит ли это, что я предлагаю вам закрыть и уничтожить все реальные и специальные школы?

Нет, я восстаю только против двух вопиющих крайностей.

Для чего родители так самоуправно распоряжаются участью своих детей, назначая их, едва выползших из колыбели, туда, где по разным соображениям и расчетам предстоит им более выгодная карьера?

Для чего реально-специальные школы принимаются за воспитание тех возрастов, для которых общее человеческое образование несравненно существеннее всех практических приложений?

Кто дал право отцам, матерям и воспитателям властвовать самоуправно над благими дарами Творца, которыми Он снабдил детей?

Кто научил, кто открыл, что детские врожденные способности и врожденное призвание играют именно ту роль в обществе, которую родители сами им назначают? Уже давно оставлен варварский обычай выдавать дочерей замуж поневоле, а невольный и преждевременный брак сыновей с их будущим поприщем допущен и привилегирован; заказное их венчание с наукой празднуется и прославляется как венчание дожа¹ с морем!

И разве нет другого средства, другого пути, другого механизма для реально-специального воспитания? Разве нет другой возможности получить специально-практическое образование в той или другой отрасли человеческих знаний как распространяя его на счет общего человеческого образования?

Вникните и рассудите, отцы и воспитатели!

Еще со времен языческой древности существуют два рода образования:

Общечеловеческое и специальное или реальное.

В Афинах и на Родосе философы имели право содержать школы для общечеловеческого образования. Невдалеке от

¹ До ж (*ит.*) — глава Венецианской (в конце VII — XVIII вв.) и Генуэзской (в XIV — XVIII вв.) республик. В Венеции Д. избирался патрициатом из его среды (путем многостепенных выборов) пожизненно и имел первоначально большую власть. Однако после попыток отдельных Д. превратить свою власть в наследственную синьорию венецианская олигархия в течение XII — XIV вв. постепенно свела роль Д. к номинальному представительству. Т. к. морская торговля играла решающую роль в жизни этих республик, то ритуал вступления Д. во власть включал в себя и т. н. «венчание Д. с морем».

Афин, между светлыми источниками, окруженными садами, размещены были самые главнейшие из них.

В середине стояла школа эпикурейцев, к северу от нее жили последователи Платона, а к югу ученики Аристотеля. Мирты и оливы разделяли одно учение от другого и служили границами различных взглядов на жизнь и свет. Учители и ученики жили обществами, вместе; кроме учеников и посторонним лицам вход был открыт. Со всех сторон и из отдаленных земель стекались любознатели слушать мудрости знаменитых наставников. Философия и красноречие были самыми главными предметами занятия. Не все реальные науки в то время были резко отделены от философии: они обыкновенно преподавались вместе с нею, так что главным основанием всех наук считалась философия. Бог, свет и человек были главнейшими предметами отвлеченных созерцаний. Красноречие было в то время искусством, тесно соединенным с гражданским бытом и историей народа. Поэтому и философия, и красноречие считались самыми существенными и самыми необходимыми предметами для общечеловеческого образования.

Сверх этого, и в Греции, и в Риме, и в Египте существовали еще и специальные школы. Палестры¹ и гимназии Греции, находившиеся под надзором магистрата (тогда, как школы философов были частными учреждениями, в управление и учение которых греческое правительство не вмешивалось), занимались преимущественно подготовкой учеников к Олимпийским и другим публичным играм; в Риме существовало училище правоведения; в Александрии — училище математических и физических наук, и так далее.

В Средние века христианская религия сделалась первой покровительницею и рассадником потухшего просвещения.

Начало университетов и специальных училищ образовалось постепенно из монастырских, орденских школ. Специальные школы Парижа и Оксфорда, назначенные

¹ Палестра — частная гимнастическая школа в Древней Греции, где занимались мальчики с 12 до 16 лет.

сначала для обучения философии и богословию и находившиеся под покровительством и надзором духовенства, постепенно получили особые права и привилегии, и возвысились на степени первых, в то время, университетов. Пишут, что в тринадцатом столетии в Парижском университете было до 10 000, а в Оксфордском до 30 000 студентов. С этим мощным развитием общечеловеческого или университетского образования в Европе не могли более состязаться специальные монастырские школы, и начали с тех пор все более и более приходить в упадок.

В новейшие времена, наконец, вместе с усовершенствованием различных отраслей человеческого знания и гражданского быта, университеты и специальные училища достигли постепенно той степени развития, на которой мы их теперь находим. Различие в назначении и цели тех и других ясно обозначились. Правительства всех образованных наций, поняв это более или менее ясно, упрочили новыми правами существование этих рассадников народного просвещения.

В различных странах, по мере временных, иногда случайных надобностей, возникало и усваивалось более то университетское, или общечеловеческое, то прикладное, или специальное направление воспитания.

Но ни одно образованное правительство, как бы оно ни нуждалось в специалистах, не могло не убедиться в необходимости общечеловеческого образования. Правда, в некоторых странах университетские факультеты почти превратились в специальные училища; но нигде еще не исчезло совершенно их существенное и первобытное стремление к главной цели: общечеловеческому образованию.

Имея в виду этот прямой, широко открытый путь к «образованию людей», для чего бы, казалось, им не пользоваться?

Для чего бы не приспособить его еще лучше к вопиющим потребностям настоящего?

Для чего не расширить и не открыть его еще более для нас, столь нуждающихся в истинно-человеческом воспитании?

Но, общечеловеческое воспитание не состоит еще в одном университете; к нему принадлежат и подготовительно-университетские школы, направленные к одной и той же благой и общей цели, учрежденные в том же духе, и с тем же направлением.

Все готовые быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми.

Поэтому все, до известного периода жизни, в котором ясно обозначаются их склонности и их таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научного просвещения. Недаром известные сведения истари называются: «humanisra», то есть, необходимые для каждого человека. Эти сведения, с уничтожением язычества, с усовершенствованием наук, с развитием гражданского быта различных наций, измененные в их виде, остаются навсегда, однако же, теми же светильниками на жизненном пути и древнего, и нового человека.

Итак, направление и путь, которым должно совершаться общечеловеческое образование для всех и каждого, кто хочет заслужить это имя, ясно обозначено.

Оно есть самое естественное и самое непринужденное.

Оно есть и самое удобное и для правительств, и для подданных.

Для правительств, потому что все воспитанники до известного возраста будут образовываться, руководимые совершенно одним и тем же направлением, в одном духе, с одною и тою же целью; следовательно, нравственно-научное воспитание всех будущих граждан будет находиться в одних руках. Все виды, все благие намерения правительств к улучшению просвещения будут исполняться последовательно, с одинаковою энергией и односторонними лицами.

Для подданных, потому что все воспитанники до вступления их в число граждан будут дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитания.

Это тождество духа и прав воспитания должно считать выгодным не потому, что будто бы вредно для общества разделение его на известные корпорации, происходящие от разнообразного воспитания. Нет, напротив, я

вижу в поощрении корпораций средство поднять нравственный быт различных классов и сословий, вселить в них уважение к их занятиям и к кругу действий, определенному для них судьбою. Но, чтобы извлечь пользу для общества из господствующего духа корпораций, нужно способствовать его развитию не прежде полного развития всех умственных способностей в молодом человеке. Иначе должно опасаться, что это же самое средство будет и ложно понято, и некстати приложено.

Есть, однако же, немаловажные причины, оправдывающие существование специальных школ во всех странах и у всех народов.

Сюда относится почти жизненная потребность, для некоторых наций, в специальном образовании граждан по различным отраслям сведений и искусств, самых необходимых для благосостояния и даже для существования страны, и именно когда ей предстоит постоянная необходимость пользоваться, как можно скорее и как можно обширнее, плодами образования молодых специалистов.

Но, во-первых, нет ни одной потребности для какой бы то ни было страны, более существенной и более необходимой, как потребность «в истинных людях». Количество не устоит перед качеством. А если и превозможет, то все-таки, рано или поздно, подчинится не произвольно, со всею его громадностью, духовной власти качества.

Это историческая аксиома.

Во-вторых, общечеловеческое или университетское образование нисколько не исключает существования таких специальных школ, которые занимались бы практическим или прикладным образованием молодых людей, уже приготовленных общечеловеческим воспитанием.

А специальные школы и целое общество несравненно более выиграют, имея в своем распоряжении нравственно и научно, в одном духе и в одном направлении приготовленных учеников.

Учителям этих школ придется сеять уже на возделанном и разработанном поле. Ученикам придется легче усваивать принимаемое. Наконец, развитие духа корпораций, понятие о чести и достоинстве тех сословий, к вступлению в которые готовят эти школы, будет

и своевременно и сознательно для молодых людей, достаточно приготовленных общечеловеческим воспитанием.

Да и какие предметы составляют самую существенную цель образования в специальных школах?

Разве не такие, которые требуют для их изучения уже полного развития душевных способностей, телесных сил, талантов и особого призвания?

К чему же, скажите, спешить так и торопиться со специальным образованием? К чему начинать его так преждевременно?

К чему променивать так скоро выгоды общечеловеческого образования на прикладную, одностороннюю специализацию?

Я хорошо знаю, что исполинские успехи наук и художеств нашего столетия сделали специализацию необходимою потребностью общества; но, в то же время, никогда не нуждались истинные специалисты так сильно в предварительном общечеловеческом образовании, как именно в наш век.

Односторонний специалист есть или грубый эмпирик¹, или уличный шарлатан.

Отыскав самое удобное и естественное направление, которым должно вести наших детей, готовящихся принять на себя высокое звание человека, остается еще главное, решить один из существеннейших вопросов жизни: каким способом, каким путем приготовить их к неизбежной, им предстоящей борьбе?

Каков должен быть юный атлет, приготавливающийся к этой роковой борьбе?

Первое условие: он должен иметь от природы хотя какое-нибудь притязание на ум и чувство.

¹ Э м п и р и к и (греч.) — школа врачей, которая, в противоположность догматической, основывавшей свое искусство на спекуляции и общих теориях, вступила на указанный Гиппократом путь опытов, но часто в борьбе с противоположной школой прибегала к ненаучным, материалистичным доказательствам. Она существовала приблизительно от 280 г. до н. э. до II в. н. э.; основателем ее был Филин с острова Кос, она угасла вместе со знаменитым учителем из ее среды Февдой Лаодикским.

Пользуйтесь этими благими дарами Творца; но не делайте одаренных бессмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимого на земле авторитета, суемудрыми приверженцами грубого материализма, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума. Вот второе условие.

Вы скажете, что это общие, риторические фразы.

Но я не виноват, что без них не могу выразить того идеала, которого достигнуть я так горячо, так искренно желаю и моим, и вашим детям.

Не требуйте от меня большего; больше этого у меня нет ничего на свете.

Пусть ваши педагоги, с глубоким знанием дела, лучше меня одаренные, с горячей любовью к правде и ближнему, постараются из моих и ваших детей сделать то, чего я так искренно желаю, и я обещаю никого не беспокоить риторическими фразами, а молчать и молча за них молиться.

Поверьте мне. Я испытал эту внутреннюю, роковую борьбу, к которой мне хочется приготовить, исподволь и заранее, наших детей; мне делается страшно за них, когда я подумаю, что им предстоят те же опасности и, не знаю, тот ли успех.

Молитесь и не осуждайте.

Вы не хотите слышать общих и отвлеченных положений; вы хотите иметь подробное изложение всего механизма, которым бы можно было достигнуть желаемой цели.

Подождите немного! Я прежде вам представлю в лицах, как готовились и готовимся мы теперь к этой борьбе, как мы ее ведем на поприще жизни, и тогда, может быть, вы поймете, без риторических фраз, без дальнейших объяснений и мой механизм. Во всяком случае, он не будет хуже общепринятого.

Начнем. Сначала пусть каждый или каждая из вас представит себе, что он или она принадлежит к числу тех членов нашего общества, которые имеют притязание на ум и чувство. Представьте, что вы, по милости других особ, которых вы иногда и в лицо не знаете, родились, как водится, на свет.

Вас крестили. Вы в свою очередь выросли.

Понемногу, Богу одному известно для чего, в вас родилось желание осмотреться.

До сих пор вы составляли, с другими вам подобными, на всем пространстве земли, один общий класс счастливых существ, который Самим Исккупителем был поставлен в образец человечеству.

Теперь же, подросши и немного осмотревшись, вы видите себя в одном из следующих различных видов.

Осмотревшись, вы видите себя в мундире с красным воротником, все пуговицы застегнуты, все, как следует, в порядке. Вы и прежде слыхали, что вы мальчик. Теперь вы это видите на деле.

Вы спрашиваете: кто вы такой?

Вы узнаете, что вы ученик Гимназии и со временем можете сделаться ученым человеком — ревностным распространителем просвещения: студентом Университета, кандидатом, магистром и даже директором училища, в котором вы учитесь. Вам весело.

Вот первый вид.

Осмотревшись, вы видите себя в мундире с зеленым воротником и с золотою петлицею.

Вы спрашиваете: что это значит?

Вам отвечают, что вы ученик Правоведения, будете, наверное, блюстителем закона и правды, деловым чиновником, директором высших судебных мест. Вам весело и лестно.

Вот второй вид.

Осмотревшись, ваш взор останавливается на красном или белом кантике мундира и воротника. Вы тоже спрашиваете.

Вам отвечают громко, что вы назначаетесь для защиты родной земли, — вы кадет, будущий офицер, и можете сделаться генералом, адмиралом, героем. Вы в восхищении.

Вы осмотрелись и видите, что вы в юбке. Прическа головы, передник, талья и все — в порядке. Вы и прежде слыхали, что вы девочка; теперь вы это видите на деле.

Вы очень довольны, что вы не мальчик, и делаете книксен¹.

Вот четвертый, но также еще не последний вид.

Узнав все это, вы спрашиваете: что же вам делать?

Вам отвечают: учитесь, слушайтесь и слушайте, ходите в классы, ведите себя благопристойно и отвечайте хорошо на экзаменах; без этого вы ни к чему не будете годиться.

Вы учитесь, посещаете классы, ведете себя прилично и отвечаете на экзаменах хорошо.

Проходят годы. Выросши донельзя из себя, вы начинаете уже рост в себя.

Вы замечаете, наконец, что вы действительно уже студент, окончивши курс Университета, правовед, бюрократ, офицер, девушка невеста.

На этот раз вы уже не спрашиваете: «кто вы такой?» и «что вам делать?». Вы это сами уже понимаете и сами должны знать, что теперь делать.

Вас водили в храм Божий. Вам объясняли Откровение. Привилегированные инспекторы, субинспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители, смотрели за вашим поведением. Науки излагались вам в таком духе и в таком объеме, которые необходимы для образования просвещенных граждан. Безнравственные книги, остановленные цензурою, никогда не доходили до вас. Отцы, опекуны, высокие покровители и благотворительное правительство открыли для вас ваше поприще.

После такой обработки; кажется, вам ничего более не остается делать, как только то, что пекущимся об вас хотелось, чтобы вы делали.

Это значит, чтобы вы, как струна, издавали известный звук. А звучать для общей гармонии, согласитесь, есть высокое призвание.

Чего, казалось бы, еще не доставало для вашего счастья и для блага целого общества?

Выходит другое.

¹ К н и к с е н (нем.) — в буржуазной семье и школе — поклон с приседаньем, как знак приветствия со стороны девочек и девиц.

Вы достигли теперь того периода жизни, в котором и ум, и чувство начинают уже тревожить вас. Первый, задавая вам такие вопросы, которых вы не в состоянии решить; второе, поджигая против вас беспрестанно инстинкты и чувственность.

Вы начинаете теперь понемногу вникать и анализировать, чему вас учили, и что делается вокруг вас.

Вы вспоминаете, вас учили, что когда-то существовал другой мир, в котором люди и мыслили и поступали не так, как должно. Они жили здесь, чтобы жить. Пили, ели, ходили в бани, нежились, дрались, кутили напропалую.

Вас учили, что между ними были и герои; и именитые граждане, и образцы добродетели, и покровители наук и искусств; но большая часть вообще все-таки ходили в потемках, не зная ничего лучшего, кроме здешней жизни. Их Аид и Элисейские поля были где-то тоже на земле или под землею, да и то не для души, а для теней.

Вас учили, что воплощенное Слово положило конец бестолковому разгулу ума и чувства.

Мир получил Откровение.

Вас учили, что Откровение, подняв таинственную завесу, показало отдаленный горизонт настоящей жизни и сказало: «стремись туда».

Вы узнали в школе, и должны были узнать, какая бездна отдаляет вас от развалин того разрушенного мира, который только в самом себе искал препоны страстей, не имея будущего за своими пределами.

Благоговеющие к благодатному учению Откровения, вы озираетесь вокруг себя, и что же?

Вы видите, что окружающие вас разыгрывают те же грязные вакханалии паганизма, которые общество объявило роковою препоною к достижению истинного счастья.

Выступив на поприще жизни, вы видите, что все бегут с него в Калифорнию.

Видя это ясно, вам невольно приходит мысль, что вы мистифицированы. Натурально, вы не хотите долго оставаться мистифицированными.

Вы начинаете еще глубже вникать в окружающее вас, анализировать и, наконец, вы ясно замечаете пред собою

одну огромную толпу, бессознательно влекомую невидимой силой, и несколько других меньших, но действующих не без сознания.

Вы начинаете знакомиться с взглядами и поступками этих действующих групп.

Сначала это вас интересует. Но скоро вы убеждаетесь, что вам предстоит безутешная альтернатива:

Или заглушить в себе голос Заветного Учения.

Или пристать к одной из этих групп.

Но вы не атлет ни святотатства, ни самоотвержения. Вы начинаете колебаться, сетовать, роптать. А время летит; нужно действовать.

Вы бросаетесь в первую, вам попавшуюся толпу, и делаетесь ее ревностным последователем.

Неудовлетворенный, переходите к другой и к третьей.

Наконец, для вас наступает самый критический период жизни.

Вам нужно вывести себя положительно на чистую воду; узнать решительно: кто вы такой?

Пристать ли вам окончательно к одной толпе, вступить ли в борьбу со всеми?

Вы решаетесь на первое. Прощайте. Я с вами более не имею дела.

Вы решаетесь на второе. Но готовы ли вы? Где ваши средства и силы?

Немного рассудив об этом, вы ясно убеждаетесь, что для этой борьбы вам нужно сначала перевоспитать себя. Решившись на это, вы бросаете еще взгляд на вашу прошлую жизнь и мало-помалу узнаете, что у вас или внутренний человек, развившись слишком рано и скоро, пересилил чересчур наружного, ни на минуту не хотел отдохнуть в нем, беспрестанно рвался вон, деспотствовал; или наружный, распушенный, играл по произволу, кутил и внутреннему не подчинялся.

Воспитатели были или слишком близоруки, или слишком заняты, и не заметили, что в вас происходило.

Так прошла юность.

Ваш внутренний или наружный человек, убедившись, наконец, опытом, что действует против себя же самого, устав, мало-помалу остепенился.

Приучившись немного вникать в себя, вы видите, что вам осталось одно из двух:

Или сказать вечное прости отвлечению, не пытаться далее вникать в себя, закабалить себя в железный панцирь формы, одеть жизнь в мундирный фрак, в накрахмаленную юбку, и в книге вашего бытия разбирать не смысл, а мертвую букву.

Или же, с утра и до ночи роясь в тайниках души, подстерегая все мгновения ее нравственной свободы, заставить ее решить вопросы жизни, вступив в борьбу с собою и с окружающими.

И, вот проведя полжизни, испытав на себе влияние различных взглядов, предприняв, во что бы то ни стало, перевоспитать себя, разобрав прошедшее, вы остановились на распутье вашего поприща. Лень и страх одолевают вас. Наслаждение под сенью мирского счастья и спокойной формы манит вас на перепутье. Тысячи и тысячи внешних обстоятельств так заманчиво располагаются около вас, что все ваши предположения решить вопросы жизни, которые, было, так стройно вытянулись пред вами, последовательно нитью, начинают колебаться и сбиваться.

Вы думали, было, что вы уже убеждены.

Вы убеждаетесь, что убеждения даются не каждому. Это дар Неба, требующий усиленной разработки. Прежде, чем вам захотелось иметь убеждения, нужно было бы узнать: можете ли вы еще их иметь.

Только тот может иметь их, кто приучен с ранних лет пронизательно смотреть в себя; кто приучен с первых лет жизни любить искренно правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровенными как с наставниками, так и со сверстниками. Без этих свойств вы никогда не достигнете никаких убеждений.

А эти свойства достигаются: верою, вдохновением, нравственной свободой мысли, способностью отвлечения, упражнением в самопознании.

Вы дошли теперь до самых первых, самых главных основ истинно-человеческого воспитания, без которых, конечно, можно образовать искусных артистов по всем отраслям наших знаний, но никогда настоящих людей.

Итак, вы видите, что вам приходится с невероятным трудом приобретать то, что с первого вступления вашего на поприще жизни должно бы быть вашей неотъемлемой собственностью.

Не лучше ли воротиться назад, попробовать опять пристать к той или другой толпе и быть счастливым по-своему?

Прожить полжизни и не знать себя, это плохо.

Все лучше, однако же, чем умереть, не познав себя.

Вы принимаетесь опять за дело. Вы начинаете развивать в себе способность к убеждениям и скоро убеждаетесь, что тронули этим лишь одну струну самопознания; а чтобы вступить в борьбу, вам нужно владеть им как нельзя лучше.

И вот, вы становитесь теперь наблюдателем у неизмеримого кратера души и не умеете еще подстеречь быстрой мгновений, когда затихает извержение вечно kloкочущей лавы, боясь даже украдкой взглянуть в эту страшную глубину.

Вы пытаетесь начать борьбу и убеждаетесь, что не умеете ее вести без вражды, не умеете любить беспристрастно то, с чем боретесь; не умеете достаточно оценить того, что хотите победить.

Но чтобы любить, с чем вы боретесь, и устоять в такой борьбе — вам нужно еще одно свойство.

Вам нужна способность жертвовать собою.

Не образовав ее в себе, влекомые одним неясным, бессознательным ощущением Высокого, вы превращаетесь в искателя сильных ощущений.

Кто с изумлением не видит, как распространена, в нашем веке реализма, эта болезнь времен рыцарства. Убедитесь же из этого, что никакое материальное или практическое направление в свете не в состоянии уничтожить вдохновение в человеке.

Искание сильных ощущений есть одно из его ненормальных проявлений.

Грусть, или как будто тоска по родине, овладевает вами. Вы чувствуете пустоту, вам недостает чего-то.

Вам нужны вдохновение и сочувствие.

Светло и торжественно вдохновение; оно, как праздничная одежда, облекает дух, устремляя его на небо.

Томно и тихо сочувствие; оно, как заунывная песнь, напоминает отдаленную родину.

Какая борьба может совершиться без вдохновения и без сочувствия? Какая борьба покажется вам нестерпимой, когда вдохновение осенит, когда сочувствие согреть вас.

Если последователи торгового направления, в нашем реальном обществе, нам с улыбкою намекают, что теперь не нужно вдохновения, то они не знают, какая горькая участь ожидает их в будущем, пресыщенных и утративших Небесный дар, единственную нашу связь с Верховным Существом.

Все — и те, которые в нем не нуждаются, ищут вдохновения; но только подобно дервишам и шаманам — по-своему.

Без вдохновения нет воли; без воли нет борьбы; а без борьбы ничтожество и произвол?

Без вдохновения ум слаб и близорук.

Чрез вдохновение мы проникаем в глубину души своей и, однажды проникнув, выносим с собою то убеждение, что в нас существует Заветно-Святое.

Нуждаясь в сочувствии, вы невольно думаете: можно ли надеяться, чтобы мне сочувствовали, чтобы другие взяли на себя труд узнать меня, тогда как мне самому стоило столько труда, борьбы и усилий вымолить от собственной моей души позволение взглянуть в нее, и то украдкой.

Не лучше ли, прожив более полжизни, пройдя чрез школу самопознания, узнав толпу и толпы, и научившись жертвовать собою, сделаться одним холодным и буквальным исполнителем моего призвания, сочувствуя другим только по долгу, и не призывая никакой взаимности?

Вы вспоминаете невольно, каким участием угощало человечество лучших друзей своих, когда, с полным сознанием высокого, они увлекались вдохновением и сочувствием. Оно искони было одним только искателем сильных ощущений. Когда и какое добро принимало оно из рук своих благодетелей, не омыв его багряною влагою жизни?

Не Он, не воплощенное Слово любви и мира, а совершенитель кровавых дел, Варавва¹, быть подарен участием.

Но потомство — бессмертие земли! Не должны ли мы дорожить его сочувствием?

Да, все, что живет на земле, животнo-духовноy жизнью, и в грубом инстинкте, и в идеале Высокого проявляет мысль о потомстве и, бессознательно и сознательно, стремится жить в нем. О, если бы самопознание хотя бы только до этой степени могло быть развито в толпах, жаждущих отвлечения! Если бы этот слабый проблеск идеи бессмертия одушевил их, то и тогда бы уже земное бытие человечества исполнилось делами, пред которыми потомство преклонилось бы с благоговением. Тогда история, до сих пор оставленная человечеством без приложения, достигала бы своей цели остерегать и одушевлять его.

Не говорите, что не всякий может действовать для потомства. Всякий в своем кругу. Одна суетность и близорукость ищут участия в настоящем.

Вы дошли теперь до убеждения, что, живя, здесь, на земле, вы привязаны участием к этой отчизне — должны искать его; но, отыскивая, должны жить не в настоящем, а в потомстве.

И так, когда потребность в сочувствии однажды родилась у вас, где искать ее, как не в потомстве всего человечества и вашей собственной семье?

И вот, вам предстоит теперь в вашей борьбе решить еще один вопрос жизни.

Но, прежде этого, вы еще раз останавливаетесь и озираетесь опять невольно назад. Вы видите, что уже давно истерты мундир и юбка, в которых вы увидели себя, когда вам вздумалось в первый раз в жизни осмотреться. Сбылись и не сбылись те предвещения, которыми вы так когда-то восхищались, смотря и на мундир, и на ваш корсет, и ощущая, что под ними так тихо и так сладко волновалось.

Вы вспоминаете, как наряженные в мундир, затянутые в корсет, вы в полной форме выступили на по-

¹ Варавва — библейский преступник, освобожденный Понтием Пилатом по случаю празднования иудейским народом праздника Пасхи.

прище света; как радовались вы, глядя на Божий свет. Горе с ранней поры не принуждало слезами нищеты орошать насущный хлеб ваш; думы забот и тревоженья повседневной жизни не тревожили детского сна; вам так и рвалось кружиться и ликовать в шумных хороводах толпы.

В этом чаду разгуля вам и в голову не приходило подумать, что вы еще не воспитаны. Как это могло быть, когда разноцветный воротник мундира, корсет и юбка, облекавшие стройно ваш стан, иностранные языки, на которых вы читали и ловко объяснялись, нравственные и ученые книги, по которым вы учились, клавикорды, на которых вы бегло играли, так ясно показывали вам, что вы воспитаны как нельзя лучше.

Прошло несколько счастливых лет в этом убеждении; ваш ум и чувство, которые, благодаря судьбе, еще не успели совсем оглохнуть и онеметь от шума и ликования, начали вам нашептывать что-то вроде наставлений.

Вы бросили испытующий взгляд на кружащиеся толпы, с которыми вы до того так бессознательно кружились. Пред вашими глазами открылась ясно Вальпургиева ночь¹ земного бытия. Блуждая между очарованными группами вам нелегко было выбраться на свет из вакханалий чародейства. Пытаясь, падая, вы остановились, чтобы, собравшись с силами, спросить себя: где вы и куда идете? Чего вы хотите?

Теперь-то, наконец, началось для вас то, с чего бы нужно было давно начать вам — нет, ошибаюсь я, не вам, а тем, которые пустили вас в бушующий разгул, — на своевольтва пир. Сетую на прошлое, в борьбе с собою, вы начали перевоспитывать себя. Трудясь и роясь в душе, вы дошли до убеждений, вы научились жертвовать собою; борьба уже не так тревожит вас. С трудом вы, наконец, дошли и до известной степени самопознания. Вот и вдохновение вас осенило.

¹ Вальпургиева ночь — с 30 апреля на 1 мая, по германскому народному поверью служит ежегодным праздником ведьм, собирающихся в эту ночь вокруг своего повелителя, Сатаны, на высокой, недоступной горе Брокен, где они и справляют свой «шабаш».

Протекло полжизни. В минуты вдохновения, когда вам можно было глубоко и пронизательно взглянуть в себя, вам открылся таинственный источник, которого струи должны вас освежать на поприще борьбы. Предчувствие об отдаленной вечности вы перенесли и на земное бытие. Тоска по отдаленной родине напомнила вам искать сочувствия.

Вы убедились, что, отыскивая земное участие, вы хотите проявить мысль о бессмертии в семье и обществе. Вам предстоит решить вопрос: как устроить ваш семейный быт и как найти сочувствие в кругу своих?

Но что, если вас не поймет та, в которой вы хотите найти сочувствие к убеждениям, так дорого приобретенным, в которой вы ищете сотрудницу в борьбе за идеал.

Взгляд на прошедшее напомнит вам, что вы не должны предоставлять ни случаю, ни произволу, ни корыстной чувственности произнести приговор; его отголосок отзовется чрез четверть столетия на потомстве, которое, быть может, будет попирает ногами давно забытый прах ваш.

Что, если спокойная, беспечная в кругу семьи жена будет смотреть с бессмысленною улыбкою идиота на вашу заветную борьбу? Или как Марфа¹, расточая всевозможные заботы домашнего быта, будет проникнута одною лишь мыслию: угодить и улучшить материальное земное ваше бытие? Что, если, как Ксантиппа², она будет поставлена судьбою для испытания крепости и постоянства вашей воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убеждения, купленные за полжизни перевоспитания, трудов, борьбы, она не осуществит еще и основной мысли при воспитании детей?

А, знаете ли, что значит этот же вопрос жизни для женщины, которая была так счастлива, что решила для себя,

¹ Марфа и Мария — персонажи Нового Завета, сестры Лазаря из Вифании, в доме которых останавливался Иисус Христос. Различный характер сестер — практической Марфы и созерцательной Марии — стали символом различных установок в жизни христиан.

² Ксантиппа — жена греческого философа Сократа, известная своим плохим характером; ее имя стало нарицательным для сварливых и дурных жен.

в чем состоит ее призвание, которая, оставив дюжинное направление толпы, отчетливо и ясно постигает, что в будущем назначена ей жизни цель?

Мужчина, обманутый надеждою на сочувствие в семейном быту, как бы ни был грустен и тяжел этот обман, еще может себя утешить тем, что выражение его идеи — дела, найдут участие в потомстве. А каково женщине, в которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно более и которой не достает еще довольно опыта, чтоб хладнокровнее перенести обман надежды, скажите, каково должно быть ей на поприще жизни, идя рука в руку с тем, в котором она так жалко обманулась, который поправ ее утешительные убеждения, смеется над ее святыней, шутит над ее вдохновениями и сбивает с пути на грязное распустье?

Где средства избежать всех этих горьких следствий заблуждения?

Где средства с полной надеждою успокоить вопиющую потребность к сочувствию?

Что может служить ручательством в успехе?

Ни возраст женщины, ни воспитание, как видите, ни опыт жизни — неверные поруки.

Молодость влечет их к суете. Воспитание делает куклу. Опыт жизни родит притворство.

Еще счастлива та молодость, в которой суета не совсем искоренила восприимчивость души, в которой свет, с его мелочными приличиями, не успел оцепенить ее и сделать недоступною к убеждениям в Высоком и Святом. Еще счастлива та молодость, когда толпы молодых и старых прислужников, последователей шатких взглядов, воспользовавшись этой восприимчивостью, не усыпили ее для высших впечатлений, не уничтожили возможности понять, образовать себя.

Пусть женщина, окруженная ничтожеством толпы, падает на колена пред Провидением, когда, положив руку на юное сердце, почувствует, что оно еще бьется для святого вдохновения, еще готово убеждаться и жить для отвлеченной цели.

Правда, вступая в свет, женщина менее чем мужчина, подвергается грустным следствиям разлада основных

начал воспитания с направлением общества. Она реже осуждена бывает добывать себе трудами насущный хлеб и жить совершенно независимо от мужчины. Торговое направление общества менее тяготит над нею. В кругу семьи ей отдан на сохранение тот возраст жизни, который не лепечет еще о золоте.

Но зато воспитание, обыкновенно, превращает ее в куклу. Воспитание, наряжая, выставляет ее на показ для зевак, обставляет кулисами и заставляя ее двигаться на пружинах так, как ему хочется. Ржавчина съедает эти пружины, а чрез щели истертых и изорванных кулис она начинает высматривать то, что от нее так бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходит на мысль попробовать самой, как ходят люди. Эмансипация — вот эта мысль. Падение — вот первый шаг.

Пусть многое останется ей неизвестным. Она должна гордиться тем, что многого не знает. Не всякий — врач. Не всякий должен без нужды смотреть на язвы общества. Не всякому обязанность велит в помойных ямах рыться, пытаться и нюхать то, что отвратительно смердит. Однако же раннее развитие мышления и воли для женщины столько же нужны, как и для мужчины. Чтоб услаждать сочувствием жизнь человека, чтоб быть спутницей в борьбе, ей также нужно овладеть искусством понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышление, чтоб избирать и чтобы иметь ясную и светлую идею о цели воспитания детей.

Если женские педанты, толкуя об эмансипации, разумеют одно воспитание женщин — они правы. Если же они разумеют эмансипацию общественных прав женщин, то они сами не знают, чего хотят.

Женщина эмансипирована и так уже, да еще может быть более, нежели мужчина. Хотя ей и нельзя по нашим законам сделаться солдатом, чиновником, министром, но разве можно сделаться мужчине кормилицей и матерью — воспитательницей детей до 8 летнего их возраста? Разве он может сделаться связью общества, цветком и украшением его? Только близорукое тщеславие людей, строящее алтари героям, смотрит на мать, кормилицу и няньку, как на второстепенный, подвластный

класс. Только торговый материализм и невежественная чувственность видят в женщине существо подвластное и ниже себя.

Все, что есть высокого, прекрасного на свете — искусство, вдохновение, наука — не должно слишком сродниться с вседневной жизнью; оно утратит свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахом.

Итак, пусть женщины поймут свое высокое назначение в вертограде человеческой жизни. Пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова, и первую молитву, делаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется их руками. Христианство открыло женщине ее назначение. Оно поставило в образец человечеству существо, только что отнятое от ее груди. И Марфа, и Мария сделались причастницами слов и бесед Иисуса Христа.

Не положение женщины в обществе, но воспитание ее, в котором заключается воспитание всего человечества, — вот что требует перемены. Пусть мысль воспитать себя для этой цели, жить для неизбежной борьбы и жертв, пронизет все нравственное существование женщины, пусть вдохновение осенит ее волю — и она узнает, где должна искать своей эмансипации.

Но если ни возраст, ни воспитание женщины не служат ручательством для разрешения вопроса, то еще менее может положиться искатель идеального участия на опыт жизни.

Если мужчину, который не жил отвлечением, холодит и сушит этот опыт, то пресыщенный, охолодевший, обманутый жизнью, он редко скрывает то, что утратил безвозвратно. А женщина вооружается притворством. Ей как-то стыдно самой себя пред светом высказать эти горькие следствия опыта. Она их прикрывает остатками разрушенной Святыни. Инстинкт притворства и склонность нравиться ей помогают выдержать прекрасно роль под маскою на сцене жизни. Подложная восторженность, утонченное искусство выражать и взглядом, и речью теплоту участия и даже чистоту души, — всем этим, всем снабжает ее суета в искании победы. Ей дела нет тогда,

как дорого окупится эта победа, когда, достигнув цели, сделается опять тем, чем была...

Вы ищете. А жизнь между тем приближается к закату. Вопросы жизни еще далеко не все разрешены для вас. Вам так хотелось бы снова начать ее; но что однажды кончилось, тому уже нет продолжения впредь...

ОДЕССКАЯ ТАЛМУД-ТОРА¹

На днях я посетил Талмуд-Тору и вышел из нее с таким чувством, которым не могу не поделиться.

Может быть, многие из читателей «Одесского вестника»² скажут: какое нам дело до жидовского приходского училища, когда нас и наши христианские мало занимают!

Но виноват ли я, если меня занимает все общечеловеческое, когда сущность его истекает из вечных истин Откровения, будут ли они сознательно или бессознательно принимаемы нацией?

Не более, как за год [до этого], бедные, нищенствующие сироты ветхозаветного поколения гнездились скученные, одетые в рубище на лавках прежней Талмуд-Торы, читая нараспев с утра до вечера под ферулой³ своих мелаamedов⁴.

¹ Талмуд-Тора (*идиш*) — возникшие на исходе Средних веков в Европе еврейские религиозные учебные заведения для мальчиков из малообеспеченных семей для подготовки к поступлению в ешиву. Изначально в таких школах обучались сироты и мальчики из неимущих семей, в то время как дети более состоятельных родителей посещали хедер. Также получили распространение в сефардских общинах, где в талмуд-торе учились мальчики всей общины. Учебными предметами были иврит, Тора и Талмуд; в разное время в программу включались и другие предметы, например, арифметика и письмо на идише.

² 5 января 1827 г. в Одессе увидел свет первый номер газеты «Одесский вестник», в 1893 г. на № 221 издание было прекращено. «Одесский вестник» выходил два раза в неделю, по средам и субботам.

³ Ферула — гнетущий и бдительный надзор, гнетущая стеснительная опека, строгое обращение (переносный смысл).

⁴ Меламед — учитель в хедере (*идиш* хейдэр от *ивр.* хедэр и хейдэр, букв.: комната — еврейская религиозная начальная школа).

Черствый кусок хлеба, который эти несчастные дети приносили с собою в училище, служил им единственной пищей. Казалось, и учителя, и дети полагали всю свою надежду на духовное питание талмудическими сентенциями¹.

Все занятия грязной, нечесаной толпы учеников и учителей ограничивались подстрочным переводом с еврейского на испорченный немецкий жаргон, казавшийся для непривычного уха одним бестолковым криком.

И вот несколько просвещенных благотворителей, вникнув в глубокий смысл слов вдохновенного Пророка, движимые высоким милосердием к своим соплеменникам, в течение девяти месяцев изменили и сущность, и вид училища.

Я, нимало не приписывая себе никакой заслуги, — потому что ходатайствовал только у правительства о некоторых изменениях в программе учения, — имею полное право беспристрастно хвалить то, о чем грешно бы было умолчать. Одну только приписываю себе услугу, оказанную детям бедных евреев: я содействовал к определению прусского подданного доктора Гольденблюма. А ему, после просвещенных блюстителей школы, и должна быть отдана вся честь и вся заслуга преобразования. Но ни он, ни блюстители не могли бы совершить так быстро и с таким успехом дело преобразования, если бы все еврейское общество не приняло поистине сердечного участия в этом подвиге человеколюбия. Нельзя довольно оценить просвещенное милосердие и ревность, с которыми общество принялось за это дело.

С лишком 200 мальчиков, преимущественно сирот, помещаются теперь в чистых и теплых комнатах; все одеты в опрятные байковые сюртуки; ни у одного не заметно нечесаных, всклоченных волос, грязных ногтей, разорванных сапог; а что главное — дети высших классов уже объясняются с главным учителем их, господином Гольденблюмом, не на несносном еврейском жаргоне, отвечают на вопросы со смыслом, отстают, доведенные неусыпными трудами этого педагога, от бестолкового голословия. Не более трех недель тому назад господин

¹ Сентенция (лат.) — мысль, изречение.

Гольденблум ввел хоральное пение, и уже 30 или 40 мальчиков поют складно молитвы и стихи на чистом немецком языке. Прежде и в хорошую погоду ученики не являлись по целым неделям, предпочитая училищу праздное скитанье по улицам; теперь, — и в грязь, и в дождь училище полно учениками. Заведены печатные журнальные книги для отметок, в классах введены условные знаки, везде господствует порядок. Обхождение с учениками также переменилось. Правда, в низших классах еще замечается иногда, что иной школьник, отвечая на вопросы гневного мела-меда, отклонит от него невольно голову в сторону; но это только доказывает известную истину, что никто столько не консервативен, как земледелец и старый учитель. Зато ни один старосветский еврей не отыщет теперь в Талмуд-Торе своего сына, назвав его Мошкою или Гершкою.

Но мало еще этого. Милосердие еврейского общества к бездомным сиротам не ограничилось тем, что доставило им ученье, одежду и обувь; — сверх этого, семьдесят из них, беднейших, обедают в училище: им дают ежедневно в час — отличный хлеб и сытный, хорошо приготовленный суп с мясом и картофелем, того и другого вдоволь. За столом благочиние и порядок. Еврейские дамы, участвующие в пожертвованиях, ежедневно по очереди приглашаются к столу и присутствуют при нем, раздают кушанье детям и следят за качеством пищи.

Итак, изумительные успехи учеников, перемена их образа жизни, даже их физиономий, получивших здоровый, веселый вид — и все это в девять месяцев!

Если, невольно подумал я, выходя из школы, человек чрез девять месяцев родится на свет, то во столько же времени он может переродиться. После этого нам ничего более не остается, как благодарить Бога, что Он дал нам два чудесных свойства: привыкать и отвыкать. Привычка удерживает нас идти слишком скоро вперед, делает нас осторожно-консервативными; а отвыкая, под руководством благоразумных наставников, мы делаемся прогрессистами. Этими двумя неоцененными свойствами человека разрешается вся задача его общественной жизни. Кто умеет хорошо, кстати, привыкнуть и отвыкнуть, тот и развивает науку. Мудрое и вечное правило, которое

столько же относится к приходскому школьнику, сколько и к знаменитому гражданину, какого бы ни был он рода-племени, в каком бы веке ни родился и в которой бы из пяти частей света ни обитал!

Но нам ли, живущим в век смелых предприятий, в веке прогресса, еще удивляться, что две сотни еврейских мальчишек переродились за каких-то девять месяцев! Такие ли еще чудеса совершаются теперь пред нашими глазами!

Однако же, если наша гражданственность, глядя свысока, не позволяет нам удивляться такой простой вещи, то почему же наши христианские приходские училища в эти девять месяцев не сделали никакого шагу вперед? Не я ли виноват?

По совести говорю, нет. Или если виноват, то бессознательно. Выслушайте и судите.

Если дела минувших дней доказали нам, что можно заставить и в худых училищах нехотя учиться, то еще никто не доказал, что можно заставить в них и хорошо учиться. Для этого необходимо одно из двух: или охота, или хорошее училище.

Известно, охота пуще неволи; но тут нужно приманить, а не заставить.

А чтобы сделать училище хорошим, нужно действовать не врозь, не порознь, а общими силами.

Чтобы действовать общими силами, нужно иметь и общие убеждения. А где их взять?

Слов сколько угодно; а убеждений — это дело иное.

Вот в этом-то отношении нельзя не указать на евреев.

Еврей считает священнейшею обязанностью научить грамоте своего сына, едва научившегося лепетать; это он делает по глубокому убеждению, что грамота есть единственное средство узнать закон. Он это делает, потому что убежден во вдохновенной истине слов Моисея: «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь един есть, и возлюби Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от вся силы твоя, и да будут слова сии в душе твоей и сердце твоим, и научи им сынов твоих» (5. 6. 5).

В понятии ветхозаветного человека грамота и закон сливаются в одно неразрывное целое. У него нет ни споров, ни журнальной полемики о том, нужна ли его на-

роду грамотность. В мыслях его, кто отвергает необходимость грамотности, тот отвергает закон. Еврей в наших глазах есть старообрядец, старообычник, поклонник мертвой буквы, формалист — все, что хотите; но все — по убеждению.

А мы, которым открыта и благодать, и истина, которым дети поставлены в образец; мы, верующие, что Бог есть Слово, как мы убеждены, что наши дети должны знать слово? Мы вдаемся в толки, рассуждая, споря и сомневаясь еще о том, что должно быть нашим кровным убеждением. Мы и прогрессисты, и искатели сущности; но когда дело дойдет до действий по убеждению, то мы поспорим в консерватизме и с евреями.

Я знаю, за то, что я теперь сказал, меня будут упрекать в пристрастии, в ослеплении, в напраслине; мне скажут, что я слеп и глух, если, живя в просвещенном и человеколюбивом обществе, не слышу и не вижу ежедневных фактов, доказывающих и любовь к просвещению, и благотворительность. Фактов погромаднее того, который я привел, говоря о какой-то мелочной Талмуд-Торе. Я знаю, что многие даже обидятся и за сравнение, и за параллель. «Как можно сравнивать нравственные свойства и еще чьи? Семитского отжившего племени с нашими! Это неслыханная дерзость!» — скажут они.

Все это я знаю; но, тем не менее, решаюсь говорить, что мне кажется истинной правдою.

Не забудем: кому больше дано, с того более и спросится. Мы говорим, что мы любим просвещение. Да это не мудрено: нам нельзя сказать иначе, во-первых, потому что мы привыкли к этой фразе, а во-вторых, мы стыдимся сказать противное, точно так же как мы стыдимся показаться на улице в старомодном платье. Вы приводите факты: вы содержите на вашем иждивении сиротские и приходские училища, вы делаетесь их почетными смотрителями и попечителями. Но ведь мы знаем, кто у нас истинный распространитель просвещения; ведь мы знаем, как одно Его слово, Его желание для нас дорого. Мы знаем хорошо, что от Него не скроется ни один добрый поступок на общую пользу. Что же тут собственно нашего? Это все Его. Мы творим только волю Пославшего нас. Но про-

никла ли эта высшая, благая воля до нашего сознательного внутреннего убеждения? Сделалась ли она нашей второю натурой, нашей задушевной, неотъемлемой собственностью? Вот это докажите мне фактами.

Мы говорим, что мы благотворительны. Но, во-первых, мы не должны бы были этого говорить. «Тебе же творящу милостыню, да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя». А во-вторых, если мы уже до того христиане, что милосердие сделалось нашим общим душевным достоянием, то это значит, дела милосердия у нас приняли уже характер общественного института. Но если так, то покажите мне основные начала этого института. Мы все, не отрекшиеся от света и его прелестей, поступаем еще никак не лучше юноши, который просил наставления у Спасителя о том, что он должен сделать, чтобы получить жизнь вечную. Мы, благотворя, соблюдаем только главные заповеди. Но, соблюдая их, как бы мы ни тщились общими силами совершать дела милосердия, мы подвергаемся опасности, при устройстве нашего общества, столько же повредить ему, сколько и помочь, если мы не согласимся сначала подчинить наши действия не только сердцу, но и разуму. Сердце требует только, чтобы исполнена была заповедь; разум требует, чтобы исполнилась не одна ее буква. Разум говорит, что в настоящее время, как бы громадны ни были наши средства, мы только тогда сделаемся истинными благотворителями, когда сосредоточим их на одну, определенную сторону благотворительности, то есть, когда мы будем действовать ими для удовлетворения одной какой-либо главнейшей потребности нищеты. Словом, при настоящем состоянии нашего общества и при ограниченности наших средств, которые как бы ни казались велики, все-таки, в сущности, ничтожны относительно числа потребителей, благотворитель должен быть непременно специалистом. Как современная наука, в ее применении к обществу, с каждым днем все более и более делается специальною; как в науке едва-едва мы можем еще удержать общечеловеческое направление в школе, да и туда уже беспрестанно врывается ненасытная утилитарность с ее специальными требова-

ниями; так и в общественной филантропии¹ общее бес-
предельное милосердие с каждым днем делается все более
и более неудобным и даже вредным в его практическом
приложении.

Но в настоящее время, чем менее распространена в
обществе гражданственность, тем сильнее должно быть
общечеловеческое направление науки, тем более уни-
верситетское должно преобладать над факультетским.
Напротив, в филантропии, чем менее развита граждан-
ственность общества, чем менее оно привыкло действо-
вать сознательно и последовательно, тем специальное,
тем сосредоточеннее должны быть действия благотвори-
тельности.

Общество, стоящее на высшей степени граждан-
ственности, уже до такой степени успело себе усвоить
образованность, что как бы сильно оно ни нуждалось в
специальности, все-таки, специальность не истребит об-
щечеловеческое начало науки. Специалисту в таком об-
ществе не так легко впасть в рутину, или сделаться шар-
латаном. Но попробуйте развить научную специальность
за счет общечеловеческого в обществе, еще не остепе-
нившемся гражданственно, и вы получите между пижон-
ством грубых ремесленников, может быть, нескольких
односторонне дельных людей, но уже никак не предста-
вителей науки.

В филантропии другое дело. Интересы сословий и
всех членов общества развитого так слиты между собою,
все отношения и нищеты и богатства так сложны и так
взаимно пересекаются, что трудно делается, тронув одну
сторону, не затронуть другую. Тут дела милосердия уже
действительно должны быть возведены на степень обще-
ственного института, составленного из самых различных
отраслей управления; тут делается уже необходимым и
общий обзор, и централизация управления, и общая си-
стематичность действий. Но этот же самый способ филан-
тропических действий перенесите в общество еще мало
развитое, и оно превратит сущность дела в форму, оно

¹ Филантроп (греч.) — человек, занимающийся благотвори-
тельностью в помощь нуждающимся.

понапрасну развлечется наружной громадностью обстановки, тогда как ему нужно бы было, сосредоточившись, избрать только одну, две, или несколько сторон, смотря по величине его средств.

Не трудно научиться, а трудно уметь приложить изученное к делу. Тут мешают нам и неумение впору привыкнуть и впору отвыкнуть, и суетность, и другие дразги жизни.

Пусть же общество, еще не достигшее зенита гражданственности, сознательно разберет, чем оно должно пользоваться из настоящего того общества, которое ушло дальше, и чем из его прошлого, оставив спокойно до поры и до времени то, за чем ему еще рано гоняться.

Мы знаем, что высочайшее дело и христианства, и народного просвещения, с каждым годом и каждым днем распространяющее все более и более свет евангельского учения, началось тихо и скромно, копеечным сбором, и достигло огромных размеров только потому именно, что все обширные действия милосердных распространителей слова Божия ограничивались и теперь ограничиваются одною определенною целью: дать желающим средство читать Ветхий и Новый Завет.

Вот так должны начинаться все благотворительные общества. Пусть благотворители изберут сначала только одну или две из главных потребностей нищеты, будет ли то квартира, топливо, или пища, и все свои силы, все уменье, все милосердие, все средства сосредоточат на этом одном предмете. Конечно, это не так легко, как кажется. Тут нужно: во-первых, единодушие, строгое подчинение одной предназначенной цели других, более безграничных чувств и желаний, как бы они ни были справедливы и похвальны; даже некоторая степень жестокосердия, если так можно назвать твердость души, необходима для достижения этой цели. Во-вторых, нужно прямое и истинное участие в нравственной судьбе бедного. Никогда милостыня не должна быть чисто материальною; надобно, чтобы она помогала нравственно. Никогда помощь тому, кто имеет силу, или возможность работать, не должна доставаться совершенно даром, по крайней мере, он должен быть уверен, что она не достается ему без труда и ра-

боты. Вспомним, что случилось со знаменитыми национальными мастерскими в Париже. Сегодня вы накормите даром одного, не имевшего ни пищи, ни работы, и завтра же к вам придут за тем же двое, имевших и пищу, и работу. Кто не хочет, чтобы милосердие противодействовало общественной нравственности, тот должен давать материальную помощь бедному не иначе, как принимая нравственно живое участие в судьбе его. Да и кто больше христианин; тот ли, про кого все нищие говорят, что он дает милостыню, или тот, кто, истинно помогая, заставляет всех думать, что он только платит за труды, тогда как этот труд нужен не ему, а тому, кто трудился, и нужен нравственно.

Теперь положим, что благотворители приняли мой совет; положим, что они составили общество с ограниченной целью доставить известному числу неимущих жилище и топливо. Благотворители купили дом или наняли отдельные квартиры, запаслись дешевым топливом; узнали обстоятельно положение нескольких бедных, трудящихся семейств и отдали квартиры тем из них, которые платили прежде по 3 рубля в месяц, за один рубль, которые платили по 2 рубля, за полтину серебра; наконец, тем, которые не имели ни крова, ни работы, дали квартиру без платы и работу с тем, чтобы одною частью дохода с нее выплачивалась квартира и топливо. Не отвлекаясь удовлетворением всех потребностей нищеты, ограничиваясь, по своим средствам, известным числом бедных семейств, все члены этого специального филантропического общества, сосредоточивая свое внимание на один предмет, изучили бы его основательно, узнали бы подробно и цену, и качество, и значение квартиры и ее отношения к работе в жизни бедного человека; а из суммы, собранной с бедных семейств за помещение, составилась бы новый капитал, который мог бы быть обращен в их же пользу и для той же цели. Результат такой сосредоточенно-односторонней деятельности общества не замедлит обнаружиться, а пример поощрит других благотворителей к образованию нового общества, которое изберет своею целью удовлетворять другие потребности нищеты. Если, наконец, образуется несколько таких частных, специальных обществ,

если они достаточно организуются, тогда, — но только тогда, — наступит время всем вместе сблизиться. И обнаружится существенная, а не формальная потребность прийти к одному знаменателю.

Но в настоящее время, когда мы, кажется, начинаем уже серьезно убеждаться, что мы истинного прогресса можем достигнуть одним-единственным путем — воспитанием! Теперь, говорю, кто истинно любит отечество, для кого грядущее потомство проявляет собою идею земного бессмертия, тот должен и милосердие посвятить исключительно детям.

Дети — вот современная специальность для наших благотворителей.

Невольно опять обращаюсь к евреям. Их Маймонид¹, основываясь на устном предании, утверждает, что слово сын в Ветхом Завете значит также и ученик, приходская школа евреев или Талмуд-Тора значит *изучение закона*. Итак, грамота и закон, сын и ученик, ученье и воспитание сливаются в одно в понятии ветхозаветного человека, и эта тождественность, в глазах моих, есть самая высокая сторона еврея.

Неужели же мы, озаренные светом истины, должны в этом отношении отстать от ветхозаветников? Неужели толки о том, нужна ли грамота для детей нашего народа, должны еще серьезно занимать нас? Или еще более: неужели мы еще должны бояться, что она вредна, и верить в цифру, будто бы математически доказывающую ее тлетворное влияние на нравственность простолюдина? Да разве благо Слова и его распространение в народе должно доказывать фактами и статистикой? Разве Истина, облеченная в Слово и чрез слово изучаемая, не есть сама себе доказательство? И если бы в доказательство вреда приводили, что не только половина, а все грамотные простолюдины сделались пьяницами и ворами именно от того, что

¹ Маймонид (Рабби Моше бен Маймон; в русской литературе также Моисей Египетский, 1135—1204) — выдающийся еврейский философ, раввин, врач и разносторонний ученый, кодификатор законов Торы. Духовный руководитель религиозного еврейства как своего поколения, так и последующих веков.

учились грамоте, то может ли глубоко верующий в Воплощение Слова сказать что-нибудь другое в ответ как одно: не верю.

Если же кто-либо из противников просвещения смешивает грамоту с приложением ее к жизни, то тем хуже для него.

Нет, у нас еще нет убеждений. Мы спорим о первых основаниях, и, следовательно, сомневаемся еще и в них. Евреи, в этом отношении, со всем их старообрядчеством, со всем ветхим консерватизмом, могут служить образцом, как должно иметь убеждения. Они, с их непреодолимою настойчивостью, успели в деле убеждения уничтожить те огромные промежутки, которые у нас разделяют мысль, слово и дело. Едва ребенок начинает говорить, и еврей-отец, как бы он ни был беден, посылает его уже к меламеду учиться. Большая часть этих доморощенных учителей-самозванцев скрывается в самых отдаленных частях города, преследуемая штатными смотрителями и полицией. Я сказал бы, что если еще кто на свете злоупотребляет грамотой, то это именно одни мелаamedы. Но, увы! Даже и этим тяжким порицанием еврея не могу воспользоваться к возвышению нашего собственного достоинства. Безутешная цифра, сообщенная публике моим другом, В. И. Далем¹, не позволяет похвалиться и нашим умением в распространении света грамотою.

И так, правда, грамотность не впрок суеверным последователям Талмуда, не впрок она и нашим раскольникам. Несмотря на это, я уважаю и в еврее, и в раскольнике глубокое, сознательное убеждение, что она необходима, — убеждение, которого не имеют не только многие из православных, но и такая голова, как В. И. Даль, которая одна многих стоит. Будем снисходительны и согласимся, что не один еврей и раскольник, а вообще человек всем злоупотребляет, даже святынею. Этой нравственно-исторической аксиомы, кажется, доказывать не нужно. Итак, будем правосудны, не станем общую человеческую слабость сваливать на одних меньших наших братьев. Откинем предубеждения, проникнем мыслью сквозь безобразную груды

¹ См. сноску 1 на с. 81.

зла до самого основания, и увидим, что это зло есть не что иное, как переродившееся и искаженное добро.

И вот, если бы мне теперь моими, слегка набросанными мыслями удалось убедить хоть бы одного христианского благотворителя или благодетельницу, что все сделанное еврейским обществом для здешней Талмуд-Торы достойно подражания, если бы мне удалось обратить просвещенное милосердие хоть на одну из наших приходских школ, цель моя была бы совершенно достигнута.

И у нас между многими учениками приходских училищ, посылаемыми обыкновенно в школу только для того, чтобы их сбыть с рук, есть однако ж и такие, которых отцы хотят, чтобы их сыны научились читать Псалтырь и другие церковные книги. И у нас приходские школьники ходят за три и за четыре версты в училище, носят так же, как в прежней Талмуд-Торе, изорванные сапоги, едят один хлеб и часто не являются в училище по недостатку обуви, или отвлекаемые работами по домашнему хозяйству. Учителя также ведут списки. Но чем им завлечь или принудить ребенка, чтобы он посещал школу? Желудок вопиет сильнее головы. И если ребенок знает, что, сходя в школу, он останется после голоден, то его не заставишь учиться.

Вот где обширное поприще для истинно христианского и, следовательно, просвещенного милосердия.

Хлеб и грамоту, хлеб и правду — вот что дайте, христианские благотворители, грядущему поколению нашего отечества. Слейте в разуме вашем мысль о телесной пище в одно с мыслию о пище духовной; дайте ту и другую тем существам, которые разрешили устами Спасителя вопрос «кто убо велий есть в Царствии Небесном», — и вы исполните завет Его лучше, чем раздавая пригоршнями милостыню встречным и поперечным. Не беспокойтесь, что облагодетельствованные вами ученики приходской школы не будут под беспрестанным надзором вашим, как дети сиротских училищ, и, продолжая оставаться под влиянием грубых и закоренелых в предрассудках родителей, не принесут тех плодов, которых вы вправе были ожидать от вашего милосердия. Родительский дом, вмещающая даже предрассудки и порок, не так вредно действует на нрав-

ственность сына, как закрытое заведение, если порок и безнравственность прокрались в него под эгидой формы.

Накормите, оденьте, обуейте бедных приходских школьников, пошлите ваших жен посмотреть за раздачею пищи и ее качеством, похлопочите о выборе и достаточном содержании педагога, и у вас также явится свой Гольденблюм, и ваша приходская школа также переродится, как еврейская Талмуд-Тора.

БЫТЬ И КАЗАТЬСЯ

Ученики 2-й одесской гимназии обратились ко мне с просьбою о дозволении им играть в публичном театре, по примеру господ студентов лицея, играть с целью помочь некоторым из своих товарищей. Узнав, что и прежде ученикам гимназий, воспитывающимся в сиротском доме, позволялось действовать на сцене, я также позволил.

Но совесть моя этим не успокоилась.

У меня родился нравственно-педагогический вопрос: можно ли позволять молодым людям, чтобы они прямо со школьной скамьи выступали на сцену и представлялись действующими лицами пред публикой?

Известно, что везде, где вместе с гимназиею существует высшее учебное заведение: университет или лицей, гимназисты стараются во всем подражать студентам. Известно также, что такое подражание обыкновенно не ведет к добру. Но я смотрю на заданный себе вопрос с другой, более общей стороны. Спрашивается, вообще дозволяет ли здравая нравственная педагогика выставлять детей и юношей пред публикою в более или менее искаженном и, следовательно, не в настоящем их виде; оправдывает ли цель в этом случае средство?

Не обязаны ли истинные нравоучители смотреть на духовную сторону юноши и дитяти, как на святой храм, о котором сказано: «храм мой, храм молитвы наречется».

Не обязан ли нравоучитель изгонять из него все продающееся и покупающееся? Совместима ли с этим взглядом на духовную сторону юности выставка, возбуждающая суетность и тщеславие? Родитель или наставник,

дозволяя себе выставлять юношество в искаженном виде на публичное созерцание, не вносит ли в восприимчивую душу начало лжи и притворства? Разве разыграть хорошо роль, принять кстати подготовленную позу, суметь сделать удачный жест и живо выразить миною поддельное чувство, разве, говорю, все это не есть школа лжи и притворства? А шумные похвалы, воздаваемые именно тому притворству, которое сделалось натуральным, разве не пробуждают желание усовершенствоваться, и в какой душе — еще не коротко знакомой с наукою быть и казаться.

Но цель? Да, на свете еще существует одна школа, которая целью освящает средства. И все мы — что греха таить, — употребляя название этой школы, как эпитет коварства и лжи, подчас позволяем себе пользоваться упругостью ее догм. Но, согласитесь, нельзя же, не отказав себе в последовательности, защищать открыто ее учение, утверждая, что благая цель оправдывает выбор средств, нравственно ненадежного.

Если бы еще это средство было только неприлично важности и святости задуманной цели, но само по себе невинно, то почему бы не так. Света мы, конечно, не исправим; он останется, несмотря на все возгласы моралистов, таким, как он был и есть. Так почему же в практической жизни — известной своею непоследовательностью — не воспользоваться человеческими слабостями к достижению общей благой цели, если эти слабости невинны и не предосудительны. Но другое дело, если мы вздумаем для этой цели развивать в молодой душе такие склонности, которых последствий нельзя ни предвидеть, ни исчислить. Тут мне кажется, цель никак не может оправдать средства.

Детские балы, детские театры и всевозможные зрелища, в которых дети являются действующими лицами, слава Богу, изобретение не наше, а чужое, и потому извинительно и не знать, кем впервые, и почему они введены были в моду. Но судя по вероятностям, такая мысль могла прийти в голову или родителям, желавшим похвастаться милым искусством детей под предлогом доставить им удовольствие, или же наставнику, желавшему, без сомнения с

какою-нибудь педагогическою целью, возбудить соревнование в своих учениках.

Я думаю, что родители были легкомысленны, а наставник — близорук. Уже не один раз, и прежде и после, родители под благовидным предлогом утешить детей утешали свою суетность. Не раз педагоги ошибались в выборе средств, ослепленные случайной удачею, или стараясь приноровиться ко вкусу общества. Признаюсь, я сам еще недавно позволил детям в лицейском пансионе разыграть одну маленькую пьесу; но театр был чисто домашний, зрителями были товарищи и наставники; я видел в игре только средство для изучения языка.

Я заметил и тут, однако же, что, несмотря на всю безыскусственность и простоту обстановки, в некоторых из актеров обнаруживался такой прием суетности, который еще более увеличивать было бы опасно. Поэтому и дома, и в учебных заведениях можно бы только, и даже должно, позволять детям от 12 до 14 лет выучивать избранные роли из различных пьес, но без всякой обстановки и только единственно с целью упражнения в языке и в способе выражать отчетливо мысли. Пусть наставник объяснит этим ученикам, что именно хотел выразить автор тем или другим оборотом речи. Пусть покажет вместе, какие приемы свойственны тому или другому характеру действующего лица — но без всякой обстановки, без огласки, без посторонних зрителей. Наставник и его ученики должны быть и публикою, и действующими лицами; школьная комната — сценою. Пусть воображение довершит и украсит все остальное. Но опаснее сцена для мальчика в 15 лет и более. В этом возрасте, особливо на юге, дети, во что бы то ни стало, не хотят уже быть детьми. Воображение в эти лета уже начинает терять свою калейдоскопическую подвижность. Оно уже не с прежнею быстротою превращает один предмет в другой и не так легко заменяет призраком действительное. Несмотря на то, юноша все-таки еще не ясно различает два свойства своего я: быть и казаться.

Должны ли мы преждевременно давать повод юной душе обнаружить ее двойственность? Пусть быть и казаться остается покуда в жизни юноши одним и тем же.

Скоро, слишком скоро, и без всяких побуждений, проявляется в его действиях то, о чем Апостол Павел сказал: «еже бо содеваю, не разумею: не еже бо хочу, сие творю, но еже ненавижду, то соделываю» (Римл. 7, 15).

И не выходя на театральную сцену, и без того — на одной сцене жизни он скоро научится лучше казаться, чем быть.

Подождите, дайте время развиться духовному анализу. Дайте время начать борьбу с самим собою и в ней окрепнуть. Тогда, кто почувствует в себе призвание, пожалуй, пусть будет и актером: он все-таки не перестанет быть человеком. И если и Тальма¹, и Каратыгин² были только кажущимися героями, то по крайней мере ваш сын или ученик не будет одним только кажущимся актером.

Но не лучше выставок детей на паркете и театральной сцене и публичные выставки на сцене школьной. Это тоже театр в своем роде. Да еще на театре выставляется, по крайней мере, то, что должно быть выставлено: искусство притворяться и великий дар заставлять себя чувствовать по собственной воле. А на публичных экзаменах выставляется напоказ знание, которого истина и значение ничем столько не ценится, как скромностью.

Все эти искусственные и натянутые попытки так называемого развития ума и сердца развивают только преждевременно двойственность души человека, еще не окрепшего в борьбе с самим собою. Они довершают только то, что и без них начинают слишком рано общество, школа и, увы! сам родительский дом.

Пусть каждый из нас припомнит, когда он начал казаться не тем, что он есть. И верно, отвечая на этот вопрос, не многие из нас похвалятся своей памятью. А когда мы вступили в борьбу с самими собою, полагая что мы все уже вступили; то мы, наверное, казались давно не тем, чем были. Неужели же мы захотим то же самое пе-

¹ Тальма Франсуа-Жозеф — знаменитый французский актер конца XVIII — начала XIX вв.

² Каратыгин Андрей Васильевич (1774—1831) — российский актер.

редать в наследство нашим детям? Неужели все попытки нравственной педагогики, все успехи, все стремление человека к совершенству — одна только пустая игра слов, один обольстительный вымысел?

Нет! Мы не имеем права не верить в истину. Если бы мы принялись общими силами, мы бы много такого исправили в наших детях, чего не успели или не умели исправить наши отцы в нас. Правда, мы можем дать только то, что сами имеем. Но, кто хочет идти вперед не по одним только грязным и пыльным улицам, тот найдет в душе довольно силы и вести борьбу с собою, и следить за первыми открытиями душевной двойственности у своих детей. Первое ее проявление есть: притворство и ложь. Трудно определить время жизни, в которое оно впервые обнаруживаются у ребенка. Я знал 6-ти летнюю девочку, которая была уже такая виртуозка лжи, что трудно было различать длинные рассказы ее собственного изобретения от правды: так все в них было связно и отчетливо. Знал я еще и одного мальчика четырех лет, который на вопрос: видал ли он колибри? не желая, из хвастовства, сказать просто «не знаю», описал как нельзя подробнее виденную им колибри, которая, однако же, оказалась просто вороною; а когда ему заметили, что колибри водятся не в тех местах, где он жил, а в Китае, то он, нисколько не конфузясь, уверял, что большую, черную птицу прислал в подарок его маменьке китайский император. Про девочку я после ничего не слыхал; но про мальчика знаю наверное: он теперь перестал так безбожно хвастать.

Из этих и из множества других фактов нельзя ли заключить, что уже с первым лепетом ребенка начинает обнаруживаться и двойственность нашей духовной стороны? И да, и нет. Я не сомневаюсь, что у ребенка есть свой мир, отличный от нашего. Воображение создало этот мир ребенку, и он в нем живет и действует по-своему. Взрослый, действующий как ребенок, есть в наших глазах или лгун, или сумасшедший. И если дитя нам не кажется ни тем, ни другим, то именно потому, что оно дитя. Итак, если мы, достигши известного возраста, не перестаем жить в мире, созданном нашим детским воображением, мы делаемся непременно или лжецами, или взрослыми

детьми, то есть чудаками, помешанными, или назовите как угодно, только не обыкновенными людьми.

Мы привыкли называть сумасшедшим того только, в действиях которого мы замечаем явную несообразность и непоследовательность. Но эта кажущаяся несообразность слов с действиями и одного поступка с другими иногда только служит признаком помешательства, а иногда и нет. Кто сомневается еще в этой неопределенности и сбивчивости наших понятий, пусть спросит у судебных врачей, всегда ли и во всяком ли данном случае им бывает легко решить вопрос о сумасшествии.

Нелегко решить также об ином: заблуждается ли он, или лжет. Известно, что привыкший лгать, наконец, это делает вовсе несознательно.

Но, если у взрослого в практической жизни так трудно бывает провести точные границы между здравомыслием и помешательством, между убеждением и ложью, то еще осторожнее мы должны оценивать поступки ребенка.

У ребенка кажущаяся нам непоследовательность поступков и мыслей, сознательная ложь и бессознательная, так незаметно переходят одна в другую, что почти каждого из детей можно назвать глупым и лгуном, применяя к нему слова и понятия, взятые из жизни взрослых. Но в этом-то и заключается именно ошибка и родителей, и наставников, что они, не в пору устарев, забыли про тот мир, в котором сами некогда жили. И во лжи, и в несообразностях действий, ребенок еще не перестает казаться именно тем, что он есть, потому что он живет в собственном своем мире, созданном его духом, и действует, следуя законам этого мира. Чтобы судить о ребенке справедливо и верно, нам нужно не переносить его из его сферы в нашу, а самим переселяться в его духовный мир. Тогда, но только тогда, мы и поймем глубокий смысл слов Спасителя: «аминь, глаголю вам, еще не обратитесь и будете яко дети, не войдете в царство небесное».

Если бы все человеческое общество состояло из одних детей, то двойственность души в ребенке никогда бы не обнаружилась, и он всегда бы казался тем, что он есть. Он всю окружающую природу переносил бы в свой духовный мир и действовал бы в нем верно последовательнее нас.

Но мы, мы — взрослые, — нарушаем беспрестанно гармонию детского мира. Мы, насильственно врываясь в него, переносим ребенка, на каждом шагу, к себе, в наш свет. Мы спешим ему внушить наши взгляды, наши понятия, наши сведения, приобретенные вековыми усилиями уже зрелого человека. Мы от души восхищаемся нашими успехами, полагая, что ребенок нас понимает, и сами не хотим понять, что он понимает нас по-своему.

Мы не хотим «ни умалиться», «ни обратиться и быть как дети», и между тем быть их наставниками и даже считаем себя вправе пользоваться званием наставника, не исполнив этого первого и самого главного условия.

Кто же теперь виноват, если мы так рано замечаем у наших детей несомненные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердно двоим ее?

Действительно, наши усилия венчаются успехом. Но как? Исторгая беспрестанно ребенка из его собственного духовного бытия, перенося его все чаще в нашу сферу, заставляя его и смотреть, и понимать по-нашему, мы, наконец, достигаем одного: он начинает нам казаться не тем, что он есть. И вот венец нашей педагогики, вот минус всех наших трудов и усилий!

Чего не придумано у нас к достижению этого результата? И детские балы, и театры, и живые картины, и костюмы, и даже школьная обстановка. А чтобы лучше убедиться, действительно ли ребенок нам кажется не таким, как он есть, мы изобрели и срочные испытания. Мало этого, нашлись и такие педагоги, которые придумали из самих детей сделать орудия наблюдения за детьми же, чтобы, и те и другие как можно лучше двоили свой духовный быт, и как можно точнее разделяли бы быть и казаться. Известно, до каких блестящих результатов на этой почве достигли отцы-иезуиты. Если мы при нашей обыкновенной методе воспитания много способствуем, — хотя бессознательно и действуя по крайнему разумению, — развитию в ребенке лжи и притворства; то иезуиты, не довольствуясь этим, уже сознательно доводят двойственность до степени клеветы.

Твердо верящему в стремление человечества вперед, к усовершенствованию, кажется уже неприличным

утверждать, что и дети, и вообще люди в старину, то есть когда-то, были лучше. Но, тем не менее, в этой известной поговорке стариков и недовольных, есть доля правды.

Во-первых, для всякого старика это действительно носительная истина. Он, принимая менее участия в действиях переходного состояния от старого к новому, видит яснее худое, всегда сопровождающее каждый переход, чего современное ему свежее поколение не примечает, будучи само проводником нового. Во-вторых, есть и действительно такие периоды для человечества, в которых старое, еще не достаточно состарилось; а новое, втекая целым потоком, еще не успело ни созреть, ни амальгамироваться¹ со старым.

Эти периоды также вредны для нравственности как у нас на севере ранние оттепели для посева: семена уносятся тающим снегом. И это уже не одна только относительная истина для стариков.

Чуть ли мы сами не живем в одном из таких периодов.

Если так, то не мудрено, что в то время, когда старое было еще во всей своей силе, то есть, еще не было старым, воспитание совершалось с большей последовательностью и именно потому, что было более односторонним. Правда, и прежде, точно так же, как теперь и даже больше, взрослые мерили детей по своей мерке; особенный детский мир и прежде для взрослых также мало существовал, как и теперь. Но средства, которые они употребляли для сообщения детям своих понятий и взглядов, были грубее и именно потому лучше наших. Наши отцы и праотцы, следуя буквально правилу царя Соломона: «кто щадит жезл свой, ненавидит сына своего: любящий же наказует прилежно», переносили ребенка насильно из его внутреннего мира в свой собственный; но за то скорее и отпускали назад.

Если уже нужно выбирать одно из двух, то без сомнения лучше вторгаться в духовно-детский мир с жезлом

¹ Метод извлечения металлов из руд растворением в ртути. Амальгамацию применяют для извлечения серебра, золота, платины и других металлов из руд или концентратов.

в руке, чем с театральной афишей и бальным костюмом. Яд и позолоченная отравка опаснее палки и синяков.

Воображение ребенка и развивается, и действует по мере развития внешних чувств и понятия. У него мысль никогда не опережает воображения. Окружающая природа, для него еще новая, доставляет ему столько пищи, что оно постоянно в работе. Это калейдоскоп в беспрестанном вращении, чрез который дитя смотрит на все окружающее. Берегитесь нарушать эту фантастическую игру вашими действиями. Вашею искусственной обстановкою, как бы она ни была обворожительна, вам все-таки не удастся заменить те чудные образы, которые творит детская фантазия. Вы только понапрасну развлечете ее деятельность и рано пробудите чувство недовольства. Ребенок, недовольный своим, будет сам проситься в ваш мир и выкажется уже в нем не тем, чем он был в своей сфере. Двойственность и пресыщение должны необходимо следовать.

Итак не мудрено, если в старину, при менее искусственной обстановке воспитания — яснее обозначались высоты и выдержанные характеры. Кто выходил невредим из школы жезла, тот выносил дух также хорошо закаленный, как закалено тело диких номадов, купающих новорожденных детей в студеной воде.

Но наша современная обстановка воспитания еще слишком нова, чтобы точно обсудить ее результаты. Только над одним иезуитским способом воспитания, который также не вовсе потерял современность, суд истории уже произнесен. Везде, где он господствовал, и теперь еще господствует двойственность души. Насильственно разделенное иезуитством, быть и казаться породило и притворство, и коварство, и клевету с ябедою и доносом.

Если все, что я сказал, заключает в себе хотя тень истины; то скажите мне, не лучше ли пред Богом и человечеством заменить все искусственные попытки нашего собственного воображения воспитанием, основанным на законах девственно-фантастического мира дитяти.

В наше время, когда глубокие умы посвятили себя изучению духовной стороны даже умалишенных; когда на-

чинает обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имеют свою собственную логику, свою последовательность в действиях; когда наука, проникнув в их особый мир, ищет в нем связей с нашим, должны ли мы, говоря именно теперь, оставаться хладнокровными к духовному миру наших детей, и не изучать его во всех возможных направлениях?

Скажите, что может быть поучительнее, что выше, что святее, духовного сближения с этим Божиим, чудным детским миром? Кому не интересно следить, за всеми его открытиями, за всеми проявлениями во времени и в пространстве? Кому не весело самому помолодеть душою? О! Если бы все родители и педагоги по призванию вошли в этот таинственно-священный храм еще девственной души человека! Сколько нового и неразгаданного еще узнали бы они; как обновились бы, как поумнели бы сами! Один взгляд, брошенный в него бедным швейцарцем, сердечно любившим детей, произвел на свет целую систему учения, плодами которого мы теперь только начинаем пользоваться.

К вам, матери семейств, относится преимущественно мой совет. Вместо того, чтобы посылать ваших детей на театральную и балльную сцену, ступайте сами за кулисы детской жизни. Наблюдайте отсюда за их первым лепетом и первыми движениями души; наблюдайте их здесь и тогда, когда они возвратятся к вам, утомленные играми, и всегда готовые снова начать их.

Я бы дал и еще совет; но не знаю, как вы примете и этот. Подчиняясь одним влечениям души к добру и правде, вы, может быть, и без меня придумали что-нибудь лучше. Я сам обращаюсь теперь за советом, всегда уважая его, если он дань от души, если в нем проглядывают смысл и любовь к истине и добру. Скажите мне, отцы и педагоги, все ли вы принимаете со мною этот детский мир с его особенными законами? Если да, то скажите мне откровенно: как вы в него вступаете? И потом, посоветуйте мне, должен ли я и впредь позволять детям и юношам играть на публичной сцене? Пусть будет ваш совет, пожалуй, и чисто теоретический — все равно я приму его с благодарностью.

НУЖНО ЛИ СЕЧЬ ДЕТЕЙ И СЕЧЬ В ПРИСУТСТВИИ ДРУГИХ ДЕТЕЙ?

Не правда ли, мелочной и даже, так сказать, неприличный вопрос для публики образованной и занятой серьезными делами? Но для детей розга не мелочь, и секут их также и образованные, и занятые серьезными делами люди. А я именно и хочу говорить только с секущими. Да, наконец, вспомнив бывалое, мало ли еще между нами найдется таких, которые чем-нибудь да обязаны розге — хорошим или худым, но, по крайней мере, думают, что обязаны. Розга — предмет немаловажный и не для одних детей: о ней говорится и в Библии, и в педагогике, и в законоведении. А в жизни ребенка она из важнейших вещей важнейшая. Правда, для многих отцов, матерей и учителей высесть ребенка все равно, что высморкаться. Я знавал, и таких, которые уверяли, что до 12 лет с ребенком нужно обращаться, как с котенком или щенком. Я не преувеличиваю — именно этими словами выразил мне один отец — и не из простых — свой взгляд на воспитание, и уверял, что он так воспитывал всех своих детей. Сын его, образованный по этой методе, мне и теперь знаком: он довольно известный ученый, — но человек ненадежный. Еще и многие теперь живут из сеченных по субботам; и многие из них не нахвалятся этой методой, приписывая ей даже и то, что они дослужились до почета. Есть, наконец, и такие, которые не поверят, чтобы можно было теперь еще терять время на рассуждения о том, что, по их мнению, всем и каждому известно, что освящено временем, и потому не подлежит никаким возражениям. Нашим училищным уставом определяется телесное наказание только в крайних случаях, когда все другие исправительные меры оказались недостаточными, и то только в низших классах. Но училищный устав писан не для родителей; а дети, поступающие 10-ти и более лет в школу, уже воспитывались до того — так или иначе — дома. Поэтому учителя и директора училищ поставлены в затруднительное положение, и нередко недоумевают: должно ли продолжать начатое или начинать новое. Сеченых детей не сечь значит — терять над ними авторитет; а если сечь,

то нужно большее. Человек, и еще более дитя, скоро ко всему привыкает; а высекши одного или двух, захочется попробовать и на других: эта метода как-то проще, и действия ее нагляднее.

Большая часть секущих родителей и учителей, без сомнения, действует или по привычке, или подражая. Недавно я видел двухлетнего ребенка, который, держа в руке палку, бил ею отца, смеясь тем детским смехом, который так заманчив и для всех взрослых. В движениях этой ручонки было также мало смысла, как и в наказующей руке многих отцов и учителей.

В чем же состоит основная мысль телесного наказания вообще:

- 1) выместить причиненную обиду,
- 2) пристыдить,
- 3) утратить.

Вот три чувства, на которых человечество с незапамятных времен основывает все свои физические исправительные меры. Оставив месть в стороне, как чувство, несвойственное ни христианству, ни здоровой нравственности, руководившее только первобытных законодателей младенчествующего общества, остановимся на двух современных: — стыд и страх. Но тот, кто хочет телесным наказанием пристыдить виновного, не значит ли, хочет стыдом действовать на человека, потерявшего стыд?

Если бы он его еще не потерял, то для него достаточно была бы одна угроза быть телесно наказанным. Да и самое средство, направленное к цели, не таково ли, что уничтожает самую цель? Как вы хотите, чтобы удары розгою по обнаженному телу ребенка могли пристыдить его, когда они именно и уничтожают стыд, заставляя его делать то, чего он должен стыдиться делать? Пусть ребенок всегда стыдится заслужить такое наказание, это не худо; но если он себя до него довел, то уже тут поздно стыдом действовать. Тут остается один только страх. Но какой? Не тот нравственный страх заслуженного наказания, который возбуждается внутренним чувством совести за нарушение предписываемых ею правил, а страх боли и истязаний. Неужели нужно у ребенка поставить со-

весть в зависимость от розги? И если можно этого достигнуть, если можно достигнуть, наконец, того, чтобы физическая боль или одно воспоминание о боли пробуждало совесть; то желательно ли, утешительно ли это? Хорошо ли сводить совесть, это свободное чувство человека — с самых юных его лет — к зависимости от телесных, или даже и духовных, но более зависимых ощущений? Или, может быть, думают, что одна мысль о боли достаточно устрашает? При таком воззрении розга должна сделаться для ребенка чем-то вроде *temento mori*¹. Один взгляд на нее, даже брошенный украдкой, уже должен страшить и потрясать. Тогда страх является чем-то средним: ни чисто физическим, ни чисто нравственным чувством. Но в таком случае, чтобы быть последовательными, мы не должны его допускать до конечного осуществления. Есть немецкая поговорка: «черт не так черен, как нам его описывают». Ее изобрели верно те, которые уже видели, по крайней мере во сне или в бреду, черта. Трус, испытав однажды на деле то, чем его пугало воображение, может сделаться вдруг храбрецом. И ребенок, боявшийся одного взгляда на розгу, перестанет бояться, когда узнает *a posteriori*², что она не так ужасна, как ему прежде казалось. Но, наконец, положим, вы достигли вашей цели; вам удалось возбудить самый лучший физический страх в ребенке, — чем вы будете его поддерживать? Вам еще понадобится его усиливать: ребенок ко всему скоро привыкает. Где положить границу усилиям? А если он хоть на минуту освободится из-под дамоклов меча³; если ребенок хоть вскользь убедится, что его проступки могут остаться неза-

¹ См. сноску на с. 176.

² *A posteriori* (лат.) — у схоластиков познание из действия и познание из причины. Со времени Канта *a posteriori* — понятие, суждение, познание, происходящие из опыта.

³ По греческому преданию, сиракузский тиран Дионисий I (конец V в. до н. э.) предложил своему фавориту Дамоклу, считавшему Дионисия счастливейшим из смертных, занять его престол на один день. В разгар веселья на пиру Дамокл внезапно увидел над головой обнаженный меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия. В переносном смысле — нависшая над кем-либо постоянная угроза при видимом благополучии.

меченными, как вы думаете, воспользуется ли он или нет своею мнимой свободой? Вот уже и двойственность, вот уже и опять — «быть и казаться». Покуда розга в виду — все хорошо и в приличном виде; когда исчезла из виду — кутеж и разлив. И это нравственность!

Если же у вас в доме или в школе обстоит все в таком отличном порядке, что ни один проступок ребенка не может остаться незамеченным, то на что тогда розга? Лишь бы было это убеждение, и преступлений бы не было: по крайней мере, они случались бы как нельзя реже.

Но в этом-то вся загадка. Поселите это убеждение, займитесь серьезно; это не так трудно, как кажется с первого взгляда, хотя, конечно, это сделать труднее, чем приготовить хороший березовый чай. Но и это еще далеко не все. Это только шаг к хорошему; но есть и еще лучшее. Сделайте так, чтобы наказание за проступок было не вне, а внутри виновного и вы дойдете до идеала нравственного воспитания. Не забудьте, что я говорю это родителям: у них в руках и мягкая масса для моделей, и форма. Но и учителя не должны забывать, что к ним поступает в руки эта масса еще не совсем застывшею. Они могут из нее также еще кое-что вылепить...

Итак, розга — слишком грубый и насильственный инструмент для возбуждения стыда. А чувство стыда — это такой нежный, оранжерейный цветок, который разом завянет, когда побывает в грубых руках. Розга вселяет страх, это правда — но не исправительный, не надежный, а прикрывающий только внутреннюю порчу. Она исправляет только слабодушного, которого бы исправили и другие средства, менее опасные.

Я пишу все это только потому, что верю в слова покойного Преосвященного Иннокентия¹. Он мне сказал однажды: «всякая мысль, высказанная с убеждением, есть живое семя, брошенное на землю; рано или поздно она пустит ростки». Класс секущих, разумеется, останется при своем убеждении, — если он действует точно по убежденно, а не по слепой привычке и бестолковому подра-

¹ Иннокентий (Александров) (1793—1869) — епископ Екатеринбургский и Таганрогский.

жанию; для них розга, что ни говорите, все-таки останется незаменимою и неизбежною. — Но эти господа, согласные между собою в основном принципе, не все еще согласны в способах, как его приводить в действие, и потому распадаются на несколько сект.

Одна секта утверждает, что надобно сечь сгоряча, тотчас же на месте преступления. По ее мнению, и наказуемый и наказующий в это время бывают в таком особенном настроении духа, что первый лучше воспринимает, а второй лучше сообщает. Другая секта откладывает наказание до более удобного времени и совершает его методически, с толком и с расстановкою. Эту секту, в ее высшем развитии, составляли древние наши педагогичесубботники, которые секли всех своих питомцев по субботам сплошь и рядом, уверяя, что виноватым это служит возмездием за прошедшее, а невинатым пригодится в будущем. Далее, третий род секущих сторонников, опасаясь возбудить в детях нелюбовь или ненависть к наказующему, запрещает сечь самим учителям и воспитателям, предоставляя это занятие особенным, нарочно к тому подготовленным экспертам. Кажется, не нужно и упоминать, что такой дипломатический расчет могли придумать только одни отцы-иезуиты. Впрочем, еще замысловатее четвертый класс, который не так давно еще у нас сек невиноватого, полагая этим исправить виноватого, да еще и доказать ему свою любовь. Не нужно объяснять, что виновные были родные дети, а невиноватые — слуги и приемыши. Наконец, чтобы сделать наказание нравственно полезным не для одного только виновного, а и для других его товарищей, пятый род адептов розги сечет не келейно, а торжественно, с фанатической обстановкою, и сам еще подразделяется на две отрасли, из которых одна призывает к присутствию всех товарищей наказываемого, чтобы ему было стыднее, а другая — вменяет это присутствие в наказание только одним провинившимся. Вот с этою-то отраслью, существование которой обнаруживается и в Новороссии, я хочу еще переговорить немного. Я уже ей сказал, что ее действия в моих глазах безнравственны. Но она сомневается. Будем судиться гласно. Покуда все дело ограни-

чивается только одной угрозой виноватому, что его заставят быть при наказании товарища или брата, то я ничего не имею сказать против этого. Если отец или учитель в минуту гнева накажет ребенка перед его братьями или соучениками, я также не сочту этого еще худым. Но если воспитатель вменит обдуманно в наказание виноватым присутствовать при наказании других, и заставит их это сделать, и не однажды, то, по-моему, это значит — или не знать вовсе человеческого сердца, или иметь о нем самое худое мнение и тем именно его портить еще более, нежели оно и без того уже испорчено. Чего вы хотите? Поселить в присутствующих отвращение к наказанию? Да вы поселяете одно отвращение к наказующему. Вы хотите возбудить отвращение к виновному? Но вы возбуждаете к нему сочувствие. Разве можно, не огрубев душой, без сожаления слушать вопли и смотреть на борьбу сильного с бессильным? Какой род страха вы желаете развить в вашем воспитаннике? Страх физический или нравственный? Если первый, то к нему скоро привыкают, и он, смотря по характеру, рано или поздно переходит в тупое равнодушие, то прямо, то постепенно восходя от боязни до ужаса. А если второй, то вы не достигните вашей цели розгою, будете ли ею действовать *a priori*¹ или *a posteriori*².

Его может вселить только тот, кто его сам имеет, да и имеет в избытке. Этот страх есть страх Божий, который — нас учили — есть и начало премудрости. Может быть, вы и устрасите, но только одних трусов, да и те будут бояться не наказания, а наказующего.

Желаете ли вы возбудить негодование на виновного в его товарищах и одноклассниках — а этого вы должны желать — то вы не достигните и этой цели, заставив, напротив, жалеть его и сочувствовать его горю. Негодование обращается не на него, а на того, кто наказывает. Итак, исправительная мера, развивающая чувства совершенно противные тем, которые вы хотели ею пробудить, по малой мере неприлична и неблагоразумна. Но если

¹ См. сноску на с. 275.

² Следующий (лат.)

она еще к тому может зародить порочные чувства, то она безнравственна.

Знаю, что последователи правил, упроченных лишь временем, тяжелы на подъем, — и в этом случае они правы: время — важный аргумент, когда оно вынесло на свет что-нибудь хорошее. Но в этом-то вся и трудность. Докажите мне, что при такой-то мере дело шло хорошо, да докажите еще, что хорошее именно и зависело от этой меры; тогда я первый поклонюсь, пожалуй, и розге, как бы я мало не был расположен к ней. А покуда, не испытав ничего другого и не доказав, что хорошее зависит именно от нее, если вы будете ссылаться на опыт, даже вековой, я вправе вам не поверить. В педагогии, как и в других практических науках, логика одна, и все то же вечное должно непременно и непреложно доказывать пользу той или другой меры; да присоединяется и еще одно доказательство в роде следующего: такой-то способ или такое-то средство, очевидно, энергическое, а потому оно не может остаться без следствий; оно должно непременно или помочь, или повредить; если же оно не вредит, то, следовательно, помогает. Вот хоть бы, например, и в медицине, основываясь на таких силлогизмах¹, целые столетия все пускали кровь в воспалениях легкого. Врач, не пустивший кровь больному в таком случае, мог попасть в суд. Наконец нашлись люди, которые цифрою доказали, что страдающий воспалением легкого может выздороветь и без кровопускания, да еще и чаще, и скорее выздоравливает. А уже если есть на свете энергическое средство, так верно кровопускание; оно не розге чета: не каплями, а фунтами льет кровь. К чему же тут служила вся официальная логика? Умозаключения были правильны, опыт также подтверждал, время упрочивало факты, да позабыли только одно: испытать, не будет ли хорошо и иначе, без энергических способов? А на поверку и вышло, что энергическое-то иногда прикидывается, и на вид вовсе таким не кажется.

¹ Силлогизм (греч.) — в логике умозаключение, составленное из трех суждений так, что последнее (заключение) выводится из первых двух (посылок) как необходимое следствие.

НОВОСЕЛЬЕ ЛИЦЕЯ

**Речь, произнесенная господином попечителем
Одесского учебного округа Н. И. Пироговым
на торжественном открытии Ришельевского лицея,
1-го сентября 1857 г.**

Милостивые государи!

Недаром существует обычай праздновать новоселье. Не знаю, когда и у кого родилась первая мысль праздновать перемену жилища.

Думаю, что впервые эта мысль родилась у народа кочевого. Все существование кочевого народа зависит от избранного им места.

Но если у номадов¹ все настоящее, то у оседлых народов все будущее зависит от избранного места.

У первых одна чисто материальная, у вторых и материальная, и умственная, и даже нравственная сторона жизни находятся в зависимости от места пребывания.

Перенесем этот взгляд от народов к обществам и общественным учреждениям.

И у них, также как у целых народов, есть своя жизнь, осуществляющая известную идею, и свое будущее. И то, и другое не зависит ли также от выбора места?

Никто и из частных людей не переменит без цели и необходимости своего жилища; никто не переедет из одного места в другое, не задумав, сообразуясь с обстоятельствами, поменять образ жизни. Итак, переменяя местопребывание, будет ли то страна, провинция, город, улица, дом и даже комната, все мы руководимся явною или скрытою мыслью о большей или меньшей перемене нашего образа жизни.

Желая переменить его, мы все ищем лучшего.

Каждый по-своему: хорошо или худо.

Но, переменяя, и не зная никогда будущего, мы обращаемся с мольбою к Богу, призываем друзей, соседей, сверстников и знакомых, как бы желая их сделать нашими соучастниками в предстоящем.

¹ Номады (греч.) — условное название народов и этнических групп, которые в течение года или сезона ведут подвижный образ жизни.

Так я объясняю себе празднество новоселья.

Так я смотрю и на новоселье нашего лица.

Мы празднуем переход в новое здание. Но с какою целью сооружено оно?

Назначается ли оно только заменить ветхие стены старого лица новыми?

Своды ли, мрамор ли и паркет полов должны отличать новый лицей от старого?

Если одно это, то основная мысль нашего торжества была бы, в сущности, не выше и даже ниже той, которою, вероятно, руководствуются номады, переменя кочевье.

Перемена кочевья есть необходимое условие жизни целого народа. Перемена ветхих стен на новые есть только одно удобство нескольких людей.

Нет, мы не для этого празднуем новоселье лица. Не одна ветхость стен, не одно удобство и прихоть побудили правительство заменить старое новым.

В нашем новоселье обнаруживаются две высокие мысли.

Оно, во-первых, доказывает, что старый лицей с честью отжил свое время.

Он и родился во время, когда потребность к просвещению в крае начала только проявляться, и то только в высших слоях общества.

Он так успешно действовал на поприще просвещения, что поставленные учредителем пределы образованию сделались узки. Их не раз уже изменяли и расширяли. Но они все-таки оказываются узкими.

Больше ничего не нужно приводить в доказательство успешной деятельности старого лица. Этого одного довольно для беспристрастных.

Во-вторых, праздник нашего новоселья, останавливая невольно наш взгляд на новом здании, заставляет думать, что не понапрасну же увеличен объем его стен, не напрасно увеличено помещение для учащихся, кабинетов, лабораторий.

Не напрасно пекущееся правительство, вместо огромных издержек на меблировку нового здания, обратило значительную сумму на приобретение учебных пособий.

Все это ясно говорит, что с новосельем должна начаться и новая жизнь лица, новый период его деятельности, и новый лицей действительно должен сделаться новым для Новороссии.

Вот почему мы празднуем день нашего новоселья.

Но будущее не в наших руках.

И мы начали наш праздник молитвою.

Мы пригласили и всех вас быть нашими соучастниками и в мольбе, и в достижении высокого будущего лица.

Мы все стремимся и сознательно, и бессознательно олицетворить тот идеал человека, который каждая нация создает для себя в различные периоды своего развития. Лицей, как и все другие учреждения, назначенный для воспитания, образования и просвещения одной известной части нации, непременно, как бы невольно, участвует и в этом общем национальном стремлении.

В каждом учебном округе высшее образовательное заведение можно сравнить с маяком, назначенным проливать свет на известную округность.

Чем выше стоит такой маяк, чем удобнее избрано место, на котором он стоит, и чем ярче он светит, тем ярче и тем больше освещается вся округность.

Но, как бы маяк ни был хорошо устроен, если мореплаватели, в нем нуждающиеся, не озаботятся, из собственных же выгод, поддержать его, и, знакомые с его назначением, не воспользуются благодетельным светом: маяк будет только значиться без пользы на морской карте.

Правительство, как бы ни были мудры и высоки его предначертания, не в силах осветить всех желающих блуждать во мраке, беззаботных и нерадивых о собственном благе.

Сознательное стремление к общей цели, живое участие и содействие по мере сил всегда, везде и при всякой форме правления составляют необходимое условие для успешного осуществления каждой общественной мысли.

Настало время, когда мы все ясно сознаем, что главной порукою за будущее благосостояние нашего общества, и мало того, главной его основой должно служить воспитание наших детей и, даже отчасти, перевоспитание нас самих.

Наш благодетельный Монарх открывает нам разные способы к осуществлению этой мысли.

Но настало также время, когда сознательное содействие со стороны общества оказывается более чем когда-нибудь возможным и необходимым к достижению главной цели воспитания.

В наш предприимчивый и практический век везде, беспрестанно заводятся новые общества, собираются огромные капиталы для предприятий, сулящих выгоды и улучшение материального быта.

Но что же мы сами делаем для высшего, нравственного быта наших детей, без которого шатки основания и материальная составляющая?

Употребляем ли мы достаточно наши материальные средства к достижению этой высокой цели?

Отреклись ли мы, хоть сколько-нибудь, от эгоизма и корыстных взглядов на жизнь, чтобы осуществить высокий идеал воспитания на нашем потомстве?

Стремимся ли мы с одушевлением и самопожертвованием, забыв хоть на время настоящее, жить в нашем будущем?

Сознаем ли мы ясно все прекрасное и высокое этого будущего?

Как смотрит еще до сих пор наше общество на воспитателей и наставников будущего поколения целой нации?

Ценит ли оно довольно их призвание, труд и заслуги?

Существует ли доверенность и полное сочувствие между родителями и наставниками, и внушены ли эти чувства детям?

Как смотрит большая часть самих наставников на свое призвание?

Многие ли из них изучали сами, или под руководством опытных педагогов, на деле и с любовью к делу, трудное искусство воспитания?

Пусть каждый из нас решит эти вопросы, положив руку на сердце.

Что касается до меня, то, как ни больно, но я должен признаться, что нахожу преобладающим взгляд чисто материальный на эту, после религии самую высокую сторону нашей общественной жизни.

И богатые, и бедные, все мы немного, очень немного, приносим в жертву воспитанию наших детей.

Просвещение ума и образование есть для нас не цель высокая жизни, а только средство, и то, наверное, к улучшению материального быта.

Правда, мы за то и страдаем и недовольством, и недоверием друг к другу.

Желая прогресса по-своему, мы бросились, с какой-то жадностью, отыскивать недостатки и злоупотребления в нашем обществе.

Но мы забываем, что одна сатира еще никогда не исправляла общества.

Разрушая, нужно и созидать.

Для исправления, кроме упрека, нужно еще другое — и самое главное — уяснить, сделать сознательным и, по возможности, достижимым тот идеал, к которому каждый, исправляясь, должен стремиться.

Без полного сознания этого идеала, не пробудив готовности со стороны общества сознательно участвовать в достижении его, новое вино будет вливаться в старые мехи, все усилия сделать ветхое новым останутся тщетными, и многозначительность нашего новоселья будет ничтожна.

А выражение этого сознания и готовности должно исходить в воспитании.

Пусть же сочувствующий нашему новоселью родитель, отдавая сына или дочь на попечение Одесского учебного округа, скажет пред судом собственной совести: «Я всем жертвую для воспитания моего дитяти и ничего другого не требую от воспитателей, как того, чтобы они наставили мое дитя быть человеком».

Пусть каждый из питомцев начнет свое образование, следуя словам отца: «не ищи ничего другого, как быть человеком в настоящем значении этого слова».

Пусть каждый наставник, проникнутый высокою целью своего земного назначения, скажет с самоотвержением: «я не ищу ничего другого, как сделать людьми вверенных мне питомцев».

Но как бы ни было велико сочувствие в нашем крае к истинному прогрессу, которого представителем мне так бы хотелось почитать новый лицей, я знаю, что все-таки этот взгляд на воспитание, вызванный новосельем лицея, покажется слишком идеальным, недостижимым и не новым.

Я скажу на это, что истина не стареется, что жизнь без сознательных идеальных стремлений печальна, бесцветна и бесплодна.

И что же, наконец, в моем идеале воспитания выражают слова отца (сыну): ищи быть и будь человеком!

Конечно не новое; напротив — старое и очень старое, но истинное. Конечно, не легко, но достижимое.

Значат ли эти слова действительно, что я добиваюсь невозможного, что я ищу в человеке земного совершенства, мечтательного гражданина вселенной, или тому подобному?

Нет. Человеком, как я его понимаю, может быть каждый, в своем роде, приучившись с ранних лет хорошо пользоваться различными свойствами души, которыми каждого из нас наделил Бог в известной мере.

В деле воспитания главное: намерение и убеждение; они зависят от воспитателей; успех — от Бога.

Все мы, к какой бы нации ни принадлежали, можем сделаться чрез воспитание настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по национальному идеалу человека, нисколько не переставая быть гражданином своего отечества, и еще рельефнее выражая, чрез воспитание, прекрасные стороны своей национальности.

Но все эти идеалы человека, и, следовательно, идеалы воспитания, как бы различно ни проявлялся в них национальный тип, должны иметь одну исходную точку — Откровение.

И так, словами «ищи быть и будь человеком», выражается одна главная мысль воспитания: научите детей с ранних лет подчинять материальную сторону жизни нравственной и духовной.

И так, если отец, сознавая вполне значение этой мысли, скажет сыну: «будь человеком», то это значит, он решает воспитать сына без всякой задней мысли и отдает его в школу из одного глубокого убеждения, что образование необходимо, как пища.

Это значит, что отец, готовый всем жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, твердо уверен, что все прочее в жизни должно прийти само собою; а если и не придет, то он все-таки ничего не потеряет в сущности.

Сын, помня слова отца, с ранних лет приучается видеть в образовании нравственную необходимость и ценить его, как самую жизнь.

Наставник, говоря: «я хочу сделать людьми моих питомцев», значит, решается предпочитать форме дух, мертвой букве живую мысль; значит, в науке он видит не просто один сборник знаний, а мощное средство действовать на нравственную сторону ребенка. Исполняя эти слова, учитель уже не заставит ребенка изучать науку одними устами, но направит ее на развитие той или другой душевной способности детей, и каждый учитель делается вместе и воспитателем.

Наконец, если целое общество повторит эти многозначительные слова всем и каждому из своих сочленов, то оно выразит, что воспитание для всех, без различия условий и состояний, также необходимо, как хлеб и соль, и, при таком убеждении, не пощадит никаких издержек для достижения цели, соберет капиталы, учредит компании для распространения просвещения, обяжет всех содействовать по мере сил, сделает для всех и каждого просвещение обязательным, говоря всем и каждому: «будь человеком».

Вот смысл моего идеала, не нового, но и не недостижимого.

Для достижения нужны: серьезный взгляд на жизнь, полное сознание нравственной необходимости воспитания, содействие духовное и материальное, теплая вера в вечную истину и добро.

И вот, веря в это, надеясь на ваше общее сочувствие и содействие, ожидая этого прекрасного будущего, новый лицей и празднует свое новоселье. Празднует, надеемся, не напрасно. И я не напрасно обращаюсь к вам — правительственные лица края, к вам — преосвященный Владыко, к вам — пастыри церкви, к вам — граждане и родители, к вам — наставники, к вам — учащиеся, прося вас принять к сердцу эти искренние желания, прося вас всех и каждого об участии и содействии истинному просвещению в крае, и скрепляю слабую речь мою словами молитвы ко Всевышнему:

«Да приидет царствие Его!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Крымская война 1854—1855 гг. завершилась осадой Севастополя, которую Меншиков пытался безуспешно пробить. Многие защитники города были моряками, и «гением обороны» являлся генерал Тотлебен, военный инженер. Пережив зиму, к которой они были плохо подготовлены, союзники бросились в морскую атаку и вошли в Азовское море, к востоку от Крыма. В июне французы безуспешно атаквали редуты, но штурм Большого Редана британскими силами (под командованием генерала Симпсона) обернулся поражением. После последней и тщетной русской попытки освобождения Севастополя, следуемой за вторичным британским штурмом Редана, французы маршала Пелиссье захватили Малахов курган. Поражение русских стало теперь уже неотвратимым.

В июне–июле 1854 г. превосходящие силы флота союзников (Англия, Франция, Турция и Сардиния) — 34 линейных корабля и 55 фрегатов (в том числе большинство паровых) блокировали русский флот (14 линейных парусных кораблей, 6 фрегатов и 6 парохо-до-фрегатов) в бухте Севастополя.

В конце августа 1854 г. десантный флот с наземными войсками союзников двинулся к крымским берегам. Численность десантных войск составляла 62 тысячи человек с 134 полевыми и 73 осадными орудиями.

1 сентября 1854 г. была произведена высадка десанта возле Евпатории. После высадки войска союзников двинулись в сторону Севастополя.

Сражение на Альме состоялось 7 (20) сентября; союзники атаковали русскую позицию и, после упорного боя, заставили наши войска отступить. Русские потеряли при этом с лишком 5700 человек, союзники — более 3300 человек. Так как преследования не было, то наши войска успели беспрепятственно отойти на южную сторону Севастополя.

При входе в Севастопольскую бухту затоплено было несколько старых кораблей, чем отнималась у неприятельского флота возможность проникнуть в оную; экипажи большинства остальных судов наших пошли на усиление гарнизона; корабельные орудия стали свозить на берег, для усиления обороны укреплений. Севастополь приготавливался к отчаянной защите.

Имея преувеличенные сведения о силе русских укреплений на северной стороне Севастополя, Сент-Арно решил обойти город и атаковать его южную сторону, которая, по имевшимся сведениям, была укреплена слабо. Вместе с переходом туда союзники приобретали обеспеченную от обхода позицию на Херсонесском полуострове, отличные стоянки для судов в многочисленных бухтах и удобное сообщение с флотом, представлявшим теперь их естественную базу.

Между тем князь Меншиков, опасаясь быть запертым в городе и отрезанным от остальной России, покинул Севастополь и совершил фланговое движение на Бахчисарай. Войска его во время этого движения не раз находились на ближайшем расстоянии от неприятельских, двигавшихся в противоположном направлении; но, благодаря закрытой местности и ночному времени, происходили лишь случайные столкновения мелких частей.

Оборона Севастополя поручена была на первое время адмиралам Нахимову и Корнилову, в распоряжении которых оставалось 18 тысяч человек — преимущественно флотских экипажей. К счастью, в это время распоряжения неприятельского начальства были слабы и нерешительны, вследствие болезни маршала Сент-Арно. 24 сентября (6 октября) французы заняли Федюхины высоты, а англичане — Балаклаву, в бухту которой в то же время вступил их флот. Вслед за тем французы расположились

на западной части Херсонесского полуострова и устроили свою базу в Камышовой бухте.

С 14 (26) сентября начальство над французскими войсками перешло к генералу Канроберу, так как Сент-Арно, уже полуживой, отправился обратно в Константинополь и на пути туда умер. Между тем адмирал Нахимов, командовавший на южной стороне Севастополя, при известии о появлении неприятеля на Федюхиных высотах ожидал немедленного штурма; но союзники, опасаясь больших потерь, на штурм не решались, а приступили к осадным работам. Это доставило русским время перевести большинство войск с северной стороны на южную и деятельно заняться усилением своей оборонительной линии.

Все фортификационные работы велись под руководством инженер-подполковника Тотлебена, сделавшего с этого времени душой обороны. 18 (30) сентября приблизился к Севастополю князь Меншиков со своими войсками и на другой же день прислал подкрепления ободрившемуся гарнизону. Однако, за высылкой этих подкреплений, собственные силы князя настолько ослабели, что он уже не мог действовать в открытом поле и должен был выжидать прибытия свежих войск, отправленных к нему князем Горчаковым, который вообще оказал в этот период времени самую деятельную помощь крымской армии.

Между тем в ночь на 28 сентября (10 октября) французы, расположившиеся под начальством генерала Форе к западу от Сарандинакиной балки, заложили 1-ю параллель в 400 саженей от 5-го бастиона; англичане, ставшие к востоку от названной балки до обрывов Сапун-горы, в следующую ночь отрыли траншеи в 700 саженей от 3-го бастиона; для обеспечения же осадной армии наблюдательный корпус Боске (две французские дивизии) стал на Сапун-горе, имея справа от себя 8 турецких батальонов.

В это время материальная обстановка союзников была очень плоха: холера производила сильные опустошения в их рядах; в продовольствии ощущался недостаток. Чтобы снабдить себя последним, они послали несколько пароходов к Ялте, ограбили город и его окрестности, но по-

живились сравнительно немногим. Во время осадных работ союзники несли много потерь от огня гарнизона и от частых вылазок, производившихся с замечательной отвагою.

5 (17) октября последовала первая бомбардировка Севастополя, как с сухого пути, так и с моря. Во время этой бомбардировки только английским батареям удалось одержать частный успех против 3-го бастиона; вообще же огонь союзников не увенчался удачей, несмотря на громадное количество выпущенных снарядов. Незаменимой потерей для русских была смерть храброго Корнилова, смертельно раненного на Малаховом кургане. Общий урон с нашей стороны состоял из 1250 человек; у союзников выбыло из строя 900—1000 человек.

Бомбардировка никакой пользы союзникам не принесла; напротив, положение их сделалось труднее прежнего, и от надежды на легкое торжество им пришлось отказаться. Напротив того, уверенность русских в возможности успешной борьбы с сильным противником возросла. В следующие за тем дни огонь с обеих сторон продолжался с переменным успехом; однако французы успели значительно подвинуть вперед свои осадные работы. Силы князя Меншикова тем временем постепенно увеличивались, и ему дарованы были права главнокомандующего.

Опасаясь за недостаток в порохе, которого расходовалось огромное количество, и видя быстрое приближение французских работ к 4-му бастиону (наводившее мысль о скором штурме), он решился отвлечь внимание неприятеля диверсией против его левого крыла. С этой целью разрешено было генералу Липранди, с отрядом в 16 тыс. человек, атаковать союзные войска, стоявшие у Балаклавы. Последовавшее сражение желаемых результатов не принесло. Хотя осадные работы несколько замедлились, но бомбардировка продолжалась с прежней силой; главная же невыгода состояла в том, что Балаклавское сражение обратило внимание союзников на их слабую сторону и открыло им виды князя Меншикова.

Уже с 14 (26) октября они приступили к усиленному укреплению Балаклавы и Сапун-горы, и одна француз-

ская дивизия держалась там в постоянной боевой готовности. Осадные работы подвинулись в это время настолько, что союзные генералы уже предполагали решиться на штурм 4-го бастиона. Князь Меншиков, которому планы эти отчасти были известны через дезертиров, предупредил о том начальство севастопольского гарнизона, приказав принять меры на случай штурма. Вместе с тем, так как силы его в это время достигли уже 100 тыс. человек, он решился воспользоваться таким перевесом, чтобы перейти в наступление. К этому побуждало его и крайне тяжелое положение защитников Севастополя, изнемогавших в непрерывной борьбе, а также известие о скором прибытии к союзникам новых подкреплений.

5 ноября состоялось Инкерманское сражение, в котором русские войска имели первоначальный успех, но, несмотря на двукратный численный перевес и проявленную войсками отчаянную храбрость, дальнобойное нарезное оружие союзников склонило чашу весов на их сторону. Русские войска не потеряли бодрости духа, но в них появилось печальное недоверие к своему начальству. Князь Меншиков впал в мрачное настроение и отчаивался в удержании Севастополя и даже Крыма. Император Николай, огорченный неудачей, тем не менее ободрял Меншикова своими письмами.

Хотя к началу 1855 г. русские силы под Севастополем превосходили силы союзников и, несмотря на то что император Николай настоятельно требовал от Меншикова решительных действий, последний медлил и упустил удобные для этого обстоятельства.

Наконец, когда в конце января в Евпаторию прибыл морем турецкий корпус Омер-паши (21 тыс.), то главнокомандующий, опасаясь движения турок к Перекопу или к Севастополю, разрешил генералу Хрулеву, с отрядом в 19 тыс., атаковать Евпаторию.

5 (17) февраля Хрулев сделал попытку овладеть городом, но успеха не имел и, потеряв около 800 человек, отступил. По получении известия об этой новой неудаче император Николай решил сменить князя Меншикова, на место которого назначен был князь Горчаков.

Между тем союзники получили новые подкрепления, вследствие чего силы их под Севастополем возросли до 120 тыс. Кроме того, к ним прибыл искусный французский инженер, генерал Ниель, давший новое направление осадным работам, которые теперь направились главным образом против ключа севастопольской оборонительной линии — Малахова кургана. Для противодействия этим работам русские выдвинулись вперед своим левым флангом и, после упорной борьбы, возвели весьма важные контрапроши: редуты Селенгинский и Волынский и люнет Камчатский. Во время производства этих работ войска узнали о кончине императора Николая.

Союзники понимали важность упомянутых контрапрошей, но первоначальные попытки их против Камчатского люнета (возведенного впереди Малахова кургана) не имели успеха. Раздраженные этими замедлениями, побуждаемые требованиями Наполеона III и голосом общественного мнения Западной Европы, союзные главнокомандующие решили действовать с усиленной энергией. 28 марта (9 апреля) предпринята была вторая усиленная бомбардировка, за которой предполагалось произвести штурм. Адский огонь, продолжавшийся в течение десяти дней, не принес, однако, ожидаемого действия; разрушаемые укрепления за ночь исправлялись их защитниками, готовыми ежеминутно грудью встретить врага. Штурм был отложен; но русские, вынужденные в ожидании его держать резервы под огнем, понесли за эти дни урон более 6 тыс.

Осадная война продолжалась затем с прежним упорством; однако перевес стал склоняться на сторону противников. Вскоре к неприятельским войскам стали прибывать новые подкрепления (в том числе 15 тыс. сардинцев, вступивших 14 (26) января 1855 г. в войну на стороне коалиции), и силы их в Крыму возросли до 170 тыс. Ввиду такого их перевеса Наполеон III требовал решительных действий и прислал составленный им план. Канробер, однако, не нашел возможности выполнить его, и потому главное начальство над войсками передано было генералу Пелисье. Действия его начались отправкой экспедиции в восточную часть Крыма с целью лишить рус-

ских продовольствия с берегов Азовского моря и пресечь коммуникации Севастополя через Чонгарскую переправу и Перекоп.

В ночь на 11 (23) мая 16 тыс. человек отправлено было на кораблях из Камышовой бухты и Балаклавы, а на следующий день войска эти высадились близ Керчи. Начальствовавший русскими войсками в восточной части Крыма барон Врангель (победитель на Чингильских высотах), имея всего 9 тысяч, должен был отступить по Феодосийской дороге, после чего неприятель занял Керчь, вошел в Азовское море и все лето производил нападения на прибрежные населенные пункты, истребляя запасы и предаваясь грабежам; однако, потерпев неудачу под Арабатом и Геническим, он не мог проникнуть в Сиваш, к Чонгарской переправе.

22 мая (3 июня) Пелисье завладел под Севастополем Федюхиными и Балаклавскими горами и долиною реки Черной, после чего задумал овладеть Малаховым курганом. Этому должно было предшествовать овладение передовыми укреплениями нашими: Селенгинским и Волынским редутами и Камчатским люнетом. После 2-дневной жестокой бомбардировки (по счету 3-й) союзники, после упорнейшего боя и громадных потерь, овладели вышеназванными верками. Теперь открыт был доступ к Малахову кургану, и положение осажденного города становилось критическим; между тем боевых запасов, подвозимых с большими трудностями, оказывалось очень мало сравнительно с союзниками, которым все доставлялось морем.

Князь Горчаков терял надежду спасти Севастополь и думал о том, как вывести оттуда гарнизон без больших потерь. Осадные работы неприятеля подвинулись уже на 200 саженей к Малахову кургану и на 115 саженей к 3-му бастиону; жестокий артиллерийский огонь продолжался непрерывно. 6 (18) июня, рано поутру, французы и англичане бросились на штурм названных укреплений, но были отбиты с огромным уроном. Успех этот хотя и ободрил обороняющихся, однако надежда на спасение Севастополя не могла долго поддерживаться.

Осада, временно замедленная неудачным штурмом, продолжалась, и положение изнемогавшего гарнизона

становилось невыносимым; лучшие его предводителиывывали один за другим; еще 7 (19) марта оторвало ядром голову доблестному защитнику Малахова кургана, контр-адмиралу Истомину, 8 (20) июня ранен Тотлебен (хотя он больной еще 2 месяца продолжал издали руководить работами, но руководство это, конечно, не давало прежних результатов); наконец, 28 июня (10 июля) смертельно поражен пулей храбрый Нахимов. Геройские защитники Севастополя, которых, по выражению современников, толкли как в ступке, жаждали решительного боя, способного изменить их положение; к тому же склонялся и сам князь Горчаков.

В последних числах июля прибыли в Крым новые подкрепления (3 пехотные дивизии), а 27 июля (8 августа) получено повеление императора Александра II главнокомандующему собрать военный совет для решения вопроса о «необходимости предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне». Большинство членов совета высказалось за наступление со стороны реки Черной. Князь Горчаков, хотя и не верил в успех нападения на сильно укрепленные позиции противника, однако поддался настояниям некоторых генералов. 4 (16) августа произошло сражение на реке Черной, где атака русских была отбита и они принуждены были отступить, понеся огромный урон. Это ненужное сражение не переменило взаимного положения противников; защитники Севастополя оставались при той же решимости обороняться до последней крайности; нападающие же, несмотря на разрушение севастопольских укреплений и близость к ним своих подступов, не отваживались на штурм, а решили потрясти Севастополь новой (5-й) усиленной бомбардировкой.

С 5 по 8 августа (17—20 августа) огонь 800 орудий осыпал защитников непрерывным градом свинца; русские теряли ежедневно 900—1000 человек; с 9 по 24 августа (21 августа — 5 сентября) огонь был несколько слабее, но тем не менее у гарнизона каждый день выбывало из строя 500—700 человек.

15 (27) августа в Севастополе освятили мост на плотах (в 450 саженьей) через большую бухту, спроектированный

и построенный генерал-лейтенантом А. Е. Бухмейером. Осаждающие между тем, подвинули уже свои работы на ближайшее расстояние к нашим веркам, почти уже разрушенным предшествовавшей адской канонадой.

24 августа (4 сентября) началась 6-я усиленная бомбардировка, заставившая умолкнуть артиллерию Малахова кургана и 2-го бастиона. Севастополь представлял груду развалин; исправление укреплений сделалось невозможным.

27 августа (8 сентября), после жестокого огня, союзники в полдень двинулись на штурм. Через $\frac{1}{2}$ часа французы овладели Малаховым курганом; на всех прочих пунктах обороняющиеся, совершив чудеса храбрости, отбили нападение, однако дальнейшая оборона Севастополя уже не представляла никакой выгоды; в последние дни бомбардировка вырывала из рядов наших по $2\frac{1}{2}$ —3 тыс. человек, и стало очевидным, что держаться при подобных обстоятельствах не было возможности. Поэтому князь Горчаков решил оставить Севастополь и в течение ночи перевел свои войска на северную сторону. Город был зажжен, пороховые погреба взорваны, военные суда, стоявшие в бухте, затоплены. Союзники не решились преследовать нас, считая город минированным, и только 30 августа (11 сентября) вступили в дымящиеся развалины Севастополя.

За 11 месяцев осады неприятель потерял не менее 70 тыс. человек, не считая умерших от болезней; русские — около 83,5 тыс.

Занятие Севастополя не изменило решимости русских продолжать неравную борьбу. Армия наша (115 тыс.) расположилась вдоль северного берега большой бухты; союзные же войска (более 150 тыс. одной пехоты) заняли позиции от Байдарской долины к Чоргуну, по реке Черной и по южному берегу большой бухты. В военных действиях наступило затишье, прерываемое диверсиями неприятеля к разным приморским пунктам.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
-----------------------	---

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ПИСЬМА

I. Письма к А. А. Пироговой	19
II. Письмо к К. К. Зейдлицу	137
III. Письмо к М. Топильскому	160
IV. Из отчетов о действиях сестер	162
V. Исторический обзор о действии Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии с 1 декабря 1854 г. по 1 декабря 1855 г.	169
VI. Письма к Е. М. Бакуниной	194
VII. Воспоминания о Крымской войне	208
1. Из «Начал военно-полевой хирургии»	208
2. О сортировке раненых	260
3. О Крестовоздвиженской общине	274
4. Из «Военно-врачебного дела»	291
5. Из письма к И. В. Бертенсону	294

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ

Вопросы жизни	299
Одесская Талмуд-Тора	333
Быть и казаться	345
Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии других детей?	355
Новоселье лица	362
Приложение	
Историческая справка	371

Николай Иванович Пирогов

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ПИСЬМА

Руководители проекта *И. Петрушкин, А. Тишинин*

Выпускающий редактор *Э. Артемьева-Скворцова*

Технический редактор *И. Кремнев*

Корректоры *Е. Платонова, Т. Серебряная*

Компьютерная верстка *С. Рогальский*

Подписано в печать 25.03.11 г.

Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Чартер». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 21,11.

Заказ № 1115000.

Книжный Клуб Книговек.

127206, Москва, Чуксин тупик, 9.

www.terra.su

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Уважаемые читатели!

Если вы желаете приобрести издания Книжного клуба «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Вступив в Книжный клуб «Книговек», вы также можете приобрести наши книги и знакомиться с новинками. Только члены Клуба получают 6 раз в год иллюстрированный журнал, в котором представлены развернутые статьи о книгах клубной программы, публикуются отрывки из произведений, новости книжного мира, статьи по истории литературы, факты из истории книги, печатного дела, искусства книги; отдельные рубрики посвящены читателям и писателям. Журнал распространяется по всей стране.

Если вы желаете вступить в Книжный клуб «Книговек», просим обращаться по телефону: (495) 737-04-80; или по адресу: 127206, г. Москва, а/я 24, Книжный клуб «Книговек».

Также вы можете заказать книги в интернет-магазине на сайте www.terra.su или www.knigovek.ru.

По вопросам оптовых закупок просьба обращаться по телефону:
(495) 737-04-73.

Мы рады вашим заказам!

Издательство «Книжный Клуб Книговек»
предлагает:

Н. И. Пирогов

Вопросы жизни. Дневник старого врача

(Серия «Золотая библиотека российской медицины»)

Книга великого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова (1810—1881) «Вопросы жизни. Дневник старого врача» является блестящим образцом философской мысли и отображает духовное развитие гениального ученого, выдающегося государственного деятеля, талантливого педагога и пламенного патриота Родины, самоотверженно служившего своему народу.

На страницах «Дневника» описан жизненный путь Пирогова начиная с детских лет, его учеба в Московском и Дерптском университетах, пребывание за границей. Подробно ученым представлены этапы развития своего религиозного мировоззрения, которых в его жизни было несколько. Он размышляет о мироздании, влиянии высших миров на человека и необходимости взаимодействия с этими мирами. Пишет и о важности синтеза научных и метанаучных способов познания. Являясь лучшим педагогом своего времени, Пирогов излагает свои мысли относительно воспитания детей. Немало места уделяется серьезному анализу итогов реформ Александра II и причинам его гибели.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

*Приобрести издания Книжного клуба «Книговек»
можно по телефону: (495) 737-04-80, или по адресу:
127206, г. Москва, а/я 24, «Книжный Клуб Книговек».
Также вы можете заказать книгу в интернет-магазине
на сайте www.terra.su*